

СЕРАЯ ГОРА

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ

СЕРАЯ ГОРА

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Annotation

Саманте Кофер казалось, что ей обеспечена блестящая карьера в солидной юридической фирме на Уолл-стрит, однако когда разразился кризис, ее мгновенно выкинули на улицу. И теперь единственная предложенная ей вакансия — это место юриста в затерянном в горах шахтерском городке Брэйди...

Саманта, решив сменить обстановку и «отсидеться» в провинции в нелегкие времена, думала, что на новом месте ее ждет смертельная скука, но все оказалось иначе.

Брэйди, как и любой маленький городок, скрывает немало опасных тайн, многие здесь готовы пойти на все, чтобы сохранить их.

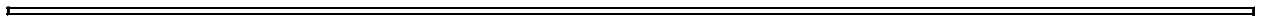
И первое же серьезное дело Саманты ставит под угрозу ее жизнь...

- [Джон Гришэм](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

Джон Гришэм

Серая гора

*Памяти Рика Хембы
(1954–2013).
Прощай, Туз.*

Глава 1

Весь ужас был в этом ожидании — терзали неизвестность, бессонница, язвенная болезнь. Сотрудники игнорировали друг друга и прятались за запертыми дверями. Секретари и юристы распространяли слухи и прятали глаза. Все были на пределе и задавались одним и тем же вопросом: «Кто следующий?» Партнеры, или большие боссы, замкнулись в своих раковинах и избегали общаться с подчиненными. Возможно, скоро они получат приказ отправить их всех на заклание.

А слухи ходили самые невероятные. Десять коллег по судопроизводству утратили свои полномочия — это была правда лишь отчасти, на самом деле только семеро. Целиком закрыли подразделение по разделу имущества, с партнерами и прочим — чистая правда. Восемь партнеров по расследованию антимонопольной деятельности перебежали в другую фирму — вранье, по крайней мере на данный момент.

Словом, атмосфера настолько накалилась, что Саманта при каждом удобном случае выходила из здания и работала с ноутбуком, сидя в одном из многочисленных кафе Нижнего Манхэттена. А как-то раз выдался погожий денек и она сидела на скамейке в парке — через десять дней после падения «Леман бразерс»^[1] — и смотрела на высокое здание по другую сторону улицы. Дом находился по адресу: 110, Брод-стрит, и все его верхние этажи арендовала самая большая в мире юридическая фирма под названием «Скалли энд Першинг». Пока что ее фирма, хотя теперь будущее весьма туманно. Штат насчитывал две тысячи юристов в двадцати странах, только в Нью-Йорке работала половина из них, и около тысячи специалистов размещались здесь, на этажах от тридцатого до шестьдесят пятого. Сколько из них вдруг захотят выброситься из окна? Оставалось только гадать, и подобные мысли приходили не ей одной. Крупнейшая в мире фирма погружалась в хаос вместе со своими конкурентами. Паника охватила не только этот оплот Закона с большой буквы, но и трастовые фонды, инвестиционные банки, обычные банки, страховые компании, Вашингтон, и на самом дне этой пищевой цепочки — торговцев на Мейн-стрит.

Десять дней прошло без кровопролития, и еще один — тоже. А на двенадцатый день вдруг появились проблески оптимизма. Бен, один из коллег Саманты, подхватил слух о том, будто кредитные рынки Лондона понемногу заработали. Так что заемщики могли найти и получить хоть

какие-то наличные. Но позже, в этот же день, слух этот был решительно опровергнут: ничего подобного. И все они снова ждали.

Двое партнеров возглавляли в «Скалли энд Першинг» агентство недвижимости. Один был предпенсионного возраста, и его уже выперли. Второй, Энди Грабмен, был сорокалетней конторской крысой и сроду не переступал порога зала судебных заседаний. Как партнеру, ему полагался уютный офис с видом на Гудзон, правда, отдаленным, и он годами не замечал реку за стеклами окон. На полке за письменным столом, ровно посередине, размещалась его коллекция небоскребов в миниатюре. «Мои домики» — так он их называл. По завершении строительства очередного здания он вызывал скульптора и просил сделать его точную уменьшенную копию, а затем щедро одаривал такими маленькими трофеями каждого из членов «своей команды». За три года работы в «С энд П» в коллекции Саманты накопилось уже шесть таких миниатюрных зданий, но теперь, пожалуй, на этом придется остановиться.

— Присаживайся, — скомандовал Энди и затворил дверь. Саманта уселась в кресло рядом с Беном, по другую руку от него разместились Изабель. Все трое изучали свои ноги и ждали. Саманта ощущала непреодолимое желание схватить Бена за руку — так делает испуганный заключенный при виде расстрельной команды. Энди рухнул в свое кресло и, избегая смотреть им в глаза, но твердо вознамерившись дать оценку ситуации, принялся подводить итоги печальной ситуации, в которой они оказались.

— Как вам известно, две недели назад холдинг «Леман бразерс» приказал долго жить.

Да неужели, Энди? Финансовый и кредитный кризис поставил весь мир на грань катастрофы, и об этом знал каждый. Но, как опять же всем было известно, Энди никогда не отличался оригинальностью мышления.

— У нас в работе пять проектов, и все они финансировались «Леман». Я переговорил с владельцами, и все пятеро отказываются от поддержки проекта. У нас вырисовывались еще три, два с участием «Леман», и один — с «Ллойдом», ну и теперь все кредиты заморожены. Банкиры попрятались в бункеры, боятся одолжить и десять центов.

Да, Энди, представь себе, и это тоже мы знаем. Все на первых полосах газет. Давай заканчивай, и пошли выбрасываться из окон.

— Вчера заседал исполнительный комитет, принял решения по урезанию расходов. Будут уволены тридцать сотрудников-первогодков: кто-то сразу, кому-то дают небольшую отсрочку. Все только что нанятые вылетают немедленно, автоматически. Все договоренности аннулируются.

И, хотя мне нелегко об этом говорить, но все наше подразделение тоже входит в этот блок. Его урезают. Устраняют. Потому что никто не знает, когда владельцы снова начнут строительство. Если вообще начнут. А потому фирме нет смысла держать вас на зарплате, когда весь остальной мир жаждет кредитов. Черт, мы ввергаемся в великую депрессию. И это наверняка только первый этап сокращений. Простите, ребята, мне неимоверно жаль.

Бен заговорил первым:

— Стало быть, мы вылетаем все и сразу?

— Нет. Я ведь боролся за вас, ребята, как же иначе. Поначалу они планировали сразу вручить каждому уведомление об увольнении. Не стану напоминать вам, что наше подразделение самое маленькое в фирме, а потому первым попадает под удар. Но я уговорил их предоставить вам неоплачиваемый отпуск. Уходите прямо сейчас, а потом вернетесь. Возможно.

— Возможно? — спросила Саманта.

Изабель украдкой смахнула слезинку, но в целом держалась неплохо.

— Да, понимаю, надеяться особенно не на что. Но ведь в мире сейчас все так неопределенно, согласна, Саманта? Что толку крутиться, гоняться за собственным хвостом? Занятие бесполезное. Через полгода все мы можем прийти на бесплатную раздачу супа. Видели старые снимки тысяча девятьсот двадцать девятого года?

— Да будет тебе, Энди, какой еще бесплатный суп? В качестве партнера в прошлом году ты заработал 2,8 миллиона долларов и занял в фирме «Скалли энд Першинг» четвертое место по этому показателю. Четвертое место — это, конечно, не бог весть что, во всяком случае, до того, пока не рухнул «Леман», не обанкротился и не лопнул, как воздушный пузырь, «Беар Стернс».^[2] Но в нынешних обстоятельствах четвертое место выглядело очень и очень даже неплохо.

— А что значит неоплачиваемый отпуск? — спросил Бен.

— Сейчас объясню. Фирма не расторгает с тобой контракт на протяжении последующих двенадцати месяцев, но зарплату ты не получаешь.

— Мило, — пробормотала Изабель.

Энди не обратил внимания на эту ее ремарку и продолжил:

— Медицинская страховка сохраняется, но действует только при обращении к квалифицированному бесплатному специалисту. Кадровая служба уже составляет список подходящих вакансий. Вы уходите, трудитесь где-нибудь в благотворительной сфере, спасаете мир, живете

надеждой, что экономика воспрянет из пепла, а потом через год или около того возвращаетесь в фирму и занимаете прежнюю должность. В наше агентство по недвижимости можете и не попасть, но фирма найдет вам место.

— Так нам гарантируется работа по окончании этого самого отпуска? — спросила Саманта.

— Нет, дорогая, ничего не гарантируется. Честно говоря, еще не нашлось такого умника, который мог бы предсказать, что ждет нас в будущем году. Предвыборная кампания в разгаре, Европа летит к чертям собачьим, китайцы взбесились, банки закрываются, рынки рушатся, никто ничего не строит и не покупает. Короче говоря, конец света.

Какое-то время они сидели в мрачном молчании, все четверо раздавленные реальной перспективой конца света. И вот наконец Бен спросил:

— И ты тоже, Энди?

— Нет, меня переводят в налоговую. Можете себе представить? Я ненавижу налоговые службы, но выбора нет — или идти в налоговую, или работать водителем такси. Но у меня степень магистра по налогам, наверное, поэтому меня решили пощадить.

— Мои поздравления, — пробормотал Бен.

— Мне очень жаль, ребята, правда.

— Да нет, я это искренне. Рад за тебя.

— Может, через месяц и оттуда вышибут. Кто его знает.

— И когда мы должны уйти? — спросила Изабель.

— Прямо сейчас. Процедура такова: надо подписать согласие на отпуск, собрать вещи, освободить столы и валить на улицу. Позже кадровики отправят всем по электронной почте список некоммерческих организаций и положенные документы. Мне действительно жаль, ребята.

— Пожалуйста, прекрати нести эту хрень, — сказала Саманта. — Ничем не можешь помочь, так лучше уж помолчи.

— Верно. Но могло быть куда как хуже. Ведь большинству таких же, как вы, сотрудников, никакого отпуска не предоставили. Просто уволили, и все.

— Извини, Энди, — сказала Саманта. — Но, знаешь ли, эмоции переполняют.

— Ничего, я понимаю. Ты имеешь полное право сердиться и огорчаться. Да стоит только посмотреть на вас! Это надо же! Все трое с юридическими дипломами «Лиги плюща», и вас выпроваживают из здания, как каких-то воришек. Вышибают на улицу, как простых рабочих. Все это

ужасно, просто ужасно. Кое-кто из партнеров даже предложил урезать свои зарплаты наполовину, чтобы избежать этого.

— Готов поспорить, таких было немного, — заметил Бен.

— Да, верно. Сколь ни прискорбно, совсем немного. Но решение уже было принято.

Женщина в черном костюме и черном галстуке стояла возле закутка, где Саманта делила «рабочее пространство» с тремя другими сотрудниками, в том числе — с Изабель. Бен работал в другом офисе, чуть дальше по коридору. При виде Саманты женщина попыталась изобразить улыбку и сказала:

— Я Кармен. Могу чем-то помочь? — В руках она держала пустую картонную коробку, без всяких надписей и наклеек, чтобы никто на свете не узнал, что коробка эта предназначена для вещей сотрудника «Скалли энд Першинг», которого отправили в неоплачиваемый отпуск, или попросту вышибли с работы.

— Нет, спасибо, — ответила Саманта и даже удивилась, как вежливо у нее это получилось. Она могла бы огрызнуться, ответить какой-нибудь грубостью, но ведь эта Кармен просто исполняла свои обязанности. И Саманта принялась выдвигать ящики стола и вынимать из них все личные вещи. В одном ящике хранились файлы по работе в «С энд П», и она спросила: — А с этим что делать?

— Они останутся здесь, — ответила Кармен, следя за каждым ее движением, словно Саманта могла стянуть какой-либо ценный предмет.

Но на самом деле все самое ценное хранилось в компьютерах — в стационарном, который стоял на столе, и в ноутбуке, который она повсюду носила с собой. Ноутбук тоже принадлежал «Скалли энд Першинг». Так что и его следовало оставить. Саманта могла бы скачать все данные на свой персональный компьютер, но знала — коды доступа уже поменяли.

Словно во сне она опустошила ящики стола, затем аккуратно сложила в коробку шесть миниатюрных небоскребов из своей коллекции, хоть и была мысль выбросить их в мусорную корзину. Остальные сотрудники — помощники, секретари, юристы — вдруг нашли себе какие-то важные занятия. Протокол усваивался быстро: если кто-то начинает освобождать стол, пусть себе уходит с миром. Никаких свидетелей, и глазеть тут не на что, и обниматься на прощание тоже совершенно незачем.

Глаза у Изабель были красные и припухшие, наверное, бегала в туалет выплакаться. Она прошептала ей на ухо:

— Позвони мне. Сегодня вечером не мешало бы выпить.

— Непременно, — ответила Саманта. Закончила запихивать вещи в коробку, портфель и вместительный дизайнерский рюкзак и, не оглядываясь, промаршировала вслед за Кармен к лифтам на сорок восьмом этаже.

Они стояли и ждали, и Саманта старалась не вертеть головой и не бросать прощальные взгляды вокруг. Двери открылись — к счастью, в лифте никого больше не было.

— Я помогу, возьму вот это. — Кармен указала на битком набитую коробку.

— Нет, — сказала Саманта и вошла в кабину.

Кармен нажала нижнюю кнопку. «Почему это меня вот так выпроваживают из здания?» Чем дольше Саманта размышляла над этим, тем злее становилась. Ей хотелось плакать, хотелось убраться отсюда как можно скорее. Но больше всего хотелось позвонить маме. Лифт остановился на сорок третьем этаже, в кабину вошел прекрасно одетый молодой человек. В руках он держал в точности такую же картонную коробку, через плечо был перекинут широкий ремень сумки, под мышкой зажат кожаный портфель. И взгляд в точности такой же — в нем читались страх и смятение. Прежде Саманта видела его в лифте, но не знала, кто он такой и из какой фирмы. Сотрудники в костюмах фирмы «Маммут» носили бейджики с указанием имени на последней ужасной рождественской вечеринке. Следом за ним вошел охранник в черном костюме, и все сразу стало на свои места.

Кармен снова нажала кнопку первого этажа. Лифт поехал вниз, Саманта уставилась в пол, вознамерившись молчать, даже если с ней кто-то заговорит. На тридцать девятом этаже лифт снова остановился, и в кабину, изучая свой мобильник, вошел мистер Кирк Найт собственной персоной. Двери закрылись, он осмотрелся, увидел две картонные коробки, приоткрыл рот и резко выпрямил спину. Найт был старшим партнером в фирме «Слияние и поглощение», а также являлся членом исполнительного комитета. Неожиданно оказавшись лицом к лицу с двумя своими жертвами, он сглотнул и рванул к двери. Но затем вдруг нажал кнопку двадцать восьмого этажа.

Саманта была слишком подавлена, чтобы наброситься на него с оскорблениями. Мужчина в дорогом костюме стоял с закрытыми глазами. Лифт остановился, Найт пулей вылетел в коридор. Двери закрылись, и тут Саманта вспомнила, что фирма арендует этажи с тридцатого до шестьдесят пятого. Зачем понадобилось Найту выходить на двадцать восьмом? Впрочем, какая разница?

Кармен проводила ее через вестибюль к выходу на Брод-стрит. Робко пробормотала «мне очень жаль», но Саманта не ответила. Нагруженная, как мул, она зашагала по тротуару куда глаза глядят. Потом вдруг вспомнились снимки из газет — на них были запечатлены сотрудники «Леман» и «Беар Стернс», выбегающие из офисных зданий с картонными коробками с таким видом, точно там начался пожар и они спасались от верной гибели. На одном из снимков на первой полосе «Таймс» красовалась крупная темнокожая женщина, сотрудница «Леман», по ее щекам градом катились слезы, она стояла на тротуаре и выглядела такой несчастной и беспомощной.

Но все эти снимки уже не были актуальны, и Саманта камер поблизости не видела. На углу Брод- и Уолл-стрит она поставила коробку на асфальт и стала ловить такси.

Глава 2

Зайдя в свой шикарный лофт в Сохо, обходившийся ей в две тысячи долларов в месяц, Саманта побросала все офисные принадлежности на пол и рухнула на диван. В руке она сжимала мобильник, но звонить никому не хотела. Потом она стала делать глубокие вдохи и выдохи с закрытыми глазами и понемногу успокоилась. Ей было необходимо услышать голос матери, обрести хоть какую-то поддержку, но нельзя допустить, чтобы мама услышала отчаяние и слабость в ее голосе.

Облегчение пришло лишь тогда, когда она вдруг осознала: теперь она освободилась наконец от работы, которую презирала. Сегодня в семь можно будет посмотреть какой-нибудь фильм по телевизору или поужинать с друзьями, а не корпеть весь вечер над бумагами, готовясь к очередному рабочему дню. А в воскресенье — уехать из города без всяких мыслей об Энди Грабмене и целой горе документов, которые следует подготовить к очередной решающей сделке. Ей наконец-то удалось освободиться от «Фирмфона», этого чудовищного маленького гаджета, крепившегося к ее телу на протяжении трех лет. И она чувствовала себя свободной и восхитительно легкой.

Страх был продиктован боязнью потерять доходы и мыслями о смене карьеры. Проработав три года, она зарабатывала 180 тысяч долларов в год — была базовая зарплата, к ней прибавлялись еще и весьма щедрые премиальные. Это были очень хорошие деньги, но жизнь в городе как-то умудрялась сжирать их. Половина отнималась в виде налогов. У нее имелся накопительный счет в банке, но откладывала она на него не слишком часто. Если тебе двадцать девять, ты одинока и свободна, живешь в городе, у тебя есть профессия и ты твердо знаешь, что на следующий год твои доходы превысят нынешнюю зарплату плюс премии, то стоит ли беспокоиться о каких-то там накоплениях? У нее был друг по Колумбийскому университету, он проработал в «Скалли энд Першинг» пять лет, недавно стал младшим партнером и заработает в этом году полмиллиона долларов. И Саманта должна была пойти той же дорожкой.

Но у нее имелись и другие друзья — те, кому удалось вырваться из этого порочного круга через двенадцать месяцев, счастливо распрощаться с ужасным миром Большого Закона. Один теперь работал инструктором-горнолыжником в Вермонте. До этого он трудился редактором в «Коламбия ло ревью», затем — в «С энд П», ушел оттуда и теперь жил в хижине у

ручья и редко отвечал на телефонные звонки. За какие-то тринадцать месяцев пребывания в фирме он превратился из амбициозного молодого сотрудника в почти невменяемого недоумка, спавшего за письменным столом. Успел вовремя уволиться и уехать из города. Саманта часто о нем вспоминала, обычно с некоторым оттенком зависти.

Облегчение, страх и унижение. Ее родители оплатили довольно дорогое подготовительное обучение в одной из престижных школ округа Колумбия. Затем она с отличием окончила университет в Джорджтауне и получила диплом в области политических наук. Потом безо всяких усилий поступила в юридический колледж, который тоже окончила с отличием. И тут же, после того как она прошла стажировку секретарем в федеральном суде, не меньше дюжины крупных фирм предложили ей работу. Словом, первые двадцать девять лет жизни ей сопутствовал почти оглушительный успех, поражений она не знала. То, что ее вышибли с треском и столь бесцеремонно, ужасно угнетало. А то, как ее выводили из здания под присмотром, казалось оскорбительным. Это была не какая-то мелкая шишка, которую можно набить за время в целом успешной карьеры.

Все же в цифрах можно было найти хоть какое-то утешение. Со времени падения «Леман» тысячи молодых профессионалов лишились работы. Несчастье лучше переживать вместе и все такое прочее, но в данный момент она не испытывала сострадания к кому бы то ни было.

— Карен Кофер, пожалуйста, — бросила Саманта в трубку. Она лежала на диване совершенно неподвижно, стараясь дышать ровно.

— Мам, это я. Они это сделали. Уволили меня. — Она закусила нижнюю губу, изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Мне так жаль, Саманта. Когда это произошло?

— Примерно час назад. Вообще-то неудивительно, но верится с трудом.

— Понимаю, детка. И мне неимоверно жаль.

За последнюю неделю они не говорили ни о чем другом, кроме как о возможном увольнении.

— Ты дома? — спросила Карен.

— Да, дома, и в полном порядке. Блит на работе. Я ей еще не говорила. Вообще никому пока не сказала.

— Мне страшно жаль.

Блит была ее подругой и сокурсницей еще по Колумбийскому колледжу, но работала в другой крупной фирме. Они снимали эту квартиру вместе, однако отдалились друг от друга. Когда приходится вкалывать по семьдесят пять или сто часов в неделю, общаться особо некогда. Дела на

фирме Блит тоже обстояли неважно, и она ожидала худшего.

— Со мной все хорошо, мам. Даже отлично.

— Ничего не отлично. Почему бы тебе не приехать домой на несколько дней?

Дом был своего рода движущейся мишенью. Мать снимала очаровательную квартирку неподалеку от Дюпон-серкл, отец арендовал небольшую квартиру в кондоминиуме рядом с рекой в Александрии. Ни в одном из жилищ Саманте не удавалось продержаться больше месяца. А уж сейчас... об этом и речи быть не могло.

— Обязательно приеду, — сказала она, — только позже.

Последовала долгая пауза, затем мама осторожно спросила:

— Какие у тебя планы, Саманта?

— Никаких планов, мам. Сейчас я просто в шоке и дальше чем на ближайший час планировать не в состоянии.

— Понимаю. Жаль, меня нет рядом.

— Все будет нормально, мам. Обещаю. — Последнее, чего ей хотелось в этот момент, так это чтобы мать стояла над душой и давала бесконечные советы, как быть и что делать дальше.

— Тебя уволили окончательно или это временное явление?

— Фирма называет это неоплачиваемым отпуском. Год или два мы числимся в штате, даже сохраняем за собой медицинскую страховку, но зарплаты не получаем. Ну а потом, если все наладится, фирма обещает взять нас обратно на ту же должность.

— Напоминает какие-то жалкие усилия удержать вас на поводке. — Спасибо, мамочка, за прямоту. Карен меж тем не унималась: — Почему ты не послала этих негодяев куда подальше?

— Потому что хотела сохранить медицинскую страховку. И еще хотелось быть уверенной в том, что однажды смогу вернуться.

— Ты можешь найти работу где-то еще. — Мать говорила прямо как заправский бюрократ.

Карен Кофер работала старшим юристом в Министерстве юстиции в Вашингтоне. Всю жизнь проработала там и до сих пор трудилась — вот уже на протяжении тридцати лет. Положение она, как и все ее коллеги, занимала прочное. Несмотря на экономические депрессии, войны, смены правительств, катастрофы национального масштаба, политические волнения и прочие всевозможные бедствия, Карен Кофер регулярно получала зарплату. Именно этим и объяснялось высокомерие множества окопавшихся в своих траншеях бюрократов. *Нас надо ценить, потому что мы абсолютно незаменимы.*

— Нет, мам, — сказала Саманта, — сейчас хорошей работы не найти. Если ты не в курсе или просто забыла, могу напомнить: у нас в стране финансовый кризис, недалеко и до депрессии. Юридические конторы то и дело вышвыривают сотрудников на улицу и запирают двери.

— Ну, не знаю. Сомневаюсь, чтоб дела обстояли так уж плохо.

— Да неужели? В «Скалли энд Першинг» отменили набор новых служащих, а это означает, что дюжина или около того самых талантливых выпускников юридического отделения Гарварда получают уведомления о том, что мест, которые им обещали в сентябре, нет. То же самое касается Йеля, Стэнфордского и Колумбийского университетов.

— Но ведь ты у меня такая талантливая, Саманта.

Спорить с бюрократом бесполезно. Саманта глубоко вздохнула и уже собиралась вежливо распрощаться, когда у Карен прорезался срочный звонок «из Белого дома» и она сказала, что ей надо бежать. Обещала перезвонить тотчас же, как только спасет республику.

— Хорошо, мамочка, — только и осталось сказать Саманте.

Грех было жаловаться, что мать не уделяет ей должного внимания. Саманта была единственным ребенком — в ретроспективе не так уж и плохо, особенно в свете того, что утлую лодочку ее взаимоотношений с родителями так и швыряло по волнам то вверх, то вниз, особенно после того, как они развелись.

День выдался такой ясный, солнечный, погожий, что Саманта решила прогуляться. Она зигзагом двигалась по Сохо, затем — по Вест-Виллидж. Зашла в пустующее кафе и только оттуда позвонила наконец отцу. Маршал Кофер некогда был высокопрофессиональным юристом обвинения, именно от его заключений напрямую зависело, на какую сумму должны оштрафовать авиакомпанию, самолет которой потерпел катастрофу. Затем он создал весьма агрессивную и успешную фирму в округе Колумбия и шесть дней в неделю проводил в гостиницах и самолетах, мотаясь по миру. Занимался расследованиями, представлял интересы пострадавших в судах. Он сколотил целое состояние, сорил деньгами, и еще девочкой Саманта отчетливо ощущала, что ее семья гораздо богаче, чем семьи других детей, с которыми она училась в подготовительной школе округа Колумбия. Отец брался то за одно важное и прибыльное дело, то за другое, мама умудрялась потихоньку воспитывать единственную дочь, но при этом не упускала шанса продвинуться по карьерной лестнице в Министерстве юстиции. Если родители и ссорились, Саманта об том не знала; к тому же отца почти никогда не было дома. В какой-то момент — никто уже точно не помнил, когда именно, — в эту картину вписалась молоденькая и

хорошенькая помощница с неполным юридическим образованием, и Маршал не устоял. Загул перешел в интрижку, интрижка — в роман, и года через два Карен что-то заподозрила. И стала предъявлять претензии мужу, который поначалу все отрицал, но потом сознался. И еще он хотел развода — мотивировал это тем, что встретил наконец настоящую любовь всей своей жизни.

Примерно в то же время, когда в семейной жизни Коферов наступил разлад, Маршал — по случайному совпадению или нет — принял еще несколько неверных решений. Одно из них было связано со схемой получения более высоких доходов через офшоры. В Шри-Ланке разбился «Боинг-747» компании «Юнайтед эйшиа эрлайнс» с сорока американцами на борту. Все пассажиры погибли, и Маршал Кофер умудрился прибыть на место катастрофы первым. Во время переговоров с заинтересованными сторонами он создал несколько фиктивных компаний на Карибах и в Азии, куда можно было переводить деньги, те переводили их друг другу со счета на счет, и проследить за его солидными доходами было сложно.

У Саманты была папка, где хранились газетные вырезки и отчеты по расследованию столь неуклюжей коррупционной деятельности отца. На основе этих материалов можно было бы написать весьма увлекательную книгу, но Саманта не была в этом заинтересована. Отца схватили за руку, он был унижен, его снимками пестрели газетные полосы. Затем его судили и приговорили к трем годам заключения. Из тюрьмы он вышел досрочно за две недели до того, как она окончила университет в Джорджтауне. Сейчас Маршал работал консультантом в ряде мелких фирм в старой части города Александрия. Он говорил, что консультировал юристов, занимавшихся расследованием случаев нарушения гражданских прав, но в подробности не вдавался. Саманта, как и мать, была убеждена, что Маршалу все же удалось припрятать часть нечестно нажитых доходов где-то на Карибах. Впрочем, Карен уже давно прекратила поиски.

Маршал всегда подозревал жену. Карен все отрицала, но сам он был твердо убежден: его бывшая приложила руку к его аресту. Она занимала высокий пост в Министерстве юстиции, знала все ходы и выходы, у нее было много влиятельных друзей.

— Папа, меня уволили, — тихо сказала Саманта в трубку.

Посетителей в кафе не было, но в этот момент мимо как раз проходил бармен.

— О, Сэм, мне так жаль, — сказал Маршал. — Расскажи толком, что произошло.

Насколько она могла судить, тюрьма научила отца только одной

важной вещи. Не состраданию, не терпению, не пониманию, не стремлению прощать или унижить кого-то — словом, ничему тому, что обретает человек, потерпевший подобную жизненную катастрофу. Он остался все таким же жестким и амбициозным, по-прежнему стремился проживать каждый день на полную катушку и сметать любое препятствие, появлявшееся у него на пути. Но по некой неясной причине Маршал Кофер научился прислушиваться хотя бы к собственной дочери. Саманта принялась неспешно рассказывать, он внимал каждому ее слову. Она уверяла его, что все будет нормально. В какой-то момент ей даже показалось, что он вот-вот заплачет.

Обычно он отпускал ехидные замечания по поводу того, насколько неудачное место она выбрала для юридической деятельности. Он ненавидел большие фирмы, потому что боролся с ними на протяжении долгих лет. Он считал их бездушными корпорациями, где нет места подлинному партнерству, нет настоящих юристов, борющихся за интересы своих клиентов. Под рукой у него всегда была импровизированная трибуна, встав на которую, он мог прочесть дюжину проповедей о том, каким злом является Закон с большой буквы. Саманта слышала их все, и у нее не было ни малейшего желания выслушивать их снова.

— Может, мне приехать к тебе, Сэм? — спросил он. — Смогу быть через три часа.

— Нет, пап, спасибо, сейчас не стоит. Дай мне денек-другой. Хочу устроить себе маленькие каникулы, выбраться из города хотя бы на несколько дней.

— Могу поехать с тобой.

— Было бы славно, но только не сейчас. Я в полном порядке, пап, честное слово.

— Ничего ты не в порядке. Тебе нужен отец.

Странно было слышать это от человека, который практически всегда отсутствовал на протяжении первых двадцати лет ее жизни. Но он хотя бы сделал попытку.

— Спасибо, папа. Позже перезвоню. Надо уладить кое-какие дела.

— Я мог бы устроить тебя на работу, — сказал он. — Хорошую, настоящую работу.

Ну вот, снова завел свою шарманку, подумала она, но промолчала. Отец не раз уговаривал ее заняться настоящим делом, то есть попытаться прищучить крупные корпорации за все совершенные ими злодеяния. По мнению Маршала Кофера, каждая компания определенного уровня совершает множество вопиющих грехов, чтоб преуспеть в жестоком мире

западного капитализма. И он считал долгом всех юристов (возможно, даже бывших юристов), в том числе и своим, разоблачать зло и подавать иски против этих фирм целыми пачками.

— Спасибо, пап. Позже перезвоню.

Вот ирония судьбы. С упорством, достойным лучшего применения, отец стремился подключить ее к работе в той ветви юриспруденции, из-за которой сам оказался в тюрьме. Но Саманта никогда не проявляла интереса к судебным заседаниям или конфликтам. Она сама не до конца понимала, чего именно хотела — возможно, какой-нибудь спокойной работы за письменным столом с хорошей зарплатой. Благодаря гендерному подходу и незаурядному уму у нее появился вполне реальный шанс стать партнером в «Скалли энд Першинг». Но чем это закончилось?

Возможно, ей нужна именно такая карьера, а может, и нет. Прямо сейчас ей хотелось одного — побродить по улицам Нижнего Манхэттена, проветриться, чтоб в голове хоть немного прояснилось. Она брела по Трайбеке, ^[3] шли часы. Два раза звонила мать, один раз — отец, но отвечать ему она не стала. Изабель и Бен тоже звонили, но ей не хотелось с ними говорить. Неподалеку от Чайнатауна она оказалась у паба под названием «У Моука», остановилась, заглянула в витрину. Вспомнила, как они с Генри впервые выпивали именно в этом пабе, и ей показалось, что с тех пор прошло сто лет. Познакомились они у общих друзей. Генри был подающим надежды актером, одним из миллиона в этом городе, а она тогда только что поступила на службу в «Скалли энд Першинг». Они встречались около года, потом их отношения рухнули, не выдержав ее загруженности на работе и его безработицы. Генри улетел в Лос-Анджелес, где, по последним сведениям, работал шофером, возил в лимузинах неизвестных актеров, ну и еще немного подрабатывал на стороне, а вот чем именно — не говорил.

При других обстоятельствах она могла бы полюбить Генри. Он располагал временем, привлекательной внешностью, был страстным. А она слишком выматывалась на работе. Явление для женщин, служащих Закону с большой буквы, не столь уж и редкое. Когда им исполняется сорок, они однажды просыпаются и осознают, что по-прежнему одиноки и десять лет прошли как один миг.

Она отошла от паба «У Моука» и направилась на север, в Сохо.

Анна, сотрудница службы занятости, оказалась на удивление расторопна. В пять вечера Саманта получила пространное электронное сообщение с указанием адресов и названий десяти некоммерческих организаций, которые некто счел самым подходящим местом работы для не

претендующих на заработок израненных и оскорбленных душ, вдруг вылетевших из крупнейшей в мире юридической фирмы. Консультант по правовым вопросам в заповеднике в Лафайете, штат Луизиана. Приют для женщин, подвергшихся домашнему насилию, в Питсбурге. Организация «Иммигрантские инициативы» в Тампе. Центр бесплатной юридической помощи неимущим клиентам в Брэйди, штат Виргиния. Общество сторонников эвтаназии из Тусона в Аризоне. Организация помощи бездомным в Луисвилле. Фонд защиты озера Эри. Ну и так далее. Все эти десять вакансий находились в местах, весьма отдаленных от Нью-Йорка.

Саманта долго смотрела на список и прикидывала, стоит ли ей уезжать из города. Она прожила здесь шесть из семи последних лет — три года училась в Колумбийском университете, затем три года проработала в фирме. Какое-то время по окончании учебы работала помощницей федерального судьи в округе Колумбия, но вскоре вернулась в Нью-Йорк. Между жизнью в Вашингтоне и Нью-Йорке без колебаний выбрала последнее.

Но Лафайет в Луизиане? Или Брэйди, штат Виргиния?..

Слишком скучным для столь значимого выбора языком эта Анна пыталась убедить уволенных, что вышеуказанные должности в некоммерческих организациях долго ждать никого не будут, слишком уж их мало. Иными словами — или быстро соглашайся, или позже может и не подвернуться случай переехать в эту дыру и проработать весь следующий год пусть за мизерную, но все же какую-то зарплату. Но Саманта была слишком потрясена, чтоб принимать столь поспешные решения.

Заскочила Блит — поздороваться и разогреть пасту в микроволновке. Саманта уже успела отправить ей эсэмэску с печальными новостями, и ее подруга и соседка по квартире чуть не плакала. Впрочем, через несколько минут Саманте удалось ее успокоить и заверить в том, что жизнь продолжается. Фирма, где трудилась Блит, представляла собой группу контор по сдаче недвижимости под залог, и настроение там царило столь же мрачное, как и в «Скалли энд Першинг». Вот уже несколько дней подруги говорили только о грядущем увольнении. Блит еще не съела и половины пасты, как у нее затрезвонил мобильник. Ее разыскивал партнер-супервайзер. И вот в 18.30 она пулей вылетела из квартиры, торопясь в контору и опасаясь, что ее могут уволить даже за малейшее опоздание.

Саманта налила себе бокал вина, наполнила ванну горячей водой. Лежала, отмокала, отпивала из бокала и наконец пришла к выводу, что, несмотря на приличный заработок, ненавидит Закон с большой буквы и никогда не вернется в эту контору. И никогда больше не позволит, чтобы на

нее орали только потому, что ее нет на работе после заката или перед восходом солнца. Она никогда больше не соблазнится большими деньгами. Она никогда больше не будет... много чего делать.

С финансовой точки зрения дела обстояли не блестяще, но и не так уж плохо. На счету у нее около 31 тысячи долларов, долгов нет, если не считать трехмесячного взноса за аренду квартиры. Если поджаться, начать экономить, ну и еще подрабатывать где-то понемногу, то, возможно, удастся переждать эту бурю. При том условии, разумеется, что не наступит конец света. Она не видела себя в роли официантки или продавщицы обуви, но, с другой стороны, никогда, даже в страшном сне, не могла представить, что ее столь успешная карьера оборвется так внезапно. Да весь город скоро наводнят официантки и продавцы с дипломами о высшем образовании.

Ладно, вернемся к Закону с большой буквы. У нее была цель где-то годам к тридцати пяти стать партнером фирмы, оказаться одной из немногих женщин на самой верхушке этой пирамиды, занять отдельный угловой офис, где бы она сражалась, играла в жесткие игры с парнями. Там у нее был бы секретарь, помощник, несколько юристов-выпускников на подхвате, водитель по вызову, золотая кредитная карточка и дизайнерский гардероб. Лишь тогда сто четыре тяжелые рабочие недели могли бы превратиться в нечто стоящее. Она зарабатывала бы минимум два миллиона в год, пробыла бы на этой должности лет двадцать, потом вышла на пенсию и путешествовала по миру. А где-то на этом пути могла бы подцепить мужа, обзавестись парой ребятишек, и тогда можно было бы считать, что жизнь удалась.

Но все эти планы превратились в прах.

Они с Изабель договорились выпить мартини в холле отеля «Мерсер», в четырех кварталах от ее дома. Пригласили и Бена, но тот недавно женился, к тому же был не в настроении. Отправка в вынужденный неоплачиваемый отпуск по-разному отражалась на людях. Саманта старалась вообще не заикливаться на этом, строила планы, как выжить. Ей повезло, у нее не было долгов за обучение. У родителей оказалось достаточно денег, чтоб дать ей отличное образование. А вот Изабель просто задыхалась под грудой старых долгов и с ужасом смотрела на будущее. Жадно пила мартини, и спиртное быстро ударило ей в голову.

— Я без зарплаты и года не протяну, — нервно сказала она. — А ты?

— Ну, возможно, — ответила Саманта. — Если экономить на всем, питаться только супом, как-нибудь продержусь. И из города уезжать не

собираюсь.

— У меня не получится, — грустно заметила Изабель и отпила еще глоток. — Знаю одного парня из отдела судопроизводства. Его отправили в отпуск в прошлую пятницу. Так вот, он обзвонил пять некоммерческих организаций, и везде ему говорили, что место уже занято. Можешь представить? Тогда он позвонил в службу занятости и устроил скандал, и там сказали, что продолжают работать над списками, отправляют запросы в разные некоммерческие организации в поисках самых низкооплачиваемых должностей. Мало того, что нас увольняют, эта их схема по трудоустройству ни черта не работает. И никому мы не нужны, даже если согласимся работать вообще бесплатно. Плохи наши дела.

Саманта отпила маленький глоток, подержала жидкость на языке, почувствовала легкое онемение.

— Я не намерена соглашаться на этот чертов отпуск.

— А как же тогда медицинская страховка? Хочешь остаться голой и совсем незащищенной?

— Может, и хочу.

— Но если заболеешь, тогда вообще все потеряешь.

— Терять особенно нечего.

— Но это просто глупо, Сэм! — Последовал еще один глоток мартини, на этот раз поменьше. — Выходит, ты напрочь отказываешься от блестящих перспектив в «Скалли энд Першинг»?

— Фирма от меня отказалась. Я ей не нужна, как и ты, и многие другие. Надо найти место работы получше, придумать лучший способ зарабатывать на жизнь.

— Давай за это и выпьем.

Возникла официантка, и они заказали по еще одному мартини.

Глава 3

Саманта проспала часов двенадцать и проснулась с желанием немедленно уехать из этого города. Лежа в постели и разглядывая старые деревянные лучи перекрытий на потолке, она вдруг поняла, что не выезжала с Манхэттена вот уже семь недель. Долгий августовский уик-энд в Саутхемптоне бесцеремонно прервал Энди Грабмен, и вместо того чтоб отсыпаться и ходить на вечеринки, всю субботу и воскресенье она корпела в офисе, перечитывая и анализируя пачку контрактов в фут толщины.

Семь недель. Она быстро приняла душ, запихала в чемодан самое необходимое и ровно в десять утра села в поезд на Пенн-стейшн, перед этим отправив голосовое сообщение на мобильник Блит. Она едет в округ Колумбия на несколько дней. «Позвони, если тебя вышибут с работы».

Поезд катил по Нью-Джерси, и тут ею овладело любопытство. Она отправила имейл в Фонд защиты озера Эри, а потом еще один — в приют для женщин в Питсбурге. Прошло минут тридцать. Никто не отвечал, она читала «Таймс». Ни слова о массовом кровопускании в «Скалли энд Першинг», хотя разговоры об экономическом спаде не стихали. Массовые увольнения в финансовых учреждениях. Одни банки отказываются выдавать кредиты, другие просто закрываются. Конгресс гоняется за собственным хвостом. Обама во всем винит Буша. Маккейн/Пейлин^[4] возлагают ответственность на демократов. Она проверила почту в ноутбуке и увидела еще одно сообщение от неунывающей Анны из службы занятости. Образовалось шесть новых вакансий в некоммерческих организациях. Так что добро пожаловать на работу!

Из женского приюта пришло очень вежливое сообщение. Они благодарили мисс Кофер за проявленный интерес, но место, к сожалению, уже занято. Через пять минут храбрые ребята, борющиеся за спасение озера Эри, ответили примерно так же. Саманта приняла вызов, отослала имейлы по пяти новым адресам, возникшим в списке Анны, затем отправила сообщение ей самой, в котором вежливо советовала тщательнее проверять данные. Где-то на полпути между Филадельфией и Уилмингтоном защитники болот в Луизиане сказали ей «нет». Проект под названием «Сохраним невинность» из Джорджии — тоже. «Иммигрантские инициативы» в Тампе ответили отказом. Не осталось вакансий в «Клиринговой палате по контролю за вынесением и исполнением смертных приговоров», а также в «Бесплатной юридической помощи» из Сент-Луиса.

Нет, но огромное вам спасибо за проявленный интерес. Все вакансии уже заняты.

Семь организаций, а результат ноль. Даже волонтером никуда не устроишься!

Выйдя из поезда на вокзале Юнион-стейшн, располагавшемся неподалеку от Капитолия, она взяла такси, уютно устроилась на заднем сиденье и смотрела в окно, пока машина пробиралась в потоке. Куда ни глянь, правительственные здания тянутся квартал за кварталом, штаб-квартиры тысяч разных организаций и ассоциаций, затем пошли отели, сверкающие новенькие кондоминиумы, просторные офисные здания, битком набитые юристами и лоббистами. Тротуары так и кишат людьми, все куда-то торопятся, снуют взад-вперед, стремятся преуспеть в своем бизнесе в то время, как мир повис на краю пропасти. Первые двадцать два года жизни она провела в округе Колумбия, но сейчас эта жизнь казалось ей такой скучной! Нет, разумеется, она привлекала талантливых и умных молодых людей, но все они говорили только о политике и недвижимости. Лоббисты — вот худшая человеческая порода. Их расплодилось просто немерено, по численности они превосходили юристов и политиков, вместе взятых, именно они и правили этим городом. Это они главенствовали в конгрессе и контролировали денежные потоки и за коктейлями и обедами до смерти утомляли вас подробностями своих последних героических усилий по обеспечению населения свининой или переписки какой-то закорючки в налоговом законодательстве. Все друзья ее детства и одноклассники по Джорджтауну получали зарплату, к которой были приплюсованы федеральные доллары. Да что там далеко ходить, ее мать получала 145 тысяч в год, работая юристом в Министерстве юстиции.

Саманта не знала, как именно зарабатывает деньги отец. Она решила вначале заехать к нему. Мама торчала на службе весь день, до темноты домой точно не вернется. Саманта заскочила на квартиру к матери, оставила там чемодан, потом на том же такси поехала через Потомак в так называемый Старый город в Александрии. Отец уже ждал, встретил ее улыбкой и крепкими объятиями. Он успел переехать в куда более симпатичное новое здание и переименовать свою фирму в «Кофер групп».

— Звучит как шайка лоббистов, — заметила Саманта, оглядывая просторную приемную.

— О нет, — возразил ей Маршал. — Мы стараемся держаться от этого цирка подальше. — И он махнул рукой в сторону окна с таким видом, точно считал весь округ Колумбия каким-то гетто. Затем они двинулись по коридору, и он распахивал двери и показывал маленькие офисы.

Так чем именно ты занимаешься, папочка? Но она решила отложить этот вопрос на потом. Он провел ее в просторный угловой кабинет с видом на реку Потомак, правда, отдаленным, но не таким, как у Энди Грабмена из той, уже прежней ее жизни. Они уселись в кожаные кресла за журнальным столиком, отец попросил секретаршу принести кофе.

— Ну, как ты? — с искренним беспокойством спросил он и положил ей руку на колено, точно она только что упала с лестницы.

— Я в порядке, — ответила Саманта и вдруг почувствовала, что в горле встал ком. «Держись, не позволяй себе этого». Она сглотнула и продолжила: — Это произошло так внезапно. Месяц назад дела шли просто прекрасно, все катилось по накатанной дорожке, никаких проблем. Да, работы было много, но ведь любая такая контора — это соковыжималка, сам знаешь. А потом вдруг поползли слухи. Отдаленный бой барабанов, возвещающий об опасности. Ну а затем все рухнуло. Так неожиданно.

— Да, именно. Прямо как гром среди ясного неба.

Секретарша внесла кофе на подносе, поставила на столик и затворила за собой дверь.

— Читала Тротмена? — спросил он.

— Кого?

— Раз в неделю публикует аналитические заметки в прессе о рынках и политике. Вот уже какое-то время живет здесь, в округе Колумбия, и очень хорош в своем деле. Полгода тому назад предсказал кризис банковской ипотечной системы, написал, что предпосылки к нему складывались годами, ну и так далее. Говорил, что этот пузырь непременно лопнет и тогда наступит масштабная рецессия. И посоветовал всем игрокам уходить с рынков, со всех рынков.

— И ты ушел?

— Ну, вообще-то я никогда не был привязан к рынкам. А если б и был, вряд ли последовал бы его совету. Ведь полгода назад все мы жили в счастливом заблуждении, что все стабильно, что цены на недвижимость никогда не упадут. Кредиты были дешевы, как грязь, все кругом только и делали, что брали займы. Пределов не было.

— Ну а что теперь говорит Тротмен?

— Не ликует по поводу своей правоты, просто советует властям, что надо делать. Он предсказал масштабную рецессию и мировой финансовый кризис, но непохожий на депрессию 1929 года. Он считает, что рынки рухнут наполовину, сильно возрастет безработица, выборы в ноябре выиграют демократы, пара крупных банков обанкротятся, в обществе будут царить страх и неуверенность, но мировая экономика выживет. А что

говорят у вас, на Уолл-стрит? Ведь ты находишься в самой гуще событий. Вернее, находилась.

На нем были черные мокасины с кисточками — любимая его обувь. Темный костюм, возможно, пошит на заказ, как и в те дни, когда он процветал. Из камвольной шерсти, очень дорогой. Шелковый галстук с безупречным узлом, на манжетах запонки. Когда Саманта впервые навестила отца в тюрьме, на нем была рубашка цвета хаки и грязно-оливковый комбинезон, стандартная тюремная роба, и он жаловался, что жутко скучает по своему привычному гардеробу. Маршал Кофер всегда любил хорошую одежду, и вот теперь, судя по всему, вновь мог тратить на нее немало денег.

— Да ничего, только паника, — сказала она. — Вчера, если верить «Таймс», двое покончили самоубийством.

— Да, кстати, а ты завтракала?

— Съела сандвич в поезде.

— Тогда приглашаю тебя пообедать.

— Сегодня обещала пообедать с мамой, а вот завтра можем пойти с тобой на ленч.

— Договорились. Ну как там Карен? — спросил он.

Послушать его, так можно подумать, что родители по-приятельски болтают по телефону минимум раз в месяц. А по словам матери, созванивались они не чаще раза в год. Маршал хотел бы наладить дружеские отношения с бывшей супругой, но у Карен всегда находилась отговорка — слишком занята. И Саманта никогда не пыталась установить между ними перемирие.

— Думаю, что в полном порядке. Много работы и все такое прочее.

— С кем-нибудь встречается?

— Я не спрашиваю. Ну а у тебя как на личном фронте?

Молодая и хорошенькая помощница бросила Маршала через два месяца после того, как он оказался в тюрьме, так что он уже много лет жил в одиночестве. В одиночестве, но редко один. Ему было уже почти шестьдесят — все еще крепкий стройный мужчина с красивой сединой в волосах и сражающей наповал улыбкой.

— О, я все еще в игре, — ответил он со смешком. — Ну а ты? Есть кто стоящий на примете?

— Нет, пап, боюсь, что нет. Последние три года словно в пещере прожила. И жизнь пролетала мимо. Мне двадцать девять, и я вновь превратилась в девственницу.

— Нечего было поступать на эту работу. Ты здесь надолго?

— Только что приехала. Так что пока не знаю. Я говорила тебе об этой их схеме, отпуске без содержания. Так вот, думаю отказаться.

— Иными словами, ты добровольно уходишь на год, а потом можешь поступить на ту же работу в той же должности?

— Ну да, вроде того.

— Плохо пахнет. Ты ведь не доверяешь этим ребятам, верно?

Она глубоко вздохнула, отпила глоток кофе. Беседа принимала оборот, которого она опасалась, просто не могла говорить на тему, от которой уже тошнило.

— Нет, не очень. Честно скажу, не доверяю партнерам, которые управляют «Скалли энд Першинг». Нет.

Отец уже радостно кивал, был с ней полностью согласен.

— И ты действительно не хочешь возвращаться к ним, ни сейчас, ни по истечении двенадцати месяцев? Я правильно понимаю?

— Не знаю, как буду относиться к этому через двенадцать месяцев, но не слишком верю в светлое будущее нашей фирмы.

— Верно, верно. — Он поставил чашку с кофе на стол, наклонился вперед. — Послушай, Саманта, могу предложить тебе работу здесь, у меня. Оплачивается прекрасно, будет чем заняться год или около того. Ну, до тех пор, пока ситуация не прояснится. Не знаю, может, и решишь остаться, может, нет, но времени будет достаточно, чтобы определиться. Это не связано с чисто юридической деятельностью... впрочем, не слишком уверен, что ты занималась только ею последние три года.

— Мама говорила, что у тебя два партнера и оба лишены адвокатских лицензий.

Он изобразил смешок: правда была не слишком лицеприятна.

— Неужели? Карен так говорит? Вообще-то верно, Саманта, нас тут всего трое, все были осуждены, приговорены, лишены адвокатских лицензий, отсидели сроки. Но, к счастью, полностью реабилитированы.

— Прости, пап, но как-то не представляю себе работу в фирме, которой руководят три лишенных лицензий адвоката.

Улыбка на лице Маршала увяла. Он ссутулился, опустил плечи.

— Это ведь не юридическая фирма, верно?

— Нет. Мы не практикуем, потому что лицензий так и нет.

— Тогда чем же вы занимаетесь?

Он резко откинулся на спинку кресла и ответил:

— Мы зарабатываем кучу денег, дорогая. Работаем консультантами.

— Консультировать может каждый, пап. Кого именно консультируете, чем помогаете?

— Знакома с таким понятием, как спонсоры судебных тяжб?

— Боюсь, нет. Точно не скажу.

— Тогда слушай. Спонсоры судебных тяжб — это частные компании, которые собирают деньги от инвесторов с целью организовать крупную судебную тяжбу. Ну, к примеру, какая-нибудь маленькая фирма по программному обеспечению убеждена, что очень крупная фирма, ну, допустим, «Майкрософт», украла у них разработки. Но куда там маленькой фирмочке тягаться с такой акулой бизнеса, как «Майкрософт», и добиться, чтобы дело рассматривалось в судебном порядке. Это просто невозможно. И вот тогда маленькая фирма обращается в фонд, к спонсорам, они изучают дело и, если видят перспективу, выделяют весьма солидные суммы на оплату судебных расходов. Десять миллионов, двадцать миллионов, неважно, сколько именно. Это большие деньги. И, разумеется, этот фонд выговаривает себе процент на случай благоприятного исхода. Борьба идет честная, и чаще всего проблема решается в досудебном порядке. И наша работа состоит в том, чтобы консультировать эти самые фонды, советовать им, стоит ли ввязываться в конкретные дела. Далеко не все потенциальные иски можно довести до суда, даже в этой стране. И оба мои партнера — должен отметить, акционерами они не являются — также выступают экспертами по каждой конкретной судебной тяжбе, имеют право, пусть их и лишили адвокатских лицензий. И наш бизнес просто процветает, несмотря на эту так называемую рецессию. Вообще-то мы даже склонны считать, что нынешняя ситуация способствует процветанию нашего бизнеса. Многим банкам грозят судебные тяжбы, им предъявляют иски на огромные суммы.

Саманта молчала, пила кофе и напоминала себе, что слушает человека, который некогда на регулярной основе умасливал судей миллионными взятками.

— Ну, что скажешь? — спросил Маршал.

Все это звучит чудовищно, подумала Саманта. И продолжала хмуриться, словно пребывала в глубоком раздумье.

— Любопытно, — наконец выдавила она.

— Мы видим большой потенциал для роста, — сказал Маршал.

Да, и что касается трех бывших заключенных, — это лишь вопрос времени, когда за них возьмутся всерьез.

— Я ни черта не понимаю в этом спонсировании судебных тяжб, пап, — сказала она. — Всегда старалась держаться подальше. Я ведь больше по финансовой части, или забыл?

— Да ты быстро все освоишь. Я тебя научу, Саманта. Даже поймашь

кайф. Стоит только начать. Попробуй поработать хотя бы несколько месяцев, пока не разберешься, что к чему.

— Но ведь меня еще не лишили адвокатского звания, — заметила она. Тут оба они рассмеялись, хотя ничего смешного в этом не было. — Ладно, я подумаю, папа. Спасибо тебе.

— Ты прекрасно справишься, точно говорю. Сорок часов в неделю, прекрасный офис, славные люди. Уж куда как лучше, чем эти крысиные бега в Нью-Йорке.

— Но Нью-Йорк — это мой дом, пап. Нью-Йорк, а не округ Колумбия.

— Ладно, хорошо. Не буду на тебя давить. Предложение остается в силе.

— И я это ценю.

Тут в дверь постучала, а потом заглянула секретарша.

— Совещание в четыре, сэр.

Маршал взглянул на часы, нахмурился.

— Буду через минуту, — пообещал он, и секретарша исчезла.

Саманта взяла сумочку.

— Мне пора, — сказала она.

— Не спеши, дорогая. Можешь подождать меня здесь.

— Но ведь ты занят, а я не хочу мешать. Увидимся завтра за ленчем.

— Отлично проведем время. Передай привет Карен. И с ней тоже хотелось бы повидаться.

Тут никаких шансов.

— Конечно, папа. Ну, до завтра.

У двери они обнялись, и Саманта поспешила уйти.

Восьмой отказ пришел от общества защиты Чесапикского залива^[5] в Балтиморе, девятый — от каких-то активистов, отстаивающих уникальную рощу из секвой в северной Калифорнии. Никогда еще за всю свою успешную жизнь Саманта Кофер не получала от работодателей столько отказов ни за день, ни даже за неделю. И не была уверена, что перенесет еще и десятый.

Она пила кофе без кофеина в кофейне при книжном магазине «Крамербукс», что неподалеку от Дюпон-серкл, тянула время и обменивалась электронными сообщениями с друзьями. Блит еще не уволили, но все могло измениться в любую секунду. Ходили слухи, что ее фирма, четвертая по величине в мире, тоже увольняет сотрудников направо и налево и тоже придумала какую-то схему с неоплачиваемыми отпусками и предложениями поработать в некоммерческих организациях. Блит

писала: «Вроде бы уже около 1000 человек вылетело, стучатся во все двери, ищут работу».

Саманте не хватало мужества признаться, что ее шансы на трудоустройство составляют ноль к девяти.

А затем вдруг прорезался номер десять. Это было краткое сообщение от некой Мэтти Уатт из Центра бесплатной юридической помощи неимущим клиентам в Брэйди, штат Виргиния. «Если можете сейчас говорить, позвоните мне на мобильник». Тут же прилагался номер телефона. После девяти категоричных отказов это походило на приглашение на церемонию инаугурации.

Саманта глубоко вздохнула и отпила еще глоток кофе. Огляделась по сторонам — убедиться, что никто ее не слышит и что все посетители заняты своими делами, — и набрала номер телефона.

Глава 4

Центр бесплатной юридической помощи неимущим был низкобюджетной организацией и располагался в помещении заброшенного склада металлоизделий на Мейн-стрит городка Брэйди, штат Виргиния, с населением в двадцать две тысячи человек и тенденцией к неуклонному его снижению. Брэйди находился на юго-западе Виргинии, в Аппалачах, шахтерском районе. От процветающего округа Колумбия и окраин северной Виргинии Брэйди находился на расстоянии трехсот миль, а по развитию отставал лет на сто.

Мэтти Уатт была исполнительным директором центра со дня основания этой организации — то есть вот уже двадцать шесть лет. Она ответила на звонок и сухо бросила в трубку:

— Мэтти Уатт.

Робкий голосок на другом конце линии произнес:

— Это Саманта Кофер. Я только что получила ваш имейл.

— Спасибо за звонок, мисс Кофер. Я получила ваш запрос сегодня днем наряду с другими. Похоже, что дела в больших юридических фирмах складываются не лучшим образом.

— Пожалуй, что так.

— Что ж, у нас никогда не было интерна из крупной нью-йоркской фирмы, но такая помощь, безусловно, здесь не лишняя. У нас хватает бедных людей с серьезными проблемами. Никогда не бывали на юго-западе Виргинии?

Саманта не бывала. Ей довелось повидать мир, но до Аппалачей она так и не добралась.

— К сожалению, нет, — вежливо ответила она.

Голос Мэтти звучал приветливо, и Саманта решила, что эта дамочка оценит хорошие манеры.

— Стало быть, небольшая встряска вам не повредит, — заметила Мэтти. — Послушайте, мисс Кофер, сегодня мне прислали сообщения три претендента, но трех мест для каких-то неизвестных новобранцев у нас нет, понимаете, о чем я? Так что единственный способ выбрать — это собеседование. Не могли бы вы приехать, заодно и оглядеться? Те двое сказали, что постараются. Один вроде бы из вашей фирмы.

— Да, конечно, я смогу приехать, — сказала Саманта. А что еще она могла сказать? Любой намек на то, что ей не слишком хочется тащиться в

какую-то дыру — и она получит уже десятый по счету отказ. — Когда вам было бы удобно?

— Завтра, послезавтра, когда хотите. Не думаю, что меня завалят предложениями уволенные из крупных фирм юристы, ведь работа не оплачивается. Однако внезапно возникла конкуренция за такие места, потому, думаю, чем скорее, тем лучше. Нью-Йорк отсюда не близко.

— Вообще-то я сейчас в Вашингтоне. Так что, наверное, смогу быть завтра днем.

— Идет. У меня не так много времени на собеседования, а потому, скорее всего, найму первого, кто появится, а остальные получают отказ. Но, конечно, при условии, что мне этот первый понравится.

Саманта на секунду-другую зажмурилась и попыталась представить все в перспективе. Буквально вчера утром она явилась в свой офис в крупнейшей юридической фирме, которая прекрасно ей платила и обещала долгую и успешную карьеру. И вот теперь, через тридцать часов, она, безработная, сидит в кафе при магазине «Крамербукс» и пытается устроиться на временную неоплачиваемую работу в какой-то провинциальной дыре, куда не ступала нога цивилизованного человека.

Мэтти меж тем продолжила:

— Ездила в прошлом году на конференцию в Вашингтон, дорога заняла шесть часов. Как думаете, успеете подъехать завтра к четверем дня?

— Конечно. Тогда до завтра. И спасибо вам, мисс Уатт.

— Нет, это вам спасибо, и еще я просто Мэтти.

Саманта порылась в Интернете и нашла сайт этой компании по оказанию юридической помощи. Миссия ее была проста: «Оказание бесплатных юридических услуг клиентам с низкими доходами в юго-западном районе Виргинии». Сфера услуг тоже была определена достаточно четко — в области семейных споров, снижения долговых обязательств, в медицинской помощи и образовании, а также в получении пособий в случае тяжелых легочных заболеваний. Ее юридическое образование с натяжкой соответствовало нескольким из этих пунктов, ее карьера — никоим образом. Криминальными вопросами контора не занималась. Помимо Мэтти Уатт в ней трудились: еще один адвокат, помощник без диплома юриста и секретарь в приемной — все женщины.

Поначалу Саманта решила, что неплохо было бы обсудить все с мамой, но затем отказалась от этой идеи. Своей машины у нее не было, да и, если уж быть до конца честной, страшно не хотелось тратить время на поездку до Аппалачей. Куда как привлекательней работать официанткой в Сохо. Она посмотрела в ноутбук, где возник еще один вежливый отказ —

от приюта для бездомных в Луисвилле. Десять отказов за день! Нет, это уж слишком, придется отказаться от идеи спасения мира.

Карен Кофер приехала в «Фаерфлай» в начале восьмого. Обняла свою единственную дочь, глаза ее увлажнились, и слова сочувствия снова полились потоком. Саманта попросила ее остановиться. Они подошли к стойке, заказали по бокалу вина и пили его в ожидании, когда им подготовят столик. Карен было пятьдесят пять, и старела она красиво. Большую часть наличных тратила на наряды и всегда была одета не просто модно, а даже шикарно. Насколько Саманта помнила, мать всегда сетовала на отсутствие стиля в одежде своих коллег по министерству, видно, считала, что должность обязывает. Вот уже десять лет она была в разводе, недостатка в поклонниках не испытывала, но найти единственного дорогого сердцу мужчину почему-то не получалось. Ни один не годился по той или иной причине. По привычке она смерила дочь взглядом с головы до пят, от сережек до туфель, и, судя по всему, осталась недовольна. Без комментариев. Но Саманте было все равно. В эти тяжелые дни ее волновало совсем другое.

— Папа передавал тебе привет, — сказала она в надежде повернуть беседу в другое русло, а не выслушивать, какие вопросы сегодня обсуждались в министерстве.

— О, так вы виделись? — Карен приподняла брови — радар просигналил тревогу.

— Да. Заходила к нему в офис. Похоже, дела у него идут неплохо, выглядит отлично и, по его словам, расширяет бизнес.

— Тебе работу предлагал?

— Да. Хоть завтра могу выйти. Сорок часов в неделю, свой кабинет, вокруг прекрасные люди.

— И все до одного лишены права вести адвокатскую деятельность. Тебе это известно?

— Да, он сказал.

— Строят из себя законопослушных овечек. Надеюсь, ты не собираешься поступать на работу к Маршалу. Это банда воров, и вскоре их шайку-лейку наверняка прикроют.

— Ты что, за ними следишь?

— Ну, скажем, у меня есть друзья, Саманта. Много друзей, и работают они в нужных местах.

— И ты хочешь, чтоб он снова сел?

— Упаси бог, дорогая. Я с твоим отцом покончила раз и навсегда. Мы

расстались давным-давно, мне понадобилось немало времени, чтобы пережить это. Он утаил доходы, обманул меня при разводе. Но я махнула на это рукой. На жизнь не жалуюсь, все у меня отлично, и не хочу тратить энергию на Маршала Кофера.

Они потягивали вино из бокалов и смотрели, как суетится за стойкой бармен, симпатичный парень лет двадцати с небольшим в черной, обтягивающей фигуру футболке.

Метрдотель подвел их к столику, официант поставил графин воды со льдом. Они остались вдвоем, и Карен сказала:

— Мне так жаль, Саманта. До сих пор не могу в это поверить.

— Ну, мама, пожалуйста! Не надо больше об этом.

— Понимаю. Но я ведь твоя мать, и я так огорчена, что ничего не могу с собой поделать.

— Послушай, не одолжишь мне машину на пару дней?

— Да, конечно, бери. С чего это тебе вдруг понадобилась моя машина?

— В Брэйди, штат Виргиния, есть контора по оказанию юридической помощи. Ну, одна из благотворительных организаций в моем списке. Вот и подумываю съездить туда, осмотреться. Возможно, это напрасная трата времени, но делать все равно особенно нечего. И завтра тоже. Так почему бы не съездить, а заодно хоть немного проветриться?

— Но бесплатная юридическая помощь?..

— Почему нет? Там будет собеседование для интернов. Если не получу это место, останусь безработной. Если получу, смогу уйти в любое время, если не понравится.

— И ничего не платят?

— Ничего. Это обязательное условие. Но если буду находиться на этой должности год, то смогу удержаться в системе.

— Но ты наверняка сможешь найти место в какой-нибудь хорошей маленькой фирме в Нью-Йорке.

— Мы это уже обсуждали, мам. Большие юридические фирмы резко сокращают штаты, маленькие вообще закрываются одна за другой. Ты не знаешь, какая истерия царит сейчас на улицах Нью-Йорка. Ты в безопасности, тебе ничего не грозит, и ни один из твоих влиятельных друзей работы не потеряет. А в реальном мире — ничего, кроме страха и хаоса.

— Так я, по-твоему, в нереальном мире, что ли?

К счастью, в этот момент вернулся официант и пустился в долгое перечисление фирменных блюд. Когда он ушел, они допили вино и какое-то время разглядывали публику за соседними столиками. Наконец Карен

сказала:

— Вот что, Саманта. Думаю, ты совершаешь ошибку. Ты не можешь просто так уехать, исчезнуть на целый год. Как же твоя квартира? Как друзья?

— Мои друзья теперь такие же безработные, как и я, ну, большинство из них. Да и друзей у меня не так уж и много.

— Не нравится мне все это. Не нравится.

— Ну, хорошо, мам. А какие еще варианты? Устроиться в «Кофер-групп»?

— Боже упаси. Только этого не хватало, закончить жизнь в тюрьме.

— А ты будешь ко мне приходить? Его не посещала.

— Еще чего! И в голову не приходило. Знаешь, я даже обрадовалась, когда его посадили. Когда-нибудь поймешь меня, дорогая, если мужчина вдруг выбросит тебя, как ненужную вещь, ради другой женщины. Не дай бог, чтобы такое с тобой случилось.

— Ладно, это я еще могу понять. Но ведь прошло столько лет...

— Кое-что никогда не забывается.

— А ты пыталась забыть?

— Послушай, Саманта, каждому ребенку хочется, чтобы его родители были вместе. Это основной инстинкт выживания. А когда родители расстаются, ребенок мечтает, чтобы они остались хотя бы друзьями. Одним это удастся, другим — нет. Я не желаю находиться в одном помещении с Маршалом Кофером и предпочитаю вообще о нем не говорить. Так что давай оставим эту тему.

— Что ж, по крайней мере, это честно. — Саманта замолчала, сидела и размышляла, но тут ее отвлекли. Официант подал салаты, они заказали бутылку вина.

— Как там Блит? — спросила Карен, которой не терпелось сменить тему.

— Переживает, волнуется, но работу пока сохранила.

Несколько минут они говорили только о Блит, затем — о мужчине по фамилии Форест, который на протяжении месяца присутствовал в жизни Карен. Он был на несколько лет моложе ее, именно таких она и предпочитала, но роман не сложился. Форест был юристом-советником, участвовал в предвыборной кампании Обамы, и постепенно беседа матери и дочери перетекла в русло политики. За бутылкой вина они оживленно обсуждали первые президентские дебаты. Саманта скептически относилась к выборам, Карен уверяла, что ее работа с политикой никак не связана. А потом вдруг сказала:

— Совсем забыла, что у тебя нет машины.

— Ну, все эти годы она была мне не очень-то и нужна. Могла бы взять в аренду на несколько месяцев, если бы вдруг понадобилась.

— Знаешь, как-то совсем вылетело из головы. Моя мне нужна завтра вечером. Еду в Маклин, играть в бридж с друзьями.

— Ничего страшного. Возьму напрокат на пару дней. Чем дольше думаю об этом, тем больше хочется отправиться в долгий путь в одиночестве.

— А сколько туда добираться?

— Шесть часов.

— До Нью-Йорка можно доехать за шесть часов?

— Нет, завтра у меня другой маршрут.

Тут принесли закуски. Обе они к этому времени уже умирали с голоду.

Глава 5

Чтобы взять напрокат «тойоту-приус», у Саманты ушел час, и вот теперь она ехала по запруженным машинами улицам города, вцепившись обеими руками в руль и то и дело поглядывая в зеркала. Она не сидела за рулем несколько месяцев и чувствовала себя не слишком комфортно. По встречным полосам с окраин к центру потоком катили жители пригородов, то и дело возникали пробки, но движение в западном направлении не было таким плотным. А после того, как позади остался Манассас, трасса и вовсе освободилась, и Саманта наконец расслабилась.

Позвонила Изабель, они посплетничали минут пятнадцать. Накануне в «Скалли энд Першинг» отправили в неоплачиваемые отпуска еще целый ряд сотрудников, вылетел с работы и бывший сокурсник Саманты по юридическому колледжу. Уволили также часть партнеров без долевого капитала. Около дюжины старших партнеров — те, кому до пенсии было рукой подать, — уволились якобы по собственному желанию, но, скорее всего, под дулом пистолета. Вспомогательный штат сократили на 15 процентов. Сотрудники фирмы были парализованы страхом, юристы запирались у себя в кабинетах и прятались под столами. Изабель сказала, что может уехать в Уилмингтон и жить в подвальном помещении в доме сестры, попробует устроиться интерном в какую-то организацию по защите прав ребенка, а в свободное время будет искать работу с неполной занятостью. Она сомневалась, что когда-нибудь вернется в Нью-Йорк, но пока еще рано было строить предположения. Все слишком неопределенно, все вокруг меняется слишком быстро, и никто не сможет сказать, что будет через год. Саманта призналась подруге, что рада избавиться от надоевшей работы в фирме, что теперь наконец свободна.

Потом она позвонила отцу и отменила ленч. Он, похоже, был разочарован, но тут же посоветовал ей не торопиться принимать предложение какой-нибудь дурацкой работы в стране «третьего мира». Снова упомянул, что был бы счастлив видеть ее в своей фирме, и начал уговаривать и давить. Ей пришлось сказать:

— Нет, пап, эта твоя работа мне не нужна, но все равно большое спасибо.

— Ты совершаешь ошибку, Сэм, — не отступал он.

— Я, папочка, совета у тебя не просила.

— А может, зря? Все же прислушайся к человеку умному и опытному.

— Пока, пап. Позже перезвоню.

Возле небольшого городка под названием Страсбург она свернула на автомагистраль номер 81 и влилась в плотный поток фур. Казалось, все они ехали с превышением скорости. Изучая карту, Саманта надеялась на спокойную поездку по свободной трассе до Шенандоа-Вэлли, но на деле оказалась среди громоздких трейлеров, которые так и напирали со всех сторон, несмотря на то что движение здесь было четырехполосным. Этих чертовых фур были тысячи. Время от времени она посматривала на восток, на подножие Голубого хребта, потом — на запад, на Аппалачи. Было первое октября, и листья уже начали желтеть, но любоваться окрестностями при такой ситуации на дороге было бы неразумно. Мобильник звенел, ей поступали сообщения, но она не обращала внимания. Неподалеку от Стаунтона она остановилась возле заведения фастфуда, заказала какой-то не слишком свежий салат. Ела, глубоко вздыхала, прислушивалась к разговорам местных и пыталась успокоиться.

На мобильный пришло сообщение от Генри, ее бывшего любовника, он находился в Нью-Йорке и искал, где бы и с кем выпить. Узнав о плохих новостях, решил посочувствовать. Актерская карьера в Лос-Анджелесе складывалась еще хуже, чем в Нью-Йорке, возить в лимузине актеришек третьего сорта с его-то выдающимся талантом страшно надоело. Он писал, что скучает, часто думает о Саманте, и теперь, когда оба стали безработными, они наверняка смогут проводить больше времени вместе, сочинять и отполировывать до блеска свои резюме и искать объявления о вакансиях. Саманта решила не отвечать ему ни сейчас, ни потом. Ну, разве только если она вернется в Нью-Йорк, ей станет скучно и одиноко и нечего будет делать.

Несмотря на плотное движение и обилие фур, она постепенно начала получать удовольствие от этой поездки в полном одиночестве. Несколько раз пыталась послушать Национальное общественное радио, но новости были все те же — экономический спад, масштабная рецессия. Одни умники предсказывали депрессию, другие считали, что паника скоро уляжется и мир выживет. В Вашингтоне аналитики предлагали прямо противоположные стратегии, обсуждали их, потом отвергали все по очереди и совсем заморочили всем головы. Саманта выключила радио, не отвечала на звонки и ехала в полной тишине, погрузившись в размышления. GPS-навигатор рекомендовал ей съехать с федеральной трассы у Абингдона, штат Виргиния, она с удовольствием прислушалась к этому совету и на протяжении двух часов ехала на запад, в горы. Дороги становились все уже, и Саманта не раз задавалась вопросом: что она

вообще здесь делает? Куда едет и зачем? Что ждет ее в этом Брэйди, штат Виргиния, на что именно она собирается потратить там весь следующий год? Ответ был очевиден — да ни на что. Но все равно, раз уж решилась, надо добраться до места назначения, подвести это маленькое приключение к логическому концу. Тогда, возможно, будет что обсудить и над чем посмеяться позже, в городе, за коктейлями. А может — и нет. В настоящий момент она испытывала облегчение при мысли о том, что вырвалась из Нью-Йорка.

Она въехала в округ Ноланд, свернула на трассу номер 36 и увидела, что дорога стала еще уже. А склоны гор — круче, и листва так и переливалась всеми оттенками желтого и темно-оранжевого. Теперь на дороге совсем не было машин, и чем дальше она углублялась в горы, тем чаще гадала — есть ли здесь какой-то другой путь назад. Похоже, что этот Брэйди находится в самом конце дороги, дальше — тупик. В ушах звенело и потрескивало, и она поняла, что ее маленький красный «приус» медленно поднимается все выше и выше. Обшарпанная табличка на столбе возвестила о том, что она подъезжает к Данн-Спринг с населением 201 человек. И вот она поднялась на холм и проехала мимо автозаправочной станции слева и небольшого магазина справа.

А через несколько секунд на хвосте у нее повисла машина с включенной синей мигалкой. Послышался вой сирены. Саманта запаниковала, ударила по тормозам, отчего полицейская машина едва не врезалась ей в задний бампер. Но она вовремя сориентировалась и съехала на посыпанную гравием площадку у моста. Полисмен подошел к ее двери, она изо всех сил старалась не заплакать, потом схватила телефон, собираясь отправить хоть кому-то экстренное сообщение, но связи не было.

Он пробормотал нечто непонятное, но она все же поняла: полицейский просит показать права. Саманта схватила сумочку, принялась судорожно шарить в ней, нашла и протянула ему водительское удостоверение. Он взял карточку и поднес ее чуть ли не к самому носу, точно зрение у него было совсем никудышное. Только тут она осмелилась поднять на него глаза. Помятые и запачканные форменные брюки цвета хаки, полинялая коричневая рубашка с какими-то нашивками и давно не чищенные черные армейские ботинки на шнуровке. На голове красовалась шляпа вроде той, что носит Медведь Смоки,^[6] и которая была ему велика размера на два и прикрывала верхнюю часть больших оттопыренных ушей. Из-под шляпы торчали пряди черных растрепанных волос.

— Нью-Йорк? — протянул он. Дикция его была далека от совершенства, но воинственный тон не предвещал ничего хорошего.

— Да, сэр. Я живу в Нью-Йорке.

— Тогда почему вы за рулем машины из Вермонта?

— Я взяла эту машину напрокат, — ответила Саманта и достала из бардачка договор с фирмой «Авис». Протянула ему, но полицейский продолжал рассматривать ее водительское удостоверение и даже беззвучно шевелил губами, словно толком не научился читать.

— А что это за штука «приус»? — спросил он, сильно растягивая букву «и».

— Это гибрид марки «тойота».

— Чего?

Саманта ничего не понимала в машинах, но в данный момент это не имело значения. Отсутствие знаний не помешало ей объяснить концепцию гибрида.

— Видите ли, гибрид — это машина, которая ездит на газе и электричестве.

— Скажете тоже.

Ей не приходил в голову более внятный ответ, и, пока он молчал и продолжал разглядывать ее права, она просто сидела и улыбалась. От усердия он скосил левый глаз к переносице. А потом сказал:

— Больно уж шустро ездит. Я остановил вас за то, что вы ехали со скоростью пятьдесят одна миля в час вместо положенных в этой зоне двадцати миль в час. Превышение в тридцать миль! Не знаю, как у вас там в Нью-Йорке или Вермонте, но у нас это называется опасной ездой. Да, мэм, именно так.

— Но я не видела знака ограничения скорости.

— А мне что за дело, мэм, видели вы или нет? Я-то тут при чем?

Впереди показался старый пикап, сбросил скорость, похоже, собирался остановиться. Водитель высунулся из окна и крикнул:

— Да будет тебе, Роуми! Опять ты за свое?

Коп обернулся и рявкнул в ответ:

— А ну вали отсюда, чтоб я тебя не видел!

Пикап стоял на разделительной полосе, водитель снова высунулся и заорал:

— Завязывай с этими своими штучками, парень!

Коп расстегнул кобуру, вытянул из нее черный пистолет и сказал:

— Ты меня слышал. Убирайся отсюда!

Водитель проехал вперед, резко развернулся и умчался прочь. Когда он отъехал ярдов на двадцать, коп поднял ствол к небу. Грянул оглушительный выстрел, эхо разнеслось по всей долине и еще долго отдавалось от склонов

гор. Саманта вскрикнула и расплакалась. Коп проводил пикап взглядом, потом сказал:

— Все о'кей, все нормально. Он вечно вмешивается. Так на чем мы там остановились? — Он убрал пистолет в кобуру и долго играл с застёжкой.

— Я не знаю, — ответила Саманта, вытирая глаза. Руки у нее дрожали. Коп устало вздохнул и повторил:

— Я же сказал, все о'кей, мэ. И так, у вас водительские права из Нью-Йорка, вермонтские номера на этой чудной машинке, и вы превысили скорость на тридцать миль в час. Куда направляетесь?

Да тебе-то что за дело, едва не вырвалось у нее, но она все же сдержалась. Не стоит усугублять, наживать себе лишние неприятности. Она смотрела прямо перед собой, глубоко дышала, старалась успокоиться. А потом наконец ответила:

— Я еду в Брэйди. У меня там собеседование, устраиваюсь на работу. — В ушах у нее продолжало звенеть.

Полицейский хмыкнул и сказал:

— Да никакой работы в Брэйди нет. Точно вам говорю.

— У меня собеседование в Центре юридической помощи малоимущим, — ответила она и стиснула зубы. Собственные слова казались какими-то нереальными.

Тут он растерялся и, похоже, не знал, что делать дальше.

— Что ж, должен вас задержать. Превышение на тридцать миль — это не шуточки. Судья наверняка призовет вас к ответу. Так что должен вас забрать.

— Куда?

— В окружную тюрьму в Брэйди.

Саманта низко опустила голову, потерла виски.

— Ушам своим не верю, — пробормотала она.

— Сожалею, мэ. А теперь вылезайте из машины. Так и быть, разрешу вам поехать на переднем сиденье. — Он стоял подбоченясь, правая рука в опасной близости от кобуры.

— Вы это серьезно? — спросила Саманта.

— Серьезно, как сердечный приступ.

— Я могу позвонить?

— Ни в коем разе. Ну, разве что из тюрьмы. Кроме того, у нас тут все равно не ловит.

— Так, значит, вы арестовываете меня и везете в тюрьму?

— Вы меня правильно поняли. Тут, в Виргинии, свои порядки. Так что

поехали.

— А как же моя машина?

— Приедет эвакуатор и заберет. Что обойдется вам еще в сорок долларов. Поехали.

Мысли у Саманты путались, но другие решения казались ей рискованными, ведь этот тип снова мог достать свою пушку и начать пальбу. Она взяла сумочку и медленно вышла из машины. При росте в пять футов семь дюймов в туфлях на плоской подошве она была дюйма на два, если не больше, выше Роуми. Она подошла к его машине — мигалка продолжала сверкать синими огнями, — взглянула на водительскую дверцу и не увидела на ней опознавательных знаков полиции. Похоже, он уловил ход ее мыслей и поспешил заметить:

— Машина без знаков. Поэтому вы меня и не заметили. Срабатывает безотказно. Садитесь впереди. Так и быть, наручники надевать не стану.

Ей удалось еле слышно выдавить:

— Спасибо.

Это был темно-синий «форд», мало походивший на обычную патрульную машину, и выбросить его на свалку можно было лет десять назад. Переднее сиденье с потрескавшейся виниловой обивкой, из щелей торчали грязные клочья синтетической ваты. В приборную доску встроены два радиоприемника. Роуми схватил микрофон и проговорил быстро и неразборчиво нечто вроде:

— Подразделение десять, направляюсь в Брэйди с задержанным. Ориентировочное время в пути пять минут. Сообщите судье. И еще нужно подогнать к мосту эвакуатор, пусть заберет оттуда эту дебильную японскую машинку.

Ответа не последовало, словно никто его не слышал. Наверное, это радио не работало, подумала Саманта. На сиденье между ними лежал полицейский сканер, который тоже молчал, как и радио. Роуми повернул ключ зажигания, выключил мигалку.

— Может, хотите послушать сирену? — с усмешкой предложил он. Видно, ему еще не надоело играть в эти игрушки.

Она покачала головой.

— Нет. — И подумала, что буквально вчера получила десять отказов. Позавчера ее уволили и с позором, в сопровождении эскорта, выпроводили из здания фирмы. А сегодня арестовали в горах и везут в тюрьму. Сердце у нее колотилось, было трудно дышать.

Ремней безопасности в машине не было. Роуми дал по газам, и вскоре они уже мчались по разделительной полосе, и старенький «форд»

дребезжал и сотрясался от бампера до бампера. Мили через две коп сказал:

— Мне правда очень жаль, мэм. Просто делаю свою работу.

— А вы полицейский или что-то вроде местного шерифа? — спросила она.

— Я констебль. Придан в усиление местным дорожным патрульным.

Она кивнула, точно это что-то проясняло. Он вел машину, запястье его левой руки покоилось на рулевом колесе, которое так и вибрировало. На прямых участках дороги прибавлял скорость, и тряска возрастала. Саманта покосилась на спидометр. Он тоже не работал. Затем Роуми снова пролаял в микрофон что-то неразборчивое, как плохой актер, и снова никто не ответил. Машина слишком быстро вошла в крутой поворот, и, когда ее хвостовую часть замотало, Роуми спокойно позволил ей выровняться и лишь затем нажал на тормоза.

«Я погибну, — подумала Саманта. — Или от руки этого психа, или в автомобильной катастрофе». Желудок выворачивало наизнанку, казалось, она вот-вот потеряет сознание. Вцепившись в свою сумочку, она закрыла глаза и стала молиться.

Лишь на окраинах Брэйди ей удалось немного успокоиться. Если он хотел изнасиловать ее, потом убить и сбросить тело в пропасть, то делать этого в городе он не станет. Они проезжали мимо магазинов со стоянками, посыпанными гравием, мимо выстроившихся в ряд небольших аккуратных домиков, окрашенных белой краской. Она подняла глаза и увидела, что впереди над деревьями высился шпиль церкви. Перед тем как выехать на Мейн-стрит, Роуми резко свернул и въехал на немощеную стоянку перед тюрьмой округа Ноланд.

— Следуйте за мной, — сказал он. На долю секунды Саманта даже обрадовалась, что ее привезли в тюрьму.

Она прошла следом за ним к главному входу и огляделась по сторонам — убедиться, что никто этого не видит. Да и кому вообще тут есть до нее дело? Оказавшись внутри, они прошли в пыльный коридор с облупившейся на стенах краской. Слева — дверь с выведенной чернилами надписью «Тюрьма». Но Роуми указал направо и сказал:

— Посидите там, пока я составляю протокол. И чтоб без глупостей, ладно?

Поблизости не было ни души.

— Да куда ж я денусь, — заметила Саманта. — Машины у меня все равно нет.

— Просто посидите и помолчите.

Она уселась в пластиковое кресло, а он скрылся за дверью. Стены тут

оказались тонкие, потому что вскоре она услышала его голос:

— Задержал тут одну девицу из Нью-Йорка, перехватил у Данн-Спринг, шла со скоростью пятьдесят одна, можешь себе представить?

Ему сердито ответил мужчина:

— О нет! Опять ты за свое, Роуми.

— Да. Взял с поличным.

— Завязывай с этой хренью, Роуми.

— И нечего тут спорить, Дью.

Послышались тяжелые шаги, голоса удалялись, стали тише. Затем откуда-то из глубины помещения донеслись сердитые возгласы. Слов Саманта не разобрала, но ясно было одно: какие-то двое мужчин яростно спорят с Роуми. Затем голоса стихли. Из двери напротив вышел плотный мужчина в синей форме и сказал:

— Приветствую. Вы мисс Кофер?

— Да, это я, — ответила она, оглядывая пустое помещение.

Он протянул ей права и спросил:

— Можете подождать еще минутку?

— Конечно. — А что еще она могла ответить?

Где-то вдалеке снова зазвучали сердитые голоса, потом вдруг оборвались. Она написала текстовое сообщение матери, затем — отцу, и еще одно — Блит. Если тело ее не найдут, по крайней мере, кое-какие детали этого преступления станут известны.

Дверь снова отворилась, и в коридор вышел молодой человек. На нем были линялые джинсы, высокие ботинки, модная спортивная куртка. Он весело ей улыбнулся и спросил:

— Вы Саманта Кофер?

— Да.

Он отодвинул от стены пластиковое кресло, уселся напротив — так близко, что колени их почти соприкасались, — и сказал:

— А я Донован Грей. Я ваш адвокат и только что снял с вас все обвинения. Полагаю, что нам с вами лучше убраться отсюда, чем скорее, тем лучше. — С этими словами он протянул ей визитку.

Саманта взглянула. Вроде бы действительно адвокат. И контора его находится на Мейн-стрит в городе Брэйдс.

— Ладно. И куда мы пойдем? — осторожно спросила она.

— За вашей машиной.

— А как же этот констебль?

— По дороге все объясню.

Они быстро вышли из здания тюрьмы и уселись в джип «чероки»

последней модели. Он завел мотор, тут же по радио грянул рок в исполнении Брюса Стингстина, и Донован Грей торопливо выключил музыку. Ему было лет тридцать пять — сорок: густые черные волосы, трехдневная щетина на щеках, грустные темные глаза. Они отъехали от здания тюрьмы, и Саманта сказала:

— Погодите. Мне нужно отправить несколько сообщений.

— Конечно. Здесь на несколько миль вполне приличная связь.

Она отправила эсэмэски матери, отцу и Блит, написала, что уже не в тюрьме, что все вроде бы налаживается, насколько это возможно в подобных обстоятельствах. Так что пускай пока не беспокоятся. Сейчас она в безопасности. Позвонит и объяснит все позже.

Они выехали из города, и Донован сказал:

— Роуми не настоящий коп и не констебль, он вообще не имеет отношения к правоохранительным органам. И первое, что вы должны понять, — этот человек не в себе, съехал с катушек. Даже сразу с нескольких. Он всегда мечтал стать шерифом. И время от времени на него находит: считает своим долгом выехать и патрулировать дороги, почти всегда возле Данн-Спрингс. И если вы в этот момент проезжаете мимо, а машина не из этого штата, Роуми непременно заметит. Если у вас номера, скажем, из Теннесси или Северной Каролины, тогда Роуми не станет вас беспокоить. Но если с севера, он почему-то очень возбуждается и проделывает такие вот штучки. И искренне считает, что делает доброе дело, останавливая водителей за превышение скорости, особенно если они из Нью-Йорка или Вермонта.

— Но почему его никто не остановит?

— О, мы пытались. Кто только на него не напускался, но ведь нельзя же следить за человеком двадцать четыре часа в сутки. Он настоящий проныра, знает все здешние дороги лучше других. Обычно он задерживает какого-нибудь водителя за превышение, какого-нибудь несчастного из Нью-Джерси. Сначала напугает до смерти, потом отпустит. И никто у нас об этом не знает. Но время от времени привозит кого-нибудь в тюрьму и требует, чтоб того упекли за решетку.

— Просто не верится.

— Он никогда никому не причиняет вреда, но...

— Но он выстрелил в другого водителя. До сих пор в ушах звенит.

— Да, парень не в себе. Как и большинство других местных.

— Его самого не мешало бы упечь за решетку. Наверняка существуют законы, позволяющие привлечь за неправомерный арест и похищение человека.

— Да у него двоюродный брат шериф.

Саманта глубоко вздохнула и покачала головой.

— Это правда. Его кузен уже давно работает здесь шерифом. И Роуми ему страшно завидует. Один раз даже хотел избираться на эту должность. Получил только десять голосов от всего округа и жутко расстроился. Так, видно, и будет дальше останавливать всех янки подряд, пока его не вышлют на несколько месяцев.

— Так надо выслать.

— Это не так-то просто. Вообще-то вам повезло, что он не забрал вас в свою тюрьму.

— Свою тюрьму?

Донован улыбался, явно наслаждаясь своим рассказом.

— О, да! Примерно пять лет назад брат Роуми обнаружил за амбаром своей фермы седан последней модели с номерами штата Огайо. Огляделся по сторонам, потом услышал какой-то шум и нашел парня из Огайо, запертого в конюшне. Выяснилось, что Роуми предварительно обнес ее колючей проволокой под током и этот бедняга проторчал там целых три дня. Еды у него было достаточно, и вообще условия содержания оказались довольно комфортными. Он сказал, что Роуми проверял его три раза на дню и был очень вежлив и мил.

— Вы все это придумали!

— Ничего я не придумал. Просто тогда Роуми перестал принимать лекарства и болезнь обострилась. Этот парень из Огайо поднял шум и нанял адвокатов. И они выдвинули обвинение против Роуми за неправомерный арест и кучу всяких других нарушений, но дело далеко не продвинулось. Никаких накоплений у Роуми не было, из имущества только старая патрульная машина, так что подавать гражданский иск было бессмысленно. Тогда они выдвинули обвинение в похищении человека, и Роуми в конце концов признали виновным, но с учетом смягчающих обстоятельств. И он провел тридцать дней в тюрьме, но не местной, а окружной. А потом его отправили в психиатрическую больницу штата, подлечиться. Он совсем не плохой парень, правда.

— Просто очаровашка.

— Если честно, то попадаютса настоящие копы, которые куда хуже. Лично мне даже нравится Роуми. Однажды вел дело его дяди. Связанное с метом.

— Метом?

— Кристаллический метамфетамин. После угледобычи это, пожалуй, самый прибыльный бизнес в наших краях.

— Могу я задать вам... более личный вопрос?

— Конечно. Ведь я ваш адвокат, так что можете спрашивать о чем угодно.

— Зачем вы держите в машине пистолет? — Она кивком указала на углубление в консоли под его левым локтем. Там лежал черный пистолет весьма внушительных размеров.

— Все законно. У меня полно врагов.

— Каких именно врагов?

— Я занимаюсь исками против угольных компаний.

Саманта подумала, что более полное объяснение последует позже. Вздохнула и смотрела теперь только на дорогу. Рассказав о похождениях Роуми, Донован, похоже, наслаждался молчанием. И еще, подумала она, он не стал задавать ей вполне очевидного вопроса о том, что привело ее в округ Ноланд. У моста он свернул с дороги и остановился прямо за «приусом».

— Сколько я вам должна? — спросила Саманта.

— Чашечку кофе.

— Кофе? Здесь?

— Нет, конечно. Есть очень славное кафе в городе. Мэтти сейчас в суде и будет занята там часов до пяти. Надо же как-то убить время.

Саманта хотела задать вопрос, но язык не слушался. А он продолжал:

— Мэтти моя тетушка. Это она надоумила меня поступить в юридический колледж и очень помогала, когда я учился. Студентом я работал у нее в центре, а потом — еще три года, до тех пор, пока не был допущен к юридической деятельности. Ну а теперь обрел самостоятельность.

— Так это Мэтти сказала вам, что я должна приехать на собеседование? — Тут в первый раз она заметила обручальное кольцо у него на пальце.

— Просто совпадение. Я часто забегаю к ней на работу рано утром — выпить кофе, посплетничать. Ну и она упомянула о том, что получила эти имейлы от нью-йоркских юристов, которые вдруг скопом бросились искать работу в провинции, а потом сказала, что один из соискателей может прибыть сегодня на собеседование. Нет, ей-богу, забавно будет видеть здесь скачущих по горам и холмам юристов из крупных фирм. Ну а потом я поехал в тюрьму повидать своего клиента, тут и появился ваш дружок Роуми с очередным трофеем. И вот мы здесь.

— Вообще-то я не собираюсь возвращаться в Брэйди. Хочу сесть в свою маленькую красную машинку, развернуться и убраться отсюда к

чертовой бабушке.

— Что ж, тогда не забудьте сбросить скорость на подъезде к Данн-Спрингс.

— Не беспокойтесь, не забуду.

Последовала пауза. Оба смотрели на «приус» и молчали. Затем он сказал:

— И все-таки приглашаю на кофе, я угощаю. И еще, думаю, вам понравится Мэтти. Можно понять, почему вы торопитесь уехать. Но первое впечатление часто бывает неверным. Брэйди очень славный городок, а у Мэтти полно клиентов, которым нужна ваша помощь.

— Вот только пушку забыла прихватить.

Он улыбнулся и заметил:

— У Мэтти ее тоже нет.

— Тогда что она за адвокат?

— Она просто замечательный адвокат, преданный своим клиентам. Тем людям, которым нечем ей заплатить. Так что решайтесь. Поговорить с ней в любом случае не повредит.

— Видите ли, я специализируюсь на финансировании строительства небоскребов на Манхэттене и не уверена, что в этом плане пригожусь Мэтти.

— О, вы быстро освоитесь, и вам понравится эта работа. Потому что будете помогать людям с реальными проблемами.

Саманта глубоко вздохнула. Интуиция подсказывала ей: беги! Но куда именно? Любовь к приключениям, однако, поборолла сомнения — можно ведь хотя бы одним глазком взглянуть на этот город. У ее адвоката имеется оружие, следовательно, она защищена.

— Ладно, так и быть, — сказала она. — Можете считать это платой за адвокатские услуги.

— Тогда поехали. За мной.

— А если вдруг Роуми снова...

— Не беспокойтесь, я с ним потолковал. И его кузен тоже. Просто держитесь за моей машиной.

Они быстро проехали по Мейн-стрит, и Саманта увидела шесть кварталов, состоящих из зданий начала века, четверть из которых пустовали. В окнах таблички: «Продается». Контора Донована размещалась в двухэтажном доме с большими окнами и медной табличной на двери, где мелкими буквами было выбито его имя. Над тротуаром нависал балкон. На другой стороне улицы, в трех кварталах от него, находился бывший склад,

где теперь и располагался Центр бесплатной юридической помощи. В самом конце улицы виднелось небольшое нарядное здание суда, там же, судя по всему, работали люди, управляющие округом Ноланд.

Они вошли в гриль-бар и уселись за столик в дальнем углу. Пока шли к столику, трое посетителей-мужчин глазели на Донована, но он, похоже, не обращал на это внимания. Официантка подала им кофе. Саманта откинулась на спинку сиденья и заметила:

— Вроде бы вы не очень нравитесь этим ребятам. Знаете их?

Он глянул через плечо, кивнул и сказал:

— Я знаю в Брэйди всех и каждого и догадываюсь, что ровно половина из них меня ненавидит. Я же говорил, что воюю с угольными компаниями, выдвигаю против них иски, а они здесь самые крупные работодатели. Вообще во всех Аппалачах.

— А за что вы выдвигаете иски?

Он улыбнулся, отпил глоток кофе, взглянул на часы.

— Ну, это долгий разговор.

— Ничего, я не спешу.

— Дело в том, что угольные компании создают массу проблем. Большинство из них. Есть парочка приличных, но большинство ничуть не волнует состояние окружающей среды и здоровье людей. Добыча угля — грязный бизнес во всех смыслах этого слова, всегда был таким. И с каждым годом все только хуже. Слышали когда-нибудь об открытых разработках?

— Нет.

— Их еще называют открытой добычей. Уголь в этих краях начали добывать в начале тысяча восьмисотых. Поначалу вели подземную добычу, прорывали туннели в горах и извлекали уголь. Мой дед был шахтером, и его отец тоже. С отцом вообще отдельная история. Как бы там ни было, но к тысяча девятьсот двадцатому году на территории от Пенсильвании до Теннесси насчитывалось около восьмисот тысяч шахтеров. Добыча угля — работа опасная, и истории известно немало примеров выступлений шахтеров за свои права, их борьбы с профсоюзами, насилием и коррупцией в этом бизнесе, прочих драматических событий. И все это было связано с традиционной подземной добычей. Труд там страшно напряженный. И вот где-то в начале тысяча девятьсот семидесятых угольные компании решили, что открытая добыча куда выгодней, можно сэкономить миллионы долларов на одной только оплате труда. Открытая добыча дешевле подземной, потому что требуется гораздо меньше рабочих рук. Сегодня осталось всего около восьмидесяти тысяч шахтеров, и половина из них занята на открытых разработках.

Мимо Донована прошла официантка, и он на секунду умолк. Отпил глоток кофе, огляделся по сторонам, подождал, пока она пройдет дальше, и продолжил:

— Открытая добыча — это все равно что жизнь на стероидах. Уголь в Аппалачах залегает в швах, слоями, ну, как крем в торте. На вершине горы обычно растет лес, под ним верхний слой почвы, затем слой камней и, наконец, угольный слой. И он может быть толщиной от четырех до двадцати футов. И когда угледобывающая компания получает разрешение на открытую разработку месторождения, она буквально обрушивается на эту несчастную гору всей мощью тяжелого оборудования. Поначалу вырубают деревья, никакой заботы о сохранении леса и особо ценных древесных пород. Затем в землю вгрызаются бульдозеры — скальпируют вершину горы. Снимается весь верхний слой почвы, как правило, он довольно тонкий. Затем приходит черед каменного слоя, его уничтожают подрывами. Деревья, почву и камни часто сваливают в долины между горами, создают там завалы. И тогда в прежде цветущих долинах погибают растительность, фауна, исчезают ручьи и реки. Самая настоящая экологическая катастрофа. Если живете в низовьях реки, вы приговорены. Скоро сами узнаете: все мы здесь приговорены.

— Но разве это законно?

— И да, и нет. Открытые разработки законны, потому как издан специальный федеральный закон, но сам процесс состоит из абсолютно незаконных действий. И еще у нас сложилась долгая история взаимоотношений между контролирующими и наблюдательными органами и угольными компаниями, к которым они относятся более чем лояльно. Реальность всегда одна и та же: угольные компании катком проходят по земле и людям потому, что у них деньги и власть.

— Вернемся к «торту». Вы говорили о залегании угля слоями.

— Да. Стоит им добраться до угля, они доставляют новую технику, извлекают его, вывозят. И начинают добираться до нового слоя. Снова гремят взрывы. Довольно часто сносится верхушка горы высотой в пятьсот футов. Для этого требуется не так много рабочих. Небольшая бригада может фактически разрушить гору за несколько месяцев.

Подошла официантка, стала подливать им свежего кофе. Донован молча наблюдал за ее действиями. Когда она ушла, он наклонился вперед и продолжил:

— Итак, уголь извлекают, увозят, а затем промывают — и это еще одно несчастье. При промывании угля образуется черный осадок, содержащий тяжелые металлы и токсичные химические элементы. Его еще называют

шламом, уверен, вы часто слышали этот термин. Избавиться от него невозможно, а потому угольные компании хранят его за насыпными земляными дамбами, в прудах для осадка или шлама. Технология тут самая примитивная, работы проводятся небрежно, и все эти вредные вещества попадают затем в почву и подземные воды, что приводит к самым катастрофическим последствиям.

— И как долго хранятся такие отходы?

Донован пожал плечами и снова огляделся по сторонам. Нет, он не нервничал и не трусил, просто не хотел, чтоб его подслушивали. Он был спокоен, говорил с легким местным акцентом, и Саманту заворожили и его повествование, и выразительные темные глаза.

— Да хоть целую вечность будут хранить, никого это не волнует. До тех пор, пока дамба не прорвется и со склона горы не пойдет волна токсичных отходов, ворвется в дома, школы и города, затопит и разрушит все на своем пути. Слышали, наверное, об аварии нефтеналивного танкера «Эксон Вальдес» у берегов Аляски? Он налетел на скалы, и в море вылилось тридцать миллионов галлонов необработанной нефти. На протяжении недель эта новость занимала первые полосы газет, страна была в шоке. Помните, как в новостях показывали всех этих несчастных выдр, покрытых липкой грязью? Но готов побиться об заклад, вы ничего не слышали о происшествии в округе Мартин, самой масштабной экологической катастрофе к востоку от Миссисипи. Это случилось восемь лет назад в Кентукки, там прорвало дамбу, и около 300 миллионов галлонов ядовитых отходов, угольного шлама, хлынули вниз, в долину. В десять раз больше, чем в истории с «Вальдесом», а в стране словно и не заметили этого события. И знаете почему?

— Почему?

— Да потому, что это Аппалачи. Угольные компании разрушают наши горы, города, нашу культуру и жизнь, и никого это не волнует.

— Так вот почему эти ребята вас ненавидят?

— Ненавидят, потому что считают открытую добычу хорошим, стоящим делом. Еще бы, ведь они обеспечивают новые рабочие места, а работу тут у нас найти непросто. Они не то чтобы плохие ребята, просто дезинформированы и заблуждаются. Варварское разрушение гор убивает все вокруг. Одним махом уничтожаются десятки рабочих мест, но они этого не понимают. Люди вынуждены покидать свои дома из-за этих бесконечных взрывов, пыли, угрозы затопления. Дороги небезопасны, потому что по ним бесконечным потоком идут эти тяжелые машины. За последние пять лет я насчитал пять случаев дорожных аварий со

смертельным исходом, люди попадали под грузовики, везшие по девяносто тонн угля каждый. Многие городки просто исчезли с лица земли. Угольные компании часто выкупают дома, а потом просто сносят их. За последние двадцать лет отмечено резкое падение численности населения в так называемых угольных округах. Тем не менее многие, в том числе и те трое джентльменов, что сидят здесь за столиком, считают, что лучше иметь хоть какую-то работу, чем вовсе никакой.

— Если они джентльмены, почему носите пистолет?

— Потому, что известно: некоторые угольные компании нанимают бандитов и головорезов. Больше для устрашения, разумеется, и в том нет ничего нового. Послушайте, Саманта. Я сын этой угольной страны, деревенщина, родился здесь и горжусь этим. И могу часами рассказывать о кровавой истории Его Величества Большого Угля.

— Так вы действительно опасаетесь за свою жизнь?

Он на секунду умолк, даже отвернулся.

— В прошлом году в Нью-Йорке произошло около тысячи убийств. Вы боитесь за свою жизнь?

— Да нет, как-то не очень.

Он улыбнулся, кивнул и заметил:

— Ну, вот и я тоже. В прошлом году в городе произошло три убийства, все из-за наркоты. Просто надо соблюдать осторожность. — Тут у него в кармане завибрировал мобильник. Он достал его, прочел сообщение и сказал: — Это Мэтти. Уже вышла из здания суда и сейчас у себя в офисе. Она ждет вас с нетерпением.

— Погодите. Как она узнала, что я с вами?

— У нас тут маленький городок, Саманта.

Глава 6

Они прошли по улице, добрались до его офиса, там обменялись рукопожатием и распрощались. Саманта поблагодарила его за отличную работу в качестве ее адвоката, наговорила комплиментов. Словно решила задержаться в этом городе на несколько месяцев. И еще они договорились как-нибудь вместе пообедать в том же гриль-баре в Брэйди.

Было уже почти пять вечера, когда она перебежала через улицу в неположенном месте, немного опасаясь, что ее могут за это оштрафовать. Остановилась, посмотрела на запад — солнце уже скрылось за вершинами гор. Их длинные тени упали на город, почему-то возникло ощущение, что скоро наступит зима. Брякнул колокольчик на двери, и она вошла в небольшую приемную Центра юридической помощи. Стол, заваленный бумагами, предполагал, что кто-то должен отвечать на звонки и принимать посетителей, но в данный момент в приемной не было ни души. Планировка офиса отличалась простотой, в центре тянулся длинный узкий коридор — сразу становилось ясно, что на протяжении десятилетий это помещение использовалось под склад скобяных товаров. Все здесь было какое-то старое и изношенное. Вместо стен — побеленные деревянные перегородки, не достигающие до высокого потолка. Полы покрыты тонкими дешевыми ковриками. Мебель — по крайней мере в приемной — являла собой набор разномастных предметов, приобретенных где-то на барахолке. А вот на стенах — довольно любопытная коллекция картин, написанных маслом и пастелью, — видимо, это были работы местных художников, и продавались они по вполне разумным ценам.

Произведения искусства. В прошлом году партнеры в «Скалли энд Першинг» передрались из-за предложения некоего дизайнера, который советовал потратить два миллиона долларов на приобретение нескольких загадочных авангардных полотен. Их планировали повесить внизу, в главном холле фирмы. В результате дизайнера послали к чертям собачьим, о картинах никто не вспоминал, и отложенные на них деньги пошли на выплату премиальных.

И вот где-то в середине коридора отворилась дверь, и из комнаты вышла небольшого роста полноватая женщина, причем босая.

— Я так понимаю, что вы Саманта, — сказала она, направляясь к ней. — А я Мэтти Уатт. Слышала, вас не слишком приветливо встретили в округе Ноланд. Примите извинения.

— Приятно познакомиться, — ответила Саманта, разглядывая квадратные очки для чтения с розовыми стеклами, съехавшие на кончик носа Мэтти. Розовые стекла вполне гармонировали с розоватыми кончиками ее волос. Короткие, встрепанные, они торчали заостренными на концах клочьями, и еще было видно, что их несколько раз обесцвечивали, причем самым безжалостным образом. Такого Саманта прежде никогда не видела. Нет, конечно, на улицах Нью-Йорка, особенно на Манхэттене, попадались и более экзотические персонажи, но чтоб юрист расхаживал в таком виде...

— Прошу сюда, — пригласила Мэтти и указала на офис. Они вошли, Мэтти, затворив дверь, заявила: — Так и знала, что этот псих Роуми что-нибудь отчебучит. Он будет пугать людей до тех пор, пока шериф не примет меры. Мне очень жаль. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Ничего. Со мной все в порядке. Это забавная история, которую я буду рассказывать много лет.

— Уверена, что так, а если останетесь здесь, наберется еще целый ворох занятных историй. Хотите кофе? — Мэтти уселась в кресло-качалку за письменным столом, на котором царил безукоризненный порядок.

— Нет, спасибо. Пила кофе с вашим племянником.

— А, ну да. Я так рада, что вы познакомились с Донованом. Один из умнейших парней в нашем городе. И вырастила его практически я одна. Трагическая гибель семьи и все прочее. Он любит свою работу, целиком ею поглощен, ну и вообще, хорош собой, вы не находите?

— Да, очень славный, — осторожно заметила Саманта, которой не хотелось обсуждать внешность Донована и уж тем более — вникать в трагическую историю его семьи.

— Как бы там ни было, вы здесь. А на завтра у меня назначена встреча с еще одним кандидатом, вылетевшим с Уолл-стрит. И времени на собеседования не так много, знаете ли. Сегодня получила еще четыре запроса и просто перестала на них отвечать. Встречусь завтра с этим юристом. Потом обсудим обе кандидатуры на совете и примем решение.

— Понятно. А кто входит в совет?

— Вообще-то только Донован и я. У нас есть еще один сотрудник, Аннет, она должна была присутствовать на собеседованиях, но сейчас ее нет в городе. Работаем мы быстро, без бюрократической волокиты. Если решение будет в вашу пользу, когда сможете начать?

— Не знаю. Как-то все слишком стремительно...

— А я так поняла, вы сейчас не слишком заняты.

— Верно. И думаю, стоило бы начать — чем раньше, тем лучше. Но

прежде хотелось бы все обдумать, хотя бы день или два, — ответила Саманта, пытаясь немного расслабиться в жестком деревянном кресле, слегка поскрипывавшем при каждом ее вздохе и движении. — Просто не уверена, что...

— Ладно, понятно. Один стажер или другой — думаю, разница здесь невелика. Прежде у нас никогда не было стажеров. Просто какое-то время назад у нас два года проработал один человек, родом отсюда, из угольной страны, но пришлось посещать юридическую школу в Стэнфорде, а потом поступило приглашение на работу в крупную фирму в Филадельфии.

— И чем он здесь занимался?

— Не он, а она — Эвелин, и она занималась легочными заболеваниями и техникой безопасности горных работ. Очень трудолюбивая девушка, и большая умница, но, проработав два года, уехала и оставила множество не доведенных до конца дел. Не удивлюсь, если она сейчас оказалась на улице. Ведь и в Филадельфии, должно быть, творится такой же кошмар.

— Так и есть. Вы уж простите меня за прямоту, мисс Уатт, но...

— Просто Мэтти.

— Да, конечно, Мэтти. Но у меня сложилось впечатление, что вас не слишком греет идея брать какого-то там стажера.

— О, простите меня. Извините. Вообще-то нам здесь любая помощь не лишняя. Как я уже говорила вам по телефону, тут хватает неимущих с проблемами юридического характера. Эти люди не могут позволить себе взять адвоката. Уровень безработицы зашкаливает, молодежь сидит на метамфетаминах, а угольные компании просто гении по изысканию все новых способов выжать из людей последнее. Поверьте мне, дорогая, нам просто позарез нужна любая помощь.

— Но чем я буду здесь заниматься?

— Да всем. От ответов на телефонные звонки до составления судебных исков. В вашем резюме указано, что вы получили лицензии в Виргинии и Нью-Йорке.

— Да, после окончания юридического колледжа работала помощником судьи в округе Колумбия, сдала в Виргинии экзамен и получила квалификацию практикующего юриста.

— За последние три года довелось побывать в зале суда?

— Нет.

Мэтти колебалась секунду-другую, точно сомневалась, стоит ли принимать на работу такого кандидата.

— Ну, в каком-то смысле тут вам повезло. В тюрьме, полагаю, тоже ни разу не бывали?

— Нет, вплоть до сегодняшнего дня.

— Ах, да. Еще раз прошу прощения. Вы все очень быстро схватываете. А что за работа была у вас в Нью-Йорке?

Саманта глубоко вздохнула, ей хотелось, по мере возможности, увильнуть от этого вопроса. Но в голову ничего путного не приходило, и она сказала:

— Работала с коммерческой недвижимостью, чудовищная скукотища. Нет, правда, невероятно скучная работа. Мы представляли группу довольно противных богатых парней, которые строили небоскребы по всему Восточному побережью, но в основном, конечно, в Нью-Йорке. И обычно я тратила уйму времени на анализ и проверку финансовых соглашений с банками, готовила толстенные контракты, перепахивала их от корки до корки, чтоб потом, когда будут читать, комар носа не подточил.

Мэтти посмотрела поверх квадратных розовых очков — в глазах ее читалась искренняя жалость.

— Звучит ужасно.

— Так и есть.

— И вы рады, что убрались оттуда?

— Если честно, я еще не до конца разобралась в своих чувствах, Мэтти. Всего месяц назад принимала активное участие в этих крысиных бегах, где люди расталкивают друг друга локтями, и сама тоже расталкивала, и меня отталкивали, стремилась куда-то вперед, а вот куда — сейчас толком не понимаю. Даже не помню, с чего все это началось. На горизонте уже появились темные тучи, но мы были слишком заняты и не замечали. А потом рухнул «Леман», и на протяжении двух недель я собственной тени боялась. И все мы стали работать еще больше и старательнее, в надежде, что кто-то заметит и оценит, в надежде, что сто рабочих часов в неделю вместо девяноста смогут нас спасти. А потом все рухнуло, нас вышвырнули на улицу. Ни выходного пособия, ничего. Ничего, кроме пустых обещаний, и я сомневаюсь, что кто-то их сдержит.

Глядя на Мэтти, можно было подумать, что она вот-вот разрыдается.

— А ты хочешь туда вернуться?

— Даже не знаю. Нет, не думаю. Мне никогда не нравилась эта работа, не нравился коллектив, ну, за небольшим исключением, и уж определенно не нравились клиенты нашей фирмы. И большинство знакомых юристов, сколь ни прискорбно, думают точно так же.

— Что ж, дорогая, могу тебя заверить: здесь, в Центре юридической помощи, мы любим своих клиентов, а они любят нас.

— Уверена, люди здесь гораздо лучше и симпатичнее тех, с кем мне

доводилось иметь дело в Нью-Йорке.

Мэтти взглянула на наручные часы — ярко-желтый диск на зеленом виниловом ремешке вокруг запястья.

— А какие у тебя планы на вечер?

Саманта пожала плечами, покачала головой.

— Как-то еще об этом не думала.

— Но ведь ты не собираешься сегодня вернуться в Вашингтон?

— А ваш Роуми выходит в ночную смену? Дороги безопасны?

Мэтти хмыкнула и сказала:

— Дороги тут опасные. Особенно по вечерам. Никуда не отпущу. Давай начнем с ужина, а там посмотрим.

— Нет, серьезно. Я не собираюсь...

— Чушь, даже слышать не желаю. Саманта, ты в Аппалачах, высоко в горах, и у нас нет привычки выпроваживать гостей на ночь глядя. Мой дом здесь рядом, прямо за углом, а муж — просто отличный повар. Так что посидим на крыльце, выпьем и поговорим. И я расскажу тебе о Брэйди все, что надо знать.

Мэтти нашла туфли, надела их, заперла дверь в кабинет. Сказала, что с «приусом», который оставался на парковке на Мейн-стрит, ничего не случится.

— Я хожу на работу пешком, — добавила она. — Единственный способ хоть немного размяться.

Все магазины и конторы были закрыты. В двух кафе, где подавали ранний ужин, посетителей почти не осталось. Они поднимались по склону холма, мимо ребятишек, играющих прямо на дороге, мимо соседей, сидевших на крылечках. Через два квартала свернули на Третью улицу, где по обе стороны выстроились аккуратные красные кирпичные дома начала века, почти одинаковые, с белыми крылечками и двускатными крышами. Саманту так и подмывало повернуть назад, к Абингдону, где она заметила у перекрестка несколько придорожных сетевых мотелей. Но это было бы некрасиво по отношению к гостеприимной Мэтти.

Честер Уатт сидел в кресле-качалке и читал газету, когда его представили Саманте.

— Я похвасталась, что ты у меня отличный повар, — сказала Мэтти.

— Сие означает, что ужин должен приготовить я, — заметил он с усмешкой. — Добро пожаловать.

— И еще она просто умирает с голоду, — добавила Мэтти.

— Что предпочитаете? — спросил Честер у гостыи.

— Да что угодно, я непривередливая в еде, — ответила Саманта.

— Тогда как насчет жареных цыплят с испанским рисом? — спросила Мэтти.

— Как раз об этом и подумывал, — заметил Честер. — Но сначала по бокалу вина?

На протяжении часа они пили красное вино, а тьма на улице сгущалась. Саманта пила маленькими редкими глотками, стараясь не переборщить, думая о том, что ей предстоит возвращаться из округа Ноланд на машине. В Брэйди, похоже, не было ни гостиниц, ни мотелей, судя по удручающему состоянию жилого фонда. Она сомневалась, что здесь можно снять приличную комнату хотя бы на одну ночь. Они болтали, и ей удалось узнать, что у Уаттов двое взрослых детей, которые уехали из города после окончания колледжа. И еще имеются трое внуков, которых они, к сожалению, редко видят. А Донован им как сын. Честер сейчас на пенсии, а до этого несколько десятилетий проработал почтальоном в местном отделении и потому знал здесь всех и каждого. Теперь же он трудился волонтером в группе по защите окружающей среды, и они мониторили открытые разработки и рассылали жалобы от населения местным бюрократам. Его дед и отец были шахтерами. Отец Мэтти тоже почти тридцать лет проработал в шахте, на подземных разработках и умер от антракоза легких^[7] в возрасте шестидесяти одного года.

— Мне самой сейчас шестьдесят один, — сказала Мэтти. — Это было ужасно.

Пока женщины сидели и болтали, Честер сновал между кухней и крыльцом, проверял, как жарятся цыплята, подливал дамам вина. Когда он в очередной раз отправился на кухню, Мэтти сказала:

— Не беспокойся, дорогая, у нас есть свободная спальня для гостей.

— Нет, что вы, я...

— Никаких «нет», я настаиваю. Поверь мне, в городе приличной комнаты не найти. Есть пара мест, куда пустят переночевать со своим постельным бельем, и за час там дерут будь здоров, но даже они вот-вот закроются. Что, наверное, многим не понравится. Потому как в такие мотели любят заскакивать неженатые парочки, которым просто негде больше заняться сексом. А теперь им придется съезжаться или покупать новый дом.

— Так тут у вас и секс имеется? — с улыбкой спросила Саманта.

— Надеюсь, что да. У моей мамы было семеро ребятишек, в семье Честера — шестеро. А чем еще можно заняться в свободное время? И особенно в это время, в сентябре и октябре. Вот и плодятся, как кролики.

— Но почему именно осенью?

— Да потому, что после Рождества бывают такие снежные бураны и заносы, просто кошмар.

Вошел Честер и спросил:

— О чем разговор, можно узнать?

— О сексе, — ответила Мэтти. — Саманта удивлена, что местные занимаются сексом.

— Ну, кое-кто — определенно.

— Да, я тоже слышала, — сказала Мэтти и усмехнулась.

— Не я завела разговор на эту тему, — смущенно заметила Саманта. — Просто Мэтти пригласила меня переночевать, сказала, что в доме есть свободная спальня.

— Да, и она в полном вашем распоряжении. Только держите дверь на замке, и тогда обойдется без недоразумений и неприятностей, — заметил Честер и снова скрылся в доме.

— Да он шутит, он в этом плане человек безобидный, — шепнула Мэтти.

Забежал Донован — просто поздороваться, — и, к счастью, пропустил эту часть беседы. Сам он жил «на горе, на самом краю округа» и как раз направлялся домой с работы. От вина отказался и минут через пятнадцать ушел. Смотрел как-то растерянно и выглядел очень усталым.

— Бедняга, — заметила Мэтти, когда он ушел. — Он с женой в разводе. Она вернулась в Роанок с дочуркой. Пятилетняя девчушка, сразу видно — вырастет и станет такой красоткой, просто закачаешься. Его жена Джуди так и не освоилась здесь, не смогла жить в горах, все ей надоело. Вот и бросила его. И лично я ее осуждаю. А ты, Честер?

— Да нет, не то чтобы осуждаю, — ответил он. — Ее можно понять. Джуди человек замечательный, но никогда не была здесь счастлива. Ну а когда начались неприятности, она просто не выдержала. Вот и уехала.

Слово «неприятности» повисло в воздухе, но супруги Уатт не стали развивать эту тему.

— Обед готов, — сообщил Честер.

Саманта последовала за хозяевами на кухню, где был накрыт стол на троих. Честер достал из духовки противень с жареными цыплятами и рисом, от них шел пар. Тут же появилась тарелка с домашними рогаликами. Мэтти поставила в центре стола миску с салатом, налила воды в графин из большой пластиковой канистры. Вина подавать не стали, видимо, сочли, что выпито достаточно.

— Пахнет просто восхитительно, — заметила Саманта, отодвигая стул и усаживаясь.

— Кладите себе салат, — сказала Мэтти, намазывая рогалик маслом.

И вот они приступили к трапезе, и на какое-то время все разговоры прекратились. Саманте хотелось больше узнать о своих гостеприимных хозяевах, а о себе умолчать, но Честер не дал ей такой возможности.

— Расскажите нам о своей семье, Саманта.

Она улыбнулась и ответила вежливо:

— Да тут и рассказывать особенно нечего.

— О, мы тебе поможем, — весело заметила Мэтти. — Ты ведь выросла в округе Колумбия, верно? Должно быть, интересная там жизнь?

И Саманта коротко описала главное. Да, она была единственным ребенком в семье преуспевающих юристов, ни в чем не знала отказа, училась в привилегированных школах, окончила университет в Джорджтауне. Затем она поведала о проблемах отца, о том, что его судили и он отсидел срок, очень тяжело переживая это свое падение.

— Вроде бы помню что-то такое, — заметил Честер.

— Да, писали во всех газетах. — И Саманта рассказала, как навещала отца в тюрьме, о том, в каком угнетенном состоянии он тогда находился. Сама она тяжело перенесла развод родителей и, отучившись в Колумбийском университете, поступила на работу помощником федерального судьи. Рассказала о том, как соблазнилась Законом с большой буквы, а затем провела три не слишком приятных года в «Скалли энд Першинг». Она обожает Манхэттен, не представляет жизни где-то в другом месте. Но теперь весь ее мир перевернулся, и да, пожалуй, она не уверена в своем светлом будущем. Никакой определенности. Она говорила, а они внимательно слушали, не сводя с нее глаз, впитывая каждое слово. Закончив, Саманта набила рот едой и собралась жевать как можно дольше.

— Да, так с людьми обращаться нельзя, — пробормотал Честер.

— Опытных и образованных сотрудников просто выбрасывают на улицу, — подхватила Мэтти и неодобрительно покачала головой.

Саманта кивнула, продолжая жевать. Ей не стоило напоминать об этом. Честер налил ей воды в бокал, и она спросила:

— У вас здесь все пьют бутилированную воду?

По какой-то неясной причине этот вопрос их позабавил.

— О да, — ответила Мэтти. — Из водопровода и колодца воду почти никто не пьет. Наши бесстрашные чинуши от науки утверждают, что она безвредна, но никто им не верит. Те, кто победнее, моются этой водой, стирают в ней, даже используют для приготовления пищи и чистки зубов. Кто угодно, только не я.

— Наши ручьи, реки и колодцы загрязнены в результате открытых

разработок, — подхватил Честер. — Долины завалены отходами, родники с чистой водой засыпаны. А вода из хранилищ шлама просачивается и попадает в колодцы. От сжигания угля образуются тонны пепла, компании вываливают его в реки. Так что уж, пожалуйста, Саманта, никогда не пейте воду из-под крана.

— Поняла.

— Это одна из причин, по которой мы пьем много вина, — сказала Мэтти. — Знаешь, Честер, я бы выпила еще стаканчик, если не возражаешь.

Честер, исполнявший в доме обязанности не только шеф-повара, но и бармена, сразу же достал бутылку с полки. Поскольку машину сегодня вести не придется, Саманта тоже не отказалась от вина. Похоже, алкоголь ударил Мэтти в голову, и она принялась оживленно рассказывать о своей карьере и центре, который основала двадцать шесть лет назад. Саманта слушала ее и задавала все новые вопросы, хотя в том не было необходимости — Мэтти не умолкала ни на секунду.

На уютной кухне было так тепло, в воздухе витал такой соблазнительный запах жареных цыплят. Вкус домашней еды и легкого вина, открытость этих гостеприимных людей, обещание ночлега в теплой и чистой постели — благодаря всей этой приятной атмосфере Саманта впервые за несколько месяцев расслабилась по-настоящему. В городе достичь этого никак не удавалось: все ее действия были расписаны буквально по минутам. Последние три недели она почти не спала. Родители только что не довели до ручки. Шестичасовая поездка сюда тоже изрядно потрепала нервы. А потом еще эта история с Роуми. И только здесь наконец Саманта почувствовала — с плеч словно гора свалилась. И еще у нее вдруг проснулся зверский аппетит. Она положила себе еще одну порцию цыплят с рисом, чем очень порадовала хозяев дома.

И Саманта спросила:

— Чуть раньше на крыльце мы говорили о Доноване, и вы сказали, у него были неприятности. Это не обсуждается?

Уатты переглянулись и пожали плечами. Честер чуть помедлил, затем подлил себе в бокал вина. Мэтти отодвинула свою тарелку и сказала:

— У него, у Донована, жизнь сложилась трагически.

— Если это что-то очень личное, то обсуждать, наверное, не стоит, — заметила Саманта, просто из вежливости. Ее так и распирало любопытство.

Но Мэтти не колебалась ни секунды. Не обратила внимания на слова Саманты, и понеслось.

— Да здесь об этом все знают, и никакой это не секрет, — начала она,

отметая даже намек на конфиденциальность. — Donovan — сын моей сестры Розы, увы, уже покойной. Она умерла, когда мальчику было шестнадцать.

— Это долгая история, — вставил Честер, словно предостерегая жену, что вовсе не обязательно рассказывать все.

Но Мэтти не обратила внимания на его слова.

— Отцом Donovan был мужчина по имени Вебстер Грей, и он унаследовал триста акров земли по соседству, в округе Карри. Земли эти принадлежали семейству Грей целую вечность, еще с начала тысяча восьмисотых. Прекрасная плодородная земля, холмы и горы, ручьи и долины, девственные леса. Там родились и росли Donovan и его брат Джефф. Их отец и дед, Кертис Грей, брали мальчиков с собой в лес, едва те научились ходить, охотились и рыбачили, исследовали окрестности. Подобно многим другим ребятишкам в Аппалачах, они выросли на земле. Здесь много красивых мест, сейчас, правда, от них мало что осталось, но владения Греев — это было нечто особенное. После того, как Роза вышла замуж за Вебстера, мы часто собирались семьями, устраивали праздники и пикники. Помню, как Donovan и Джефф, и мои ребятишки, и племянники плавали в горной речке Крукид-Крик, прямо рядом с нашим любимым местом, где мы обычно разбивали лагерь. — Она помолчала и отпила еще глоток вина. — Кертис умер, если мне не изменяет память, в тысяча девятьсот восьмидесятом, и Вебстер унаследовал эти земли. Кертис был шахтером, работал на большой глубине, был строгим и неподкупным членом профсоюза и очень этим гордился, как большинство мужчин его поколения. Но он не хотел, чтобы его сын Вебстер работал в шахтах. Вебстер же, как выяснилось позже, был человеком с ленцой, перескакивал с одного места работы на другое, нигде не задерживался. Семья выживала с трудом, брак был под угрозой. Он пристрастился к бутылке, и это создавало еще больше проблем. Как-то шесть месяцев провел в тюрьме за кражу товаров в магазине, и семья чуть ли не голодала. И мы страшно за них беспокоились.

— Гнилой тип был этот Вебстер, — вставил Честер.

— Самой высокой точкой на их землях была так называемая Серая гора. Достигала в высоту около трехсот футов и была покрыта лесами из ценных твердых пород дерева. Угольные компании были прекрасно осведомлены о местоположении самых богатых залежей угля в Аппалачах: геологические исследования проводились здесь десятилетиями. И для них не было секретом, что в Серой горе залегают самые толстые угольные пласты. На протяжении нескольких лет Вебстер намекал, что может сдать в

аренду часть своих земель под угледобычу, но мы просто не верили ему. Потому как уже догадывались, к каким плачевным последствиям приводят открытые разработки.

— Хотя с сегодняшним днем и не сравнить, — заметил Честер.

— О, нет, даже и сравнивать нечего. Как бы там ни было, но, ничего не сказав семье, Вебстер подписал лизинговое соглашение об открытых разработках Серой горы с компанией из Ричмонда, называлась она «Вейден коул».

— Не нравится мне этот термин, «открытые разработки», — проворчал Честер. — Слишком уж законопослушно звучит. На самом деле речь шла о разрушении горы.

— Вебстер был осторожен. Далеко не дурак, нет. Просто понял, что у него есть шанс заработать хорошие деньги, и нанял опытного юриста для составления этого договора. Вебстер должен был получать по два доллара за тонну угля, гораздо больше, чем зарабатывали другие люди в наших краях. А накануне того дня, когда должны были приехать бульдозеры, Вебстер наконец рассказал Розе и сыновьям о том, что сделал. Ну, конечно, подсластил пилюлю, сказал, что за действиями угольной компании будут следить наблюдатели и контролеры, что земли после всех этих работ будут восстановлены, что большие деньги с лихвой компенсируют все неудобства. Той же ночью мне позвонила Роза, вся в слезах. Ведь в наших краях крайне отрицательно относились к тем собственникам, которые продавали свои земли угольным компаниям, их презирали, и Роза понимала, что будут думать и говорить о них соседи. Сказала, что Вебстер и Донован серьезно поссорились и вообще дела у них хуже некуда. Но это было только начало. На следующее утро целая армада бульдозеров пробила путь на вершину Серой горы — и началось...

— Настоящее насилие над землей, — вставил Честер, удрученно качая головой.

— Да, можно и так сказать. Даже хуже. Они срубали деревья под корень, вершина горы облысела, тысячи тонн ценных пород деревьев сбрасывались вниз, в долину. А потом начался настоящий ад — они стали взрывать горную породу. — Мэтти отпила глоток вина.

Честер продолжил за жену:

— У них был этот замечательный старый дом в долине, неподалеку от Крукид-Крик. Принадлежал семье на протяжении многих десятилетий. Кажется, отец Кертиса построил его в начале века. Фундамент был каменный, крепкий, но и он не выдержал, пошел трещинами. Вебстер устроил компании скандал, бесновался и угрожал, но это была лишь

напрасная трата времени.

Тут снова заговорила Мэтти:

— Пылища поднялась ужасная. Как серый туман висела над долинами у горы. Роза была просто вне себя. И я часто ходила ее проведать, посидеть с ней. Земля содрогалась по нескольку раз на дню, когда гремели взрывы. Стены дома начали крениться, двери не закрывались. Нет нужды говорить, что жизнь семьи превратилась в сущий кошмар. И брак их трещал по швам. «Вейден» срезал вершину горы на целых триста футов, и после этого они вышли на пласт, и когда стали забирать уголь, Вебстер пришел и потребовал свою долю в чеках. А компания все тянула и тянула, но затем все-таки выплатила ему, один раз или два. И гораздо меньше, чем рассчитывал получить Вебстер. Тогда он натравил на них своих юристов, и хозяева компании пришли в ярость. Словом, развернулась самая настоящая война, и все понимали, кто в ней победит.

Честер лишь удрученно качал головой, а потом заметил:

— Ручей в долине пересох, его завалили землей и другими отходами. Вот так все и произошло. За последние двадцать лет мы в Аппалачах потеряли тысячи миль чистых родниковых вод с верховьев. Просто ужасно.

— А потом Роза ушла из дома, — сказала Мэтти. — Вместе с мальчиками поселилась у нас, но Вебстер отказывался покидать свое родовое гнездо. Совсем спился, стал невменяемым. Сидел на крыльце с охотничьим ружьем и грозился, что, если появится кто-то из компании, он его тут же пристрелит. Роза волновалась, как бы с ним что не случилось, и вскоре вместе с мальчиками вернулась домой. Он обещал починить дом, все отремонтировать, как только поступят деньги. Рассылал жалобы наблюдателям, даже выдвинул судебный иск против «Вейден коул», но в суде они его переиграли. Угольную компанию победить трудно.

— Колодезная вода у них была загрязнена серой, — сказал Честер. — Трудно было дышать от пыли, которая поднималась и окутывала все вокруг, — пыли от взрывов и тяжелых грузовиков. Оставаться там было небезопасно, и Роза снова ушла из дома. Прожила с сыновьями в мотеле несколько недель, потом снова ненадолго вернулась. А затем они уехали куда-то еще. Их не было около года, кажется, так, Мэтти?

— Ну, это как минимум. А гора меж тем все уменьшалась, точно таяла по мере того, как они переходили от одного угольного пласта к другому. Больно было смотреть. Цены на уголь к тому времени поднялись, ну и горняки вкалывали как бешеные, без выходных, и нагнали туда целые полчища всякой техники и грузовиков. И вот в один прекрасный день Вебстер получил чек на 30 тысяч долларов. Юрист отослал его назад,

потребовал больше. Это был последний из чеков.

Тут снова заговорил Честер:

— И вдруг все закончилось. Цены на уголь резко упали, глава «Вейден» в тот же день куда-то смылся. Юрист Вебстера выставил им счет на 400 тысяч долларов и штрафные санкции. А примерно через месяц компания «Вейден» объявила себя банкротом и вышла из бизнеса. Переименовалась в новую компанию и до сих пор присутствует в наших краях. И владеет ею какой-то миллиардер из Нью-Йорка.

— И семья так ничего и не получила? — спросила Саманта.

— Суций пустяк, — ответила Мэтти. — Несколько чеков на небольшие суммы в самом начале. Но лишь малую толику того, что должны были получить по договору.

— Распространенный фокус среди угледобывающих компаний, — заметил Честер. — Компания добывает уголь, выкачивает все, что только можно, затем объявляет себя банкротом, чтобы избежать выплат и штрафов. А затем вдруг всплывает где-то еще под другим названием. Те же скверные актеры, только название у театра новое.

— Но это просто чудовищно, — пробормотала Саманта.

— Нет. Все по закону.

— И что же произошло с семьей?

Честер и Мэтти обменялись удрученными взглядами.

— Лучше уж ты расскажи, Честер, — попросила Мэтти и отпила глоток вина.

— Вскоре после того, как «Вейден» свалил, на город обрушился ливень, начался настоящий потоп. Ручьи и реки оказались под завалами, воде некуда было стекать. И она стала искать обходные пути. Затопление — большое бедствие. Со склонов гор в долину обрушились лавины из грязи, обломков деревьев и камней, и на дом Грея обрушился этот страшный поток. Его смяло, раздавило, обломки разбросало на многие мили. К счастью, в тот момент в доме никого не оказалось. Потому что к тому времени жить в нем было уже просто невозможно, даже Вебстер не мог там оставаться. Он направил еще один иск, и снова это была бесполезная трата денег и времени. Банкротство — ничего тут не попишешь. А потом ясным солнечным днем Роза приехала на старое место и нашла лишь несколько камней от фундамента. Она поднялась повыше и бросилась вниз. Покончила с собой.

— О нет, — простонала Саманта и прикрыла рот рукой.

— А Вебстер исчез и никогда больше здесь не появлялся. Говорили, будто он живет в Монтане и неизвестно чем там занимается. Джеффа

отправили к другой тете, а Донован остался с нами. И жил здесь до тех пор, пока не окончил колледж. Работал на трех работах, чтоб поступить в этот колледж, и ко времени окончания четко знал, чем хочет заниматься в жизни. Решил стать юристом и весь остаток жизни посвятить борьбе с угольными компаниями. Мы помогали ему, пока он учился. Потом Мэтти устроила его на работу в свой центр. И он проработал там несколько лет, а затем открыл свою частную юридическую контору. Ему удалось выиграть сотни исков, он воевал с каждой компанией, которая собиралась заняться здесь открытыми разработками. Он безжалостен и бесстрашен.

— И очень умен, — с гордостью заметила Мэтти.

— Что верно, то верно.

— Так он выигрывал все дела? — спросила Саманта.

Они умолкли, обменялись неуверенными взглядами.

А потом Мэтти сказала:

— И да, и нет. Трудно тягаться в судах с угольными компаниями. Дерутся как черти, обманывают, лгут, прячут концы в воду, нанимают законников из крупных юридических фирм вроде твоей, а тем палец в рот не клади — просто крепостные стены возводят перед клиентами. Он и выигрывал, и проигрывал, но всегда боролся.

— И поэтому они его ненавидят, — добавил Честер.

— Да, что есть, то есть. Я вроде бы говорила, что Донован безжалостен, верно? Он не всегда играет по правилам. Считает, что угольные компании нарушают правила и тем самым вынуждают его поступать в точности так же.

— Это и привело к так называемым неприятностям? — спросила Саманта.

— Да, — ответила Мэтти. — Пять лет назад в округе Мэдисон, примерно в сотне миль отсюда, в Западной Виргинии, прорвало дамбу. И целая стена угольного шлама обрушилась в долину и накрыла собой маленький городок Прентис. Четверо погибших под завалами, практически все дома разрушены. Ужас! Что там творилось!.. Донован взялся за это дело, объединился с несколькими юристами по охране окружающей среды в Западной Виргинии и подал крупный иск на федеральном уровне. В газетах даже появились его снимки, об этом деле много писали. А сам он наговорил лишнего. Наряду со всем прочим назвал эту угольную компанию «самой грязной корпорацией в Америке». Ну тут и началось. Анонимные телефонные звонки. Письма с угрозами. Какие-то типы в тени за домом. Они начали его преследовать, и это продолжается до сих пор.

— Значит, Донована преследуют? — спросила Саманта.

— О да, — ответила Мэтти.
— Поэтому он и носит пистолет?
— При чем он у него не один. И он прекрасно знает, как пользоваться оружием, — вставил Честер.

— И вы за него боитесь?

Честер и Мэтти неуверенно заулыбались.

— Да нет, не то чтобы очень, — ответил Честер. — Он знает, что делает. И может о себе позаботиться.

— Как насчет того, чтоб выпить кофе на крыльце?

— Хорошая мысль. Пойду поставлю чайник, — сказал Честер, поднимаясь из-за стола.

Саманта прошла вслед за Мэтти на крыльцо, где уселась в плетеное кресло-качалку. К ночи сильно похолодало. На улице ни души; во многих домах света в окнах не было.

От вина Саманта окончательно осмелела и спросила Мэтти:

— И что же произошло с этим иском?

— Спорная ситуация разрешилась в прошлом году. Было достигнуто конфиденциальное мировое соглашение.

— Ну хорошо, если ситуация разрешилась, почему его до сих пор преследуют?

— Потому, что он их враг номер один. И когда его вынуждают, способен пустить в ход любые, даже самые грязные средства. И компании это знают.

Появился Честер, принес поднос с кофе, поставил на столик и ушел мыть посуду. Саманта, покачиваясь в кресле, отпила несколько глотков, потом почувствовала, что ее клонит в сон.

— У меня в машине сумочка с ночными принадлежностями, — сказала она. — Пойду принесу.

— Я с тобой, — сказала Мэтти.

— Но ведь нас пока вроде бы никто не преследует?

— Нет, дорогая. Мы в безопасности.

И обе они скрылись в темноте.

Глава 7

Двое джентльменов справа от нее глотали виски и лихорадочно обсуждали способы спасения Фанни Мэй.^[8] Трое слева, по всей видимости, работали в Министерстве финансов, ставшем эпицентром коллапса. Они заливали в себя martini без всякого уважения к налогоплательщикам. Во всех уголках быстро «Венеция» шли разговоры исключительно о конце света. Какой-то болтун у нее за спиной во весь голос пересказывал свой сегодняшний разговор со старшим советником по проведению предвыборной кампании с участием Маккейна и Пэйлин. Якобы он дал целую кучу ценнейших советов, но опасался, что их не примут в расчет. Два бармена сокрушались по поводу рухнувшего рынка ценных бумаг, словно сами потеряли миллионы. Кто-то вещал о том, что Федеральная резервная система могла бы предпринять те или иные шаги, что у Буша никуда не годные советники, Обаму интересуют лишь результаты экзит-поллов, «Голдман Сакс»^[9] отчаянно нуждается в наличных, а заказы на промышленные товары в Китае резко сократились.

Саманта находилась в эпицентре этой бури, пила диетическую колу и ждала отца, который уже довольно сильно опаздывал. Вдруг она подумала о том, что, пожалуй, ни один из жителей Брэйди не имеет ни малейшего представления о том, что мир находится на грани финансовой депрессии. Возможно, именно горы защищают это место, надежно изолируют его от всей остальной страны. Или же они уже настолько давно живут в этом депрессивном состоянии, что еще одна катастрофа для них ничего не значит. Тут у нее завибрировал мобильник, и она достала его из кармана. Звонила Мэтти Уатт.

— Как доехала, Саманта? — спросила она.

— Отлично, Мэтти. Я уже в Вашингтоне.

— Хорошо. Послушай, мы только что провели совещание, и все члены совета единодушно проголосовали за тебя. Сегодня днем провела собеседование еще с одним претендентом, довольно нервным молодым человеком. Да, он тоже из твоей фирмы, но, думаю, нам не подходит. У меня сложилось впечатление, что он просто уселся в машину и поехал куда глаза глядят, лишь бы убраться подальше от Нью-Йорка. И я не уверена в его стабильности. Ни я, ни Донован не увидели в нем потенциала, и ему отказали почти сразу. Когда сможешь приступить к работе?

— А с Роуми он не сталкивался?

Мэтти усмехнулась и ответила:

— Нет, не думаю.

— Мне еще нужно съездить в Нью-Йорк, уладить там кое-какие дела. Так что смогу быть в понедельник.

— Вот и отлично. Только предупреди меня накануне. Позвони.

— Ладно, спасибо, Мэтти. Ну, до встречи.

Саманта увидела отца и отошла от стойки бара. Официантка подвела их к столику в углу, подала меню. Народу в ресторане было полно, отовсюду доносились нервные, возбужденные голоса. Минуту спустя к ним подошел управляющий во фраке и мрачно заявил:

— Прошу прощения. Но этот столик занят.

Маршал грубо рявкнул в ответ:

— Извини, приятель, не понял?

— Прошу вас, сэр, пожалуйста, не могли бы вы пересесть за другой столик?

В этот момент на улице, рядом с рестораном, остановился караван черных внедорожников. Дверцы распахнулись, из машин высыпала целая армия агентов. Саманта с Маршалом отошли от столика и вместе с другими посетителями наблюдали за этим цирком через витрины. Такое шоу — явление в Вашингтоне довольно обычное, и в тот момент все лишь гадали, кто же приехал. Может, сам президент? Или Дик Чейни? Что за шишка, о которой потом можно будет рассказать, что они удостоились отобедать с ней в одном ресторане? Наконец VIP-персона вышла из машины и ее провели внутрь, а остальные так и застыли, разинули рты и ждали.

— Кто это, черт возьми? — спросил кто-то.

— Никогда прежде не видел.

— Вроде бы тот парень из Израиля, ну, посол.

По ресторану пронесся вздох разочарования — посетители поняли, что весь этот сыр-бор поднялся из-за какой-то второсортной знаменитости. Но несмотря на то, что ее никто не узнал, по всему было видно, что человек это не простой. Его столик — то есть прежний столик Коферов — отодвинули в самый дальний угол и прикрыли взявшейся неведомо откуда ширмой. Но ведь в любом солидном ресторане округа Колумбия непременно должны храниться раздвижные ширмы, разве нет? VIP прошел со своей спутницей к столику, по мере сил стараясь выглядеть естественно — обычным парнем, заскочившим перекусить. Тем временем его телохранители патрулировали тротуар и осматривали улицу в поисках террористов-смертников.

Маршал послал управляющего куда подальше и обернулся к Саманте:

— Пошли отсюда. Знаешь, временами я просто ненавижу этот город.

Они прошли три квартала по Висконсин-авеню и нашли паб, судя по всему, не пользующийся популярностью у джихадистов. Саманта заказала себе еще одну диетическую колу, Маршал попросил принести двойную водку.

— Ну, как там все прошло? — спросил он у дочери. Он уже допытывался по телефону, что да как, но ей хотелось приберечь самое интересное до встречи.

Саманта улыбнулась и начала с Роуми. И вдруг где-то на середине неожиданно для себя поняла, что это приключение ей даже понравилось. Маршал пришел в бешенство, грозился подать в суд неизвестно на кого, но затем, выпив еще немного водки, успокоился. Они заказали пиццу, и Саманта принялась описывать ужин с Мэтти и Честером.

— Но ведь не всерьез же ты собралась там работать? — осторожно спросил отец.

— Меня взяли на работу. Попробую продержаться несколько месяцев. Если надоест, вернусь в Нью-Йорк и попробую устроиться на должность продавщицы обуви в «Барнис».^[10]

— Тебе вовсе не обязательно торговать ботинками или работать по специальности в какой-то дыре. Сколько у тебя денег в банке?

— Достаточно, чтобы выжить. А сколько в банке у тебя?

Он нахмурился, отпил еще глоток. Саманта продолжила:

— Наверняка много, я права? Мама убеждена, что ты припрятал в офшоре целую тонну золота да еще кинул ее при разводе. Это правда?

— Нет, неправда. Но в любом случае — неужели думаешь, я бы тебе признался?

— Да никогда. Отрицать, отрицать, отрицать все подряд — вот главное правило адвоката по криминальным делам, верно?

— Откуда мне знать? И кстати, я честно сознался в своих преступлениях. Да и что ты вообще понимаешь в уголовном праве?

— Ничего, но учусь. И уже сдвинулась в мертвой точки. Была арестована.

— И я тоже был, и не советую продолжать в том же духе. Еще повезло, что тебе не надели наручники. Ну, что еще говорит обо мне твоя мамочка?

— Ничего хорошего. Где-то в самой глубине моего утомленного сознания часто возникает такая картина: мы все трое сидим за обедом в шикарном ресторане. Но не как семья, боже упаси! А как трое взрослых, у которых есть хоть что-то общее.

— Лично я только «за».

— А вот она — нет. Слишком много накопилось претензий.

— И как все это изменить?

— Прости, не знаю. Скажи, а ты когда-нибудь выдвигал иск против угледобывающей компании?

Маршал поболтал кубики льда в бокале — он подавал иски против слишком многих корпораций — и грустно ответил дочери:

— Нет, не припоминаю. Я специализировался по авиационным катастрофам, но Фрэнку, одному из моих партнеров, как-то довелось судиться с угольщиками. Речь шла о какой-то экологической катастрофе, связанной с вредными отходами, которые прорвались из хранилища. Фрэнк предпочитал не распространяться на эту тему, из чего можно сделать вывод, что дело он проиграл.

— Это называется шлаком, или шлаком, возьми себе на заметку. Токсичные отходы, образующиеся после промывки угля. Компании хранят их за насыпными земляными дамбами, вся эта гадость гниет там годами, проникает в почву и загрязняет питьевую воду.

— Боже, смотрите, какие мы стали умные!

— О да, я действительно многое узнала за один день. А тебе известно, что в округах, где развита угледобыча, самая высокая смертность от рака в стране?

— Звучит как фраза из искового заявления.

— Эти иски очень трудно выиграть в суде, потому что уголь — это король, а многие судьи симпатизируют угольным компаниям.

— Знаешь, это просто замечательно, Саманта. Наконец-то мы говорим о реальном праве, а не строительстве каких-то там небоскребов. Я тобой горжусь. Давай вместе подадим судебный иск против кого-нибудь.

Принесли пиццу, и какое-то время они ели ее в молчании. Мимо прошла фигуристая брюнетка в короткой юбочке, и Маршал, перестав жевать, тарачился на нее секунду-другую. Потом взял себя в руки и сделал вид, что дамочка эта ему совсем неинтересна.

— А какой именно работой ты будешь там заниматься? — осторожно спросил он, все еще косясь на короткую юбочку.

— Послушай, тебе уже шестьдесят, а она моего возраста. Когда наконец перестанешь пялиться?

— Никогда. Что в этом плохого?

— Не знаю. Просто думаю, это первый шаг к знакомству.

— Ты совсем не понимаешь мужчин, Саманта. Мы чисто автоматически обращаем внимание на красивых женщин. Никому и никогда это занятие еще не вредило. Мы все на них смотрим. Так что

перестань.

— Но неужели не можешь удержаться?

— Нет. И вообще, к чему этот разговор? Я предпочел бы обсудить подачу исков угольным компаниям.

— Ну, я пока мало что знаю. Рассказала все.

— Так ты будешь подавать против них иски?

— Сомневаюсь. Но я познакомилась с парнем, который только этим и занимается. Он был еще ребенком, когда потерял дом и семью. И все из-за открытых разработок. И у них там самая настоящая вендетта. Он даже носит пистолет. Сама видела.

— Парень? Он тебе понравился?

— Он женат.

— Вот и хорошо. Не стоит влюбляться в какую-то деревенщину. А почему он носит пистолет?

— Думаю, не он один. Там таких много. Говорит, что угольные компании его возненавидели. И вообще это долгая история, и связана она с насилием в бизнесе.

Маршал вытер губы бумажной салфеткой, отпил глоток воды.

— Позволь мне подвести итоги тому, что я только что услышал. Это место, где сумасшедшим разрешают носить форму, называть себя констеблями, водить машины с проблесковыми маячками и сиренами, останавливать водителей с номерами других штатов и иногда даже тащить их в тюрьму. Другие, по всей видимости, не совсем умственно отсталые, занимаются юридической практикой и имеют при себе пушки. Есть там и такие, кто предлагает временную работу юристам с высшим образованием, но не намерен платить им ни цента.

— Что ж, анализ хоть куда.

— И ты хочешь начать в понедельник утром?

— Ты меня правильно понял.

Маршал лишь покачал головой и взял еще кусок пиццы.

— Думаю, это будет покруче, чем служба Закону с большой буквы на Уолл-стрит.

— Посмотрим.

Блит удалось ненадолго вырваться с работы, и они встретились за ленчем в небольшом, но людном кафе неподалеку от ее конторы, где за салатом договорились о следующем: Саманта будет платить свою долю аренды еще три месяца — дольше просто не сможет себе позволить. Блит отчаянно цеплялась за свою работу и уже более оптимистично смотрела в

будущее: увольнение ей пока что не грозило. Ей очень хотелось сохранить эту квартиру, но полную выплату она не осилит. Саманта заверила ее: весьма велика вероятность того, что вскоре она вернется в город и подыщет себе какую-нибудь работенку.

Позже в тот же день она встретилась с Изабель, чтобы попить кофе и посплетничать. Сумки у Изабель были набиты битком, она собиралась ехать домой, в Уилмингтон, где жила у сестры в комнате в подвале. Она собиралась стать интерном в адвокатской группе по защите прав ребенка и одновременно искать какую-нибудь настоящую оплачиваемую работу. Настроение у нее было хуже некуда, она крайне пессимистично смотрела в будущее. Они обнялись на прощание, и у обеих возникло печальное предчувствие, что встретятся они еще не скоро.

Здравый смысл подсказывал Саманте, что надо взять в Нью-Йорке машину напрокат, загрузить ее и отправиться на юг. Она стала звонить, но вскоре выяснилось, что на любой взятой напрокат машине будут нью-йоркские номера. Может, лучше было бы взять машину в Нью-Джерси или даже в Коннектикуте, но в любом случае номера всех этих трех штатов будут в Брэйди как красный флажок. Ей никак не удавалось выбросить из головы этого сумасшедшего Роуми: ведь он все еще на свободе и наверняка патрулирует дороги в своем маскараде.

И вот вместо этого она вызвала такси, собрала все необходимые ей вещи, загрузила в машину два чемодана и объемистую полотняную сумку и поехала на вокзал. Села на поезд на Пенн-стейшн, а через пять часов поймала уже другое такси — на Юнион-стейшн в Вашингтоне — и отправилась домой к матери. Заказав суши, они с Карен сидели в пижамах, ели и смотрели по телевизору какой-то старый фильм. О Маршале не упоминали ни разу.

На сайте торгово-прокатной фирмы «Гаско» в Фоллс-Черч^[11] рекламировались самые разные подержанные автомобили, взять их можно было на самых выгодных условиях: «оформление без бумажной волокиты, купить страховку можно просто и дешево, все клиенты всегда были довольны». Саманта плохо разбиралась в машинах, но что-то подсказывало ей, что лучше и куда как безопасней взять автомобиль местного производства, а не заграничную машину, какую-нибудь японскую, например. Она еще немного покопалась в Сети, и ей приглянулся средних размеров «форд» выпуска 2004 года с открывающейся задней дверцей. Она связалась по телефону с продавцом, и тот сказал, что машина еще «не ушла», мало того, он гарантировал, что на ней будут номера штата Виргиния. «Да, мэм, и спереди, и сзади». Она отправилась в Фоллс-Черч на

такси и встретила с Эрни — так звали продавца. Эрни показался ей типом легкомысленным — слишком много болтал и мало что видел. Будь он повнимательнее, то заметил бы, как нервничала Саманта, оформляя напрокат поддержанную машину на целых двенадцать месяцев.

Она даже подумывала позвонить отцу, посоветоваться, но затем решила, что не стоит. Пыталась убедить себя, что как-нибудь и сама справится с этим, в общем-то, несложным делом. И вот, проведя два часа с Эрни, она уехала на «форде», который никому не бросался в глаза и владелец которого, судя по номерам, проживал в штате Виргиния.

Глава 8

Первая встреча с новым клиентом должна была состояться в восемь утра. К счастью для Саманты, которая понятия не имела, как проводить эти встречи, Мэтти пообещала контролировать ситуацию.

— А ты сиди и просто записывай, хмурься и старайся выглядеть интеллигентно.

— Без проблем!

Именно так ей удалось продержаться и выжить первые два года в «Скалли энд Першинг».

Клиентом оказалась Леди Пёрвис, сорокалетняя мать троих подростков, чей муж Стоки находился в данный момент в тюрьме в соседнем округе Хоппер. Мэтти не стала спрашивать, является ли Леди настоящим именем этой дамочки; если понадобится, можно будет выяснить позже. Но простецкая внешность и соленые словечки позволяли предположить: вряд ли родители миссис Пёрвис могли назвать дочку Леди. По всей видимости, она прожила нелегкую жизнь где-то в глубинке и страшно разозлилась, когда Мэтти сказала, что у них в офисе не курят. Саманта усердно хмурилась и строчила в блокноте, не произнося ни слова. С первого же предложения стало ясно: жизнь этой женщины сплошное невезение и несчастье. Семья жила в трейлере, причем заложенном, они вечно опаздывали с выплатами, постоянно во всем отставали и плелись в самом хвосте. Двое старших ребят бросили школу, старались найти работу, но работы не было. Ни здесь, в округе Ноланд, ни в Хоппере, ни в Карри. Ребята даже грозились, что уйдут на запад, где, может, им удастся устроиться сборщиками апельсинов. Леди умудрялась подрабатывать в разных местах, по уик-эндам занималась уборкой, сидела с ребяташками за пять баксов в час — была готова на все, лишь бы получить лишний доллар.

Преступление Стоки заключалось в превышении скорости. Его задержали, потребовали показать права, и выяснилось, что они у него просрочены на два дня. Штраф и судебные издержки обошлись в 175 долларов, но этих денег у него не было. Власти округа Хоппер подписали контракт с частным предприятием, которое должно было выбивать долги из Стоки и ему подобных бедняков и неудачников, совершивших мелкие правонарушения, в том числе связанные с вождением. Если б он подписал чек, его бы отпустили домой. Но поскольку Стоки был беден, как церковная крыса, его дело рассматривалось в особом порядке. Судья передал его на

рассмотрение АНИ — Ассоциации по надзору за исполнением судебных решений. Леди и Стоки встретились с представителем АНИ в суде, и тот объяснил, по какой схеме будут производиться выплаты. Его компания разбивала их на несколько категорий — одна называлась первичной выплатой и равнялась 75 долларам; вторая — ежемесячной — по 35 долларов; третья, последняя, исчислялась из общей суммы и называлась окончательной. В данном случае она равнялась всего 25 долларам. Вместе с судебными издержками и прочими мелкими расходами набежало 400 долларов. Они решили, что будут выплачивать по 50 долларов в месяц — это был минимум, установленный АНИ, — однако затем сообразили, что 35 из 50 долларов будут уходить на ежемесячные выплаты. И тогда они попытались оспорить это решение и договориться как-то по-другому, но представители АНИ стояли насмерть. После двух выплат Стоки бросил это дело, и вот тут-то у них и начались серьезные неприятности. После полуночи в трейлер к ним заявились два пристава и арестовали Стоки. Леди сопротивлялась, их старший сын — тоже, и тогда приставы пригрозили, что быстро усмирят их новенькими электрошокерами. А когда Стоки вновь предстал перед судом, выяснилось, что сумма иска возросла, к ней прибавились еще и новые штрафные выплаты. И теперь она составляет 550 долларов. Стоки пытался объяснить, что разорен, что у него нет работы, и тогда судья отправил его в тюрьму. Он сидит там вот уже два месяца. А тем временем АНИ не перестает дергать их по поводу ежемесячных выплат, которые неким таинственным образом повысились до 45 долларов.

— Чем дольше он будет сидеть, тем глубже мы увязнем, — сказала вконец расстроенная Леди.

В маленьком пакетике она держала все бумаги, и Мэтти стала их сортировать. Там были гневные письма от производителя трейлера, который дал им кредит на его покупку, документы о потере прав выкупа, просроченные счета за электричество и газ, налоговые уведомления, судебные документы и целая кипа различных бумаг от АНИ. Мэтти читала их и передавала Саманте, которая понятия не имела, что делать с этим длинным списком человеческих несчастий.

Тут Леди не выдержала и пробормотала:

— Мне надо покурить. Выйду на пять минут. — Руки у нее дрожали.

— Конечно, — кивнула Мэтти. — Вот туда, на крылечко.

— Спасибо.

— Сколько пачек в день?

— Только две.

— Какие предпочитаете?

— «Чарли». Знаю, пора бы бросить, и пыталась, но только они помогают успокоить нервы. — Она схватила сумочку и вышла из комнаты.

— «Чарли» — самая популярная марка в Аппалачах, — сказала Мэтти, — из-за дешевизны, хотя стоят четыре бакса за пачку. Получается восемь баксов в день, двадцать пять в месяц, и еще готова поспорить, что и Стоки дымит не меньше. Так что на одни только сигареты у них выходит по пятьсот в месяц. И одному богу ведомо, сколько еще на пиво. А будь у людей лишний доллар, они бы купили лотерейных билетов.

— Странно, — заметила Саманта. — Зачем все это? Они могли бы оплатить все штрафы за месяц, и он вышел бы из тюрьмы.

— Они мыслят иначе. Курение сродни наркозависимости. От этой пагубной привычки трудно избавиться.

— Ладно. Тогда могу я задать еще один вопрос?

— Конечно. Я даже догадываюсь, о чем. Ты хочешь понять, как человек, подобный Стоки, мог оказаться в долговой тюрьме, и это при том, что по закону такое наказание отменено в нашей стране двести лет назад. Я угадала?

Саманта кивнула. Мэтти меж тем продолжала:

— Мало того, ты также считаешь, что сажать человека в тюрьму лишь за то, что он не в состоянии расплатиться с долгами и штрафами, — это нарушение равенства перед законом, предусмотренного четырнадцатой поправкой. И еще ты, несомненно, знакома с решением Верховного суда от тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, фамилии судьи не помню, который постановил, что перед тем, как посадить человека в тюрьму за неуплату штрафа, следует доказать, что он или она намеренно не желают платить. Иными словами, он может заплатить, но отказывается. И все такое прочее, правильно?

— Да, изложено все четко.

— Все это происходит сплошь и рядом. АНИ продавливают такие решения по мелким правонарушениям в судах доброй дюжины южных штатов. В среднем власти окружного уровня собирают около тридцати процентов общего дохода по штрафам. Тут вмешивается АНИ и предлагает повысить этот показатель на семьдесят процентов, причем не за счет налогоплательщиков. Они заявляют, что эта недовостача обусловлена поведением типов, подобных Стоки, которые уклоняются преднамеренно. Каждый город и округ нуждаются в деньгах. Вот они и подписываются на сотрудничество с АНИ, и дела передаются в суд. Жертвам назначают испытательный срок, и если они не заплатят, их отправляют за решетку, где

они содержатся уже за счет налогоплательщиков. Так что расходы вновь возрастают. На питание и содержание Стоки уходит примерно тридцать долларов в день.

— Но это незаконно.

— Законно, ведь формально вроде бы законы не нарушены. Они бедные люди, Саманта, они на самом дне, и для таких законы здесь другие. Вот почему мы в бизнесе, фигурально выражаясь.

— Но это просто ужасно.

— Да, и может стать еще хуже. Как злостного уклониста от выплат Стоки могут лишить талонов на питание, медицинской помощи на дому, водительских прав. Черт, да в некоторых штатах человека могут даже лишить права голоса на выборах за то, что он не позаботился зарегистрироваться.

Вернулась Леди, от нее разило табаком, но, похоже, нервы ее курение не успокоило. Они продолжили разбирать ее неоплаченные счета.

— Сможете мне хоть чем-то помочь? — слезливо спросила она.

— Конечно, — придав голосу оптимизма, ответила Мэтти. — Я уже провела несколько успешных переговоров с АНИ. Там не привыкли, чтобы в их дела вмешивались юристы, и, хоть они и строят из себя крутых, пригрозить им ничего не стоит. Ведь они понимают, что не правы, а потому боятся, как бы кто их не прищучил. И потом, я знаю здешнего судью, знаю, как им надоело кормить таких, как Стоки. Мы можем его вытащить, а потом пристроить на работу. А затем, скорее всего, объявим вашу семью банкротами, чтобы сохранить дом и избавиться от каких-то счетов. Я еще повоюю с коммунальщиками.

Она так бойко перечисляла все эти меры, словно они уже были приняты, и Саманте сразу полегчало. Леди выдавила улыбку, первую и единственную за всю встречу.

— Дайте нам пару дней, и мы составим план действий, — сказала Мэтти. — Можете звонить Саманте, если возникнут какие-то вопросы. Она будет в курсе того, как продвигаются дела.

Сердце у интерна забилося при упоминании ее имени. И еще ей показалось, что она ничего не знает и не понимает, а потому вряд ли справится.

— Так, значит, теперь у вас два юриста? — спросила Леди.

— Точно.

— И вы, это... работаете здесь бесплатно?

— Верно, Леди. Мы обеспечиваем юридическую помощь. И оказываем бесплатные услуги.

Тут Леди закрыла лицо руками и разрыдалась.

Саманта еще не вполне оправилась после первой встречи с клиентом, как ее вызвали на вторую. Аннет Бривард, «младший партнер» Центра юридической помощи, решила, что новому интерну будет полезно в полной мере осознать, что такое домашнее насилие.

Аннет была разведенкой с двумя детьми и жила в Брэйди уже десять лет. Прежде она обитала в Ричмонде и работала в юридической фирме средней руки, но развод прошел с осложнениями, что и заставило ее собрать вещи и уехать. Она убежала в Брэйди с детьми и устроилась к Мэтти, потому что другой работы по ее профилю здесь просто не было. Поначалу у нее не было планов задерживаться в Брэйди, но человек предполагает, а Бог располагает. Она поселилась в старом доме на окраине города. За домом находился гараж, над которым была выстроена двухкомнатная квартирка. Она и должна была стать для Саманты домом на ближайшие несколько месяцев. Аннет решила, что раз интерну не платят, то и жилье тоже должно быть бесплатным. Они чуть не поссорились из-за этого, но Аннет удалось настоять на своем. Другого выбора у Саманты не было, и она въехала в квартирку над гаражом, пообещав, что будет бесплатно сидеть с детьми Аннет. Ей даже разрешили поставить в гараж «форд».

Следующим клиентом оказалась женщина тридцати шести лет по имени Фиби. Она была замужем за Рэнди, и прошлый уик-энд сложился для супругов не лучшим образом. Рэнди сидел в тюрьме в шести кварталах от дома (в той самой тюрьме, пребывания в которой счастливо удалось избежать Саманте), а Фиби теперь находилась у них в офисе — с подбитым левым глазом, порезом на носу и страхом во взгляде. Проявляя исключительное сочувствие и понимание, Аннет удалось разговорить Фиби. И снова Саманта хмурилась с умным видом, молчала и строчила в блокноте, не переставая удивляться, как много сумасшедших проживает в этих краях.

Тихим, усыпляющим даже Саманту голосом Аннет побуждала Фиби рассказать свою историю. Последовало целое море слез и эмоций. Рэнди пристрастился к мету, еще и приторговывал им. А кроме того, бил жену вот уже года полтора. Пока был жив отец Фиби, Рэнди ее не трогал — он побаивался тестя, — но два года назад отец Фиби скончался, тут и начались избиения. Рэнди все время грозился ее убить. Да, она тоже баловалась наркотой, но так, самую малость, и наркоманкой ее назвать было нельзя. У них было трое ребятишек, старшему меньше десяти. У нее

это второй брак, у Рэнди — третий. Рэнди уже стукнуло сорок два, он старше Фиби, и еще у него полно приятелей среди торговцев наркотой. Она боялась этих парней. Деньги у них имелись, а потому в любой момент Рэнди могли выпустить под залог. А стоит ему выйти из тюрьмы, он забьет ее до смерти, это точно. Он был вне себя от ярости, когда Фиби вызвала полицию и его забрали. Но он хорошо знает шерифа, так что в тюрьме его долго держать не будут. Он будет избивать ее до тех пор, пока она не заберет заявление. Она извела целую упаковку бумажных платков — на протяжении всего рассказа слезы лились рекой.

Время от времени Саманта вписывала в блокнот не относящиеся к делу вопросы: например, «Что я здесь делаю?» или «Куда я вообще попала?».

Фиби боялась возвращаться в дом, который они снимали. Троих детей спрятала у тетки — та жила в Кентукки. Судебный пристав сказал ей, что Рэнди предстанет перед судом вроде бы в понедельник. Может, он прямо сейчас просит судью выпустить его под залог, договаривается со своими друзьями и, как только те выложат пачку наличных, уйдет домой.

— Вы должны мне помочь, — твердила Фиби, — иначе он меня убьет.

— Нет, не убьет, — уверенно заявила Аннет.

Видя слезы Фиби, страх в ее глазах, читая язык ее тела, Саманта склонялась к мысли, что несчастная права: Рэнди в любую минуту может заявиться домой и начать буйствовать. Но Аннет, похоже, ничуть не волновала такая возможность. Она видела нечто подобное тысячу раз, догадалась Саманта.

— Саманта, — сказала Аннет, — посмотри в Интернете список дел, заявленных к слушанию. — Она продиктовала электронный адрес сайта, на котором размещались данные о структурах власти округа Ноланд. Интерн быстро открыла ноутбук, начала поиск и какое-то время не обращала внимания на слезы и возгласы Фиби.

— Я должна получить развод, — говорила Фиби. — Я туда ни за что и никогда не вернусь.

— Хорошо. Тогда прямо завтра мы подадим заявление о разводе и добьемся судебного запрета на общение с вами.

— Это как понимать?

— Да очень просто. Из суда поступит предписание, и если он его нарушит, то судья рассердится и снова упечет его за решетку.

На лице Фиби промелькнула улыбка — всего на секунду.

— Я должна уехать из города, — сказала она. — Здесь мне никак нельзя оставаться. Он опять накачается дурью и забудет про всякие там

судебные предписания. И придет за мной. Надо, чтобы его подержали там подольше. Можно это как-нибудь устроить?

— В чем он обвиняется, Саманта? — спросила Аннет.

— «Умышленное нанесение телесных повреждений при помощи оружия», — прочла с экрана Саманта. — Дело будет рассматриваться в суде сегодня, в час дня. Никакого залога внесено не было.

— Умышленное нанесение повреждений оружием? Чем же он вас избивал, Фиби?

Тут слезы снова хлынули потоком, и Фиби принялась вытирать щеки тыльной стороной ладони.

— У него есть пушка, ну, пистолет. И мы держим его в ящике на кухне, разряженным, из-за детишек, на всякий случай. А патроны на холодильнике. Мы дрались и кричали, он достал пистолет и вроде бы собирался его зарядить. И я подумала, что он сейчас меня прикончит. Пыталась выхватить пистолет у него из рук, ну тут он и ударил меня по голове рукояткой. Пистолет упал на пол, и тогда Рэнди принялся избивать меня уже руками. Я выскочила из дома, забежала к соседям и вызвала полицию.

Аннет подняла руку, чтобы остановить ее.

— Вот это и есть нанесение телесных повреждений с применением оружия. — И она окинула Саманту и Фиби многозначительным взглядом. — В штате Виргиния за это дают от пяти до двадцати лет, в зависимости от обстоятельств — вида оружия, тяжести ранения и прочее.

Саманта вновь принялась лихорадочно строчить в блокноте. Она слышала об этом, но много лет назад, когда училась в юридическом колледже.

Аннет меж тем продолжала:

— Вот что, Фиби. Ваш муж наверняка будет говорить, что вы первой схватили оружие, ударили его и все такое прочее. Мало того, он даже может выдвинуть против вас обвинения. И что вы тогда на это ответите?

— Да этот гад на десять дюймов выше и весит фунтов на сто больше. Никто в здравом уме не поверит, что я затеяла с ним драку. А копы, если их спросят, подтвердят, что он был пьян и под кайфом. Да он и с ними тоже подрался, и они утомили эту жирную задницу только электрошокером.

На губах Аннет заиграла довольная улыбка. Она взглянула на часы, открыла папку, достала из нее несколько листков.

— Мне надо позвонить, вернусь через пять минут. А ты, Саманта, возьми пока этот вопросник по разводам. Тут все очень просто. Заполните его вместе с Фиби, постарайтесь собрать наиболее полную информацию.

Буду через полчаса.

Саманта взяла вопросник с самым невозмутимым видом, точно успела заполнить дюжины таких бумаг.

Час спустя она вошла в свой маленький офис, закрыла глаза и с облегчением выдохнула. Прежде в этом помещении была кладовая, совсем крошечная. Из обстановки два расшатанных стула и круглый столик, застеленный клеенкой. Мэтти и Аннет извинились за убогую обстановку и пообещали в ближайшем будущем обновить ее. Зато тут было большое окно с видом на автостоянку. И Саманта радовалась, что в комнате у нее светло.

Надо сказать, ее рабочий «кабинет» в Нью-Йорке был не намного просторнее. Вопреки желанию, мысленно она то и дело возвращалась в Нью-Йорк, думала о своей огромной фирме, о связанных с ней надеждах и разочарованиях. Она заулыбалась, осознав, что теперь времени у нее хватает, что никто не давит, не заставляет трудиться сверхурочно, чтобы зарабатывать еще больше денег для хозяев, не без умысла когда-нибудь стать такой же, как они. Она взглянула на часы: ровно 11 утра, и пока она не потратила зря ни одной минуты. И не потратит. Тут вдруг задребезжал старенький телефон, и ей ничего не оставалось, как снять трубку.

— Вам звонят по второй линии, — сказала Барб.

— Кто? — нервно спросила Саманта. Сюда ей звонили в первый раз.

— Парень по имени Джо Дункан. Мне лично это имя ни о чем не говорит.

— А о чем он хочет поговорить?

— Он не сказал. Заявил, что ему срочно нужен юрист, а Мэтти и Аннет сейчас заняты. Так что он весь ваш.

— А по какому вопросу? — спросила Саманта и покосилась на шесть миниатюрных небоскребов, выстроившихся на шкафчике для картотеки.

— По соцобеспечению. Смотрите, тут надо аккуратнее. Вторая линия.

Барб с неполным рабочим днем «стояла на передовой», отвечала на звонки в приемной. Саманта видела ее лишь несколько секунд утром, когда пришла на работу и их познакомили. Еще в центре трудилась Клодель, девушка с неоконченным юридическим образованием, но сегодня ее не было. Словом, настоящее бабье царство.

Она нажала вторую кнопку и бросила в трубку:

— Саманта Кофер.

Мистер Дункан поздоровался, затем долго допытывался, действительно ли она дипломированный юрист. Она заверила его, что именно так, но в последний момент сама засомневалась и подумала: он

уловит сомнение в ее голосе и сразу же отстанет. Однако ничего подобного не произошло. Дункан заявил, что прошел через настоящий ад и хочет поговорить об этом. На него и его семью обрушилась целая волна несчастий, и, судя по первым десяти минутам повествования, проблем у него хватало, чтобы загрузить работой маленькую юридическую фирму на несколько месяцев. Он был безработным — его несправедливо уволили, но это совсем другая история, — главные проблемы были со здоровьем. У него диагностировали повреждение диска нижнего отдела позвоночника, а потому работать он теперь не может. Он хотел получить инвалидность, но в соцобеспечении ему отказали. И вот в итоге он может потерять все.

Саманта не могла ничего ему предложить, а потому терпеливо выслушивала его исповедь. Однако через полчаса ей это надоело. Оборвать разговор с таким человеком было трудно — он впился в нее, как пиявка, — но она обещала немедленно связаться со специалистом из соцобеспечения, изложить его проблему, а затем непременно уведомить его о результате.

К полудню Саманта устала и жутко проголодалась. Несколько часов она провела за чтением целого вороха разных бумаг и документов, старалась произвести на клиентов благоприятное впечатление, в глубине души боялась, что не соответствует новой должности, а значит, ее снова вышвырнут на улицу. Но эта усталость и напряжение отличались от тех, в которых она прожила последние три года. Она устала от ужаса, который испытывала при виде реальных человеческих несчастий. При виде доведенных до крайности людей, у которых почти не осталось надежды и которые обращались к ней за помощью.

Для остальных же сотрудников фирмы это был обычный понедельник. Они встретились за ленчем в зале для совещаний, принесли с собой еду в бумажных пакетиках. Быстро ели и обсуждали новые дела, клиентов, разные другие вопросы. Но в этот понедельник главной темой разговора стала, конечно, новый интерн. Всем не терпелось испытать ее, узнать поближе. И в конце концов Саманту все же удалось разговорить.

— Вообще-то мне нужна помощь, — созналась она. — Только что говорила по телефону с человеком, которому соцобеспечение отказало в статусе нетрудоспособного. Что бы это ни значило.

Ее слова встретили дружным взрывом смеха. Очевидно, такую реакцию вызвал именно термин «нетрудоспособность».

— Мы больше не занимаемся делами, связанными с соцобеспечением, — сказала Барб.

— Как его имя? — спросила Клодель.

Саманта помедлила с ответом, посмотрелась в лица новых коллег.

— Так, тогда проясним для начала. Я насчет конфиденциальности. Имеете ли вы — то есть мы — право открыто обсуждать друг с другом свои дела или здесь действует принцип конфиденциальности между юристом и его клиентом?

Это вызвало еще более громкий взрыв смеха. И все четверо разом заговорили, засмеялись, захихикали, продолжая жевать свои сандвичи. И Саманте сразу же стало ясно — здесь, в стенах конторы, эти четыре женщины открыто обсуждают все и всех.

— Внутри фирмы игра ведется в открытую, — сказала Мэтти. — Но за порогом — ни гугу.

— Что ж, хорошо.

— Звонил Джо Дункан, — сказала Барб. — Вроде бы что-то припоминаю.

— Он был у меня несколько лет назад, — кивнула Клодель. — Составил и отправил заявление, ему отказали. Вроде бы у него были проблемы с плечом.

— Теперь болезнь распространилась то ли на позвоночник, то ли на нижние конечности, — сообщила Саманта. — И, судя по всему, дела у него хуже некуда.

— Он серийный жалобщик, — заметила Клодель. — Это, кстати, одна из причин, по которой мы не беремся за дела, связанные с соцобеспечением. Слишком много мошенничества в этой системе. Она прогнила насквозь, особенно в наших краях.

— Так что мне сказать мистеру Дункану?

— Есть юридическая контора в Абингдоне, которая специализируется только по этим вопросам.

Аннет подсказала:

— Называется «Кокрел энд Родз», но больше известна как «Кок энд Роч», проще говоря «Тараканы».^[12] Плохие парни, рэкетеры, связаны с продажными врачами и членами комиссии при соцобеспечении. Все их клиенты получают чеки. По тысяче баксов каждый.

— Да тут хоть спортсмен, занимающийся триатлоном, может подать заявку, и «Тараканы» выбьют ему материальную помощь по нетрудоспособности.

— Так что мы никогда...

— Никогда.

Саманта надкусила сандвич с индейкой и взглянула Барб прямо в глаза. Ее так и подмывало спросить: «Если мы не занимаемся такими делами, какого черта ты перенаправила звонок мне?» Но вместо этого

просто напостила себе, что и тут, видно, придется постоянно быть начеку. Три года службы Закону с большой буквы начили ее самым изощренным приемам выживания. Предательство и перерезание друг другу глоток там были нормой, но она начилась этого избегать.

Она не станет обсуждать сейчас этот вопрос с Барб, но припомнит ей это, когда наступит подходящий момент.

Похоже, Клодель в этой группе играла роль клоуна. Ей было всего двадцать четыре, замужем меньше года, беременна и плохо переносила это состояние. Все утро проторчала в туалете, борясь с приступами тошноты и мрачно размышляя о своем еще не рожденном ребенке — мальчике, которого уже было решено назвать в честь отца и который уже доставлял ей столько неприятностей.

Общий тон всех разговоров был на удивление свободным. За какие-то сорок пять минут они успели обсудить не только текущие дела фирмы, но и поговорить об утреннем недомогании Клодель, менструальных болях, родовых схватках, мужчинах и сексе, и, казалось, все еще не наговорились вволю.

Тут их веселую болтовню оборвала Аннет. Взглянула на Саманту и сказала:

— Через пятнадцать минут мы должны быть в суде.

Глава 9

В целом опыт посещения Самантой судебных заседаний нельзя было назвать приятным. Иногда там требовалось ее присутствие, но порой она посещала их добровольно. Саманта училась в девятом классе, когда ее отец, великий Маршал Кофер, пытался выиграть в федеральном суде округа Колумбия дело, связанное с авиакатастрофой. И ему удалось убедить преподавателя Саманты, что ученики должны набираться опыта, а потому ребятам будет крайне полезно увидеть его «в деле». И на протяжении двух дней однокашники Саманты умирали от скуки, слушая свидетеля-эксперта, рассуждавшего об аэродинамике и опасных последствиях обледенения корпуса судна. Саманта была далека от того, чтобы гордиться отцом, и до крайности смущена всеобщим вниманием. К счастью для Маршала, ученики находились в колледже в тот день, когда жюри присяжных вынесло вердикт в пользу производителя самолета, и отец проиграл дело — что было редким случаем. Семь лет спустя Саманта вернулась в то же здание, но в другой зал заседаний, и наблюдала за процессом, где ее отец был обвиняемым. Для матери это был день торжества, на заседание она не явилась, а потому Саманта сидела рядом с дядей, братом отца, то и дело вытирая слезы бумажным платочком. В университете Джорджтауна студентов обязывали посетить хотя бы один процесс по уголовному делу, но как раз в то время Саманта заболела гриппом и не смогла пойти. Студенты юридического факультета разыгрывали шуточные судебные процессы, и ей это нравилось, хотя ничего общего с реальностью их игры не имели. Позже, уже во время работы, она редко посещала залы заседаний. И еще на собеседованиях поняла, что хочет держаться как можно дальше от судебных процессов.

Теперь она появилась в здании суда округа Ноланд, и ее провели в главный зал. Здание являло собой довольно симпатичное сооружение из красного кирпича с нависающей над третьим этажом яркой металлической крышей. Внутри, в пыльном вестибюле, красовались выцветшие портреты каких-то бородатых знаменитостей прошлого, одна стена была завешана объявлениями и расписаниями заседаний. Вслед за Аннет она поднялась на второй этаж, где они прошли мимо дремавшего в кресле престарелого судебного пристава, затем открыли толстые двойные двери и оказались в дальней части зала. Впереди за кафедрой работал судья, несколько юристов шелестели бумагами и сновали по комнате. Справа находились скамьи

присяжных, которые сейчас пустовали. Высокие стены были завешаны еще более выцветшими портретами — на всех без исключения мужчины, бородатые и неимоверно серьезные, видимо, озабоченные вопросами законодательства. Две девушки-секретарши болтали и флиртовали с юристами. Несколько зевак разместились на скамьях и ждали начала заседания.

Аннет отвела в сторону обвинителя, который торопливо поздоровался с Самантой и назвал Ричардом, а затем сказала, что представляет интересы Фиби Фэннинг, которая хочет подать на развод, причем немедленно.

— Что вам известно? — спросила она Ричарда.

И вот они втроем отошли в угол рядом со скамьями для присяжных, чтоб никто их не слышал.

— Согласно показаниям копов, оба они были под кайфом, принялись выяснять отношения, и все закончилось нешуточным побоищем, в котором он выиграл, а она проиграла. Ну и пистолет тоже фигурировал, правда, незаряженный, он стукнул ее по голове рукояткой.

Аннет пересказала версию Фиби, Ричард внимательно выслушал. А потом сказал:

— Защитником у него выступает Хамп, и все, чего он хочет, — это свести срок к минимуму. Или же оправдать его подчистую. Я буду требовать большего срока. Может, удастся продержать болвана за решеткой подольше, чтобы немного охладить его пыл. А она тем временем с ним порвет.

Аннет кивнула в знак согласия и сказала:

— Спасибо, Ричард.

По-настоящему Хампа звали Кэлом Намфри, у него была небольшая контора чуть ниже по улице — они проходили мимо нее по дороге в суд. Аннет вошла, поздоровалась и представила Саманту. Та была потрясена при виде того, какой живот отрастил себе этот мужчина. Брюки его поддерживались кричаще-яркими подтяжками, которые натянулись и, казалось, того гляди могли не выдержать и лопнуть. О последствиях было просто страшно подумать. Хамп прошептал, что «его человека» (он не сразу смог вспомнить имя своего подзащитного) следует немедленно выпустить из тюрьмы, иначе тот потеряет работу. Он не купился на версию Фиби и предположил, что конфликт разгорелся из-за того, что она напала на его клиента с незаряженным пистолетом.

— Вот для этого нам и нужны суды, — пробормотала Аннет, когда они вышли из офиса Хампа.

К этому времени Рэнди Фэннинга и двух его сокамерников уже доставили в зал суда и разместили в первом ряду. Наручники с них сняли, но один из приставов остался дежурить рядом. Эти трое вполне могли бы быть членами одной банды — грязно-оранжевые тюремные комбинезоны, небритые физиономии, растрепанные волосы и злобные взгляды. Аннет и Саманта разместились среди публики как можно дальше от этих типов. Барб на цыпочках вошла в зал, передала Аннет бумаги и сказала:

— Здесь все по разводу.

Судья вызвал Рэнди Фэннинга, Аннет отправила сообщение на мобильник Фиби, которая сидела в машине рядом со зданием суда. Рэнди стоял перед судьей, Хамп — по правую руку от него, а Ричард по левую, чуть поодаль. Хамп начал пространно и витиевато повествовать о том, что его клиенту абсолютно необходимо вернуться к работе, что корни его здесь, в округе Ноланд; что ему можно доверять и в любой момент, если понадобится, он может вновь предстать перед судом, ну и так далее в том же духе. Имела место обычная супружеская ссора, все можно уладить, и совсем не обязательно отягощать судопроизводство этими чисто семейными разборками. Он тарахтел и тарахтел, и тут Фиби потихоньку вошла в зал заседаний и уселась рядом с Аннет. Руки у нее дрожали, глаза покраснели от слез.

Ричард, представляющий сторону обвинения, напирал на тяжесть содеянного, а также на реальную возможность назначения длительного срока заключения для Фэннинга. Ерунда, возразил ему Хамп. Этот человек невиновен. На его клиента напала «неуравновешенная» жена. И если она и дальше будет продолжать в том же духе, так это ее надо засадить за решетку. Стороны защиты и обвинения обменивались язвительными репликами.

Судья, тихий пожилой господин с прилизанными волосами, спокойно заметил:

— Несколько я понимаю, предполагаемая жертва находится здесь, в зале. Я прав, мисс Бревард? — спросил он, окидывая взглядом присутствующих.

Аннет вскочила и ответила:

— Да, она здесь, ваша честь. — Она уверенным шагом направилась к судье, следом робко плелась Фиби. — Мы представляем здесь интересы Фиби Фэннинг и через десять минут подаем заявление о разводе от ее имени.

Саманта, оставшаяся на своем месте, видела, каким злобным взглядом окинул Рэнди Фэннинг свою супругу. Ричард не преминул воспользоваться

моментом.

— Ваша честь, — сказал он, — хочу обратить ваше внимание на раны на лице миссис Фэннинг. Эту женщину избили самым зверским образом.

— Я не слепой, — ответил судья. — И не вижу никаких повреждений на вашем лице, мистер Фэннинг. Суд также должен принять во внимание, что телосложения вы весьма крепкого и рост у вас не меньше шести футов. А ваша жена, мягко говоря, гораздо более хрупкое создание. Так вы ударили ее или нет?

Рэнди переступил с ноги на ногу, замялся, а потом выдавил:

— Да мы просто подрались, судья. Она первая полезла.

— Не сомневаюсь. Думаю, будет лучше, если мы подержим вас в камере еще день или два. Так что я отправляю вас обратно в тюрьму и назначаю следующее заседание на четверг. А тем временем вы, мисс Бревард, и ваша клиентка должны дать официальный ход делу о разводе и уведомить меня об этом по почте.

Хамп воскликнул:

— Но, ваша честь, мой клиент может потерять работу!

Тут Фиби не выдержала:

— Да никакой работы у него нет. Изредка валит лес, а все остальное время промышляет наркотой.

Слова ее прогремели на весь зал. Рэнди сжал кулаки и, похоже, был готов наброситься на жену, в глазах его сверкала смертельная ненависть. Судья сказал:

— Ну, хватит! Доставить его сюда в четверг.

Пристав схватил Рэнди за шкуру и вывел из зала заседаний. На выходе стояли двое мужчин злодейской наружности, с растрепанными волосами и в татуировках и глаз не сводили с Аннет, Саманты и Фиби, пока те выходили в коридор. Фиби еле слышно прошептала:

— Это дружки Рэнди. Все повязаны, вместе промышляют метом. Мне нужно поскорей убраться из города.

«Тогда я могу быть следующей», — подумала Саманта.

Они прошли в офис окружного суда и подали заявление о разводе. Аннет настаивала на немедленных слушаниях, мотивируя это тем, что Рэнди должен держаться как можно дальше от семьи.

— Самое раннее в среду днем, — сказала секретарь.

— Годится, — кивнула Аннет.

Два бандита продолжали торчать у выхода из зала, к ним присоединился третий — сильно разгневанный молодой человек. Он шагнул к Фиби и прошипел:

— Ты бы лучше отказалась от своих обвинений, девочка, иначе сильно пожалеешь.

Фиби не дрогнула, не отступила ни на шаг и с презрением посмотрела ему прямо в глаза. А потом сказала Аннет:

— Это брат Рэнди, Тони. Только что вышел из тюрьмы.

— Ты меня слышала? Чтобы пошла и отказалась от всех заявлений!

— Я только что подала еще одно, о разводе. Все кончено, Тони. Уезжаю из города, прямо сейчас, и вернусь только на заседание. И еще я не собираюсь отказываться от обвинений, так что отвали, дай пройти.

Один из злодеев смотрел на Саманту, второй — на Аннет. Но тут распахнулась дверь, вышли Хамп с Ричардом и увидели, что происходит.

— А ну, хватит. Иди своей дорогой, — заявил Ричард, и Тони отступил.

— Пошли, девочки, — сказал Хамп. — Пройдусь с вами до своей конторы. — И он зашагал по Мейн-стрит, неумоимо болтая по дороге, обсуждая какое-то другое дело, где он схлестнулся с Аннет. Саманта плелась позади, потрясенная неприятным инцидентом и жалея о том, что не обзавелась пистолетом, который можно было бы положить в сумочку. Теперь она понимала, почему практикующий юрист Донован имел небольшой арсенал.

К счастью, оставшаяся часть рабочего дня прошла без посетителей. Слишком уж много печальных историй довелось Саманте выслушать с утра, и она понимала, что ей не мешало бы подучиться. Аннет одолжила ей потрепанный учебник для начинающих юристов, где были разделы, посвященные разводам, случаям домашнего насилия, завещаниям и недвижимости, банкротствам, взаимоотношениям между домовладельцами и жильцами, безработице, иммиграции и государственной помощи неимущим. К последнему был добавлен раздел о заболевших антракозом легких. Написано все было сухим и скучным языком, но Саманта уже успела понять: сами эти дела скучными никак не назовешь.

В пять вечера она позвонила мистеру Джо Дункану и сообщила ему, что не станет заниматься его апелляцией в органы соцобеспечения. Ибо ее начальство запрещает принимать такие дела к рассмотрению. Она назвала ему имена двух частных юристов, которые берутся за подобные вещи, и пожелала успеха. Он, конечно, не был в восторге.

Потом она заглянула в кабинет Мэтти, и они подвели итоги первого рабочего дня. Пока что все вроде бы шло хорошо, хотя Саманта до сих пор никак не могла оправиться от столкновения с друзьями Рэнди.

— Нет, с юристами они связываться не станут, — поспешила

успокоить ее Мэтти. — Особенно если это девушка. Я занимаюсь этим вот уже двадцать шесть лет, и на меня ни разу никто не напал.

— Поздравляю. Но угрожали?

— Ну, может, раза два, но не очень-то напугали. Так что не бойся, все будет хорошо.

И Саманта в самом прекрасном настроении вышла из конторы и направилась к своей машине, хотя по дороге несколько раз озиралась по сторонам. Над городом начал сгущаться туман, стемнело. Она оставила машину в гараже под квартирой и поднялась по лестнице.

Дочери Аннет Ким было тринадцать, ее сыну Адаму — десять. Их очень интересовала новая «жиличка», и они настояли, чтоб она поужинала вместе с ними. Но Саманте вовсе не хотелось участвовать в каждой семейной трапезе. В Нью-Йорке из-за сумасшедшего рабочего расписания и почти постоянного отсутствия Блит она привыкла есть в одиночестве.

Аннет, в силу своей профессии и обусловленного ею стресса, готовкой занималась мало. Да и уборкой, судя по всему, тоже. На ужин у них были гамбургеры с сыром, разогретые в микроволновке. И еще — нарезанные дольками помидоры с огорода одного из клиентов. Воду они пили только из пластиковых бутылок, никогда из-под крана. Они ели, и дети засыпали Саманту вопросами о ее жизни, о детстве в Вашингтоне, о том, как она жила и работала в Нью-Йорке и почему решила перебраться в Брэйди. Дети были умненькие, веселые, с чувством юмора и не стеснялись задавать личные вопросы. И еще — воспитанные, то и дело отвечали: «Да, мэм» или «Нет, мэм». Они решили, что Саманта слишком молода, чтобы называть ее «мисс Кофер», но и просто по имени, как решил Адам, тоже не слишком хорошо, к тому же оно длинное. И договорились, что будут называть ее «мисс Сэм», хотя Саманта надеялась, что «мисс» вскоре отпадет само собой. И еще она удивила их тем, что была готова посидеть с ними, если будет нужно.

— А зачем это нам? — спросила Ким.

— Ну, затем, чтоб ваша мама могла куда-нибудь пойти вечером, развлечься немного, — ответила Саманта.

Они рассмеялись.

— Она никуда не выходит, — заметил Адам.

— Верно, — кивнула Аннет. — Потому как в Брэйди ходить особенно некуда. Ну, конечно, если не считать церкви, которую тут посещают вечером три раза на неделе.

— А вы не ходите в церковь? — спросила Саманта. За время недолгого пребывания в Аппалачах у нее сложилось впечатление, что на каждые пять

семей тут приходится по небольшой белой церквушке с покосившейся колокольней. Такие церквушки виднелись повсюду; казалось, все здесь верят лишь в непогрешимость Священного Писания и вряд ли во что-то еще.

— Ну, иногда, по воскресеньям, — ответила Аннет.

После ужина Ким и Адам убрали посуду со стола и сложили ее в раковину. Посудомоечной машины у них не было. Они хотели посмотреть телевизор вместе с мисс Сэм, махнув рукой на уроки, но Аннет все же удалось разогнать их по маленьким спальням. Чувствуя, что гостя, должно быть, засучала, Аннет предложила:

— А мы с вами попьем чайку и поболтаем, идет?

Саманте ничего не оставалось, как согласиться. Аннет собрала ворох грязной одежды, запихнула в стиральную машину, стоявшую рядом с холодильником, насыпала порошок и повернула диск.

— А то тут такой шум начнется, ни слова не расслышать, — сказала она и полезла в буфет за пакетиками с чаем. — Без кофеина, идет?

— Конечно, — ответила Саманта и прошла в гостиную. Стены комнаты были заставлены провисшими книжными полками, кругом громоздились кипы журналов, мягкую мебель не пылесосили несколько месяцев. В одном углу стоял телевизор с плоским экраном (в квартире над гаражом телевизора не было), в другом углу Аннет поместила столик с компьютером, на полках под ним были сложены папки с бумагами. Она внесла две чашки с горячим чаем, передала одну Саманте и сказала:

— Присядем на диван, поболтаем о наших девичьих делах.

— О чем? — не поняла Саманта.

Они уселись, и Аннет ответила:

— Ну, о сексе, к примеру. Ты часто трахалась в Нью-Йорке?

Саманта рассмеялась, потрясенная такой прямотой. А потом задумалась, поскольку ей никак не удавалось вспомнить, когда она занималась этим в последний раз.

— Ну, не так уж и часто. Дело в том, что люди из моей среды слишком много работают, им не до развлечений. Для нас хорошо провести вечер — это пойти куда-нибудь в ресторан, вкусно поесть и выпить. Но после этого всегда так устаешь, что хочется только одного — поскорее завалиться в постель и спать, спать. Причем в одиночестве.

— Верится с трудом. А как же тамошние молодые и богатые профессионалы, пребывающие в вечном поиске партнеров? Я несколько раз пересматривала «Секс в большом городе». Ну, конечно, когда дети укладывались спать.

— Ну а я нет, не смотрела. Хотя слышала, конечно, но просто было некогда. За последние три года у меня был только один парень — Генри, вечно голодный актер, довольно забавный и остроумный. Но ему надоело, что я вечно занята и всегда уставшая. Нет, конечно, там полно молодых людей, но они в точности такие же, как ты, просто помешаны на работе. Женщина там — товар одноразового пользования. Ну а среди парней полно наркоманов и придурков, а другие жуть до чего самонадеянные, только и знают, что говорить о деньгах и хвастаться тем, что смогли на них купить.

— Я потрясена. Просто раздавлена.

— Да брось. Жизнь там совсем не такая гламурная, как тебе представлялось.

— И нет исключений?

— Ну, наверное, есть. Должны быть, но лично мне не попадались. — Саманта отпила глоток, ей хотелось сменить тему. — Ну а ты? Как у вас в Брэйди с этим делом?

Аннет рассмеялась. Она выдержала паузу, тоже отпила глоток и как-то сразу погрузилась.

— Да ничего интересного тут у нас не происходит. Сама сделала выбор, перебралась сюда. И вот, как видишь, живу.

— Выбор?

— Да, я переехала сюда десять лет назад. Ударилась тогда в бега. А все потому, что мой развод был сущим кошмаром. И мне хотелось поскорее смыться от своего бывшего. Ну и ребятишек забрать. Он им почти никогда не звонит, плевать хотел. А теперь мне стукнуло сорок пять, я в неплохой форме, остатки привлекательности вроде бы сохранились, но толку...

— Поняла.

— Здесь в округе Ноланд выбор тоже невелик. Встречалась с парой неплохих парней, но ни с одним из них жить бы не хотела. Один был на двадцать лет старше, но с моими детьми у него как-то сразу не заладилось. Первые несколько лет половина женщин в городе пытались свести меня со своими кузенами. И я не сразу поняла, что делают они это исключительно с целью выдать меня замуж за кого-то из них, чтоб их мужья на меня не претендовали. Хотя женатые мужчины никогда меня не привлекали. Неприятностей потом не оберешься, городок-то маленький.

— Но почему ты здесь осталась?

— Хороший вопрос. Поначалу я была уверена, что не останусь. Знаешь, детей тут растить проще и безопаснее, пусть даже с экологией не очень. В Брэйди еще ничего, но совсем недалеко отсюда, в поселках и деревнях, дети постоянно болеют, и виной тому зараженная вода и угольная

пыль. Короче, отвечаю на твой вопрос: я осталась здесь потому, что люблю свою работу. Люблю людей, которым нужна моя помощь. Знаю, что хоть немного могу изменить их жизнь к лучшему. Сегодня ты сама их видела. Видела их страхи, беспомощность. Я нужна им. Если уеду, то, возможно, кто-то займет мое место. А может, такого человека и не найдут.

— А как отключаешься, когда не на работе?

— Не всегда удастся. Проблемы у них сугубо личные, такие разыгрываются драмы, что даже по ночам все думаю об этом и не сплю.

— Рада слышать, ведь у меня просто из головы не выходит эта Фиби Фэннинг с разбитым лицом. Спрятала детей у родственников, муж — настоящий ублюдок и может прикончить ее, когда выйдет из тюрьмы.

Аннет сочувственно улыбнулась.

— Знаешь, я видела много женщин, попавших в такую же ситуацию, и все они живы. И у Фиби рано или поздно все будет в порядке. Переедет куда-нибудь в другое место, мы ей поможем, разведется с ним. Учти, Саманта, сейчас он в тюрьме, вот и пусть вкусит все прелести жизни за решеткой. И если сотворит какую-нибудь глупость, сидеть ему там до конца жизни.

— Знаешь, он не произвел на меня впечатление человека, умеющего делать правильные выводы.

— Вот тут ты права: он идиот и наркоман. Я понимаю сложность ситуации, но с Фиби все будет в порядке.

Саманта вздохнула и поставила чашку на журнальный столик.

— Ты уж извини, но тут для меня все внове. Как-то непривычно.

— Иметь дело с простыми людьми?

— Да. Вникать в их проблемы, как-то стараться все исправить. Последнее дело, над которым я работала в Нью-Йорке, было связано с одним подозрительным типом, заработавшим миллиард или около того. Он был нашим клиентом и хотел построить такой высоченный, узкий, как игла, отель в центре Гринич-Виллидж. Самый безобразный проект, который я видела в своей жизни, настоящая безвкусица. Уволил трех или четырех архитекторов, и с каждым разом это здание становилось все выше и уродливей. Городские власти сказали: нет, не пойдет, и тогда он стал засыпать суды исками и спелся с политиками, словом, повел себя подобно большинству застройщиков на Манхэттене. Я видела его лишь раз, когда он заходил к нам в контору и наорал на моего партнера. Самая настоящая скотина. А ведь он был нашим клиентом. Моим клиентом. И я возненавидела этого человека. И хотела, чтоб он проиграл.

— И что же дальше?

— И он проиграл, и все мы были в восторге, но только скрывали это. Нет, ты только представь! Мы потратили на этого типа тысячи часов, содрали с него кучу денег, целое состояние, и радовались тому, что его проект завалили. Ну, как тебе такие отношения с клиентом?

— Я бы тоже радовалась.

— А теперь все мои мысли о Леди Пурвис, муж которой сидит в долговой тюрьме. И еще я переживаю за Фиби, которая должна убраться из города прежде, чем ее муженька выпустят под залог.

— Добро пожаловать в наш мир, Саманта. Завтра будет еще интереснее.

— Не уверена, что подхожу для этой работы.

— Еще как подходишь! В этом бизнесе надо быть жесткой и твердой, и эти качества у тебя есть, только ты еще этого не осознала.

Вошел Адам, заявил, что сделал все уроки и теперь хочет сыграть с мисс Сэм в джин-рамми.

— Вообразил себя настоящей акулой в карточных играх, — с улыбкой заметила Аннет. — Но учти, он мухлюет.

— Но я никогда не играла в джин-рамми, — сказала Саманта.

Адам начал тасовать колоду, как заправский дилер из Вегаса.

Глава 10

Как правило, рабочий день у Мэтти начинался с кофе в восемь утра, при этом дверь в ее кабинет была заперта, на звонки она не отвечала. А напротив нее сидел Донован, и они обменивались самыми свежими сплетнями. На самом деле запира́ть дверь не было нужды, потому что раньше 8.30 на работу никто не приходил, причем Аннет появлялась первой, проводив детей в школу. Тем не менее Мэтти очень ценила эти душевные разговоры с племянником и не хотела, чтобы им мешали.

Офисный распорядок дня был не слишком строгим, и Саманте сказали, что она может приходить «около девяти» и устраивать дневной перерыв по своему усмотрению, когда в работе будет «окно». Поначалу она опасалась, что ей будет сложно перейти со ста рабочих часов в неделю на сорок, но оказалось, ничего подобного. На протяжении нескольких лет она вставала раньше семи, и ее вполне устраивало новое расписание. Тем не менее к восьми она уже поднялась с постели — ей не терпелось начать день. Во вторник она вошла в здание конторы, миновала кабинет Мэтти — оттуда доносились громкие голоса — и двинулась на кухню, чтобы сварить себе кофе. А потом уселась за свой небольшой столик, решила час или два полистать учебник, пока не появится очередной клиент. Но тут в дверях вдруг возник Донован и сказал:

— Добро пожаловать в наш город.

— Привет, — ответила она.

Он осмотрелся и заметил:

— Готов побиться об заклад, кабинет у вас в Нью-Йорке был куда просторнее.

— А вот и нет. Младший персонал у нас распахивали по так называемым отсекам. Это тесное рабочее пространство, где можно было протянуть руку и дотронуться до своего коллеги. Они экономили на арендной плате и уверяли, что результат на выходе будет лучше.

— Похоже, вы скучаете по прежней работе.

— Да я до сих пор опомниться от нее не могу. — Она указала на единственный свободный стул. — Присаживайтесь.

Донован, сложившись чуть ли не вдвое, пристроился на маленьком стуле и сказал:

— Мэтти говорила, что вы в свой первый же день побывали в суде.

— Да. Что еще она вам сообщила? — Неужели, подумала Саманта,

даже малейшее ее движение будет обсуждаться теперь по утрам за чашкой кофе?

— Да ничего. Так, просто обсуждали мелкие городские сплетни, как юрист с юристом. Рэнди Фэннинг раньше был неплохим парнем, но сел на мет. Так что или умрет раньше времени, или закончит свои дни в тюрьме, подобно многим здешним парням.

— Может, одолжите мне одну из ваших пушек?

Он усмехнулся, а потом заявил:

— Она вам не понадобится. Угольные компании гораздо опаснее наркоторговцев. Вот начнете выдвигать против них иски, и тогда добуду вам пистолет. Понимаю, еще рано, но как насчет ленча?

— Я даже о завтраке еще не думала.

— А я приглашаю вас на ленч, к себе в контору. Сэндвичи с салатом и цыпленком, а?

— Ну, как тут отказаться?

— Что у вас в дневном расписании?

Она притворилась, что заглядывает в блокнот.

— Вам повезло. Днем у меня «окно».

Он вскочил.

— Ну, тогда до встречи.

После его ухода Саманта прилежно читала учебник, от души надеясь, что никто ее не побеспокоит. Потом через тонкую перегородку услышала, как Аннет обсуждает какое-то дело с Мэтти. Время от времени звонил телефон, и всякий раз Саманта, затаив дыхание, надеялась, что Барб перенаправит звонок другому юристу, который знает, что делать. Везение ее длилось почти до десяти, когда дверь приоткрылась, Барб заглянула в ее клетушку и сказала:

— Мне надо отлучиться на час. Прикроешь? — И она исчезла прежде, чем Саманта успела спросить, что это, собственно, означает.

А это означало, что надо сидеть за столом Барб в приемной, в полном одиночестве, сидеть и молиться о том, чтобы вдруг не появился какой-нибудь бедняк, у которого нет денег на настоящего адвоката. Это означало, что надо отвечать на телефонные звонки и перенаправлять их Аннет или Мэтти, или же просто посылать звонивших куда подальше, но вежливо. Один из них попросил соединить его с Аннет, но та была занята с клиентом. Другой спросил Мэтти, но она ушла в суд. Третьему понадобилась помощь в составлении заявления в службу соцобеспечения, и тут Саманта радостно посоветовала ему обратиться в частную фирму. И тут отворилась дверь и вошла миссис Фрэнсин Крамп, дело которой потом

преследовало Саманту несколько месяцев.

Ей всего-то и надо было, что составить завещание — такое, «чтобы бесплатно». Обычное завещание — документ незамысловатый, составление его можно поручить даже самому зеленому из юристов. Но некоторые ловкачи из новичков стараются затянуть эту работу в надежде поиметь с клиента немного денег, и поймать их за руку очень непросто. Саманта сразу обрела уверенность и провела миссис Крамп в небольшой офис, оставив дверь открытой, чтобы видеть приемную.

Миссис Крамп было восемьдесят, и выглядела она на свой возраст. Муж ее умер давным-давно, пятеро детей разъехались по всей стране, ни один не обосновался поблизости. Она сказала, что они совсем ее забыли — редко навещали, редко звонили. Вот она и решила написать такое завещание, чтобы им ничего не досталось.

— Всех вычеркну к чертовой матери, — с горечью сказала она.

Судя по внешнему виду и по тому, что старушка решила оставить такое завещание, Саманта решила: оставлять-то ей особенно нечего. Миссис Крамп проживала в Юфауле, небольшом поселении «в самой глубине расселины Джейкоба». Саманта записала эти данные с таким видом, точно знала, где это находится. Долгов у миссис Крамп не было, больших накоплений — тоже, а все имущество составляли старый дом и восемьдесят акров земли, которая принадлежала ее семье целую вечность.

— Примерная стоимость этой земли? — спросила Саманта.

Миссис Крамп скрипнула вставными зубами и ответила:

— Гораздо больше, чем можете представить. В прошлом году ко мне заявились агенты угольной компании и хотели купить землю. Несколько раз подкатывались, но я их послала. Ничего не продам угольной компании, нет уж, мэм. Они тут взрывали неподалеку от моей земли, снесли Кошачью гору, просто стыд и позор. Чтобы земля досталась какой-то компании — нет уж, спасибо.

— А сколько они предлагали?

— Много, но детям я ничего не сказала. И никогда не скажу. Здоровье у меня никудышное, скоро помру. И если мои детки получают землю, то продадут ее угольщикам прежде, чем мой труп успеет остыть. Это я точно вам говорю, уж я-то их знаю. — Она полезла в сумку, достала несколько сложенных вчетверо бумаг. — Вот завещание, которое я подписала пять лет назад. Дети отвезли меня в контору к юристу. Тут, недалеко, прямо через дорогу, и заставили подписать.

Саманта медленно развернула бумаги и прочла последнюю волю и завещание Фрэнсин Купер Крамп. Третий параграф гласил, что все свое

движимое и недвижимое имущество она передает пятерым детям в равных долях. Саманта сделала несколько ничего не значащих пометок в блокнот и сказала:

— Вот что, миссис Крамп. Я должна знать хотя бы приблизительную стоимость земли. Это для налоговой декларации.

— Для чего?

— Сколько предлагала вам угольная компания?

Старуха смотрела так, словно ей нанесли оскорбление.

Затем сгорбилась и прошептала:

— Двести тысяч с небольшим. Но она стоит вдвое дороже. Может, даже втрое. Разве можно доверять угольным компаниям? Да они каждого готовы ободрать как липку, только и смотрят, где что плохо лежит.

И тут вроде бы легкое на первый взгляд дело превратилось в далеко не простое. И Саманта осторожно спросила:

— Хорошо. Но кто тогда получит эти восемьдесят акров по новому завещанию?

— Хочу отдать землю моей племяннице Джолин. Она живет прямо напротив меня, через ручей, на своей земле, и тоже никому не продает. Я ей верю. И она уже пообещала позаботиться о моей земле.

— Вы обсуждали с ней этот вопрос?

— Да только об этом и говорим с ней и ее мужем Хэнком. И они обещали, что тоже напишут новое завещание и оставят свою землю мне — на тот случай, если уйдут первыми. Но со здоровьем у них куда лучше, понимаете? Так что первой уйду я.

— А если они?

— Сомневаюсь. Давление у меня высокое, сердце пошаливает, плюс еще бурсит.^[13]

— Понимаю. Но если они скончаются первыми и вы унаследуете их землю, да к тому же при вас останутся еще и ваши восемьдесят акров, кто тогда получит все после вашей смерти?

— Уж точно не мои дети, да и не их тоже. Господи, прости и помилуй. Мои — так просто стервецы, иначе не назовешь.

— Ну хорошо, я поняла. Но ведь кто-то должен унаследовать эти земли. Какие есть соображения на этот счет?

— Вот для этого я и пришла, поговорить с юристом. Может, что подскажете, посоветуете.

Тут с учетом всего вышеизложенного могло быть несколько сценариев. Новое завещание наверняка будет опротестовано пятью детьми миссис Крамп, и в недавно прочитанных материалах из учебника на эту тему не

было сказано ровным счетом ничего. Саманта не знала, как и в каких случаях можно опротестовать завещание. Смутно припоминались одно или два дела, которые они разбирали в юридическом колледже, но все это было так давно. Ей удалось продержаться полчаса, она строчила в блокноте, задавала мало относящиеся к делу вопросы. Наконец она смогла уговорить миссис Крамп прийти через несколько дней — а пока контора рассмотрит ее ситуацию и примет решение. Вернулась Барб и благополучно выпроводила новую клиентку.

— Ну, что там за проблемы? — спросила Барб, когда миссис Крамп ушла.

— Пока толком не знаю. Буду у себя.

Офис Донована оказался в куда более пристойном состоянии, нежели клетушки Центра юридической помощи. Кожаные кресла, толстые ковры, отполированный до блеска паркетный пол из твердых пород дерева. В центре потолка в приемной висела причудливой формы люстра. И первой мыслью Саманты было: хоть кто-то в Брэйди способен сколотить пару лишних баксов. Секретарша в приемной, Дон, вежливо поздоровалась с ней и сказала, что босс ждет ее наверху. Сама она собиралась куда-то на ленч. Поднимаясь по винтовой лестнице, Саманта услышала, как внизу хлопнула входная дверь. Никого больше в офисе, казалось, не было.

Донован сидел за большим деревянным столом, с виду очень старым, и разговаривал по телефону. Увидев Саманту, махнул рукой, указав на большое кресло, и бросил:

— Прощу. — Потом повесил трубку и добавил: — Добро пожаловать в мои владения. Именно отсюда и ведется прицельная стрельба по дальним мишеням.

— Мило, — заметила Саманта, оглядывая кабинет. Просторный, с высокими потолками и дверью на балкон. Вдоль стен тянутся изготовленные на заказ книжные полки, на них ровными рядами выстроился обычный ассортимент трудов по законодательству, стояли и толстые тома с позолоченными корешками — видно, чтоб произвести впечатление. В одном углу высилась подставка для ружей — Саманта насчитала минимум восемь видов смертоносного оружия. Саманта в нем не разбиралась, не отличила бы винтовки от охотничьего ружья, но коллекция впечатляла.

— Ружья повсюду, — заметила она.

— Да, я часто охочусь. Всегда любил охотиться. Если родился и вырос в горах, это значит, что и в лесах. Первого своего оленя завалил, когда мне

было шесть. Из лука.

— Поздравляю. А почему вы вдруг пригласили меня на ленч?

— Вы же обещали, помните? На прошлой неделе, после того, как вас арестовали и я спас вас от тюрьмы.

— Но мы договаривались, что пойдем на ленч в какое-то заведение через дорогу.

— Подумал, здесь будет спокойнее и уютнее. К тому же я стараюсь избегать общественных мест. Вроде бы уже говорил: здесь полно людей, которые меня ненавидят. Иногда говорят разные гадости, устраивают скандалы. Могут испортить любой ленч.

— Что-то я не вижу здесь никакой еды.

— Она в военной комнате. Идемте, прошу.

Донован поднялся, и она проследовала за ним по коридору в продолговатую комнату без окон. Угол загроможденного бумагами стола был расчищен, и там стояли два пластиковых контейнера с готовой едой и две бутылки воды. Он кивнул на стол и заметил:

— Кушать подано.

Саманта подошла к стене и уставилась на увеличенный цветной снимок — футов восьми в высоту, если не больше. Сцена, запечатленная на нем, была шокирующей и трагической. Огромный валун размером с легковой автомобиль врезался в домик на колесах и разорвал его буквально пополам, повсюду вокруг валялись обломки.

— Что это такое? — спросила она.

Донован подошел, встал рядом и ответил:

— Ну, прежде всего, это очередной иск. На протяжении миллионов лет этот валун был частью горы Энид, она находится милях в сорока отсюда, в округе Хоппер. Года два назад они начали там открытые разработки, взорвали и срезали вершину горы и выкопали уголь. А четырнадцатого марта прошлого года в четыре часа утра бульдозер, принадлежащий безответственной, можно сказать, бандитской компании под названием «Стрейхорн коул», начал расчищать там площадку, убирать камни, причем безо всякого разрешения. И этот огромный камень сорвался и рухнул вниз, в долину. Благодаря размеру он все набирал скорость и катился вниз по крутому склону. — Донован указал на крупномасштабную карту, висевшую рядом со снимком. — И примерно в миле от того места, где его зацепил бульдозер, врезался в этот маленький трейлер и раздавил его. А там, в спальне, находились два брата: Эдди Тейт одиннадцати лет и Брэндон Тейт, которому было восемь. И, как понимаете, оба крепко спали. Отец их отбывал срок за изготовление мета, мать находилась на работе — была

продавщицей в ночном магазине. Мальчики погибли мгновенно, их раздавило в лепешку.

Саманта с ужасом взирала на снимок.

— Но это... просто чудовищно.

— Да, так и есть. Жить рядом с открытыми разработками крайне опасно. Земля дрожит, ходит ходуном, в фундаментах появляются трещины. Угольная пыль висит в воздухе, толстым слоем покрывает все вокруг. Колодезная вода становится оранжевой. Со склонов гор то и дело срываются камни. Года два тому назад я вел дело в Западной Виргинии. Некие мистер и миссис Герцог вышли из дома теплым субботним днем посидеть у бассейна. И тут откуда ни возьмись слетел валун весом в тонну и рухнул прямо в бассейн. Их окатило с головы до ног. Бассейн растрескался и пришел в негодность. Мы выиграли иск против компании, выбили из нее деньги, но совсем немного.

— Ну а иск против «Стрейхорн коул» вы подавали?

— Конечно подали. В понедельник едем в Колтон, на заседание окружного суда.

— Компания не хочет разрешить спор мирным путем?

— Компанию уже оштрафовали наши бесстрашные надзорные органы. Наказали их на двадцать тысяч баксов — видно, заранее договорились о сумме. Нет, на мировую они не пойдут. Вместе со своей страховой компанией предложили выплатить пострадавшей стороне сто тысяч долларов.

— Сто тысяч долларов за двух убитых детей?

— Убитые дети мало что стоят, особенно здесь, в Аппалачах. Никакой экономической ценности они не представляют, поскольку не работают. Это перспективное дело с точки зрения штрафов — капитализация «Стрейхорн коул» составляет полмиллиарда долларов, — и я собираюсь выбить из них миллион или два. Но умники, принимавшие законы для штата Виргиния, еще много лет тому назад решили установить предел при начислении штрафов.

— Да, вроде бы помню, проходили в колледже.

— Предел составляет 350 тысяч долларов, вне зависимости от того, насколько преступными были действия ответчика. Просто подарок всем нашим страховым компаниям.

— Вы говорите прямо как мой отец.

— Так вы хотите есть или мы будем просто так стоять здесь целый час?

— Что-то расхотелось. Потеряла аппетит.

— А вот я — нет. — Они уселись за стол и взяли сэндвичи. Саманта откусила крохотный кусочек, аппетит у нее действительно пропал.

— А как вы пытались уладить дело мирным путем? — спросила она.

— Сказал, чтобы выложили на стол миллион, они ответили, что больше ста тысяч не дадут. На том и распрощались. А нанятые угольной компанией страховые адвокаты упирают на тот факт, что семья вела себя неосторожно, что нечего было размещать трейлер в опасной зоне. И еще они очень рассчитывают на то, что большинство присяжных в наших краях или побаиваются больших угольных компаний, или же втайне поддерживают их. Когда судишься с угольной компанией в Аппалачах, далеко не всегда можешь рассчитывать на беспристрастность жюри присяжных. Даже те, кто презирует эти компании, предпочитают об этом молчать. Почти у каждого есть родственник или друг, который на них работает. Вот и наблюдаешь весьма любопытную динамику в зале суда.

Саманта отщипнула еще кусочек и оглядела комнату. Все стены были завешаны увеличенными цветными снимками и картами. На некоторых отмечены даты судебных заседаний, другие, очевидно, только ожидали, когда состоится процесс.

— Все здесь напоминает мне офис отца. Таким он когда-то был.

— Маршал Кофер, я посмотрел в Интернете. Некогда был весьма известным адвокатом.

— Да, был. Я еще девчонкой, когда хотелось повидаться с ним, приходила к нему на работу. Ну, если он был в городе, конечно. Работал без выходных, возглавлял крупную фирму. И когда не мотался по миру, расследуя очередную авиакатастрофу, сидел у себя в офисе и готовился к новому процессу. У них было большое, загроможденное мебелью помещение, и да, вспомнила, они тоже называли его военной комнатой.

— Не я придумал этот термин. Он всегда был популярен в адвокатской среде.

— И стены тоже были завешаны увеличенными снимками, чертежами и диаграммами. На меня это производило большое впечатление, хоть я и была ребенком. И еще я ощущала страшное напряжение, царившее в этой комнате, когда он и весь его штат готовились к судебному процессу. Ведь в катастрофах гибло много людей, а в заседаниях принимало участие много юристов. Позже он говорил, что большинство исков удавалось уладить в досудебном порядке. И речь редко шла об ответственности. Самолет разбился, и ничьей вины в том нет. У авиакомпаний полно денег, все они застрахованы, к тому же беспокоятся о своем имидже. Поэтому и договариваются в досудебном порядке. Причем суммы там фигурируют

огромные.

— А вы никогда не хотели у него работать?

— Нет, никогда. Он абсолютно невозможный человек, по крайней мере, был таким. Это просто зашкаливало — типичный трудоголик, всегда любил повыпендриваться. Нет, мне никогда не хотелось стать частью этого мира.

— А потом он и сам рухнул с высоты.

— Да, верно. — Саманта поднялась и подошла к еще одному снимку — со смятой в лепешку машиной. Вокруг суетились спасатели, пытавшиеся вытащить человека, зажатого в салоне.

Донован сидел и жевал чипсы. Потом заметил:

— Вел это дело три года тому назад в округе Мартин, в Западной Виргинии. Проиграл.

— А что произошло?

— Грузовик с углем, перегруженный, ехал вниз с горы с превышением скорости. Его занесло, он пересек разделительную полосу и врезался в эту маленькую «хонду». За рулем сидела Кретчен Бэйн, девушка шестнадцати лет, она погибла на месте. Если присмотреться, можно увидеть ее левую ногу, в самом низу, она высовывается из-под дверцы.

— Даже страшно смотреть. А присяжные видели этот снимок?

— О да. Они все видели. На протяжении пяти дней я выкладывал материалы перед жюри присяжных, но напрасно.

— Так вы проиграли это дело?

— Да я половину таких дел проиграл. В данном случае водитель грузовика был вызван давать показания, дал клятву говорить правду и только правду, но лгал на протяжении трех часов. Он сказал, что виновницей аварии была Кретчен, что это она пересекла разделительную полосу, и намекал на то, что, видно, девица решила таким образом покончить с собой. Угольные компании умные, они никогда не отправляют в рейс грузовики по одному. Они ездят парами, так что всегда имеется свидетель, готовый подтвердить версию обвиняемого. Грузенные углем машины весят сто тонн, ездят по старым мостам, способным выдержать нагрузку не более двадцати тонн, по этим же мостам ездят школьные автобусы с детьми, а водители грузовиков пренебрегают правилами дорожного движения. И если случается авария, то с самыми тяжелыми последствиями. В Западной Виргинии каждую неделю погибает ни в чем не повинный водитель. Водитель грузовика клянется и божится, что ничего не нарушал, свидетелей против него обычно не бывает, ну и жюри присяжных становится на сторону Большого угля.

— А апелляцию подавать не пробовали?

Донован рассмеялся, точно она сказала какую-то несусветную глупость. Отпил глоток воды и произнес:

— Конечно, этого права у нас никто пока не отнимал. Но Западная Виргиния выбирает своих судей, что само по себе просто отвратительно. Некоторые законы штата Виргиния вызывают сомнения, но мы, по крайней мере, судей не выбираем. Есть пять членов Верховного суда Западной Виргинии. Срок службы — четыре года, затем они должны переизбираться. Ну и догадайтесь, кто вкладывает огромные деньги в их предвыборные кампании?

— Угольные компании.

— Точно! Это они оказывают влияние на политиков, надзорные органы, судей и даже довольно часто держат под контролем жюри присяжных. Так что здесь не самый подходящий климат для нас, юристов.

— А также для честного и справедливого суда, — добавила Саманта, продолжая разглядывать снимки.

— Ну, время от времени мы все же выигрываем. В случае с Кретчен справедливость все же восторжествовала. Примерно через месяц после суда тот же водитель врезался еще в одну машину. К счастью, никто не погиб, несколько сломанных костей у пострадавшего. Шериф, примчавшийся на место происшествия, заподозрил неладное и вызвал этого типа к себе на допрос. Водитель вел себя странно и в конце концов признался, что просидел за баранкой пятнадцать часов без перерыва. Мало того, он пил «Ред булл» с водкой и нюхал порошок из мета. Шериф включил кассетный магнитофон и стал расспрашивать его об инциденте с Бейн. И водитель сознался, что работодатель угрожал ему и вынудил солгать в суде. Я достал копию этого признания и подал новый иск. Суд назначил новые слушания, мы все еще ждем, когда они состоятся. Рано или поздно я прижму их к ногтю.

— А что произошло с тем водителем?

— О, он превратился в доносчика, поскольку настучал на своего работодателя, компанию «Истпойнт майнинг». Ему порезали шины, потом кто-то два раза стрелял в окно его кухни. Поэтому теперь он в бегах, скрывается в другом штате. Я дал ему денег, чтоб было на что жить.

— Но разве это законно?

— Вопрос в угольной стране неверный. В здешнем мире нет черного и белого. Противник нарушает все прописные правила и законы, а потому ни о какой честной борьбе не может быть и речи. Если играть по правилам, проиграешь, даже если правда на твоей стороне.

Саманта вернулась к столу, отщипнула еще кусочек сэндвича. И сказала:

— Всегда знала, что поступаю мудро, избегая судебных тяжб.

— Прискорбно слышать, — с улыбкой заметил он, а его темные глаза следили за каждым ее движением. — Как раз подумывал предложить вам работу.

— Нет уж, увольте.

— Я серьезно. Нужно провести кое-какие исследования, я вам заплачу. Знаю, сколько вы зарабатываете в Центре юридической помощи, так что деньги вам пригодятся. Хотите работать моим помощником?

— Где? Здесь, в вашем офисе?

— А где ж еще? Причем это нисколько не помешает вашей основной работе, поскольку приходите вы будете только по вечерам и уик-эндам. Вы ведь наверняка уже просто умираете от скуки в этом Брэйдли. И потом, это ненадолго.

— Но почему именно я?

— А больше некому предложить. У меня было два помощника с неполным юридическим. Один из них завтра уезжает. Ни одному другому юристу в городе я не доверяю. К тому же я просто помешан на секретности, а вы приехали сюда совсем недавно, никого и ничего толком не знаете. Так что выбор пал на вас.

— Прямо не знаю, что и сказать. А с Мэтти вы говорили?

— Нет, об этом не говорил. Но если вы заинтересуетесь моим предложением, непременно с ней переговорю. Она редко мне отказывает. Так что подумайте. Если откажетесь, я пойму.

— Ладно, подумаю. Но я только приступила к работе и искать что-то другое не планировала, во всяком случае, в ближайшее время. Плюс к тому терпеть не могу судебных заседаний.

— В суд вам ходить не придется. Будете сидеть здесь, проводить исследования, делать выводы. И рабочий день у вас будет дольше на несколько часов, к чему вы уже привыкли в Нью-Йорке.

— Но меня ничуть не устраивало такое расписание.

— Понимаю. Ладно, обдумайте все хорошенько, позже поговорим.

Какое-то время они жевали сэндвичи в полном молчании, и молчание угнетало. Саманта нарушила его первой:

— Мэтти рассказала мне о вашем прошлом.

Он улыбнулся и отодвинул контейнер с едой.

— А что именно вы хотели обо мне узнать? Я весь как открытая книга. Саманта в этом сомневалась. Она могла бы задать ему несколько

вопросов. «Что произошло с вашим отцом? Насколько серьезен ваш разрыв с женой? Часто ли вы с ней видитеесь?» Возможно, она спросит об этом позже.

— Да ничего особенного. Просто у вас интересное прошлое. Вот и все.

— Интересное, грустное, трагическое, полное приключений. Всего хватало. Мне тридцать восемь, и я умру молодым.

Она не знала, что на это ответить.

Глава 11

Дорога в Колтон змеилась среди гор, то поднимаясь, то опускаясь, открывая захватывающие виды на склоны гор, поросшие лесом. Затем она ныряла в долины, где виднелись селения, состоящие из полуразвалившихся домиков и трейлеров с разбросанными вокруг старыми разбитыми машинами. Потом бежала вдоль берегов рек и ручейков, мелководных и стремительных, где вода была чистой и прозрачной и казалась вполне пригодной для питья. Но вся эта красота исчезала, когда вдоль дороги начинали тянуться поселки с маленькими заброшенными домами, которые тесно лепились друг к другу в тени горы. Контраст был просто поразительным: удивительная величественная красота горной природы и бедность живущих на этом фоне людей. Нет, попадались и довольно симпатичные дома с аккуратно подстриженными лужайками и низенькими белыми изгородями, но по соседству — все те же бедность и убогость.

Мэтти вела машину и болтала, Саманта смотрела в окно. Они въехали на относительно прямой отрезок дороги, и навстречу им выехал грузовик — грязный, покрытый пылью, с прикрытым брезентом длинным кузовом. Он летел вниз с горы со значительным превышением скорости, но оставался на своей полосе. Когда грузовик промчался мимо, Саманта сказала:

— Наверное, на таких и перевозят уголь.

Мэтти посмотрела в зеркало заднего вида.

— О да. Потом его отмоют, отбуксируют и выставят на продажу. Это у нас происходит повсюду.

— Да, вчера Донован рассказывал мне о местном дорожном движении. Он о нем крайне невысокого мнения.

— Готова побиться об заклад, что эта машина сильно перегружена и не прошла бы проверку.

— И здесь их никто не проверяет?

— Выборочно и очень редко. Обычно угольные компании знают, когда придут инспекторы. Мои любимчики — это инспекторы по безопасности взрывных работ. У них составлено расписание, и когда они приезжают на место проведения открытых разработок, догадайся, что происходит? Все тип-топ, все строго по правилам. А как только уберутся восвояси, компания плюет на правила и законы.

Саманта подозревала, что Мэтти известно все о ее вчерашнем ленче с

Донованом. И ждала, что та спросит ее о предложении поработать на него. Но Мэтти не спрашивала. Они поднялись на перевал, дальше дорога вновь пошла вниз, под уклон.

— Позволь показать тебе кое-что, — сказала Мэтти. — Задержимся всего на минутку. — Она притормозила и свернула на узкое боковое шоссе, где было еще больше крутых поворотов среди отвесных скал.

Они вновь начали подниматься в гору. Придорожный знак возвещал, что впереди находится зона для пикников. И вот они остановились у небольшой полоски земли, где стояли два продолговатых деревянных стола и контейнер для мусора. А впереди на многие-многие мили раскинулись горы, густо поросшие лесом. Они вышли из машины, подошли к шаткой деревянной изгороди, видно, предназначенной для того, чтоб удерживать людей и их машины от падения вниз, в глубокую пропасть, где их уже никто никогда не найдет.

— Вот самое подходящее место, где можно хоть и издали, но увидеть, как сносят вершины гор, — пояснила Мэтти. — Три точки. — Она указала влево. — Вот это Кошачья гора, вернее, то, что от нее осталось, совсем недалеко от Брэйди. А прямо — угольные разработки в Луз-Крик, в Кентукки. А там, справа, угольные шахты в Литтл-Юта, тоже в Кентукки. Все в работе, все стараются извлечь залежи угля как можно быстрее. Эти три горы совсем недавно достигали в высоту трех тысяч футов, как и соседние. Посмотри, что стало с ними теперь.

Эти три горы точно оскальпировали. Исчезли все зеленые насаждения, остались лишь пыль да камни, и теперь горы напоминали изуродованные руки с обрубленными пальцами. Они стояли в окружении пока что нетронутых вершин, блистающих оранжево-желтой осенней листвой, и красота этого пейзажа завораживала бы, если б не эти три обрубка — точно бельмо в глазу.

Саманта так и застыла на месте, потрясенная, обескураженная, пытаясь оценить ущерб. А потом пробормотала:

— Но это незаконно.

— Думаю, да, согласно федеральному закону. А вот с технической точки зрения все в порядке. Но методы, которыми они пользуются, совершенно незаконны.

— И нет способа их остановить?

— Процессы по этим делам идут вот уже двадцать лет. Несколько раз мы выигрывали, на федеральном уровне. Но все решения в нашу пользу были затем оспорены апелляциями и отменены. В суде Четвертого округа^[14] полно назначенцев от республиканцев. Но мы все еще пытаемся

бороться.

— Мы?

— Все, кто против открытых разработок. Лично я, как юрист, не задействована, но целиком на стороне этой команды. Мы здесь, конечно, в меньшинстве, но продолжаем борьбу. — Мэтти взглянула на часы. — Пора ехать.

Уже в машине Саманта сказала:

— Прямо тошнит от всего этого, верно?

— Да. Здесь, в Аппалачах, разрушены не только горы, но и весь образ жизни. И меня от этого тоже тошнит.

Они въехали в городок под названием Колтон, и шоссе плавно перешло в центральную улицу, где, проехав несколько кварталов, они увидели на правой стороне здание суда. Саманта сказала:

— У Донована здесь начнется процесс на следующей неделе.

— О да, большой и сложный. По делу тех двух бедных маленьких мальчиков.

— Знаешь об этом деле?

— Конечно. У нас тут такое было, когда они погибли. Знаю даже больше, чем хотела бы. Надеюсь, он выиграет. Я советовала ему договориться во внесудебном порядке, чтобы семья хоть что-то получила. Но он хотел сделать важное заявление.

— Выходит, не прислушался к твоему совету.

— Донован всегда поступал по-своему. И почти всегда оказывался прав.

Они припарковались за зданием и вошли в вестибюль. В отличие от округа Ноланд, здание суда в округе Хоппер являло собой сложное модернистское сооружение — такие обычно выглядят просто потрясающе, но только на бумаге, а не в действительности. Повсюду стекло и мрамор, острые углы и выступы, что приводит к значительной потере полезного пространства. Саманта решила, что после его постройки архитектор наверняка лишился лицензии.

— Старое сгорело, — заметила Мэтти, когда они поднимались по лестнице. — Но тогда они все сгорали.

Саманта не поняла, что она имела в виду. Леди Пурвис сидела в коридоре напротив входа в зал заседаний, явно нервничая, но при виде двух своих юристов заулыбалась, испытав облегчение. Еще несколько человек слонялись поблизости в ожидании, когда их вызовут. Леди поздоровалась, затем указала на молодого человека с мучнистым цветом лица в спортивной куртке из полиэстера и остроносых, начищенных до блеска

туфлях.

— Это он. Занимается надзором за исполнением судебных решений. Сноуден. Лейни Сноуден.

— Ждите здесь, — бросила ей Мэтти. И в сопровождении Саманты направилась к мистеру Сноудену, глаза которого расширились по мере того, как расстояние между ними сокращалось. — Так это вы представитель АНИ? — спросила она.

— Да, я, — с гордостью ответил Сноуден.

Она ткнула ему в руку визитку, точно это был нож, а не клочок бумаги, и сказала:

— А я Мэтти Уатт, адвокат Стоки Пурвиса. Это мой помощник Саманта Кофер. Нас наняли, чтоб вытащить клиента из тюрьмы.

Сноуден даже отступил на шаг, а Мэтти все напирала. Саманта поначалу растерялась, не зная, как держаться, но затем решила, что агрессивная поза подойдет. И вот она хмуро уставилась на Сноудена, а тот тупо взирал на нее: видно, в голове у него не укладывалось, как такой бедняк, Стоки Пурвис, смог нанять сразу двух адвокатов.

— Прекрасно, — заметил он. — Пусть раскошелится, и мы его сразу вытащим.

— У него нет денег, мистер Сноуден. Совсем нет. Неужели еще не ясно? И он не сможет заработать деньги, пока вы держите его в тюрьме. Можете обвинять его в неуплате штрафов, в чем угодно. Но истина в том, что мой клиент не в состоянии заработать и цента, пока сидит за решеткой.

— Но у меня на руках постановление суда, — важно заявил Сноуден.

— Мы поговорим об этом постановлении с судьей. Его следует отменить, и тогда Стоки выйдет. Если откажетесь вести переговоры, останетесь вовсе ни с чем.

— О чем это вы, девочки, толкуете, никак в толк не возьму?

— Чтоб не смел называть меня девочкой! — грозно рявкнула Мэтти.

Сноудена всего так и передернуло, точно он подвергся сексуальному домогательству, о которых так часто теперь пишут в газетах. Мэтти подошла еще ближе к нему и прошипела:

— Предлагаю сделку. Мой клиент задолжал округу около двухсот долларов в виде штрафов и пенни. А ваши ребята хотят вытащить из него на четыре сотни больше, и ради чего? Ради собственных игр и развлечений? Мы готовы выплатить сотню, общая сумма не должна превышать трех сотен, это максимум. И еще мы требуем рассрочку для выплат, на шесть месяцев. Только так и не иначе.

Сноуден изобразил фальшивую улыбочку, покачал головой и сказал:

— Пардон, мисс Уатт, но это не прокатит.

Не отрывая от него глаз, Мэтти открыла портфель и вытащила оттуда пачку бумаг.

— Тогда посмотри, прокатит ли это, — сказала она, размахивая бумагами у него перед носом. — Это иск к Ассоциации по надзору, который мы подаем в федеральный суд, позже впишу в него тебя как ответчика. За неправомерный арест и неправомерное заключение под стражу. Видите ли, мистер Сноуден, в конституции совершенно четко сказано, что нельзя сажать в тюрьму бедняка лишь за то, что он не смог оплатить задолженность. Подозреваю, что вам об этом неизвестно, поскольку вы работаете на банду мошенников. Однако вы уж мне поверьте, федеральные судьи поймут и разберутся, потому как они читали конституцию, по крайней мере, большинство из них. Долговые тюрьмы у нас вне закона. Когда-нибудь слышали о принципе равной защиты законами?^[15]

Сноуден открыл рот, но не произнес ни звука.

— Нет, не думаю, — продолжила Мэтти. — Может, ваши юристы объяснят, за три бакса в час. Но я говорю это вам сейчас, чтобы вы затем объяснили своим боссам, что я затаскаю вас по судам, года два из них вылезать не будете. Погрязнете в бумажной работе. Я вытащу ваши задницы из норы, часами будете давать показания, я разоблачу все ваши грязные уловки и фокусы. Все выплывет наружу. В землю вас зарою, пожалеете, что родились на свет божий. Буду снится вам в кошмарных снах. И в конце концов выиграю это дело да еще сдеру с вас судебные издержки. — Она ткнула ему в грудь стопкой бумаг, и он нехотя взял их.

Женщины развернулись и ушли, оставив потрясенного, с подгибающимися коленями Сноудена, перед глазами которого уже начали вставать картины этих кошмаров. Саманта, тоже потрясенная, прошептала:

— А можем мы объявить банкротом человека, задолжавшего триста баксов?

Мэтти уже успокоилась и ответила со смешком:

— Конечно, можем. Так и сделаем.

Через тридцать минут Мэтти, стоя перед судьей, заявила, что они достигли мирного соглашения и что ее клиента, мистера Стоки Пурвиса, следует немедленно освободить. Леди, вся в слезах, вышла из здания суда и отправилась в тюрьму за мужем.

Уже в машине, по дороге к Брэйди, Мэтти сказала:

— Лицензия на юридическую практику — весьма мощный инструмент, Саманта. Особенно когда она используется для защиты

простых и бедных людей. Мошенники типа Сноудена пользуются тем, что эти люди не могут нанять толкового адвоката, и обирают их. Но стоит толковому адвокату вмешаться в дело, и они тут же отстанут.

— Ты очень здорово его припугнула.

— Есть опыт в подобных делах.

— А когда успела подготовить иск?

— У нас есть образцы подобных исков. В папке под названием «Макеты судебных исков». Просто вписываешь нужное имя, часто упоминаешь такие слова, как «федеральный суд», рассыпаешь их по всему тексту, ну и они разбегаются, как испуганные белки.

Макеты исков. Разбегаются, как белки. Саманта сомневалась, чтобы большинству ее однокурсников по Колумбийскому университету доводилось прибегать к подобной юридической тактике.

В два часа дня Саманта сидела в главном зале заседаний окружного суда Ноланда, похлопывая по коленке перепуганную Фиби Фэннинг. Синяки у нее на лице приобрели зловещий, почти черный оттенок, и выглядела она теперь еще хуже. Она явилась в суд с толстым слоем макияжа на лице, но Аннет это не одобрила. И настояла, чтоб ее клиентка пошла в туалет и все это смыла.

В зал заседаний снова ввели Рэнди Фэннинга с эскортом, и он казался еще более озлобленным, чем два дня назад. Получил копию заявления о разводе и, похоже, был просто вне себя от ярости. Грозно сверкал глазами, поглядывая на жену и Саманту, пока пристав снимал с него наручники.

Судьей на этот раз был назначен Джеб Бэттл, бойкий молодой человек, на вид не старше тридцати. Поскольку Центр по оказанию бесплатной юридической помощи обычно проделывал большой объем подготовительной работы, Аннет была здесь постоянным посетителем и, по ее словам, ладила с судьей. Тот призвал всех присутствующих к порядку и сделал несколько объявлений, не относящихся к их делу. А затем начал слушания по делу «Фэннинг против Фэннинга», и Аннет с Самантой и клиенткой приблизились к столу перед его трибуной. Рэнди Фэннинг в сопровождении пристава подошел к другому столу и ждал, пока Хамп втиснется на свое место. Судья Бэттл, не произнося ни слова, пристально разглядывал Фиби, ее изуродованное лицо. А затем огласил свое решение.

— На развод подали в понедельник, — сказал он. — Вам вручили копию, мистер Фэннинг? Можете не вставать.

— Да, сэр. Копия у меня.

— Мистер Хамфри, если я правильно понял, освобождение из

тюремного заключения назначено на это утро, так?

— Да, сэр.

— И мы собрались здесь, чтоб определить временные сдерживающие меры. Фиби Фэннинг просит суд вынести решение о том, что Рэнделлу запрещено приближаться к месту проживания данной супружеской пары, к трем детям данной супружеской пары, к самой Фиби, равно как и к любому члену ее семьи. Вы возражаете против такого решения, мистер Хамфри?

— Конечно, возражаю, ваша честь. Дело раздуто просто до каких-то невероятных пропорций. — Хамп поднялся, развел руками, и голос его с каждой последующей фразой звучал все пронзительнее и гнусавее. — Супруги поссорились, причем не впервые. И далеко не все драки и ссоры были спровоцированы моим клиентом, но да, признаю, в этот раз он побил жену. Очевидно, что в этой семье существуют проблемы, но они пытаются их как-то решить. И все мы вздохнули бы с облегчением, если бы Рэнди вышел из тюрьмы и вернулся к своей работе. Тогда, уверен, эти двое смогли бы сгладить некоторые противоречия в своих взаимоотношениях. Мой клиент очень скучает по своим детям и очень хочет вернуться домой.

— Она подала на развод, мистер Хамфри, — строго напомнил ему судья. — И, похоже, намерения разойтись у нее вполне серьезные.

— Да от развода часто отказываются, едва успев подать заявление, мы наблюдаем это все время, ваша честь. Мой клиент даже согласен обратиться к консультанту по вопросам семьи и брака, если это сделает ее счастливее.

Тут вмешалась Аннет:

— Судья, мы вышли за рамки предмета обсуждения. Клиент мистера Хамфри обвиняется в нанесении телесных повреждений с применением оружия, ему грозит нешуточный срок. Он надеется, что все эти обвинения вдруг испарятся сами собой и его клиент выйдет на свободу. Но этого не случится. И от развода моя клиентка никогда не откажется.

— Кому из них принадлежит дом? — спросил судья Бэттл.

— Землевладельцу. Они его арендуют, — ответила Аннет.

— А где сейчас дети?

— Их вывезли из города, они в безопасном месте.

Если не считать нескольких разрозненных предметов мебели, дом уже опустел. Большинство своих вещей Фиби отвезла на склад, оставила там на хранение. Сама же пряталась в мотеле в Гранди, штат Виргиния, в часе езды от города. Из фонда взаимопомощи центра ей выделили деньги на питание и проживание. Фиби подумывала переехать в Кентукки и жить рядом с родственниками, но окончательного решения еще не приняла.

Судья Бэттл посмотрел на Рэнди Фэннинга и сказал:

— Еще раз хочу слово в слово повторить вам непереносимое условие, выдвинутое судом. Выйдя из тюрьмы, вы не должны никоим образом вступать в контакт с вашей женой, вашими детьми, а также родственниками миссис Фэннинг. До отмены этих распоряжений вы не должны приближаться к дому, который арендуете вместе с женой. Никаких контактов. Держитесь подальше, поняли меня?

Рэнди наклонился и зашептал что-то своему адвокату. Хамп спросил:

— Судья, у него есть хотя бы час на то, чтобы забрать свою одежду и вещи?

— Один час. И я пошлю с ним пристава. Дайте мне знать, когда его выпустят.

Тут поднялась Аннет и сказала:

— Ваша честь, моя клиентка напугана, ей угрожают. Когда в понедельник мы выходили из здания суда, нас у дверей встретили брат мистера Фэннинга Тони и двое его дружков. Настроены были крайне агрессивно. Требовали, чтоб моя клиентка забрала заявление об избиении, иначе будет хуже. Препирательство длилось недолго, но оставило весьма тревожное и неприятное впечатление.

И снова судья Бэттл гневно уставился на Рэнди и спросил:

— Это правда?

— Да откуда мне знать, судья? Меня там не было, — ответил Рэнди.

— А ваш брат там был?

— Может, и был. Раз она так говорит.

— Усматриваю здесь признаки утешения, мистер Фэннинг. Предлагаю вам переговорить с братом и посоветовать ему держаться в рамках. В противном случае придется прибегнуть к помощи шерифа.

— Спасибо, ваша честь, — сказала Аннет.

На Рэнди надели наручники и увели. Хамп брел следом за ним, нашептывая своему подзащитному, что все будет в порядке. Судья Бэттл постучал молоточком и объявил перерыв. Саманта, Аннет и Фиби вышли из зала заседаний, а потом — на улицу, опасаясь новых неприятностей.

Тони Фэннинг с каким-то приятелем поджидали их за пикапом, припаркованным чуть поодаль на Мейн-стрит. Увидели женщин и двинулись им навстречу. Оба дымили сигаретами и, похоже, настроены были решительно.

— О господи, — тихо пробормотала Аннет.

— Я его не боюсь, — сказала Фиби.

Мужчины преградили им дорогу, но не успел Тони и рта раскрыть, как

откуда ни возьмись появился Донован Грей. Подошел к женщинам и громко спросил:

— Ну, дамы, как все прошло?

Тони с приятелем сразу же утратили весь кураж. Отступили, избегая смотреть в глаза, — они явно побаивались Донована.

— Прошу прощения, парни, — издевательским тоном заметил Донован — видно, хотел их спровоцировать. Проходя мимо Тони, он окинул его испепеляющим взглядом и тотчас отвернулся.

Трижды отобедав с Аннет и ее детьми, Саманта на этот раз извинилась, сказала, что ей надо поработать, и поднялась к себе. Разогрела тарелку супа в микроволновке, съела его, еще примерно час листала учебник с материалами семинаров, затем отложила его в сторону. Ей трудно было представить себя в роли практикующего юриста на Мейн-стрит и при этом пытаться выжить, ведя дела по разводам и спорной недвижимости. Аннет уже не раз говорила о том, что большинству частных юристов в Брэйди едва удастся заработать 30 тысяч долларов в год. Зарплата у нее была 40 тысяч, такая же, как у Мэтти. Аннет рассмеялась, сказав: «Знаешь, наверное, это единственное место в стране, где юристы, оказывающие бесплатную помощь клиентам, в среднем зарабатывают больше среднего практикующего частника», — а потом добавила, что Донован зарабатывает здесь больше всех, но у него и риски гораздо выше.

Он также являлся самым крупным спонсором центра, который существовал на частные пожертвования. Часть денег поступила еще при основании центра, несколько крупных юридических фирм «с севера» сделали щедрые взносы, но Мэтти продолжала отчаянно бороться, чтобы собрать не меньше 200 тысяч долларов в год. Аннет сказала Саманте: «Мы бы с удовольствием платили тебе хоть что-то, но наши деньги не здесь». Саманта заверила, что ее вполне устраивают такие условия.

Интернет у нее работал через спутниковую систему, которую установила Аннет; возможно, это была самая медленная связь во всей Северной Америке. Наберись терпения, говорила Аннет Саманте. К счастью, терпения ей хватало, и Саманта даже начала находить удовольствие в этом неспешном образе жизни, в тишине по ночам, в том, что теперь есть возможность хорошо выспаться. И вот она вошла в Интернет, решив почитать, что пишут местные газеты — «Таймс» в Роаноке и «Газет» в Чарлстоне. В «Газет» она нашла довольно любопытную статью под заголовком «В недавних „шалостях“ подозревают экотеррористов».

На протяжении двух последних лет некая банда портила имущество ряда угольных компаний на юге Западной Виргинии, особенно доставалось тяжелому оборудованию. Пресс-секретарь одной из компаний окрестил этих людей экотеррористами и грозил всеми мыслимыми и немыслимыми расправами в случае, если их поймают. Те даже выработали весьма эффективную тактику — дожидались предрассветных часов, громили оборудование, а затем прятались в горах. Среди них были отличные снайперы, они использовали новейшее армейское огнестрельное оружие и умудрялись обездвиживать стотонные грузовики производства знаменитой фирмы «Катерпиллер», перевозящие уголь. Их резиновые шины достигали пятнадцати футов в окружности, весили тысячи фунтов и продавались по 18 тысяч долларов за штуку. У каждого такого грузовика было по шесть колес, и они представляли собой легкую мишень для снайперов. Здесь же, на сайте, размещался снимок дюжины желтых грузовиков, обездвиженных и выстроившихся в ровную линию вдоль дороги. Бригадир указывал на спущенные шины — всего их было двадцать восемь. Он сказал, что ночной сторож проснулся в 3.40, его разбудили выстрелы. Это была тщательно спланированная акция, пули вонзались в шины, и они взрывались, как бомбы. Сторож поступил мудро: предпочел укрыться в канаве и оттуда позвонил шерифу. Когда прибыли представители закона, снайперы уже успешно отстрелялись и скрылись в лесу. Шериф заявил, что не пожалеет сил, чтобы раскрыть это преступление, но отследить этих бандитов будет крайне сложно, ведь место под названием Булл-Фордж, где велись открытые разработки, находилось неподалеку от гор Уинноу и Хеллис-Блафф — обе высотой свыше трех тысяч футов и покрыты густым девственным лесом. А потому нападавшим ничего не стоило укрыться где-то в глубине леса и совершать оттуда вылазки — днем и ночью с равным успехом. Однако шериф заметил, что, по его мнению, это была не просто группа парней с охотничьими ружьями, которые решили позабавиться. Из своих укрытий они поражали цели, находившиеся на расстоянии тысячи ярдов, а пули, извлеченные из шин, были военного образца и калибра 51 мм, а потому стрельба явно велась из снайперских винтовок последнего образца.

В статье упоминались и другие подобные нападения. Экотеррористы очень тщательно выбирали мишени, а поскольку недостатка в открытых разработках в этих краях не наблюдалось, они терпеливо выжидали, пока не завезут тяжелое оборудование, пока не прибудут и не остановятся в определенных местах грузовики. Отмечалось также, что снайперы старались не нанести ранений людям. Они ни разу не открывали огня по

неприпаркованному грузовику, а ведь многие компании работали круглосуточно. Полтора месяца назад в Красной долине, что в округе Мартин, они пробили выстрелами двадцать две шины, причем, согласно утверждениям ночного сторожа, атака длилась всего несколько секунд. И вот теперь против них объединились четыре угольные компании и обещали за поимку преступников вознаграждение в 200 тысяч долларов.

Никакой связи с нападением, состоявшимся в Биллингтоне два года назад, тут не прослеживалось. Считалось, что это самый дерзкий за последние десятилетия акт саботажа. Злоумышленники похитили со склада компании взрывчатку, уничтожили шесть самосвалов, два грузовика, временное офисное здание и сам склад. Общий ущерб оценивался более чем в пять миллионов долларов. Не нашли ни одного подозреваемого, никаких арестов произведено не было.

Саманта порылась в газетных архивах и вдруг поймала себя на том, что симпатизирует этим экотеррористам. Позже, когда у нее уже начали слипаться глаза, она нехотя открыла сайт «Нью-Йорк таймс». Живя в этом огромном городе, она крайне редко, разве что в воскресенье по утрам, просматривала новости. И вот теперь, старательно избегая заглядывать в раздел «Бизнес», торопливо просматривала страницы и вдруг похолодела, остановившись на рубрике «Кафе и рестораны». Какой-то критик в пух и прах разнес новый ресторан в Трайбеке — модное заведение, где она сама побывала всего месяц назад. Был размещен и снимок сценки в баре, где зависли молодые профессионалы — они пили, улыбались и ждали, когда освободятся столики. Саманта вспомнила, что еда там просто отличная, и потеряла всякий интерес к оценкам критика, а вместо этого уставилась на снимок. Казалось, она слышала гул голосов, ощущала энергетику собравшейся там толпы. Насколько хорош там сегодня мартини? И разве не славно было бы провести за обедом с друзьями часа два, ловя на себе взгляды крутых парней?

Впервые она затосковала по дому, но затем тряхнула головой и отогнала это чувство. Да она может уехать отсюда хоть завтра, если захочет. И уж определенно сможет заработать больше денег в Нью-Йорке, нежели здесь, в Брэйди. Если захочет уехать, никто и ничто ее не удержит.

Глава 12

Пешая прогулка началась в самом конце давно заброшенной просеки, по которой когда-то вывозили лес, — никто, кроме Донована, ее бы не нашел. Сама поездка сюда требовала огромного водительского мастерства и крепких нервов — Саманте не раз казалось, что машина вот-вот свалится в пропасть. Но они все же умудрились доехать до небольшой вырубки, густо затененной дубами, эвкалиптами и каштанами, и Донован сказал:

— Ну все, здесь дорога кончается.

— Вы называете это дорогой? — спросила она, медленно открывая дверцу. Он рассмеялся и заметил:

— Да это просто четырехполосное шоссе в сравнении с другими здешними дорогами.

Саманта подумала о том, что жизнь в большом городе никак не подготовила ее к этому, но одновременно ее охватило радостное возбуждение при мысли о предстоящих приключениях. Перед тем, как двинуться в путь, Донован посоветовал ей надеть сапоги или высокие ботинки и «какую-нибудь нейтральную одежду». Сапоги — это она еще понимала, но «нейтральная одежда» требовала объяснений.

— Вы должны слиться с окружающей средой, — пояснил он. — Они будут за нами следить, а мы вторгнемся на их территорию.

— Есть шанс, что меня снова арестуют? — спросила Саманта.

— Разве что совсем небольшой. Им нас не догнать.

Ботинки были куплены накануне в магазине в Брэйди за 45 долларов и немного жали ей. Она надела старые брюки хаки и серый свитер с вышитыми на груди мелкими буквами «Колумбийский юридический». На Доноване был зеленый камуфляжный охотничий костюм и выписанные через Интернет высокие кожаные ботинки — в таких можно было прошагать тысячи миль. Он открыл багажник джипа, достал оттуда рюкзак и накинул его на плечи. Затем наклонился и достал ружье с телескопическим прицелом. Саманта увидела это и спросила:

— Разве мы собрались на охоту?

— Нет, это для самообороны. Тут кругом полно медведей.

Она засомневалась, не зная, можно ли верить его словам. Несколько минут они шагали по тропинке, давно заросшей и еле видной в траве. Она поднималась в гору, тонула в зарослях сассафраса, бафяника, тиареллы сердцелистой и красной смолевки — Донован указывал на эти растения и

называл их, и ей казалось, что он бегло говорит на незнакомом иностранном языке. Ради своей спутницы он шел не слишком быстро, но Саманта понимала: Донован может вихрем взлететь на эту гору, если захочет. Вскоре она уже совсем запыхалась и вспотела, но старалась не отставать.

Всем одиноким профессионалам в городе предоставлялось членство в спортивном зале. Но при этом выставлялись условия: все должно соответствовать правилам — и костюм для занятий, и определенное место, и время посещения зала утром, днем или вечером, чтобы как следует пропотеть и помучиться, держа себя в форме за 250 долларов в месяц. Саманту вскоре лишили членства из-за безжалостной политики «Скалли энд Першинг», где стремились выжать из сотрудника все соки, но она не слишком об этом сожалела. Теперь ее спортивные занятия свелись к долгим прогулкам по городу. Это, а также привычка мало есть не давали набрать лишний вес, но она пребывала далеко не в лучшей спортивной форме. Новые ботинки становились все тяжелее, жали все сильнее с каждым зигзагообразным поворотом тропинки по мере того, как они поднимались в гору.

И вот они остановились на маленькой поляне и сквозь поредевший строй деревьев смотрели на длинную глубокую долину в окружении горных хребтов. Вид был просто потрясающий, и она обрадовалась остановке. Донован махнул рукой и сказал:

— Это самые многообразные с биологической точки зрения горы в Северной Америке, они гораздо старше других горных хребтов. И служат домом для тысяч видов растений и диких животных, которых больше нигде не найти. Понадобилась целая вечность, чтобы они стали такими. — Последовала пауза, во время которой он продолжал любоваться окрестностями. А потом, подобно гиду, не нуждающемуся в понуканиях, продолжил: — Примерно миллион лет тому назад в горах стали формироваться угольные пласты. И это стало настоящим проклятием. Теперь мы разрушаем эти горы с непристойной поспешностью, чтобы добыть один из самых дешевых источников энергии, чтобы питаться и жить в тепле. Каждый человек в нашей стране расходует около двадцати фунтов угля в день. Я провел исследования по потреблению угля в каждом отдельном регионе. Известно ли вам, к примеру, что средний житель Манхэттена использует в день восемь фунтов угля, добытого открытым способом здесь, в Аппалачах?

— Нет, к сожалению, я этого не знала. А откуда берутся еще двенадцать фунтов?

— Из шахт глубокого залегания на востоке страны. Из Огайо и Пенсильвании, где уголь добывается старым способом. Где горы защищают, а не разрушают. — Он снял рюкзак, поставил на землю, достал из него бинокль. Потом поднес бинокль к глазам, обозрел окрестности и, видимо, увидел, что искал. Протянув бинокль Саманте, сказал:

— Вон там, на северо-востоке, еле различимые серые и желтые пятна.

Она посмотрела в бинокль, навела фокус и сказала:

— Да, вижу.

— Это разработки Булл-Фордж в Западной Виргинии. Одна из крупнейших открытых шахт по добыче угля.

— Да, как раз читала об этом вчера вечером. У них там несколько месяцев назад были неприятности. Кто-то практиковался в стрельбе по шинам грузовиков.

Он повернулся и с улыбкой посмотрел на нее.

— Выполняли домашнее задание?

— Привезла с собой ноутбук. Удалось найти в «Гугле» материалы местных газет. Очередная атака экотеррористов, верно?

— Ну, они это так называют.

— А кто они, эти ребята?

— Надеюсь, что мы так никогда и не узнаем. — Он стоял чуть впереди нее, по-прежнему всматриваясь в даль. Затем его левая рука сдвинулась на дюйм или два, инстинктивно потянулась к ружью с оптическим прицелом. Движение еле заметное, но Саманта его уловила.

Они ушли с поляны и вновь начали подниматься в гору. Тропинка стала еле различима, и Донован, похоже, вовсе ее не замечал. Он передвигался от дерева к дереву, всматривался вперед в поисках известного только ему ориентира, поглядывал вниз, словно пытаясь измерить пройденное расстояние. Подъем становился все круче, у Саманты ныли бедра и икры. Дешевые жесткие ботинки жали уже совсем немилосердно. Она запыхалась и минут через пятнадцать спросила:

— А вы воды с собой не захватили?

Подгнивший ствол поваленного дерева — самая подходящая вещь, чтоб хоть немного передохнуть. Они по очереди глотали воду из бутылки. Он не спрашивал, как она себя чувствует, она не спрашивала, как долго еще им придется лезть в эту гору. И вот, когда они немного отдышались, Донован заметил:

— Мы находимся на горе Дублин, на высоте примерно трех тысяч футов. А по соседству гора Энид, увидите ее через несколько минут. Если верить заявленным планам, через шесть месяцев компания «Стрейхорн

коул» пригонит сюда бульдозеры, оскальпирует эту гору, уничтожит все эти прекрасные леса, разгонит всех животных и начнет взрывные работы. Они подали заявку на разработки, и она будет одобрена в самом скором времени. Мы боролись с ними два года. Но победителями вышли они. — Он махнул рукой в сторону деревьев и добавил: — И глазом моргнуть не успеете, как все это исчезнет.

— Но почему бы им хотя бы не вывезти выкорчеванные деревья?

— Да потому, что они злодеи, преступники. Стоит угольной компании получить зеленый свет, и она точно с цепи срывается. Им нужен уголь, только уголь, черт бы их всех побрал, а на остальное они плевать хотели. Разрушают и уничтожают все на своем пути — леса, поляны, диких животных. Переедут и раздавят любого, кто встанет у них на пути, — землевладельцев, местных жителей, людей из надзорных органов, политиков и в особенности активистов и борцов за сохранение окружающей среды. Это война, и компромиссов в ней не бывает.

Саманта посмотрела на густой лес и удрученно покачала головой.

— Но это незаконно. Быть того не может.

— Законно, потому что не незаконно. Законность открытых разработок в горах оспаривалась в судах на протяжении многих лет, до сих пор ряд исков ждут рассмотрения. Но их ничем не остановишь.

— А кому принадлежит эта земля?

— Теперь компании «Стрейхорн», и мы вторглись в их владения. И поверьте, они будут просто счастливы схватить меня здесь за три дня до начала заседаний. Нет, не беспокойтесь, мы в безопасности. На протяжении ста с лишним лет этими землями владела семья Герман. Года два назад они продали землю, построили особняк где-то на побережье. — Он указал вправо и заметил: — Вон там, за холмом, примерно на полмили вниз, к долине, находится их старый дом. Семья прожила там несколько десятилетий. Теперь дом заброшен и пуст. Бульдозеристам понадобится часа два, чтоб сровнять его и хозяйственные постройки с землей. А под старым дубом, неподалеку от дома, находится маленькое семейное кладбище, вокруг каждой могилы низенькая, покрашенная белой краской ограда. Очень трогательное и старомодное. И все будет разбросано по долине — надгробные плиты, гробы, кости, все. Компании плевать, а Германы, видно, достаточно богаты, чтоб забыть, где их корни.

Саманта отпила еще глоток воды, попробовала пошевелить пальцами в жестких ботинках. Донован полез в рюкзак, достал два батончика с орехами, злаками и медом, протянул ей один.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— А Мэтти знает, что вы здесь? — спросил он.

— У меня сложилось впечатление, что Мэтти, Аннет, Барб и даже Клодель знают о каждом моем шаге и вздохе. Ну, как вы обычно говорите, «городок у нас маленький».

— Ничего такого я не говорил.

— Сегодня пятница, и дел в конторе немного. Я сказала Мэтти, что вы пригласили меня на экскурсию — полюбоваться здешними красотами. Вот и все.

— Прекрасно. Мы отправились на экскурсию. И Мэтти совсем не обязательно знать, куда именно.

— Она считает, что вы должны заняться подготовкой искового заявления. Чтобы выбить хотя бы немного денег для матери с двумя детьми.

Он улыбнулся и откусил сразу полбатончика. Прошло не меньше минуты в молчании, и Саманта вдруг поняла, что от этих длительных перерывов в разговоре ей как-то не по себе. И вот наконец он сказал:

— Я очень люблю свою тетушку, но она мало что смыслит в судебных тяжбах. Я оставил ей этот маленький центр потому, что хотел заниматься большими делами, вести громкие процессы, добиваться грандиозных по значимости вердиктов, заставлять крупные угольные компании платить за свои грехи. У меня были огромные победы и оглушительные поражения, и, подобно большинству практикующих юристов, я все время живу как на качелях. То вверх, то вниз. Один год просто процветаю, на следующий разоряюсь. Думаю, вам это знакомо, еще с детства.

— Нет, мы никогда не разорялись. Я понимала, что мой отец иногда проигрывал, что-то терял, но денег всегда было много. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока он не попал в тюрьму.

— И как вы все это восприняли? Ну, с вашей детской точки зрения? Вы ж тогда были еще подростком, верно?

— Послушайте, Донован, вы расстались с женой и не хотите об этом говорить. Вот и прекрасно. Мой отец попал в тюрьму, и я не хочу об этом говорить. Идет?

— Что ж, по крайней мере, честно. Пора двигаться дальше.

И они снова стали подниматься в гору — все медленнее и медленнее. Тропинка исчезла вовсе, склон становился все круче. Из-под ног у них сыпались камни, они цеплялись за тонкие стволы деревьев и подтягивались. В какой-то момент остановились немного отдышаться, и Донован предложил Саманте идти впереди, чтобы он смог подхватить ее, если она вдруг оступится и начнет падать. Она повиновалась, он шел за ней

по пятам, придерживал ее за бедро, не давая упасть и одновременно подталкивая вперед. Но вот наконец они достигли вершины горы Дублин, вышли из леса на маленький каменистый уступ, и Донован сказал:

— Теперь надо быть осторожнее. Здесь наше укрытие. Прямо вон за теми скалами гора Энид, где компания «Стрейхорн» развела бурную деятельность. У них есть своя охранная служба, эти парни изредка наведываются и сюда. Мы судимся с ними вот уже два года, и пару раз случались нешуточные стычки.

— Например?

Донован снял рюкзак, прислонил ружье к камню.

— Вы же видели снимки у меня в конторе. Когда мы пришли сюда в первый раз с фотографом, они нас поймали и пытались выдвинуть обвинение. Я побежал к судье и получил ордер, разрешающий нам доступ, но на весьма ограниченной основе. А потом судья посоветовал нам держаться подальше от их собственности.

— Что-то не видно здесь никаких медведей. Тогда зачем ружье?

— Для защиты. Пригнитесь и идите сюда.

Они, пригнувшись, добрались до расселины между двумя огромными валунами. Внизу лежали остатки горы Энид, некогда достигавшей в высоту трех тысяч двухсот футов, — теперь она превратилась в пыльную земляную площадку, где было просто не протолкнуться от разного рода техники. Работы шли споро на всей территории бывшей горы и прилегающих к ней скалистых выступах. Огромные грузовики увозили сотни тонн свежего непромытого угля, пробирались между другими машинами, покачивались на ухабах, медленно и неуклонно спускались вниз, точно муравьи, марширующие дружными рядами. Гигантский скребковый экскаватор размером с ее квартиру раскачивался взад-вперед, его ковш вгрызался в землю, вырывал из нее куски с камнями по две сотни кубических ярдов за раз и вываливал аккуратными кучами. Экскаваторы с меньшими ковшами методично зачерпывали добытое из этой кучи и перегружали в подъезжающие новым строем грузовики, которые затем спускались по направлению к долине. Ниже по склону находились собственно разработки. Там совковые погрузчики вырывали уголь из обнажившихся пластов и переваливали его во все те же огромные грузовики, которые затем медленно, дюйм за дюймом, отъезжали от места разработок и ползли вниз, словно придавленные тяжестью своего груза. Над всем этим пространством клубились тучи пыли.

Донован шепотом, точно боясь, что их кто-то может подслушать, произнес:

— Жуткое зрелище, верно?

— Жуткое — самое верное слово, — согласилась Саманта. — В среду по дороге к Колтон Мэтти показывала мне три открытые разработки. Но мы находились слишком далеко и мало что разглядели. Меня просто тошнит от всего этого.

— Да, к этому невозможно привыкнуть. Это какое-то непрерывное изнашивание земли. Всё новые разрушения день за днем.

Насилие осуществлялось неспешно, методично и эффективно. Донован молчал несколько минут, потом заметил:

— За два года срыли восемьсот футов горы. Освоили четыре-пять угольных пластов, примерно столько же еще осталось. Когда все закончится, гора Энид выдаст примерно три миллиона тонн угля по средней цене шестьдесят баксов за тонну. Математика тут несложная.

Они сидели рядом, бок о бок, стараясь не прикасаться друг к другу, и наблюдали за чудовищным процессом разорения. Бульдозер подъезжал к самому краю обрыва и сбрасывал свою ношу — вниз с высоты тысячи футов водопадом летели огромные камни. Подпрыгивали, неслись дальше, пока не скрывались из виду где-то внизу.

— Вот так все и происходит, — заметил Донован. — Попробуйте, представьте себе эту гору на пятьсот футов выше, ведь именно такой она и была девятнадцать месяцев назад. А потом один из бульдозеров скинул вниз огромный валун, который пролетел мимо и врезался в трейлер, где спали маленькие братья Тейт. — Он поднес к глазам бинокль, осмотрелся, потом протянул его Саманте. — А теперь пригнитесь, — сказал он ей. — Вон там внизу, в долине, за насыпью виднеется маленькое белое строение. Некогда это была церковь. Видите?

— Вижу, — через несколько секунд ответила она.

— А прямо за церковью был небольшой поселок из нескольких домов и трейлеров. Отсюда их не видно. Примерно в миле отсюда, за деревьями. На суде мы решили показать видео, на котором прослеживается траектория валуна. Он пролетел над церковью со скоростью примерно восемьдесят миль в час — ее мы вычислили по весу, — подпрыгнул раз или два и врезался прямо в трейлер Тейтов.

— А сам валун продемонстрировать сможете?

— И да, и нет. Он весит шесть тонн, и в зал суда его не внесешь. Но он все еще лежит там, и мы сделали много снимков. Через четыре дня после этого инцидента компания с помощью техники и взрывчатки пыталась убрать его оттуда, но нам удалось их остановить. Твари, чудовища! Явились целой командой на следующий день после похорон, вторглись на

частную территорию, чтобы уничтожить проклятый валун, разбив его на несколько кусков с помощью взрывчатки, ничуть не озаботившись тем, какой урон это может нанести обитателям поселка. Ну, тогда я позвонил шерифу, и тот приехал. Насилу удалось их выпроводить оттуда.

— Вы подали в суд через четыре дня после несчастного случая?

— Нет, я подал иск на следующий же день. Составил его меньше чем за двадцать четыре часа. Съездил к брату их матери. Тут надо действовать быстро.

— Мой отец был бы потрясен.

Донован взглянул на часы, затем — на гору Энид. И сказал:

— Взрыв произведут в четыре дня. Так что вас ждет впечатляющее зрелище.

— Жду не дождусь.

— Видите вон там, слева, такой странный грузовик, с высокой канистрой в кузове?

— Шутите, что ли? Да тут сотни грузовиков.

— Да нет, он не для перевозки, значительно меньше. И стоит отдельно, в самом конце.

— А, да, вижу! Что это такое?

— Не знаю, как он у них называется, но это грузовик для взрывов.

Саманта видела в бинокль эту странную машину и людей, суесящихся вокруг.

— Что это они делают?

— Сейчас начинают бурить. По закону им разрешено проделать буровую скважину глубиной в шестьдесят футов и семь дюймов в диаметре. Скважины располагаются на расстоянии десяти футов друг от друга. Официальный лимит сорок скважин на один взрыв. Словом, все определено, рассчитано, все ограничения и правила прописаны. Но ничуть не удивительно, что компании, подобные «Стрейхорн», старательно их игнорируют и творят что хотят. И никто их не контролирует, ну разве что время от времени приезжают защитники окружающей среды. Снимают на видео, составляют жалобу, и компанию штрафуют на мизерную сумму. Они ударяют по рукам, и жизнь продолжается. Надзорные службы получают свои чеки и спят спокойно.

Тут откуда-то сзади к ним подкрался огромный бородатый мужчина и хлопнул Донована по плечу.

— Бум! — крикнул Донован, а потом: — Черт!

Он увидел, как Саманта вздрогнула и выронила бинокль.

Оба они обернулись и уставились на здоровяка, с которым вряд ли кто-

нибудь осмелился бы вступить в рукопашную. Тот улыбался во весь рот.

— Вот сукин сын, — прошипел Донован, но к ружью не потянулся. Саманта искала глазами пути к отступлению.

Мужчина пригнулся и хохотал за двоих. Потом протянул Саманте руку и представился:

— Вик Канцаро, друг гор.

Она никак не могла прийти в себя от испуга, и руки в ответ не подала.

— Какого черта? Напугал нас до смерти! — сердито пробормотал Донован.

— Я не хотел. Пошутить, что ли, нельзя?

— Вы его знаете? — спросила Саманта.

— К несчастью, да. Он друг, вернее, хороший знакомый. Вик, а это Саманта Кофер, новый юрист-интерн в центре Мэтти.

Тут они наконец обменялись рукопожатием.

— Рад познакомиться, — сказал Вик. — Что привело вас на эти угольные поля?

— О, это долгая история, — ответила Саманта. И облегченно выдохнула. — Очень и очень долгая история.

Вик бросил рюкзак на землю и сел на камень. Он вспотел от долгого подъема в гору и хотел пить. Достал бутылку, предложил Саманте, но та отказалась.

— Колумбийский юридический? — спросил он, указывая на ее свитер.

— Да. Еще десять дней назад работала в Нью-Йорке, а потом мир перевернулся, и я получила отставку. Короче, просто уволили. А вы тоже юрист? — Она уселась на другой камень, рядом с Донованом.

— Черт, нет, конечно. Когда-то был инспектором по безопасности на шахтах. Но намудрил, и меня тоже уволили. Еще одна долгая история.

— У всех нас свои долгие истории, — заметил Донован и тоже взял бутылку с водой. — Вик у меня свидетель — настоящий эксперт. Заплатишь ему побольше, и он расскажет присяжным то, что требуется. На следующей неделе его ждет тяжелый день. Будет давать свидетельские показания, шикарно проведет время, перечисляя бесконечные нарушения техники безопасности, допущенные «Стрейхорн коул». А потом адвокаты со стороны ответчика отправятся на ленч.

Вик снова громко расхохотался.

— Жду с нетерпением, — сказал он. — Ходить с Донованом на судебные заседания одно удовольствие, особенно когда он выигрывает. Но это случается нечасто.

— Выигрываю примерно столько же, сколько проигрываю.

На Вике была фланелевая рубашка, линялые джинсы, сапоги с прилипшей к ним засохшей грязью. И вообще он походил на ветерана скаутского движения, человека, которому ничего не стоит достать из рюкзака палатку, установить ее в лесу и провести там несколько недель.

— Ну что, бурят скважины? — спросил он Донована.

— Только начали. Взрыв у них по плану в четыре.

Вик посмотрел на часы и спросил:

— А к суду мы подготовились?

— О да. Сегодня с утра они удвоили сумму, обещают выплатить пострадавшей стороне уже двести тысяч. Я предложил девятьсот пятьдесят.

— Да ты никак рехнулся? Забирай деньги, хоть что-то семья поймееет. — Он взглянул на Саманту и спросил: — А вы ознакомились с фактами?

— По большей части да, — ответила та. — Видела фотографии и карты.

— Никогда не доверяйте здешним членам жюри. Твержу это Доновану с утра до вечера, но он и слушать не желает.

— Снимать будешь? — спросил Донован, желая сменить тему.

— А как же.

Мужчины поболтали еще несколько минут, то и дело поглядывая на часы. Затем Вик достал из рюкзака маленькую камеру и занял позицию между двумя валунами. Донован обернулся к Саманте:

— Поскольку инспекция не прибыла, есть все основания полагать, что при взрывных работах правила будут нарушать. Мы заснимем все это на видео и, возможно, покажем жюри присяжных на следующей неделе. Не то чтобы это нам так уж нужно, поскольку мы и без того сумели нарыть на компанию гору грязи. Они выставят свидетелями своих инженеров, те станут лгать под присягой о том, как тщательно следуют всем правилам и инструкциям. Ну а мы тут же докажем обратное.

Донован с Самантой устроились рядом с Виком, который был целиком поглощен съемками.

— В каждую скважину они помещают смесь, известную под названием АСДТ — сокращенно от аммиачной селитры и дизельного топлива. Слишком опасное для транспортировки вещество, а потому они готовят его на месте. Как раз этим сейчас и занимаются. С грузовика заливают дизельное топливо в скважины, а вон та команда, что слева, готовит подрывные капсулы и детонаторы. Сколько там всего скважин, Вик?

— Насчитал около шестидесяти.

— Ну вот, ясно, что нарушают, весьма типичный случай.

Саманта видела в бинокль, как мужчины с лопатами начали закапывать скважины. От каждой тянулся проводок, и двое рабочих торопливо связывали их в пучки. Мешки с аммиачной селитрой подтаскивали к скважинам и высыпали поверх прослойки из дизельного топлива. Работа шла не слишком быстро, пошел уже пятый час. И вот наконец грузовик с подрывниками отъехал, и Донован сказал:

— Теперь уже скоро.

Площадка опустела — машины и люди с нее убрались. Завыла сирена, а потом над местом разработок повисла мертвая тишина.

И вот до них донесся звук взрыва — он напоминал отдаленный раскат грома, и целые тучи пыли и дыма взметнулись в воздух. Каждый новый взрыв следовал с интервалом в какую-то долю секунды. Языки пламени взлетали по очереди, как фонтаны в водном шоу в Вегасе. И все вокруг начало рушиться. Земля дрожала, огромный кусок древней скалы оседал волнами. Пыль, поднявшаяся при взрывах, образовала плотное облако. День стоял безветренный, а потому это облако так и зависло над местом разработок. Донован выкрикнул:

— Такие взрывы устраивают по три раза на день. По правилам разрешается только два. Умножьте это на дюжины ведущихся открытых разработок, и получится, что здесь, в горах, используют миллионы фунтов взрывчатых веществ в день.

— У нас проблема, — спокойно заметил Вик. — Нас, похоже, обнаружили.

— Где? — спросил Донован и отобрал у Саманты бинокль.

— Вон там, у трейлера.

Донован навел бинокль на трейлер. Рядом на платформе стояли двое мужчин в касках и тоже наблюдали за ними в бинокли. Донован махнул им рукой, один из мужчин ответил тем же. Донован сделал вид, что целится в него из пистолета, мужчина ответил в точности таким же жестом.

— И долго они там болтаются? — спросил он.

— Понятия не имею, — ответил Вик. — Но ясно одно: пора убираться отсюда.

Они схватили рюкзаки и ружье и начали торопливо спускаться с горы. Саманта поскользнулась и едва не упала. Вик подхватил ее, а потом крепко взял за руку и уже не отпускал. Они шли следом за Донованом, обходили деревья и большие валуны, продирались через кустарник — тропинки все не было видно. Через несколько минут остановились на узком открытом месте.

— Я пришел вон оттуда, — указал Вик. — Позвоните, когда доберетесь до своего джипа. — И с этими словами он скрылся в густом лесу, а они продолжили спуск.

Здесь он оказался менее крутым, и они благополучно прошли еще несколько сот ярдов.

— Мы в порядке? — спросила Саманта после паузы.

— В полном, — ответил ей Донован. — Никто не знает здешние дорожки и тропы лучше меня. А если даже нас и поймают, то не убьют.

Она нашла мало утешения в этих его словах. Они прибавили шаг — тропа становилась все более ровной и утоптанной. И вот в сотне ярдов от них показался джип, и Донован остановился на секунду — посмотреть, нет ли поблизости других машин.

— Они нас не нашли, — сказал он. Уже сев в машину и тронувшись с места, отправил Вику текстовое сообщение: «Все чисто». Машина, подпрыгивая на ухабах, мчалась с горы, совсем рядом тянулись расселины и пропасти, достаточно широкие, чтобы полностью поглотить свалившийся в них джип. Через несколько минут Донован заметил:

— Мы покинули территорию «Стрейхорн». — С этими словами он свернул на посыпанную гравием дорогу, и в тот же момент навстречу им из-за поворота вынырнул огромный запыленный грузовик.

— Это они, — сказал Донован.

Грузовик двигался ровно посередине дороги, видимо, с целью блокировать проезд джипу. Но Донован выжал педаль газа и умудрился объехать его по самому краешку дороги. В кабине сидели три типа в касках самой бандитской наружности, готовые на все и явно нарывающиеся на неприятности. Они резко остановились, затем начали разворачиваться, чтобы продолжить погоню, но джип был уже далеко.

Машина мчалась по проселочным дорогам округа Хоппер, Донован то и дело молча поглядывал в зеркало заднего вида.

— Как думаете, они успели запомнить номер вашей машины? — спросила Саманта.

— Да они и без того его прекрасно знают. В понедельник утром примчатся к судье и начнут плакать и ныть, как дети. Я стану все отрицать, посоветую им прекратить нытье. Надо еще согласовать состав жюри присяжных.

Они проехали мимо здания суда в Колтоне. Донован кивком указал на него и заметил:

— Вот она, точка отсчета. Самое безобразное здание суда в Виргинии.

— Была здесь с Мэтти в среду.

— Ну и как вам зал заседаний?

— Не слишком приятное впечатление, я всегда старалась избегать появления в подобных учреждениях.

— А я так просто обожаю. Единственное место, где маленький человек может сразиться на равных с крупной жульнической корпорацией. Человек, у которого ничего нет — ни денег, ни власти. Ровным счетом ничего, кроме набора фактов, позволяющих подать иск, выиграть его в честной борьбе и выставить этой компании счет на миллиард долларов.

— Но ведь не всегда в честной?

— Конечно, нет. Если они обманывают, то и я тоже могу. Они ведут грязную игру, мне по плечу игры и погрязнее. Вам понравится, точно говорю.

— Рассуждаете прямо как мой отец. Звучит пугающе.

— А вы говорите, как моя жена. Ей никогда не нравилась моя работа.

— Давайте поговорим о чем-нибудь еще.

— Ладно. Какие планы на завтра?

— Субботу проведу в Брэйди. Контора закрыта, так что делать особенно нечего.

— А как насчет еще одного маленького приключения?

— Опять с ружьем?

— Нет, обещаю, ружье брать не стану.

— И мы снова вторгнемся на чужую территорию? И, возможно, нас арестуют?

— Нет, обещаю.

— Звучит скучновато. Но я согласна.

Глава 13

Блит позвонила рано утром в субботу и радостным голоском сообщила, что у нее потрясающие новости. Ей дали выходной — такая редкость в наши дни. Ситуация на работе вроде бы стабилизировалась, ее фирма определенно не настроена проводить новые сокращения. За последние пять дней никому не указали на дверь и даже обещали какую-то, пусть и небольшую, но финансовую поддержку сверху. Словом, этим прекрасным осенним днем в большом городе ей больше нечего делать, кроме как ходить по магазинам, думать о том, где бы пообедать, и в полной мере наслаждаться своей молодостью и одиночеством. В этот момент Саманта ощутила острую тоску по дому, она страшно соскучилась и по своей соседке по квартире. Не прошло и двух недель, как она уехала из Нью-Йорка, но ей казалось, что прошла целая вечность. Они проболтали, наверное, с полчаса и в конце концов решили, что проведут этот чудесный день порознь.

Саманта приняла душ и быстро оделась — она торопилась выбраться из дома до того, как к ней примчатся Адам и Ким с целым списком дел и развлечений на выходной. Но Аннет с детьми, похоже, проявили деликатность и позволили госте уйти незамеченной. И она ушла, стараясь по возможности ступать как можно тише, хоть и заметила уже во дворе, что они подглядывают за ней через щели в жалюзи и занавесках. Но Саманта и без того знала — большинству обитателей Брэйди очень любопытно, чем занимается приезжая из Нью-Йорка.

Именно по этой причине, а также из-за нестабильности своего материального положения Донован предложил встретиться в местном аэропорту, в одиннадцати милях к востоку от города. Там было назначено свидание, оттуда и начнется их новое путешествие, о деталях которого он предпочел умолчать. Позже она с удивлением узнала, что никакого аэропорта в радиусе ста миль от Брэйди не существует. Не поленилась в пятницу поздно вечером залезть в Интернет и ничего не нашла. Как такое возможно, чтобы у аэропорта не было собственного сайта?

Не было не только сайта — она не увидела ни одного воздушного судна, доехав почти до конца гравийной дороги, которая вела к так называемому аэропорту округа Ноланд. Рядом с небольшим строением из металла был припаркован джип Донована, других машин поблизости видно не было. Саманта прошла через единственную дверь и оказалась в некоем

подобии прихожей, где стояли складные стулья и металлические столы, заваленные журналами по авиации. На стенах — выцветшие фотографии самолетов и снимки с воздуха. За второй дверью открывалась небольшая площадка, и там она увидела Донована, суевившегося возле крохотного самолета. Саманта вышла и спросила:

— Что это такое?

— Доброе утро, — широко улыбаясь, ответил он. — Как спали, хорошо?

— Проспала восемь часов. Вы что же, еще и пилот?

— Да, представьте себе. А это «Сессна-172», больше известная под названием «Небесный ястреб». Я веду дела в пяти штатах, и эта маленькая птичка помогает мне туда добраться. Плюс к тому она очень ценный инструмент в слежке за угольными компаниями.

— Ну да, конечно. И мы летим шпионить?

— Что-то вроде этого. — Он снял и аккуратно сложил чехол, прикрывавший мотор. — Подготовка к полету закончена, можно в путь. Ваша дверца с другой стороны.

Саманта не сдвинулась с места.

— Не знаю, не уверена. Никогда не доводилось летать на таких маленьких.

— Самый безопасный самолет из всех. Я налетал на нем три тысячи часов и уверяю вас: пилот вполне опытный, к тому же и погода сегодня что надо. На небе ни облачка, температура идеальная, а деревья расцвечены всеми красками осени. Словом, не день, а мечта пилота.

— Не знаю...

— Да перестаньте! Где же ваша страсть к приключениям?

— Но у него всего один мотор.

— Больше и не требуется. А если он вдруг вырубится, будем целую вечность парить в свободном полете и найдем уютное пастбище, где можно приземлиться.

— В этих горах?

— Садитесь, Саманта.

Она медленно обошла хвостовую часть, приблизилась к правой дверце под крылом. Он помог ей залезть на сиденье, пристегнул двумя ремнями безопасности, захлопнул и запер дверцу и пошел к левому борту самолета. Саманта оглянулась на узенькое заднее сиденье, потом уставилась на приборную доску перед собой.

— Страдаете клаустрофобией? — спросил он и защелкнул застежку своего ремня безопасности. Их плечи почти соприкасались.

— Сейчас да.

— Вам понравится. Научитесь сами пилотировать еще до конца дня. — Он протянул ей наушники. — Вот, наденьте. Тут довольно шумно, а с помощью этого устройства мы сможем переговариваться. — Оба они надели наушники. — Теперь скажите что-нибудь.

— Что-нибудь.

— Ага, нормально, наушники работают. — Донован взял контрольный список, сверился с ним, осторожно дотрагиваясь до каждого из приборов по очереди, подвигал ручкой управления. Такая же находилась с ее стороны. — Только, пожалуйста, ничего не трогайте, — предупредил он.

Саманта замотала головой: она и не собиралась ничего трогать.

— Порядок, — сказал Донован и повернул ключ зажигания.

Мотор ожил, пропеллер начал вращаться. Он толкнул дроссель, и аэроплан содрогнулся. Потом Донован заявил о своих намерениях по рации, и они двинулись по взлетной полосе, которая показалась Саманте очень короткой и узкой.

— Нас кто-нибудь слышит? — спросила она.

— Сомневаюсь. Утро сегодня выдалось спокойное.

— Это, наверное, единственный частный самолет в округе Ноланд?

Он указал на ряд выстроившихся вдоль полосы маленьких ангаров.

— Есть еще несколько. Но немного. — В конце взлетной полосы он поддал газу, снова проверил показания приборов. — Ну, держитесь! — Толкнул дроссель вперед, медленно отпустил тормоза, потом потянул на себя ручку управления. Они катились, все набирая скорость, а он невозмутимо вел отсчет: — Восемьдесят миль в час, девяносто, сто... — Затем отвел ручку управления до отказа, и они оторвались от земли. На секунду Саманте показалось, что она в невесомости, желудок едва не вывернуло наизнанку. — Вы в порядке? — покосился на нее Донован.

— В полном, — пробормотала она.

Они поднимались все выше, затем машина накренилась влево и совершила разворот на 180 градусов. Летели они низко, почти над верхушками деревьев, вдоль главной автотрассы.

— Видите там зеленый грузовик? Вон перед тем магазином? — спросил он.

Саманта кивнула.

— Та самая задница, что преследовала меня сегодня с утра. Держитесь. — Он подвигал рукояткой управления, крылья закачались, посылая привет «заднице» в зеленом грузовике. Когда машина скрылась из виду, «сессна» начала подниматься все выше и выше.

— А с чего это вдруг они преследовали вас в субботу с утра? — спросила Саманта. Костяшки ее пальцев побелели — так крепко впивались они в колени.

— Это их надо спросить. Может, из-за того, что было вчера. Может, потому, что в понедельник начнется важный процесс и мы должны встретиться в суде. Кто их знает. Да они меня все время преследуют.

И тут вдруг она почувствовала, что в воздухе хоть и не намного, но безопаснее. К тому времени, когда они долетели до Брэйди, Саманта расслабилась, успокоилась и уже могла любоваться окрестностями. Донован пролетел над городом на высоте около пятисот футов, и она любовалась им с птичьего полета, видела дома, где жила и работала. Если не считать подъема на воздушном шаре в Катскилле, ей никогда не доводилось видеть землю с такой высоты, и это было потрясающее, совершенно завораживающее зрелище. Донован поднялся на тысячу футов, и теперь они летели над холмами. Рация молчала, как в патрульной машине Роуми, и она спросила:

— А как же насчет всяких там радаров, диспетчеров полетов и всего такого прочего? Хоть кто-то контролирует наш полет?

— Скорее всего, нет. Мы летим по ПВП — правилам визуального полета, — так что не обязаны связываться с диспетчерами. Когда я отправляюсь в деловую поездку, посылаю план полета, и меня включают в систему контроля над воздушным движением. Но сегодня это не обязательно. Мы летаем просто, чтоб получить удовольствие. — Он указал на маленький экран и пояснил: — Вот мой радар. Если вдруг окажусь в опасной близости от другого самолета, он сразу об этом сообщит. Расслабьтесь, я еще ни разу не попадал в катастрофу.

— Но были к этому близки?

— Никогда. Я очень серьезно отношусь к этому занятию, как и большинство пилотов.

— Рада слышать. Но куда же мы летим?

— Не знаю. А вам куда бы хотелось?

— Вы пилот и не знаете, куда мы летим?

Он улыбнулся, кивком указал влево на какой-то прибор.

— Это альтиметр. Мониторит высоту пролета, это особенно важно, когда летишь в горах. — Они поднялись на высоту полутора тысяч футов, на которой пока что и оставались. Донован указал в иллюминатор: — А вот это Кошачья гора, вернее то, что от нее осталось. Там велись масштабные разработки.

Впереди и справа виднелось место разработок, ничем не

отличающееся от других, — лишенная растительности часть горы, сплошные камни и грязь. Разительный контраст с прекрасными, покрытыми лесом горами и зелеными долинами внизу. Саманта вспомнила Фрэнсин Крамп, клиентку, которая приходила к ней по поводу завещания и так стремилась сохранить свои земли в неприкосновенности. А находились они где-то там, внизу, неподалеку от Кошачьей горы. Вдоль ручья виднелись небольшие строения, отдельные поселки здесь и там. Самолет накренился вправо, Донован совершил разворот на 360 градусов, и теперь Саманта отчетливо видела грузовики, бульдозеры и другую технику. Грузовик для взрывов, автопогрузчики, машины для вывоза угля, самосвалы для вывоза и сброса ненужной породы, землечерпалки, экскаваторы и прочее. Она набиралась все новых знаний. Даже сумела разглядеть бригадира — тот стоял возле временки, задрав голову, и смотрел на самолет.

— Они и по субботам работают? — спросила она.

Донован кивнул, потом заметил:

— А иногда все семь дней в неделю. Слово нет профсоюзов.

Они поднялись на три тысячи футов.

— Сейчас мы летим над Кентукки, держим курс на северо-запад, — сообщил Донован. Если б не наушники, ему пришлось бы кричать во всю глотку — так оглушительно ревел мотор. — Просто смотрите. Им счета нет.

Горы испещряли угольные шахты, напоминавшие безобразные шрамы на лице земли, их были дюжины, они змеились повсюду и уходили вдаль. Они пролетели над несколькими из них. Между вытоптаннами площадками Саманта заметила большие открытые пространства с зелеными пятнами травы и реденькими тонкими деревцами.

— А это что? — спросила она и ткнула пальцем. — Ну, вон те площадки, где нет леса?

— Места, где велись разработки, они подлежат рекультивации. Некогда это была горой Персиммон высотой две с половиной тысячи футов. Они снесли ее вершину, добыли уголь. А рекультивировать и не собираются. Закон требует, чтобы местность была восстановлена «в приблизительно первоначальном облике» — так там записано, язык своеобразный. Но как можно восстановить гору, которая исчезла?

— Где-то я об этом читала. Земля должна обрести прежний вид или даже лучший, чем до разработок.

— Звучит как злая шутка. Угольные компании заявляют, что рекультивированная земля — самое подходящее место для дальнейшего

развития, постройки торговых центров, кондоминиумов, ну и так далее. Пока что на одном таком участке в Виргинии построили тюрьму. А на другом — гольф-клуб. Правда, проблема в том, что никто в этих краях в гольф не играет. Так что все эти разговоры о рекультивации — пустая болтовня.

Они пролетели еще над одним участком, где велись открытые разработки, потом над другим. Все они выглядели примерно одинаково.

— А сколько здесь действующих участков? — спросила Саманта.

— Дюжины. За последние тридцать лет мы благодаря открытым разработкам потеряли около шестисот гор, и скорость, с которой ведутся работы, позволяет предположить, что скоро их останется совсем немного. Потребность в угле возрастает, цена на него — тоже. Так что компании в самой агрессивной форме добиваются разрешений на открытые разработки. — Самолет взял влево, и Донован пояснил: — Теперь мы летим на север, в Западную Виргинию.

— И у вас есть лицензия на юридическую практику в этом штате? — спросила Саманта.

— Да, и в Виргинии, и в Кентукки.

— Но перед полетом вы упоминали пять штатов.

— Иногда летаю в Теннесси и Северную Каролину, впрочем, не слишком часто. В Северной Каролине рассматривается иск о выбросе пепла, там задействовано много юристов. Большое дело.

Он просто обожал вести большие дела. В Западной Виргинии изуродованные горы выглядели в точности так же, как и в Кентукки. «Сессна» летела зигзагом, то вправо, то влево, иногда плавно снижалась, чтобы Саманта могла лучше рассмотреть разрушения, затем взмывала вверх, пролетая над очередным хребтом.

— А вот там, впереди, шахта «Булл-Фордж», — сообщил Донован. — Вы видели ее вчера, только с земли.

— О да. Экотеррористы. Видно, эти ребята сильно досаждают угольным компаниям.

— Похоже, это их цель.

— Жаль, что вы не захватили ружье. Тогда могли бы прострелить несколько шин с воздуха.

— Думал об этом.

Они пролетели еще около часа, после чего Донован начал медленно снижаться. К этому времени Саманта уже научилась считывать показания альтиметра, индикатора скорости и компаса. Они находились на высоте двух тысяч футов, когда она спросила:

— А какой-то конкретный пункт назначения у нас имеется?

— Да, но сперва хочу показать вам кое-что еще. С вашей стороны скоро покажется долина Хаммер. — Он выждал с минуту, пока самолет не перелетел через хребет; впереди открылась длинная глубокая долина. — Начнем здесь, с конца, там, где расположен городок под названием Роквилль, население триста человек.

Среди деревьев показались два церковных шпиля, а потом стал виден и весь городок, вернее уютная деревенька в окружении горных склонов, где дома тянулись вдоль ручья. Они пролетели над ним и дальше держали курс параллельно ручью. Дюжины домиков, по большей части трейлеров, были разбросаны вдоль узких проселочных дорог.

— Это так называемый раковый кластер. В долине Хаммер — самый высокий уровень заболеваемости раком в Северной Америке, в двадцать раз превышает средний по стране. Причем здесь распространены самые тяжелые виды этого заболевания — рак печени, почек, желудка, предстательной железы, много случаев лейкемии. — Он плавно потянул на себя рукоятку управления, и самолет послушно преодолел вставшую впереди гору. Они пролетели над ней на высоте двести футов и вдруг оказались прямо над площадкой, предназначенной для рекультивации. — А вот вам и причина, — сказал он. — Разработки на горе Пек.

Сама гора давно исчезла, на ее месте виднелись небольшие, разглаженные бульдозерами земляные холмики, покрытые высохшей коричневатой травой. За насыпной дамбой зловеще поблескивала обширная поверхность какой-то черной жидкости.

— А это пруд для сброса шлама. Компания под названием «Старк энэрджи» пришла в эти края лет тридцать тому назад и выбрала весь уголь, в свое время это была крупнейшая из открытых разработок в Аппалачах. Они промывали его прямо здесь, а затем сваливали отходы в небольшое озеро с некогда хрустально-чистой водой. А потом построили эту дамбу, и озеро стало намного больше.

«Сессна» кружила над озером с отходами на высоте в тысячу футов.

— «Старк» продала все свои активы компании «Крулл майнинг», еще одному безликому предприятию, которое, судя по слухам, в действительности принадлежит российскому олигарху, мошеннику, имеющему отношение к целому ряду шахт, разбросанных по всему миру.

— Русскому?

— Да. А что тут удивительного? У нас тут пасутся русские, украинцы, китайцы, индусы, канадцы, а также целая толпа дельцов с Уолл-стрит и местных оборотней. Среди владельцев угольного бизнеса полно темных

личностей. Так что можете себе представить, как они заботятся о сохранении природы и здешних жителях.

Он снова пролетел над озером, Саманта смотрела вниз, на темную поверхность, которая с высоты тысячи футов походила на необработанную нефть.

— Омерзительное зрелище, — заметила она. — Еще один иск?

— Да, и самый крупный из всех.

Они приземлились на полосе еще более узкой и короткой, чем в округе Ноланд, причем поблизости не было ни единого признака какого-то городка или поселка. Самолет подкатил к пандусу, и она увидела Вика Канцаро — тот стоял, облокотившись об изгородь, и ждал. Они остановились возле терминала; других самолетов здесь видно не было. Донован выключил мотор, сверился с послеполетным списком, и они вылезли из «сессны».

Как и ожидалось, Вик водил мощный полноприводный внедорожник, вполне пригодный для нежеланных встреч со службами безопасности компаний. Саманта уселась на заднее сиденье, где находились кулер, несколько рюкзаков, ну и, разумеется, пара ружей.

Вик был заядлым курильщиком — не то чтобы он дымил непрерывно, но тем не менее. Он опустил окно со стороны водителя примерно на дюйм, чтобы хотя бы часть дыма вылетала наружу, но помогало это мало — в салоне плавали густые сизые клубы. После второй выкуренной им сигареты Саманта зашлась в кашле и опустила заднее стекло за спиной Донована. Он спросил, что она там делает, Саманта объяснила, что не выносит табачного дыма, чем положила начало бурной дискуссии между Донованом и Виком, в ходе которой обсуждались вредные привычки последнего. Вик клялся, что пытается бросить, что уже бросал много раз, признался, что его страшно огорчает ужасающая статистика смертности от рака легких. Донован наставлял Вика на путь истинный, отчего у Саманты создалось впечатление, что эта тема затрагивалась друзьями не раз. Но ничего не помогло, и Вик прикурил уже третью сигарету.

Холмы и дорожки уводили их все глубже в долину Хаммер и наконец привели к полуразвалившемуся дому Джесси Маккивера.

— Кто такой этот мистер Маккивер и почему мы к нему приехали? — спросила Саманта с заднего сиденья, когда они подъехали к дому.

— Потенциальный клиент, — ответил Донован. — Потерял жену, одного сына, одну дочь, одного брата и еще двух кузенов — все умерли от рака. Болезнь поразила почки, печень, легкие, мозг, быстро распространялась по всему телу.

Машина остановилась, они не спешили выходить. Огромный злобный питбуль слетел с крыльца и ринулся прямо на машину, готовый в клочья порвать покрышки. Вик посигналил, и тут наконец появился Джесси. Подозвал пса, ударил его тростью, выругался и приказал убраться на задний двор. Собака послушно убежала.

Они уселись на ящики и в старые шезлонги под деревом на лужайке перед домом. Саманту не стали представлять Джесси, и тот полностью ее игнорировал. Это был ворчливый неопрятный мужчина, выглядевший гораздо старше своих шестидесяти лет: зубов во рту у него почти не осталось, лицо бороздили глубокие морщины — следствия тяжелой жизни и постоянной угрюмости, которая читалась на его физиономии. Вик проверил воду из колодца Маккивера, и результаты, как и предполагалось, оказались плачевны. Вода была загрязнена ЛОК — летучими органическими компонентами, в состав которых входили такие ядовитые вещества, как винилхлорид, трихлорэтилен, ртуть, свинец и дюжины разных других вредных соединений. Вик терпеливо объяснял старику, что значат эти мудреные слова. Суть Джесси уловил. Понял не только то, что эту воду опасно пить, но и что она не пригодна ни для чего другого, и точка. Ни для готовки, ни для умывания, ни для чистки зубов, ни для мытья посуды или стирки. Ни для чего. Джесси рассказал, что они начали пить привозную воду еще пятнадцать лет назад, а вот для мытья, купания, стирки и уборки дома использовали колодезную. Первым умер его сын — от рака пищеварительного тракта.

Донован включил диктофон и поставил его на пластиковый контейнер от молока. Непринужденно и сочувственно он на протяжении целого часа расспрашивал Джесси об истории его семьи, о том, как рак погубил почти всех его близких. Вик слушал, курил и время от времени тоже задавал вопросы. История эта звучала удручающе, от нее сжималось сердце, но Джесси рассказывал ее как-то просто и буднично, без особых эмоций. Слишком уж много несчастий выпало на его долю, и душа загрубела.

— Хочу, чтоб и вы поучаствовали в нашем процессе, мистер Маккивер, — сказал Донован, выключив диктофон. — Мы собираемся подать в федеральный суд на фирму «Крулл майнинг». Думаю, сможем доказать, что они вывалили в ваш пруд целое море отходов, а ведь должны были бы знать, что вредные вещества просачиваются и загрязняют подземные источники.

Джесси сидел, опершись подбородком о трость, и, похоже, дремал.

— Да никакой суд их уже не вернет. Все на том свете.

— Это верно, но они не должны были умереть! Пруд с отходами убил

их, и люди, которым он принадлежит, должны за это заплатить.

— Сколько?

— Обещать ничего не могу, но мы предъявим компании иск на миллионы долларов. Вы не единственный пострадавший, мистер Маккивер. На это дело подписались свыше тридцати семей, живущих здесь, в долине Хаммер, они согласны выступить в суде. У всех есть погибшие от рака за последние десять лет родственники.

Джесси сплюнул, вытер губы рукавом и сказал:

— Слышал о вас. Тут у нас в долине много идет разговоров. Одни хотят судиться, другие жуть до чего боятся этой угольной компании. Пусть даже она отсюда и ушла. И я не знаю, что делать, честно. Так вам и скажу. Просто не знаю, как будет лучше.

— Ладно, подумайте. Но обещайте мне одну вещь: если решите выступить в суде, звоните только мне, а не какому-то другому адвокату. Я работаю над этим делом вот уже три года, но мы еще не подавали ни одного иска. Мне очень нужен такой сторонник, как вы, мистер Маккивер.

Старик согласился хорошенько все обдумать, а Донован обещал заехать к нему недели через две. Когда они отъезжали, Джесси сидел под деревом в тени, собака прибежала и уселась рядом с ним. Они долго молчали, потом Саманта спросила:

— Как же вы получили документы, если до сих пор не подавали иска?

— А я и не говорил, что у нас есть документы, — немного обиженно ответил Донован.

— Было проведено несколько исследований Агентством по защите окружающей среды, — вставил Вик. — Ну и другими агентствами тоже. Полным-полно разных бумаг.

— И в АЗОС видели эти документы с удручающими результатами? — спросила она.

Мужчины смотрели как-то неуверенно.

— Не все, — коротко ответил Вик.

И снова повисло молчание. Они свернули на гравиевую дорогу, машина, слегка подпрыгивая, проехала по ней примерно с миллю.

— Ну а когда вы собираетесь подать иск? — спросила Саманта.

— Скоро, — ответил Донован.

— Но если я собираюсь работать на вас, то хотелось бы все же какой-то определенности, вы как считаете?

Донован не ответил. Они свернули во двор перед старым трейлером и припарковались за грязной машиной без дисков на колесах и с бампером, прикрученным проволокой.

— А здесь у нас кто? — спросила Саманта.

— Долли Свейни, — ответил Донован. — Ее муж умер от рака печени два года назад на сорок втором году жизни.

— Она тоже ваша клиентка?

— Пока нет, — сказал Донован, открывая дверцу.

На крыльце со сломанными ступеньками появилась Долли Свейни — огромная грузная женщина в просторном грязном халате, спадавшем почти до босых ступней.

— Думаю, мне лучше подождать в машине, — произнесла Саманта.

Они пошли перекусить в единственное в Роквилле заведение — душное маленькое кафе, где в воздухе витал запах прогорклого жира. Официантка поставила на столик три бокала воды со льдом; до них никто не дотронулся. Вместо этого они заказали диетическую содовую в бутылках и сандвичи. Поблизости никого не было, и Саманта решила продолжить.

— Но если у вас уже тридцать клиентов и вы работаете над этим делом целых три года, то почему до сих пор не подали иска?

Мужчины оглянулись по сторонам, видно, хотели убедиться, что их никто не подслушивает. Затем Донован сказал, понизив голос:

— Это огромное и очень сложное дело, Саманта. Дюжины смертей, ответчиком будет выступать компания, у которой денег куры не клюют, а потому все претензии лучше озвучить прямо в суде. Я уже потратил на это дело около ста тысяч баксов. И потребуется еще столько же, даже больше, чтобы должным образом представить его жюри присяжных. На все это нужно время — на согласование работы с клиентами, на исследования, на то, чтобы сколотить дружную команду, способную противостоять целой армии юристов и экспертов, которые будут выступать на стороне защиты «Крулл майнинг».

— К тому же это опасно, — добавил Вик. — На этих угольных полях промышляют целые банды разбойников, и «Крулл майнинг» в этом смысле худшая из всех. И не только потому, что безжалостно разрушает горы, — они поднаторели в тяжбах и будут драться не на жизнь, а на смерть. Сам иск стопудово выигрышный, но юристы просто боятся связываться с этими волками из «Крулл майнинг». Это те самые ребята, которые обычно участвуют в крупных процессах, связанных с охраной окружающей среды.

— Поэтому мне и нужна помощь, — сказал Донован. — Если вы скучаете, ищете, чем бы развлечься, самое милое дело — это заняться работой. У меня тонны документов, которые надо просмотреть и

рассортировать.

Саманта подавила усмешку и заметила:

— Потрясающе! Приятная перспектива. Весь первый год работы в фирме я провела словно в склепе, похороненная под грудой бумаг. Только документы и их просмотр — проклятие каждого начинающего юриста.

— Тут все будет по-другому, смею вас заверить.

— Что в них хорошего или интересного, во всех этих инкриминирующих документах?

Мужчины снова огляделись по сторонам. Официантка принесла диетическую содовую и отошла. Сомнительно, чтобы ее могли заинтересовать разговоры о судебных тяжбах. Саманта подалась вперед и заговорщицким шепотом спросила:

— Так все эти документы уже у вас, да?

— Ну, скажем так, у нас имеется к ним доступ, — уклончиво ответил Донован. — Они считаются пропавшими. В «Крулл майнинг» знают, что они пропали, а вот у кого находятся — нет. После подачи иска компания узнает, что у меня имеется к ним доступ. Вот и все, что я могу пока сказать.

Во время этого разговора Вик не сводил с Саманты глаз, следил за ее реакцией. Его взгляд словно говорил: «Да можно ли тебе доверять?» Видно, он так не думал, смотрел скептически. И вообще хотел сменить тему.

— А какие действия предпримет «Крулл майнинг», узнав, что у вас есть доступ? — спросила Саманта.

— Сбесится от злости. Но какого черта? Мы ведь будем в федеральном суде. Надеюсь, что и с судьей нам повезет. И он устоит, несмотря на самое безжалостное давление.

Принесли тарелки с тоненькими сэндвичами и картофелем фри, и они принялись за еду. Вик начал расспрашивать ее о Нью-Йорке и о том, как она там жила. Мужчин живо интересовала ее работа в фирме, где трудилось не меньше тысячи юристов — все в одном здании, — а также ее специализация, оформление договоров на строительство небоскребов. Саманту так и подмывало представить все в лучшем, самом выигрышном свете, но лгать она не умела. К сэндвичам она не прикоснулась, перебирала вилкой ломтики картофеля и не могла при этом удержаться от мыслей, где сегодня обедает Блит с друзьями — без сомнения, в каком-нибудь шикарном ресторане в Виллидж, с льняными салфетками, огромным выбором вин и фирменным блюдом от шеф-повара. Другой мир...

Глава 14

«Сессна» поднялась на высоту пять тысяч футов, Донован выровнял машину и спросил:

— Ну что, готовы?

Саманте понравилось лететь на небольшой высоте, обзревая окрестности, но у нее не было ни малейшего желания взять на себя управление.

— Беритесь за рукоятку, только осторожно, не дергайте, — сказал он, и девушка повиновалась.

— Передо мной есть вторая, так что не волнуйтесь, — спокойно заметил он. — С помощью рукоятки управления можно контролировать угол, под которым находится носовая часть, а также совершать повороты. Все движения плавные, медленные. Теперь поверните ее чуть-чуть вправо.

Саманта повернула, и машина немного накренилась в ее сторону. Затем она повернула рукоятку влево, и самолет выровнялся. Тогда Саманта толкнула рукоятку вперед, нос нырнул вниз, они начали терять высоту. Она покосилась на альтиметр.

— Выравнивать от отметки четыре пятьсот, — сказал Донован. — Так держать.

С высоты четыре пятьсот они поднялись на пять тысяч футов, и Донован сложил руки на коленях.

— Ну, как ощущение?

— Потрясающе, — пробормотала она. — Просто не верится, что я управляю самолетом. Это так просто.

«Сессна» послушно реагировала на малейшие движения рукоятки управления. Поняв, что катастрофа им не грозит, Саманта немного расслабилась и наслаждалась своим первым самостоятельным полетом.

— Машина замечательная, простая и надежная, и вы хорошо справляетесь. Через месяц сможете летать без меня.

— Не будем спешить.

Несколько минут они летели прямо и молчали. Саманта не сводила глаз с приборной доски, лишь изредка поглядывала вниз, на горы.

— Итак, капитан, куда направляемся? — спросил Донован.

— Понятия не имею. Не совсем понимаю, где мы находимся, и уж тем более — куда летим.

— А что бы вам хотелось еще увидеть?

Она на секунду призадумалась.

— Мэтти рассказывала мне о вашем семейном гнезде и о том, что там произошло. Хотелось бы взглянуть на Серую гору.

Он колебался, впрочем, недолго.

— Тогда смотрите на индикатор направления и поверните влево на сто девяносто градусов. Только медленно и не забывайте выравнивать крылья.

Разворот удался ей просто отлично, машина продолжала лететь на высоте пять тысяч футов. Через несколько минут Саманта спросила:

— А что делать, если вдруг откажет двигатель?

Донован пожал плечами — с таким видом, точно прежде это ему и в голову не приходило.

— Ну, во-первых, я попытался бы завести его снова. Если не получится, стал бы высматривать внизу ровное пространство, пастбище, линию трубопровода, даже шоссе на худой конец. На высоте пять тысяч футов эта птичка может пролететь еще около семи миль, так что времени достаточно. Ну а когда нашел бы пригодное для посадки место, облетел бы его по кругу, попробовал учесть направление и силу ветра, ну а затем совершил бы просто образцовую вынужденную посадку.

— Что-то не видно здесь никаких ровных площадок.

— Тогда просто выберите гору, в которую хотелось бы врезаться. И надейтесь на чудо.

— Простите, что спросила.

— Ничего страшного. Эти самолеты крайне редко попадают в катастрофы. А если и случается, то причина всегда одна — ошибка пилота. — Он зевнул и погрузился в молчание.

Саманта поняла, что расслабиться полностью не получится, но тем не менее с каждой минутой чувствовала себя все увереннее. Молчание Донована затянулось, она покосилась на него и увидела, что он вроде бы задремал. Может, притворяется, решил пошутить, напугать ее, или действительно заснул? Первым ее порывом было крикнуть ему что-нибудь в микрофон и разбудить. Но вместо этого она взглянула на показания приборов, убедилась, что машина летит прямо, крылья выровнены, и ей удалось побороть приступ паники. Она поймала себя на том, что намертво вцепилась в рукоятку управления, и отпустила ее на секунду. Датчик топлива показывал, что горючего осталось еще полбака. Что ж, раз захотелось спать, пусть себе спит. Можно дать ему еще несколько минут, а уж потом поднять тревогу. Она снова отпустила рукоятку и убедилась, что самолет может лететь самостоятельно и корректировать его полет можно время от времени лишь легкими прикосновениями к тому или иному

устройству. Она взглянула на часы. Пять минут, десять, пятнадцать. Под ними медленно проплывали горы. На радаре ровным счетом ничего, стало быть, столкновение с другим воздушным судном им пока не грозит. Она пыталась сохранить хладнокровие, но вопреки всем стараниям у нее нарастало ощущение, что пора бы его и разбудить.

Он кашлянул и проснулся сам, взглянул на показания приборов.

— Отлично справляетесь, Саманта.

— Как спалось?

— Прекрасно. Иногда в воздухе меня клонит ко сну. Наверное, это из-за монотонного гудения мотора. И не задремать трудно. Особенно если долго летишь. Тогда я включаю автопилот и могу подремать несколько минут.

Саманта не знала, что на это ответить, и промолчала.

— А вы знаете, где мы сейчас? — спросила она после паузы.

Он посмотрел вперед и ответил без колебаний:

— Конечно, знаю. Приближаемся к округу Ноланд. Вот там, в северо-западном направлении, находится Кошачья гора. Вам придется облететь ее слева, дальше я возьму управление на себя. Спускайтесь на четыре тысячи футов.

Над окраинами Брэйди они пролетели на высоте трех тысяч, и Донован взял управление на себя.

— Хотите как-нибудь полетать еще? — спросил он.

— Ну, не знаю. Быть может. А сколько времени нужно, чтоб все тут освоить?

— Примерно тридцать часов занятий на земле, ну или самостоятельно, по учебникам и справочникам, и еще тридцать в воздухе. Проблема в том, что тут у нас нет инструктора. Был один, но умер. Погиб в авиакатастрофе.

— Думаю пока ограничиться вождением машины. Я выросла в мире авиакатастроф и потому всегда боялась летать. Так что уж лучше вы управляйте этой машиной.

— В любое время к вашим услугам, — с улыбкой заметил он и начал спуск.

Вскоре они находились уже на высоте тысячи футов над землей. Они пролетели над местом открытых разработок; над ним стояло плотное облако черного дыма. На горизонте между деревьями показались церковные купола.

— Когда-нибудь бывали в Ноксе? — спросил Донован.

— Нет.

— Это задворки округа Карри, место, где я родился. В целом милый

городок, схож с Брэйди по размерам и уровню развития, так что много не потеряете.

Они пролетели над Ноксом, но смотреть там было особенно не на что, по крайней мере, с высоты тысячи футов. Затем «сессна» вновь начала набирать высоту, впереди показались хребты. Вскоре под ними расстилалась гористая местность. Они перелетели через одну из гор, и Донован заметил:

— Вот это и есть Серая гора, вернее, то, что от нее осталось. Компания забросила ее лет двадцать тому назад, но к этому времени они успели извлечь большую часть угля. Годами шли судебные тяжбы. Ну и, естественно, этот участок так и не был рекультивирован. Теперь, наверное, это самое уродливое место в Аппалачах.

Пейзаж действительно был унылый: повсюду зияли огромные отверстия, где из горных пород выбирался уголь; затем работы прекратились, и рядом остались целые груды отходов, среди которых робко пробивались и тянулись к свету в отчаянной попытке выжить тоненькие стволы деревьев. Кругом камни и грязь, местами виднелись пятна коричневой травы. Склоны, спускающиеся вниз, в долину, плотно заросли кустарником и плющом. Донован еще немного покружил над Серой горой и сказал:

— Самое худшее, что это место стало заброшенным и никому не нужным. Просто тошнит при одной только мысли об этом.

— А кто теперь владеет этими землями?

— Мой отец. Земля по-прежнему принадлежит семье, но почти ничего не стоит. Она разорена. Ручьи, которые бежали по дну долины, пересохли. Вся рыба исчезла. Вода отравлена. Те животные, что смогли, переселились в другие, более безопасные места. А Мэтти говорила, что произошло с моей матерью?

— Сказала, но в детали не вдавалась.

Он спустился еще ниже, завернул вправо, чтобы она могла лучше рассмотреть.

— Видите белый крест там, внизу, среди скал?

— Да, вижу.

— Место ее гибели. Наш дом располагался прямо над ним. Старый семейный дом, который построил еще мой дед. Он был шахтером, работал под землей. После того, как поток разрушил дом, мама нашла место рядом со скалами, там все это и произошло. Мы с братом Джеффом обнаружили на месте дома обломки дерева, вот и сколотили этот крест.

— А кто ее нашел?

Он глубоко вздохнул, потом спросил:

— Так Мэтти рассказала вам не все?

— Наверное.

— Я ее нашел.

Оба молчали несколько минут. Донован облетал местность с восточной стороны Серой горы — ни дорог, ни домов, ни единого признака того, что здесь обитают люди. Он выровнял машину и заметил:

— Вон за тем хребтом единственная уцелевшая часть нашей собственности. Вода там течет в другом направлении, и долина не пострадала от загрязнений. Видите вон там, внизу, ручей? — Он развернул «сессну», чтобы ей было лучше видно.

— Да, вижу.

— Мы называли его «Желтый ручей». И я построил на берегу небольшой домик. Об этом месте знают лишь несколько человек, и они могут там укрыться. Как-нибудь вам покажу.

«А вот в этом я далеко не уверена, — подумала Саманта. — Мы и без того достаточно сблизились, и, с учетом грядущей разницы в нашем материальном статусе, мне не надо бы сближаться еще больше». Однако она кивнула и вежливо ответила:

— Да, очень хотелось бы взглянуть.

— А вон там каминная труба, — сказал Донован. — Отсюда ее почти не видно, да и с земли тоже. Ни водопровода, ни электричества, спать приходится в гамаках. Построил сам, ну еще Джефф помогал.

— А где теперь ваш отец?

— Последний раз слышал, что вроде бы в Монтане, но мы не общались много лет. А вы со своим часто общаетесь?

— Думаю, да.

Приземлившись в аэропорту округа Ноланд, Донован подвел машину к терминалу, но мотор выключать не стал. Вместо этого сказал:

— Теперь выходите, только осторожнее. Обойдете самолет с хвоста. А то пропеллер все еще вращается.

— А вы не выходите? — спросила Саманта, расстегивая ремень безопасности.

— Нет. Лечу в Роанок, повидаться с женой и дочкой. Вернусь завтра и сразу в контору.

Саманта поднырнула под крыло. Лицо и голову обдало волной воздуха от пропеллера. Она обошла самолет с хвоста и направилась к двери. Потом остановилась, помахала Доновану рукой, тот в ответ показал ей большой

палец и начал медленно выкручивать на полосу. Она посмотрела, как его «сессна» поднялась в воздух, затем села в машину и поехала в Брэйди.

В субботу на обед Честер приготовил легендарное чили по-техасски. Сам он никогда не бывал в Техасе (во всяком случае, не мог этого припомнить), но два года тому назад нашел этот потрясающий рецепт в Интернете. Что касается легенды, она, скорее всего, являлась плодом его воображения, но готовил он это блюдо заразительно весело и с энтузиазмом. Мэтти испекла пшеничный хлеб, Аннет принесла на десерт шоколадный торт. Саманта никогда не умела готовить, обходилась в своей маленькой квартирке лишь микроволновкой и тостером, так что ее освободили от всяких обязанностей. Честер непрерывно помешивал в котелке, добавлял специи и болтал без умолку. Ким с Адамом готовили пиццу на кухне тети Мэтти — по субботам они всегда ели пиццу. Саманта была счастлива, что находится в доме у Уаттов, что ей удалось на какое-то время вырваться от Аннет и ее ребятишек. Впрочем, к этому времени она в их глазах уже не была просто квартиросъемщицей и нянькой при детях, а повысилась до статуса их старшей сестры. Они любили ее, она тоже их любила, но начала уставать от такого общения. Аннет, похоже, устраивало, что дети просто не давали Саманте проходу.

Обедать они сели на заднем дворе, за стол для пикников под развесистым кленом, листва которого горела и переливалась всеми оттенками желтого. А на земле раскинулся великолепный ковер из травы и поздних осенних цветов, которым совсем скоро предстояло исчезнуть. Как только солнце скрылось за гребнями гор, зажгли свечи. Клодель присоединилась к ним чуть позже. Мэтти завела в доме правило: за обедом никаких разговоров о работе — ни единого слова о центре, о клиентах и уж тем более о том, что имеет отношение к углю. И потому они сосредоточились на политике — Обама против Маккейна, Байден против Пэйлин. От политики плавно перешли к разговорам об экономическом кризисе, затронувшем весь мир. Новости на эту тему поступали только плохие, эксперты продолжали спорить о том, приведет ли это к значительной депрессии или только к глубокой рецессии, — но здесь все это казалось таким далеким, как какой-нибудь геноцид в Африке. Как ни странно, кризис почти не затронул Брэйди, во всяком случае, пока. И еще они с любопытством расспрашивали Саманту об оставшихся в Нью-Йорке друзьях.

Вот уже в третий или четвертый раз за вечер Саманта заметила в словах и выражении лица Аннет какую-то холодность по отношению к

себе. Со всеми остальными она общалась нормально, а вот с ней, Самантой, говорила чуть ли не сквозь зубы. Поначалу она не придавала этому значения. И лишь к концу обеда окончательно убедилась: Аннет что-то терзает. Это показалось ей странным, поскольку никаких ссор и недоразумений между ними прежде не было.

И она пришла к выводу: наверное, это имеет какое-то отношение к Доновану.

Глава 15

Проснулась Саманта под приятные звуки отдаленного перезвона церковных колоколов. В воздухе витали несколько мелодий, одни были ближе и громче, другие тише и отдаленнее, но все они ненавязчиво напоминали местному люду, что настало воскресенье и двери церквей для них открыты. Если верить электронному будильнику, было две минуты десятого, и она в очередной раз подивилось своей способности спать подолгу. Она уже подумывала о том, чтоб перевернуться на другой бок и подремать еще немного, но затем сочла, что десяти часов сна вполне достаточно. Кофе был уже готов, его аппетитный аромат плыл из другой комнаты. Она налила себе чашку, села на диван и подумала, чем бы сегодня заняться. Делать было особенно нечего, главное — избежать общения с Аннет и ее детьми.

Она позвонила матери, и минут тридцать они болтали о том о сем. Карен, что было для нее характерно, интересовал только последний кризис в Министерстве юстиции, и говорила она исключительно о нем. Ее босс настаивал на проведении предварительных совещаний по поводу планов расследовать деятельность крупных банков, ипотечных брокеров и прочих жуликов с Уолл-стрит. И они займутся всем этим, как только осядет пыль, и выведут на чистую воду всех, кто ответственен за это безобразие. Беседа вскоре наскучила Саманте, но она вежливо поддакивала, сидя в пижаме, попивая кофе и слушая непрерывный перезвон колоколов. Карен мельком упомянула о том, что не мешало бы ей в ближайшем будущем съездить в Брэйди и посмотреть, как там устроена жизнь в горах, но Саманта знала — все это пустая болтовня. Мать крайне редко выезжала из округа Колумбия — слишком уж важная у нее была работа. И вот она наконец начала расспрашивать дочь о работе в Центре юридической помощи. Интересовалась и тем, надолго ли Саманта намерена там остаться. На это Саманта ответила, что уезжать пока отсюда не собирается.

И вот когда колокольный перезвон смолк, она надела джинсы и вышла из дома. Машина Аннет стояла перед домом, это означало, что она с детишками предпочла обойтись без посещения церкви в этот прекрасный воскресный день. В киоске неподалеку от офиса Донована на Мейн-стрит Саманта купила «Роаноке таймс» и читала газету в пустом кафе, где заказала сандвич с беконом. После завтрака она прогулялась по улицам Брэйди; городок был маленький, много времени на это не потребовалось.

Прошла мимо дюжины церквей, где, судя по забитым автостоянкам, народу было полным-полно, и пыталась вспомнить, когда последний раз заходила в церковь. Отец был не слишком набожным католиком, мать — равнодушной к религиозным отправлениям протестанткой, и Саманта росла, не испытывая привязанности ни к той, ни к другой вере.

Она проходила мимо школьных зданий, столь же старинных, как и здание суда, с допотопными ящиками кондиционеров в окнах. Поздоровалась со стариками, сидевшими на террасе дома престарелых — видно, они были слишком слабы, чтоб дойти до церкви. Миновала маленькую убогую больницу и дала себе обещание, что никогда и ни за что не заболеет в Брэйди. Проходя по Мейн-стрит, она удивилась тому, как, несмотря на мировые тенденции, здесь умудряется выживать малый бизнес. Закончив экскурсию, села в машину и выехала из города.

Судя по карте, федеральная трасса 119 зигзагообразно вилась по угольной стране от восточных окраин Кентукки до Западной Виргинии. Накануне Саманта видела Аппалачи с воздуха, теперь хотела посмотреть на них с дороги. Пунктом назначения она определила Чарлстон и, кроме карты да бутылки с водой, не захватила с собой ничего. Вскоре она уже оказалась в Кентукки, хотя никаких внешних изменений после пересечения границы между штатами заметно не было. Аппалачи — они и есть Аппалачи, вне зависимости от границ, установленных давным-давно. От красоты этих мест захватывало дух — обрывистые горные уступы, плавно катящиеся холмы, поросшие густыми девственными лесами; ручьи, стремнины, прорезающие глубокие долины; вопиющая бедность крохотных городков со зданиями красного кирпича и побеленными домиками и бесконечные церкви и церквушки. Большинство из них, судя по всему, баптистские, хотя вариаций тут множество, запутаться можно. Южные баптисты, общие баптисты, баптисты старой школы и баптисты-миссионеры. Как бы там ни было, но в воскресенье прихожан там было полно. Она остановилась в городке Пайкевилль, штат Кентукки, с населением семь тысяч человек, нашла кафе в центре города — там царил страшная духота — и выпила чашку кофе. Местные посетители косились на нее с любопытством, но вели себя дружелюбно. Саманта прислушивалась к их болтовне, временами не уверенная, что они говорят на том же языке, что и она, и даже усмехалась их шуткам. Неподалеку от границы с Западной Виргинией не удержалась от искушения и зашла в сельскую лавку, рекламирующую «знаменитое на весь мир вяленое мясо домашнего приготовления». Купила пакетик, откусила небольшой кусочек и тут же выбросила остатки в урну на улице. И на протяжении пятнадцати миль пила воду, чтобы избавиться от

противного привкуса во рту.

Она заранее решила не думать об угле — устала от разговоров на эту тему. Но уголь тут был повсюду — в тяжелых грузовиках, заполонивших дорогу, на выцветших плакатах, взывающих к объединению профсоюзов, на просвечивающих сквозь деревья участках открытых разработок и обезглавленных вершинах гор. А также в войне стикеров с надписями типа: «Любишь электричество? Люби уголь!» на одной стороне бампера и с призывом «Спасите горы!» — на другой. И еще — в крохотных музеях, посвященных истории добычи угля. Она остановилась у витрины одного из них, чтобы прочесть краткий отчет о катастрофе в долине Барк в 1961 году, когда взрыв, произошедший в шахте на большой глубине, унес жизни тридцати человек. Однако и «Друзья угля» тоже довольно агрессивно вели свою кампанию, она проезжала мимо множества их плакатов, провозглашающих: «Уголь рабочим местам». Уголь в этих краях давно стал образом и смыслом жизни, но открытая его добыча разделила людей. Согласно выложенным в Интернете исследованиям, оппоненты утверждали, что открытые разработки сокращают рабочие места, и у них находилось много сторонников. Сейчас в стране насчитывалось около восьмидесяти тысяч горняков, почти никто из них не был членом профсоюза, и половина из них трудилась на открытых разработках. А несколько десятилетий назад, до того, как начали взрывать горные вершины, шахтеров было около миллиона.

Наконец она добралась до Чарлстона, столицы штата. Саманта до сих пор чувствовала себя за рулем не слишком уверенно. Она много чего узнала, но понятия не имела, куда двигаться дальше, и вдруг испугалась, что может заблудиться. Было уже почти два часа дня, время ленча прошло, пора бы возвращаться назад. Но тут совершенно случайно она свернула на стоянку перед огромным торговым центром в окружении ресторанов и заведений фастфуда. И ей отчаянно захотелось съесть бургер с жареным картофелем.

Солнце давно зашло, но во всех окнах конторы Донована горел свет. Она прошла мимо нее около восьми вечера, хотела постучать, но затем решила его не беспокоить. А в девять вечера сидела за своим столом в маленьком кабинетике центра — просто потому, что не хотелось возвращаться домой. Но и здесь заняться было особенно нечем, и тогда она набрала номер его мобильного. И он ответил.

— Вы заняты? — спросила Саманта.

— Конечно, занят. Завтра начинается процесс. А вы где, что делаете?

— Сажу у себя в офисе, валяю дурака, скучаю.

— Тогда приходите. Хочу вас кое с кем познакомить.

Они сидели на втором этаже, в военной комнате, столы были завалены раскрытыми книгами, папками и блокнотами. Донован представил ей Ленни Чарльтона, юриста-консультанта из Ноксвилля. И тут же охарактеризовал его как слишком высокооплачиваемого, но порой довольно эффективного аналитика. А про Саманту сказал просто: «Это юрист и мой друг, и она на моей стороне». Интересно, подумала Саманта, неужели Донован склонен оскорблять всех экспертов, которых нанимает?

Он спросил Ленни:

— Слышал когда-нибудь о Маршале Кофере из округа Колумбия? Ну, о том юристе, который некогда был птицей высокого полета и разбирал в судах случаи авиакатастроф?

— Конечно, — кивнул Ленни.

— Так вот, это ее отец. Но гены не сработали. Она терпеть не может судебных заседаний.

— Умная женщина.

Они почти закончили огромную работу, перебрали список из шестидесяти потенциальных присяжных заседателей. Ленни объяснил Саманте, что его фирма тратит нешуточные деньги на проведение тайных исследований по каждому кандидату в списке и что замкнутая и «кровосмесительная» природа местных общин мешает сделать правильный выбор.

— Сплошные увертки и отговорки, — пробормотал Донован.

Далее Ленни объяснил, что подбор членов жюри присяжных в угольной стране — дело туманное и рискованное, поскольку у каждого есть друг или родственник, работающий на угольную компанию или же занятый в сфере обслуживания этой индустрии.

Саманта слушала как завороженная, пока они обсуждали последние несколько имен в списке. Брат одной женщины трудился на открытых разработках. Отец другой работал в шахтах, на большой глубине. Один из мужчин потерял сына в результате несчастного случая на стройке, но он никак не был связан с угледобычей. Ну и так далее в том же духе. Что-то нехорошее было в этих шпионских играх, в том, что юристам позволялось подсматривать за частной жизнью ничего не подозревающих людей. Надо будет спросить об этом Донована позже, если получится. Он выглядел усталым и на взводе.

Ленни ушел без нескольких минут десять. Они остались одни, и Саманта спросила:

- А почему вы не используете своих консультантов в этом процессе?
- Часто использую, но здесь не тот случай. Предпочитаю все делать сам. «Стрейхорн» со своей страховой компанией выставят с дюжину умников в черных костюмах. Я же предпочитаю действовать на контрастах. Только Лайза Тейт^[16] и я.
- Или Давид и Голиаф, да?
- Что-то в этом роде.
- Вы сегодня работаете допоздна?
- Пока не знаю. Мало спал сегодня, да и всю неделю тоже. Так уж вышло.
- Послушайте, я понимаю, уже поздно и вам есть чем заняться. Но хотелось бы задать один вопрос. Вы предложили мне работу ассистента с неполной занятостью, оплатой и все такое, стало быть, я становлюсь сотрудником вашей фирмы, правильно?
- Все верно. А почему вы спрашиваете?
- Погодите. Я не уверена, что хочу работать на вас. Он пожал плечами с самым безразличным видом.
- Умолять не стану.
- Тогда такой вопрос. У вас имеются документы — «плохие» документы, как вы с Виком их называете, — которые принадлежат «Крулл майнинг» и относятся к загрязнению подземных вод и источников в долине Хаммер? Документы, которых, по идее, у вас быть не должно?
- В его темных усталых глазах вспыхнул сердитый огонек, но он сдержался, смолчал, а потом улыбнулся.
- Я не ради праздного любопытства спрашиваю, советник.
- Понимаю. Что ж, допустим, я отвечу «да», после чего вы отклоните мое предложение о работе, но мы, несмотря на это, останемся друзьями, верно?
- Сначала ответьте на мой вопрос.
- А если ответом будет «нет», тогда, возможно, вы рассмотрите мое предложение, так?
- Я все еще жду ответа, советник.
- А я могу сослаться на Пятую поправку.
- Что ж, имеете право. Спасибо за предложение, но я скажу «нет».
- Как хотите. Ладно, у меня полно работы.

Черные легкие — это юридический термин для обозначения профессионального заболевания легких. Оно больше известно

под названием «пневмокониоз», встречается у горняков и вызвано продолжительным вдыханием угольной пыли. Когда угольная пыль попадает в легкие, вывести ее оттуда не представляется возможным. Пыль накапливается в легких, и это может привести к воспалению, фиброзу, даже некрозу. Существуют две формы этого заболевания: «простой пневмокониоз» и «осложненный пневмокониоз» (или прогрессирующий массивный фиброз).

Черные легкие — весьма распространенное заболевание у горняков, работающих в шахтах глубокого залегания, а также на открытых угольных разработках. Это заболевание выявлено примерно у 10 процентов всех шахтеров с 25-летним опытом работы. Оно приводит к ослаблению организма и в конце концов к смерти. Каждый год от пневмокониоза погибают около 1500 шахтеров. Коварство этой болезни заключается в том, что развивается она поначалу незаметно, а смерть каждого человека является долгой и мучительной. Сколько-нибудь эффективных методов ее лечения не существует.

Симптомы: одышка, постоянный кашель, при котором часто выделяется черная мокрота. Человеку становится все хуже, и еще перед ним возникает вопрос: можно ли отсудить у угольной компании хоть какую-то компенсацию. Диагноз устанавливается достаточно просто, по трем показателям: (1) продолжительное воздействие на организм угольной пыли; (2) рентген грудной клетки; (3) исключение каких-либо других заболеваний.

В 1969 году конгресс принял федеральный Акт о безопасности и сохранении здоровья работников угольных шахт. В соответствии с этим актом была разработана компенсационная система выплат жертвам заболевания. В законодательном порядке были установлены также стандарты по сокращению угольной пыли в воздухе на рабочих местах. Два года спустя конгресс распорядился создать трастовый фонд помощи утратившим работоспособность в результате заболевания пневмокониозом, деньги поступали из федеральных налогов угольных компаний. Согласно этому закону производители угля должны были выделять средства на ускоренную диагностику этого заболевания у рабочих и гарантировать пострадавшим компенсационные выплаты. Если шахтер проработал десять лет и имелись медицинские свидетельства — результаты рентгена или вскрытия, выявлявшие наличие профессионального

заболевания, — то теоретически он или его родственники имели право на компенсационные выплаты. Мало того, продолжающий работать шахтер с черными легкими подлежал переводу на другую работу, где выбросы угольной пыли были меньше, без потерь в заработной плате, должности и дополнительных выплатах. С 1 июля 2008 года каждый шахтер с черными легкими должен получать 900 долларов в месяц от трастового фонда.

Целью нового федерального закона было также резко уменьшить выбросы угольной пыли в воздух. Вскоре были установлены строгие технологические стандарты, мало того, шахтерам каждые пять лет полагался бесплатный рентген легких. Рентгеновские исследования показали, что у четырех из десяти обследованных шахтеров имеется пневмокониоз в той или иной стадии. Через несколько лет после принятия этого закона заболеваемость снизилась почти на 90 процентов. Врачи и эксперты предсказывали самое скорое ее искоренение. Однако к 1995 году в ходе исследований был отмечен рост заболеваемости, и с каждым последующим годом этот показатель становился только выше. Тревожным фактом оказалось и то, что сама болезнь прогрессировала быстро, и угольную пыль обнаруживали теперь в легких все более молодых шахтеров. Экспертами были выдвинуты две теории: (1) рабочие смены удлинились, и потому в легкие стало попадать больше угольной пыли; (2) угольные компании постоянно пренебрегали требованиями безопасности, и концентрация угольной пыли в воздухе стала значительно выше.

В настоящее время на угольных разработках наблюдается самая настоящая эпидемия пневмокониоза. И единственно возможной причиной этого является более длительное пребывание рабочих в зонах выбросов, нежели предусмотрено законом. На протяжении десятилетий угольные компании сопротивлялись установленным стандартам и весьма в этом преуспели.

Закон не позволяет шахтеру нанять платного адвоката, а потому каждый шахтер, имеющий претензии к неправомерным действиям работодателей, должен лавировать и выплывать в этой системе самостоятельно. К тому же угольная индустрия давно выработала невероятную устойчивость к подобным претензиям, вне зависимости от доказательств, которые представляет в суде шахтер. Компании борются с предъявленными им исками с

помощью опытных юристов, которые ловко манипулируют системой. У особо настойчивых шахтеров судебный процесс может затянуться лет на пять, если не больше.

Для Томаса Уилкокса эта тяжба затянулась на двенадцать лет. Он родился в 1925 году неподалеку от Брэйди, штат Виргиния, был участником войны, дважды ранен, награжден, а по возвращении домой женился и пошел работать на шахту. Он был человеком гордым, активным членом профсоюза, демократом по своим убеждениям и прекрасным мужем и отцом. В 1974 году у него диагностировали пневмокониоз, и он подал иск в суд. Он тяжело болел несколько лет, ослаб и почти утратил работоспособность. Рентген грудной клетки выявил у него осложненный пневмокониоз. Он проработал под землей 28 лет, никогда не курил. Изначально его иск был поддержан и признан судом, но угольная компания опротестовала сумму возмещения ущерба. В 1976 году в возрасте 51 года Томасу пришлось уйти с работы. Он продолжал тяжело болеть и вскоре уже круглосуточно находился на кислородной подушке. Семья лишилась каких-либо доходов, остатки денег уходили на лечение и самое скудное питание. Пришлось принять непростое решение, продать семейный дом и переехать жить к старшей дочери. А иск, поданный Томасом к угольной компании, замотали по инстанциям и в конце концов похоронили — это было делом рук ловких адвокатов, выступающих на стороне угольщиков. К этому времени он должен был бы получать около 300 долларов в месяц, плюс расходы на лечение.

К концу своих дней Томас походил на скелет, прикованный к инвалидному креслу и борющийся за каждый глоток воздуха. И вся семья молилась о том, чтоб конец его был не слишком мучителен. Он уже не мог говорить, жена и дочери кормили его с ложечки детским питанием. Благодаря щедрости друзей и соседей, а также неустанным заботам семьи, недостатка в кислороде он не испытывал. Он умер в 1986 году в возрасте 61 года и весил всего 104 фунта. Вскрытие выявило наличие неизлечимой формы осложненного пневмокониоза.

А через четыре месяца угольная компания отозвала свою апелляцию. И вот через двенадцать лет после подачи иска вдова получила кругленькую сумму денег, хотя пригодиться жертве болезни они уже не могли.

Примечание: Томас Уилкоккс был моим отцом. Он был ветераном и героем войны, хотя никогда не рассказывал о своих подвигах. Он был сыном гор, любил их красоту, историю и здешний образ жизни. Он учил нас удить рыбу в чистых водах горных ручьев и рек, учил разбивать лагерь в пещерах и даже охотиться на оленей, но не ради забавы, а для пропитания. Он был активным, энергичным человеком, мало спал, любил читать на ночь. И мы наблюдали за тем, как болезнь постепенно пожирала его, как он сникал и слабел под ее натиском. Каждый шахтер боится заболеть черными легкими, но почему-то считает, что с ним этого не случится. Томас терял силы и энергию, и это его угнетало. Выполнять даже самые простые работы по хозяйству становилось все сложнее. Он был вынужден оставить работу на шахте и сразу после этого впал в длительную и глубокую депрессию. Он худел и слабел с каждым днем, даже говорить ему становилось все труднее. Вся энергия у него уходила на то, чтобы дышать. В последние дни мы по очереди сидели у его кровати, читали ему вслух любимые книги. И часто видели слезы в его глазах.

Мэтти Уатт, 1 июля 2008 г.

Эти записи Саманта нашла в толстой папке с учебными материалами по семинарам, и, по всей очевидности, попали они туда недавно. Прежде Саманта их не видела. Она отложила папку в сторону, надела кроссовки и вышла прогуляться по улицам Брэйди. Было воскресенье, шел уже двенадцатый час ночи, и она не встретила ни единой живой души.

Глава 16

Мэтти уехала на суд в округе Карри, Аннет опаздывала, Барб тоже еще не появилась на работе, Клодель при ее неполной занятости по понедельникам раньше полудня никогда не появлялась. И Саманта была в конторе одна, когда дверь распахнулась и в центр ввалилась шумная компания — Памела Букер в сопровождении двух чумазых ребяташек. Она с трудом выдавила сквозь рыдания свое имя и взмолилась о помощи. Саманта провела их в конференц-зал и первые минут пять потратила на то, чтоб успокоить Памелу, убедить ее, что все будет в порядке, хотя понятия не имела, что за проблемы у этой женщины. Ребятишки уселись и сразу притихли, смотрели широко раскрытыми испуганными глазами. И еще они были голодны — так сказала Памела.

— Что-нибудь поесть у вас тут найдется? — спросила она.

Саманта метнулась на кухню, нашла несколько черствых печений, пачку соленых крекеров, пакетик чипсов. Взяла две бутылки диетической колы из запасов Барб и выставила все это на стол перед двумя ребяташками, которые стали хватать печенья и откусывать от них большие куски. Сквозь слезы Памела пробормотала слова благодарности, а затем принялась рассказывать. Слова ее лились бурным потоком, Саманта не успевала записывать. И не сводила глаз с ребяташек, которые жадно поглощали еду, пока мать излагала свою историю.

Жили они сейчас в машине. Родом были из маленького городка на границе с округом Хоппер, и, поскольку месяцем раньше потеряли дом, Памела стала искать юриста, который бы им помог. Никто не знал, где найти такого, но потом кто-то подсказал, что можно обратиться в Центр бесплатной юридической помощи в Брэйди. Вот они и приехали. Прежде у нее была работа на фабрике, где делали электролампы для сети мотелей. Не слишком хорошая работа, но зарплаты хватало на то, чтоб оплатить ренту и покупать продукты в бакалейной лавке. Места мужу на этом полотне не нашлось. Четыре месяца тому назад компания, о которой она сроду не слышала прежде, начала урезать ее зарплатные чеки, снимала с них примерно треть денег, и она не могла с этим ничего поделать. Она пожаловалась боссу, но тот лишь отмахнулся и посоветовал ей обратиться в суд. А потом стал грозиться, что уволит ее, и добавил, что ненавидит всех этих должников, потому как от них одни проблемы. Она принялась спорить с ним, и тогда он привел свои угрозы в действие. И вот теперь она

безработная. Памела пошла к судье, все ему объяснила, сказала, что не может одновременно платить ренту и покупать еду, но тот не проникся к ней сочувствием. Просто сказал, что закон есть закон. Проблемой оказалось постановление суда по старой кредитной карте, о которой она не вспоминала лет десять. Очевидно, компания, некогда выдавшая ей эту карту, перепродала ее долг какому-то коллекторскому агентству, и то, даже не уведомив ее, начало списывать ее долг в свою пользу. Когда выяснилось, что оплатить ренту за трейлер нечем, хозяин этого самого трейлера, настоящая задница, вызвал шерифа, и семью вышвырнули на улицу. Несколько дней она прожила у двоюродного брата, но отношения не заладились, и она переехала к другу. Но они и там не прижились, и вот последние две недели она с двумя ребяташками живет в машине, где всего не хватает — бензина, воздуха, тормозной жидкости, и потому приборная доска светится, как новогодняя елка. Вчера она украла в универсаме несколько шоколадных батончиков и отдала их детям. А сама не ела вот уже два дня.

Саманта впитывала каждое ее слово и с трудом скрывала охватившие ее ужас и возмущение.

— Расскажите, как вы умудряетесь жить на колесах? Разве такое возможно? — И она принялась делать записи, не имея ни малейшего понятия о том, как можно распорядиться ими в суде.

Памела достала из поддельной дизайнерской сумочки пачку бумаг и выложила их на стол. Саманта стала читать постановление суда, а ее новая клиентка меж тем заявила, что у нее осталось всего два доллара и что она не знает, на что их лучше потратить — на бензин или на еду. После долгих уговоров она согласилась взять печенье, сжимала его в дрожащих пальцах. И тут Саманта поняла две важные вещи. Первое — что она является последней линией обороны для этой маленькой семьи. И второе — что уйдут они отсюда не скоро. Потому что им просто некуда идти.

Когда наконец появилась Барб, Саманта дала ей двадцать долларов и попросила быстренько сбежать и купить побольше хот-догов.

— У нас в конторе есть несколько баксов, — заметила Барб.

— Они нам еще пригодятся, — сказала Саманта.

Фиби Фэннинг до сих пор пряталась от мужа в мотеле, Центр оплатил ее пребывание там, и Саманта понимала, что Мэтти держит в резерве немного денег на всякий пожарный случай. Как только Барб ушла, Саманта посмотрела в окно на задний двор. Машина Памелы, если даже заправить ее под завязку бензином и прочими необходимыми жидкостями, выглядела плачевно и вряд ли смогла бы доехать до округа Хоппер. Это был

старенький импортный автомобильчик, проехавший миллион миль, который теперь служил еще и домом.

Она вернулась в конференц-зал и увидела, что печенья и крекеры съедены подчистую. Сказала Памеле, что послала за едой, и женщина снова расплакалась. Ее сын Тревор, мальчик лет семи, сказал:

— Спасибо вам, мисс Кофер.

А дочурка Мэнди одиннадцати лет робко спросила:

— Нельзя ли воспользоваться вашей ванной?

— Ну конечно, — ответила Саманта и провела девочку по коридору. А потом вернулась к столу и принялась записывать. Попросила Памелу начать все сначала и неспешно повторить всю историю.

Постановление суда по кредитной карте было вынесено в июле 1999 года, тогда сумма составляла 3398 долларов — эта цифра включала все судебные издержки, какие-то непонятные выплаты, даже какие-то проценты для более ровного счета. Памела объяснила, что ее бывшего мужа призвали удовлетворить этот иск, о чем была запись в свидетельстве о разводе, копию которого она продемонстрировала. Прошло десять лет, и за это время от властей не было ни слова. Правда, за это время она несколько раз переезжала, и, возможно, сообщения просто не доходили. Как знать? И вот наконец коллекторскому агентству удалось на нее выйти, и начались все эти неприятности.

Саманта мысленно отметила, что сын Памелы Тревор родился уже после развода, но не стала упоминать об этом. Среди бумаг было несколько решений суда, порицающих бывшего мужа за то, что тот не платит алименты на содержание Мэнди.

— А кстати, где он? — спросила она клиентку.

— Понятия не имею, — ответила Памела. — Вот уже несколько лет о нем ни слуху ни духу.

Вернулась Барб с пакетом хот-догов, выложила еду на стол. Потом погладила Тревора по голове, сказала Мэнди, как это здорово, что такие славные детки заглянули к ним в гости. Все трое Букеров вежливо поблагодарили ее, а потом жадно набросились на еду. Саманта закрыла дверь и отошла с Барб в приемную.

— Ну, в чем проблема? — спросила та, и Саманта вкратце изложила ей суть дела.

Барб, возомнившая, что повидала все на свете, была хоть и озадачена, но боевого пыла не утратила.

— Я начну с босса. Устрою ему такую головомойку, суший ад, так что мало не покажется. Скажу, что затаскаю его по судам и что ему придется

возмещать ущерб в тройном размере, а уж потом доберусь и до коллекторского агентства.

Тут зазвонил телефон, и ей пришлось ответить, а Саманта, профессиональный юрист, продолжала пребывать в полном недоумении.

Сущий ад? Ущерб в тройном размере? Но за что конкретно? Ведь все эти угрозы исходили не от профессионального юриста. Саманта считала, что надо бы дождаться возвращения Мэтти или Аннет, ведь сама она проработала здесь всего неделю и пока что плохо ориентировалась. Она вернулась к себе в кабинет, закрыла дверь и, сильно нервничая, набрала номер электроламповой фабрики. Мистер Симмонс был приятно удивлен, узнав, что Памела Букер нашла себе адвоката. Сказал, что работницей она была хорошей, что ему было крайне неприятно и невыгодно ее увольнять, и черт бы побрал все эти постановления суда о старых задолженностях. Ведь от этого вся его бухгалтерия превращается в сущий кошмар. Он уже взял новую работницу на место Памелы и надеется, что у нее нет проблем с законом.

— Да, но у вас очень скоро могут возникнуть проблемы с законом, — холодно пояснила ему Саманта. Отчаянно блефуя и далеко не уверенная в том, что такой закон существует, она заявила, что компания не имеет права увольнять сотрудника лишь за то, что у него или у нее снимают часть зарплаты в счет погашения старого долга.

Тут мистер Симмонс возмутился и сказал, что и у него тоже имеется адвокат.

— Прекрасно, — ответила Саманта, — дайте мне ее номер, попробую обсудить проблему с ней.

В ответ на это мистер Симмонс заметил, что адвокат у него вовсе не женщина и что этот парень дерет по две сотни баксов в час. И попросил дать ему время подумать. Саманта обещала перезвонить сегодня же, только чуть позже, и они сошлись на том, что три часа дня будет в самый раз.

Она вернулась в конференц-зал и увидела, что Барб отыскала где-то коробку цветных карандашей и несколько книжек-раскрасок и теперь горит желанием организовать игры и развлечения для Тренора и Мэнди. Памела все еще держала в руке надкушенный хот-дог и смотрела в пол, сидя словно в трансе. Когда наконец появилась Аннет, Саманта встретила ее в коридоре и шепотом посвятила в детали. Аннет была по-прежнему немного холодна с ней или озабочена чем-то другим, но дело есть дело.

— Судебное решение было вынесено много лет тому назад, — заметила она. — Так что проверь, какие тут существуют законы. Готова побиться об заклад, что компания, выпускающая кредитные карты,

перепродала этот долг коллекторам по несколько пенни за доллар и теперь принуждает к исполнению просроченного судебного решения.

— Сталкивалась с подобным прежде?

— Было нечто похожее, только давно. Не помню, как называлось то дело. Так что поройся. Попробуй найти, а уж потом будешь звонить в коллекторское агентство. Но учти, там, как правило, работают мерзопакостные типы, таких просто на испуг не возьмешь.

— А подать на них в суд мы можем?

— Ну уж пригрозить судом — это определенно. Они не привыкли, что люди, подобные этой несчастной, вдруг появляются со своим адвокатом. А пока позвони ее боссу, припеки ему задницу.

— Уже сделала.

Тут Аннет заулыбалась.

— И что он сказал?

— Я объяснила ему, что нельзя увольнять работника лишь на основании того, что у него снимают часть зарплаты в счет погашения долга. Понятия не имею, существует ли закон на этот счет, но прозвучало вроде бы убедительно. Он задержался, и мы договорились созвониться сегодня же, только чуть позже.

— Насчет закона сомневаюсь, но блефовала ты очень даже неплохо, а это часто куда важнее разных законов. Иск можно подать только против коллекторской компании, которая отщипывает куски от ее зарплаты на основании просроченного судебного решения.

— Спасибо, — сказала Саманта и глубоко вздохнула. — Но нам надо решить еще несколько неотложных вопросов. Семья сейчас здесь, у нас, и им просто некуда идти.

— Что ж, следующие несколько часов придется провести, заботясь о самом насущном для этой семьи — еде, стирке, месте, где они смогут переночевать. Ребятишки наверняка не ходят в школу, но об этом подумаем завтра. У нас есть небольшой финансовый фонд, деньги на непредвиденные расходы.

— Ты сказала — стирке?

— Да. А кто тебе говорил, что у нас должны работать чистоплюи?

Второй утренний кризис случился через несколько минут, когда в центре неожиданно появилась Фиби Фэннинг вместе со своим супругом Рэнди и заявила Аннет, что забирает заявление о разводе. Они, так сказать, вновь сошлись, помирились, ребятишки уже дома и все утряслось. Аннет была просто в бешенстве и позвонила Саманте, попросила подойти — ей нужен был свидетель.

Рэнди Фэннинга выпустили из тюрьмы на три дня, и он выглядел несколько презентабельнее без оранжевой тюремной робы. Сидел с ухмылкой на физиономии, положив руку на плечо Фиби, а та силилась объяснить, почему вдруг передумала разводиться. Она любит его, вот так, просто не может без него жить, да и трое ребятишек будут гораздо счастливее, видя, что родители вместе. Она устала прятаться в мотеле, дети устали прятаться у родственников, а теперь в семье мир и покой.

Тут Аннет напомнила Фиби, что муж жестоко избил ее. Рэнди при этом смотрел на нее через стол, и в глазах его сверкала неукротимая злоба, казалось, он вот-вот взорвется. Но Аннет вела себя совершенно бесстрашно, в отличие от Саманты, которая испуганно забилась в уголок. Да, драка была, сказала Фиби, причем нешуточная. И велась не совсем честно, но все уже позади. Они с мужем вообще часто ссорились, увлекались, так сказать, но больше этого не повторится. Рэнди предпочитал хранить молчание, лишь кивал в знак согласия, а затем подтвердил: да, они не будут больше ссориться и драться.

Аннет выслушала его, не говоря ни слова. А потом напомнила Рэнди, что он, находясь здесь, нарушил определенные судом условия, согласно которым не должен приближаться к семье ни на шаг. И если судья узнает, то немедленно отправит его обратно в тюрьму. На что Рэнди ответил, что Хамп, его адвокат, сейчас как раз работает над этим вопросом.

На лице Фиби все еще оставались темные синяки — следы последних побоев. Развод — это одно, а вот нанесение физических увечий — совсем другое, это уголовная статья. И Аннет не преминула перейти к более серьезной части, спросила, говорили ли они с обвинителем об отмене предъявленной Рэнди статьи — нанесении телесных повреждений с использованием оружия. Пока что еще нет, ответили супруги, но собираются это сделать, как только дело о разводе будет закрыто. Аннет объяснила, что автоматически это не происходит. У полиции есть заявление от потерпевшей, имеются фотографии и показания свидетелей. Словом, ситуация создалась запутанная, и Саманта не понимала, как ее можно разрешить. Если жертва и преступник помирились, можно ли и дальше рассматривать это дело?

И ей, и Аннет пришла в голову одна и та же мысль: вдруг этот тип снова избил жену, чтобы заставить забрать обвинение?

Аннет была в ярости и засыпала обоих ехидными вопросами, но супруги успешно отбивались. Да, они твердо намерены забыть обо всех этих недоразумениях и жить дальше в мире и согласии. К концу этой встречи Аннет перелистала папку с документами и подсчитала, что

потратила на подготовку оформления развода двадцать часов. И все это, разумеется, совершенно бесплатно. В следующий раз пусть ищет себе другого адвоката.

Супруги ушли, и Аннет заметила, что эта парочка напоминает ей подсевших на мет наркоманов, поведение которых отличается нестабильностью и которые просто не могут обойтись друг без друга.

— Будем надеяться, что он ее не прикончит, — мрачно добавила она.

Время шло, и вскоре стало ясно, что семейство Букер не собирается уходить. Впрочем, никто их об этом и не просил, напротив, их всячески обхаживали и привечали, каждые несколько минут заходили и проверяли, как они там. В какой-то момент Барб шепнула Саманте:

— Иногда мы разрешаем клиентам переночевать у нас пару раз. Условия, конечно, не идеальные, но что делать, если людям больше некуда идти.

Памеле собрали пригоршню четвертаков, и она отправилась на поиски ближайшей прачечной-автомата. Мэнди с Тревором остались в конференц-зале, рисовали цветными карандашами, читали, иногда переглядывались, шептались о чем-то и хихикали. Саманта сидела на другом конце стола, просматривала законодательные акты и старые дела.

Ровно в одиннадцать утра, как и было назначено, явилась миссис Фрэнсин Крамп, желающая написать завещание. Саманта уже составила документ, Мэтти его просмотрела. Эта маленькая церемония должна была начаться через десять минут, и Фрэнсин должна была покинуть центр с полноценным завещанием, оформление которого не стоило ей равным счетом ничего. Но вместо этого тем роковым утром произошло еще одно недоразумение.

Согласно договоренности, Саманта составила завещание, по которому девяносто акров земли Фрэнсин должны были отойти ее соседям, Хэнку и Джолин Мотт. Пятеро взрослых детей Фрэнсин не получали ничего, и со временем это неизбежно приведет к проблемам и спорам. Впрочем, неважно, сказала Мэтти. Это ее земля, о чем четко и ясно прописано в документах, и она вправе распоряжаться ею по собственному усмотрению. А проблемами будем заниматься по мере их поступления. И мы вовсе не обязаны уведомлять пятерых отпрысков Фрэнсин о том, что они остались ни с чем. Сами все узнают после похорон.

Или нет?.. Саманта закрыла за собой дверь, достала папку с завещанием, и тут Фрэнсин расплакалась. Потом вытерла щеки бумажным платочком и принялась рассказывать. «Что за день, — подумала

Саманта. — Три посетительницы прямо с утра, и все так и заливаются слезами».

Выяснилось, что в минувший уик-энд Хэнк и Джолин Мотт поведали ей свой ужасный секрет. Сознались, что решили продать свои сто акров угольной компании и переехать жить во Флориду, где у них обосновались дети и внуки. Нет, конечно, им совсем не хотелось продавать эти земли, но оба они стареют — черт, да они уже самые настоящие старики, хотя, конечно, это ничуть не оправдывает решения продать участок и бежать отсюда, ведь многие здешние люди преклонного возраста цепляются за свои земли. Но им нужны деньги на старость и оплату медицинских счетов. Фрэнсин страшно разозлилась на своих давних друзей и соседей, долго отказывалась верить своим ушам. Она не просто потеряла двух друзей, она потеряла двух людей, которым хотела доверить свою землю. А самое худшее еще впереди: совсем рядом с ней начнутся открытые разработки! Беда стучится в дверь. Народ в округе возмущается, но что могут поделать с угольными компаниями простые люди? К тому же они научились науськивать соседа на соседа, брата на сестру.

Ходили слухи, что Мотты уезжают уже совсем скоро. Разбегаются в разные стороны, словно перепуганные цыплята, так выразилась Фрэнсин. Господи, спаси и помилуй!

Саманта проявила терпение. Вообще-то сегодня она проявляла терпение с самого утра, запас бумажных салфеток в офисе таял буквально на глазах, и до нее с некоторым запозданием дошло, что первое составленное ею завещание можно выбросить в мусорную корзину. Ей все же удалось задать Фрэнсин вполне очевидный вопрос: если не Мотты, то кто же тогда унаследует землю? Фрэнсин не знала, что теперь делать. Поэтому и пришла посоветоваться с юристом.

Ленч в понедельник прошел в расширенном составе, помимо сотрудников центра к нему присоединились Мэнди и Тревор Букер. Дети хоть и жевали все утро, но все еще не наелись и с удовольствием расправлялись с сэндвичами. Мать их еще не вернулась из прачечной, идти им было некуда. Разговор шел на самые невинные темы, подходящие для детских ушей, сотрудники обменивались сплетнями, услышанными в церкви, обсуждали погоду, словом, ничего похожего на скабрзные шуточки, которых Саманта наслушалась здесь в прошлый понедельник. Словом, все было пристойно и скучно и закончилось через двадцать минут.

Саманте нужен был совет, но обращаться к Аннет ей не хотелось. Поэтому она напросилась на минутку к Мэтти и затворила за собой дверь.

Потом протянула Мэтти пачку бумаг и с гордостью заявила:

— Это мое первое исковое заявление.

Мэтти улыбнулась и взяла бумаги.

— Что ж, мои поздравления. Самое время. Да ты садись, а я пока почитаю.

Иск подавался против «Топ маркет солюшн», некой сомнительной фирмы в Норфолке, штат Виргиния, с филиалами в нескольких южных штатах. Приведенные многочисленные телефонные номера мало что говорили об этой компании, но для первого выстрела Саманте вполне хватало и этого. Чем больше она вдавалась в суть дела, тем яснее оно становилось. Аннет оказалась права: судебное постановление, приведенное в действие через семь лет после его принятия, нельзя было считать правомерным. Просто компания кредитных карт перепродала это уже недействительное постановление суда фирме «Топ маркет» с большой скидкой. В свою очередь, «Топ маркет» перерегистрировала это постановление в округе Хоппер и принялась использовать законодательную систему для отъема денег. Одним из инструментов послужило снятие денег с зарплатного счета.

— Коротко и ясно, — заметила Мэтти, закончив читать. — А в фактах ты уверена?

— Да, убедиться было несложно.

— Впрочем, можно внести поправки и позже. Мне понравилось. Ну, теперь чувствуешь себя настоящим адвокатом?

— Да. Как-то прежде об этом не задумывалась. Просто составляла исковое заявление о каких-либо нарушениях, регистрировала его, посылала уведомление ответчику, которому ничего не оставалось, как идти в суд. Ну а дальше мы все решали в досудебном порядке или же уже в суде, но без меня.

— Добро пожаловать в Америку. Ничего, со временем привыкнешь.

— Думаю отправить его прямо сегодня днем. Они ведь стали бездомными, сама знаешь. Так что чем скорее, тем лучше.

— Валяй, действуй, — сказала Мэтти и протянула ей бумаги. — А я отправлю электронной почтой копию искового заявления этим типам, уведомя их.

— Спасибо. Еще немного отполирую текст и в суд.

В три часа дня мистер Симмонс с электроламповой фабрики был куда менее любезен, нежели при первом их разговоре. Сказал, что посоветовался со своим адвокатом, который заверил его, что в увольнении работника, у которого изымают часть денег в счет погашения долга, нет ничего

незаконного, что это не противоречит законодательству ни одного из штатов, в том числе и Виргинии, вопреки всему тому, что утверждала мисс Кофер.

— Вы что, законов не знаете? — спросил он.

— Прекрасно знаю и все понимаю, — резко ответила она, стремясь поскорее закончить этот разговор. — Думаю, что встретимся в суде. — Она успешно подготовила один иск и по этому поводу пребывала в некой эйфории.

— Доводилось мне воевать и с лучшими адвокатами, — заметил мистер Симмонс и бросил трубку.

Букеры наконец-то ушли — Саманта сопровождала их в мотель в восточной части Брэйди. Всего в городке было два мотеля, и в центре долго решали, какой из них больше подойдет. «Старлайт» выиграл с небольшим перевесом. Это было старомодное здание середины пятидесятих с крохотными комнатками и дверями, которые открывались прямо на стоянку. Саманта дважды переговорила с владельцем, и тот предложил две смежные комнаты, чистенькие, в каждой по телевизору, и плата более чем умеренная — всего по 25 долларов за комнату на одну ночь. Мэтти ядовито заметила, что это настоящий притон для шлюх и всех прочих, желающих перепихнуться на скорую руку, но ни единого признака непристойного поведения в мотеле замечено не было, во всяком случае, не в три часа дня понедельника. Остальные восемнадцать комнат, похоже, пустовали. Выстиранную в прачечной одежду Памелы аккуратно уложили в пластиковые пакеты для продуктов. Разгружая машину, Саманта заметила, как резко изменилось поведение семьи. Мэнди и Тревор радовались тому, что они останутся в мотеле, причем в отдельной комнате. Походка Памелы обрела легкость и пружинистость, с лица не сходила улыбка. Она то и дело обнимала Саманту и горячо благодарила ее, наверное, в сотый раз. Когда Саманта уезжала, все трое долго стояли у своей машины и махали ей вслед руками.

После часа езды по извилистым горным дорогам, старательно избегая столкновения с груженными углем грузовиками, Саманта въехала на центральную улицу Колтона. Было без четверти пять. Она подала иск против «Топ маркет солюшн». Внесла предоплату чеком, выданным в центре, заполнила все необходимые бумаги, обеспечивающие проведение процесса по иску к вышеупомянутому ответчику. И, закончив со всем этим, вышла из приемной, страшно довольная и гордая тем, что ее первый иск официально зарегистрирован.

А затем решила спуститься в зал суда, в надежде, что сегодняшнее

заседание еще не закончилось. Какое там: зал заседаний был наполовину полон, здесь стояла страшная духота, а атмосфера была пронизана каким-то особым напряжением. Хмурые мужчины в темных костюмах перебирали бумаги и поглядывали на семерых человек, усевшихся на скамье присяжных. Выборы жюри подходили к концу. Донован надеялся завершить их в первый же день.

Сам он сидел рядом с Лайзой Тейт, матерью двух погибших мальчиков. Кроме них, за этим столом рядом со скамьей присяжных никого больше не было. Напротив, в другом конце зала, размещался стол защиты. И вокруг него жужжала и суетилась целая армия господ в черных костюмах, лица у всех без исключения неприятные, взгляды жесткие и настороженные, словно сам процесс был уже в самом разгаре.

Судья говорил с новыми членами жюри присяжных, инструктировал их о том, что можно, а чего нельзя делать во время слушания. Он жестко требовал с них обещания немедленно докладывать о любом контакте с людьми, вдруг пожелавшими обсудить ход процесса. Саманта разглядывала присяжных и пыталась определить, кого из них хотел видеть в жюри Донован, а какие казались наиболее подходящими стороне ответчика. Это было невозможно. Все белые, четыре женщины, трое мужчин, самому молодому лет двадцать пять, самому старшему — за семьдесят. Есть ли в зале человек, способный предсказать, как поведет себя группа присяжных при рассмотрении улик и доказательств?

Возможно, Денни Чарльтон, консультант? Саманта заметила его в трех рядах от себя. Он не сводил глаз с присяжных, пока судья инструктировал их. Но и другие тоже смотрели, и это, несомненно, были консультанты, нанятые «Стрейхорн коул» и ее страховой компанией. Взгляды всех присутствующих были устремлены на членов жюри присяжных. На кону стояли большие деньги, и от этих людей зависело, сколько кто получит.

Саманта улыбнулась при мысли о контрасте между их делами. Здесь, в этом душном зале с наэлектризованной атмосферой, Донован пытается привлечь к ответу богатую корпорацию за ее черные деяния. Он потребует многомиллионного возмещения ущерба. В предстоящие недели подаст миллиардный иск против «Крулл майнинг» по делу, на которое потратил несколько лет жизни и небольшое состояние. У нее же в портфеле лежит ее первый в жизни иск, и она требует компенсацию в 5000 долларов от какой-то сомнительной маленькой фирмы, которая, возможно, находится всего в шаге от банкротства.

Донован поднялся и обратился к суду. На нем был прекрасно сшитый красивый костюм из тонкой темно-синей шерсти, который превосходно

сидел на его стройной фигуре. Ради такого случая он даже немного подровнял свои длинные волосы, а выбрит был просто безукоризненно. Он передвигался по залу с таким непринужденным видом, точно это помещение принадлежало только ему. Присяжные следили за каждым его шагом и впитывали каждое его слово. А потому у него как у истца, видимо, не могло быть к ним никаких претензий. И этот состав его вполне удовлетворял.

Ровно в 17.45 судья объявил заседание закрытым. Саманта поспешила к выходу, чтоб не попасть в толчею. Села в машину и проехала четыре квартала к начальной школе, которую посещали Тревор и Мэнди. Она уже дважды говорила сегодня по телефону с директором школы, ее чувства разделяли и другие учителя. Директор знала, что семья живет в машине, и была очень озабочена этим. Саманта заверила ее, что теперь жилищные условия у Букеров лучше и вообще жизнь понемногу налаживается. Она уверена, что буквально через несколько дней дети смогут вернуться к занятиям в школе. А до тех пор сама лично позаботится о том, чтобы они не отстали от одноклассников, и будет помогать им выполнять домашние задания.

Уже на выезде из Колтона Саманта вдруг подумала, что ощущает себя скорее социальным работником, а не юристом, и что ничего страшного в том нет. В «Скалли энд Першинг» ее деятельность походила, скорее, на работу бухгалтера или финансового аналитика, а временами — просто секретаря или конторского служащего, сидящего на минимальной зарплате. Приходилось напоминать себе, что она является юристом. Хотя сама она часто в этом сомневалась.

Стоило ей выехать из Колтона, и позади ее машины сразу же пристроился белый пикап. Потом он чуть поотстал, но продолжал ехать следом весь путь до Брэйди, держась примерно на одном и том же расстоянии, не слишком близко. Но и из виду тоже не пропадал.

Глава 17

Пиццерии в больших городах обычно держат выходцы из Италии или их потомки, люди, которые знают, что настоящая пицца происходит из Неаполя. И что корочка у нее должна быть тонкой и хрустящей, а начинка — незамысловатой. Любимой пиццерией Саманты была «Лацио» в Трайбеке — крохотная забегаловка, где повара громко перекликались по-итальянски, выпекая основы с хрустящей корочкой в кирпичных печах. Но, подобно многим другим вещам из ее прежней жизни, «Лацио» была теперь далеко. И сама пицца — тоже. Единственным местом в Брэйди, где можно было купить пиццу, являлось небольшое заведение в дешевом супермаркете на окраине города. «Пицца Хат», наряду со многими другими сетевыми ресторанчиками и кафе, еще не успела закрепиться в маленьких городках в Аппалачах.

Пицца была в дюйм толщиной. Саманта наблюдала за тем, как ее нарезали на куски и складывали в коробку. Восемь баксов за пипперони с сыром, и сооружение это весило добрых пять фунтов. Она поехала в мотель, где Букеры смотрели телевизор и ждали ее. Они помылись, переоделись в чистую одежду, выглядели теперь куда как лучше и были страшно благодарны за эти перемены. Но Саманта привезла им и не слишком приятные новости: заявила, что теперь будет заниматься с детьми, чтобы те не отстали от своих сверстников в школе. Однако на их настроение это ничуть не повлияло.

Они пообедали в комнате Памелы. Ели пиццу, запивали лимонадом, и все это на фоне «Колеса фортуны»^[17] — передачи, которая шла по телевизору. Дети болтали о школе, обсуждали учителей, друзей, которые остались в Колтоне и по которым они так скучали. В сравнении с тем, как они выглядели утром, превращение было просто поразительным: тогда они были испуганными и голодными, боялись и слово сказать, теперь же остановить их веселую болтовню было просто невозможно.

Но вот пицца была съедена, и Памела велела им заниматься. Она очень боялась, что они отстанут. Дети пытались слабо сопротивляться, но все же послушались, ушли в свою комнату и принялись за уроки. Саманта с Памелой, понизив голос, принялись обсуждать иск и то, к каким последствиям он может привести. Если хоть немного повезет, компания признает свою ошибку и решит проблему в досудебном порядке. Если нет, Саманта постарается как можно скорее привлечь ее к суду. Она так и

излучала уверенность опытного адвоката, и никому бы в голову не пришло, что это первый в ее жизни судебный процесс. Она также планировала встретиться с мистером Симмонсом, владельцем электроламповой фабрики, и объяснить, в чем состояла его ошибка. Ведь Памела вовсе не являлась ленивым и недобросовестным работником, просто стала жертвой нечистых на руку людей.

Уже уезжая из мотеля «Старлайт», Саманта вдруг поняла, что провела счастливейшие двенадцать часов своей жизни, яростно и отчаянно защищая интересы Памелы Букер и ее детей. Если бы они не зашли сегодня в центр ранним утром, то, наверное, до сих пор прятались бы на заднем сиденье своей машины, голодные, холодные, испуганные, уязвимые и лишенные каких-либо надежд.

Она натягивала джинсы, когда вдруг зазвонил мобильник. Это была Аннет, она звонила со двора у дома.

— Дети разошлись по комнатам. Может, заглянешь на чай? — спросила она.

Нужно было поговорить, прояснить отношения, понять, что тревожит Аннет. Ким и Адам тут же перестали делать уроки и выбежали поздороваться с Самантой, но всего на минутку. Вообще-то они предпочли бы ужинать в ее обществе каждый вечер. А потом еще посмотреть вместе с ней телевизор и даже сыграть в одну-две видеоигры. Но Саманта отчаянно нуждалась в покое и независимости. И Аннет, разумеется, это понимала.

Дети вернулись к себе. Аннет разлила по чашкам чай, они сидели в полутемной гостиной и обсуждали события этого понедельника. Аннет сказала, что здесь в горах полно бездомных людей. Нет, они не побираются по улицам и не ночуют в парках на скамейках, как в больших городах, потому как обычно знают кого-то, кто может приютить их в свободной комнате или в гараже на неделю или две. И почти у всех есть родственники, проживающие не так уж и далеко. Приютов для бездомных здесь нет, нет волонтеров и благотворительных организаций, помогающих им. Некогда у Аннет была клиентка с сыном-подростком, он страдал психическим расстройством с приступами крайней агрессии, и она заставила его уйти из дома. Парнишка поселился в палатке в лесу, воровал продукты, время от времени ходил с протянутой рукой. Зимой чуть не замерз до смерти, весной едва не утонул при наводнении. Четыре года они добивались, чтоб пристроить его в лечебное заведение. А потом он сбежал оттуда и исчез. И с тех пор никто и никогда не видел его. Мать до сих пор винит во всем себя. Словом, печальная история.

Они говорили о Букерах, Фиби Фэннинг, о бедняжке миссис Крамп, которая не знала, что теперь делать со своей землей. Это напомнило Аннет о еще одном клиенте, который хотел составить завещание. Денег у него было полно потому, что он их просто не тратил — был скуп, как Шейлок. И он принес в Центр и показал завещание, составленное ранее одним из местных юристов. Семьи у старика не было, ни один из дальних родственников не пользовался его расположением, и он не знал, кому оставить деньги. И вот ловкий юрист ввел в завещание несколько весьма невнятно прописанных пунктов, согласно которым после смерти старика именно он оказывался единственным его наследником. Через несколько месяцев старик заподозрил неладное и пришел к Аннет. И она подготовила куда более простое завещание, согласно которому все отходило церкви. Когда он умер, нечистый на руку юрист притворно рыдал на всю улицу, потом лил слезы на отпевании и похоронах, а затем, узнав о новом завещании, просто сбесился от злости. И грозил Аннет всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Тогда Аннет пообещала, что подаст на него жалобу в ассоциацию юристов, и он тотчас успокоился.

Вошли Ким и Адам, уже в пижамах, пожелать всем доброй ночи. Аннет пошла уложить их, подоткнуть одеяла. Потом закрыла двери в гостиную, подлила еще чаю и уселась на диван. Отпила глоток и перешла к делу.

— Знаю, ты встречаешься с Донованом, — произнесла она таким тоном, точно это было вопиющим нарушением правил приличия.

Саманта не стала отрицать — да и с какой стати? И вообще, разве она обязана что-то кому-то объяснять?

— В прошлую субботу мы летали на его самолете. А за день до этого обследовали гору Дублин. А в чем, собственно, дело?

— Ты должна быть осторожнее, Саманта. Донован человек непростой, к тому же он женат. Или не слышала?

— Я никогда не спала с женатыми мужчинами. А ты?

Аннет пропустила этот вопрос мимо ушей.

— Не уверена, что тот факт, что он женат, когда-нибудь мог остановить Донована. Ему нравятся женщины, всегда нравились, и теперь, когда он живет один... встречаться с ним небезопасно. У него, знаешь ли, репутация...

— Лучше расскажи мне о его жене.

Еще один глубокий вздох, еще один глоток чая.

— Джуди красивая женщина, но они не пара, это ясно. Она из Роаноке, словом, типично городская штучка, и горы ей всегда были чужды.

Познакомились они в колледже, ну а потом отчаянно боролись за свое будущее. Говорят, что женщина выходит замуж за мужчину, веря, что может его изменить, но на самом деле не может. Мужчина женится на девушке в надежде, что она не изменится, а она меняется. Мы все меняемся. Джуди пыталась перевоспитать Донована, и чем больше старалась, тем сильнее он сопротивлялся. А сама она определенно менялась. Переехала в Брэйди, очень старалась включиться в местную жизнь. Разбила огород, вызывалась помочь здесь и там. Даже пела в местном церковном хоре. Но Донован все чаще с головой уходил в работу, ну и порой это приводило к плачевным последствиям. Джуди пыталась отговорить его браться за дела, связанные с угольными компаниями, но он ее не слушал. Думаю, последней каплей стала их дочь. Джуди не хотела, чтобы девочка училась в местной школе, считала это постыдным и недостойным. А мои ребяташки ходят, и ничего страшного.

— Так их браку пришел конец?

— Кто их там знает. Они разъехались года два назад. Донован просто безумно любит дочурку, ездит повидаться с ней при каждой возможности. Они говорят, что пытаются найти какое-то решение, но лично я не вижу, что бы это могло быть. Горы он никогда не бросит. А она может жить только в городе. У меня есть сестра, живет в Атланте, детей нет. Ее муж в Чикаго, там у него очень хорошая работа. Он считает юг отсталым и гиблым местом, а она терпеть не может Чикаго, говорит, там холодно, там не жизнь, а сумасшедший дом. И ни один не сдается, не хочет уступать, и тем не менее они говорят, что счастливы и расходиться не собираются. Наверное, кто-то так может. Но лично мне это кажется странным.

— А она знает о его... увлечениях?

— Не имею понятия о том, что она знает. Не удивлюсь, если они заключили соглашение, ну, дескать, полная свобода, и каждый волен жить как хочет. — Она отвернулась с таким видом, точно знала больше, чем говорила.

И это не укрылось от внимания Саманты. Она спросила:

— Он что, сам говорил тебе об этом?

Аннет заметно напряглась, видно, поняла, что ей не следует рассуждать на столь скользкую тему.

— Нет, конечно, не говорил, — после долгой паузы и не слишком убедительно произнесла она.

Неужели Донован использует столь популярную у женатых мужчин присказку: «Давай потрахаемся, дорогая, потому как моя женушка тоже занимается этим на стороне»? Возможно, Аннет вовсе не так уж и

изголодалась по мужскому обществу, как притворяется? Еще один фрагмент головоломки вроде бы встал на свое место. Ну, скажем, Аннет завела интрижку с Донованом, просто из жажды секса или романтики, а может, и того и другого. И тут в городе появляется новая девушка и привлекает его внимание. И напряженные отношения между ними продиктованы всего лишь старомодной ревностью. Аннет, конечно, никогда в том не признается, но и скрыть этого тоже не в силах.

— Мэтти и Честер рассказывали мне о Доноване, — сказала Саманта. — Они считают, что Джуди просто испугалась, когда у него начались неприятности, все эти анонимные телефонные звонки, угрозы, машины, преследующие его на дорогах.

— Верно. К тому же Донован не самая популярная личность в городе. И его работа раздражает множество самых разных людей. И в адрес Джуди тоже сыпались упреки и уколы. Он становился старше и вместе с тем — все бесшабашнее. В судах может вести грязную игру и выигрывает много дел. Заработал немало денег, и, что весьма типично для адвокатов, его самомнение растет вместе с банковским счетом.

— Похоже, для расставания у них было немало причин.

— Боюсь, что так, — задумчиво пробормотала Аннет.

Какое-то время они просто пили чай и молчали. Но Саманта решила на этом не останавливаться, дойти до самой сути. Аннет всегда охотно обсуждала проблемы сексуального характера, так что попытаться стоит.

— А он когда-нибудь к тебе подкатывался?

— Да нет, ты что. Мне сорок четыре, мать-одиночка с двумя ребятами. Считает меня старухой. Донован любит курочек помоложе. — Эти слова прозвучали с горечью, видно, дались ей с немалым трудом.

— Имеешь в виду кого-то конкретного?

— Да нет. А ты знакома с его братом Джеффом?

— Нет. Он упоминал о нем несколько раз. Тот вроде бы младше?

— На семь лет. После того, как их мать покончила с собой, мальчики кочевали с места на место, пока Мэтти не забрала к себе Донована, а Джефф переехал жить к дальним родственникам. Но братья всегда были очень близки. Джефф переносил все это гораздо хуже, бросал колледж, шлялся неведомо где. Донован вечно его разыскивал, а теперь Джефф работает на старшего брата. Посыльным, информатором, телохранителем, мальчиком на побегушках, словом, только свистни — и Джефф все исполнит. Ну и к тому же он умен, как Донован, и тоже, кстати, одинок.

— Я не выставляю себя на рынке свободных женщин, если ты это

имеешь в виду.

— Все мы на этом рынке, Саманта. И не обманывай себя. Возможно, не для того, чтоб перепихнуться на скорую руку. Нет, все мы пребываем в поисках настоящей любви, пусть даже она продлится не всю жизнь.

— Сомневаюсь, что все для меня сильно упростится, если я вернусь в Нью-Йорк с парнем с гор. Тут же начнутся разговоры, что он мне не пара.

Аннет рассмеялась. Напряжение между ними спало, и теперь Саманта поняла, что может справиться с ситуацией. Она и до того уже решила, что с Донованом сближаться не стоит. Да, он обаятелен, притягателен, определенно сексуален, но также является источником неприятностей. За исключением первой их встречи, Саманте постоянно казалось, что оба они в двух шагах от того, чтобы начать раздеваться. И если бы она приняла его предложение о работе, то было бы трудно, даже, пожалуй, невозможно избежать активных домогательств с его стороны.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Саманта пошла к себе в комнату. Она поднималась по неосвещенным ступенькам над гаражом и вдруг задалась вопросом: интересно, сколько раз Аннет, уложив детей в постель, потихоньку выскальзывала из дома и, как на крыльях, летела на свидание к Доновану в устроенное им маленькое любовное гнездышко?

Что-то подсказывало ей: много раз. Много.

Глава 18

Саманта нашла электроламповую фабрику в заброшенном промышленном районе на окраине городка Браши в округе Хоппер. Большая часть металлических конструкций была недостроена или просто пустовала. Возле цехов, где шла работа, стояли несколько легковых машин и пикапов. Эта печальная картина давнего экономического спада разительно отличалась от оптимистичного постера, размещенного на сайте торгово-промышленной палаты.

Вначале по телефону мистер Симмонс сказал, что слишком занят, что ему не до встреч, но Саманта проявила настойчивость и с трудом, но все же уговорила уделить ей тридцать минут. В приемной воняло сигаретным дымом, линолеумные полы не мыли несколько недель. Секретарша с неприветливой физиономией проводила Саманту через холл к кабинету. Через тонкие стены просачивались голоса. В отдалении слышался рокот машин. Вообще вся эта обстановка производила удручающее впечатление — было видно, что мистер Симмонс отчаянно пытается избежать судьбы своих соседей по промышленной зоне, производя дешевые лампочки для сети самых дешевых мотелей по бросовым ценам, и даже мечтать перестал о дополнительной прибыли. Памела Букер говорила, что дополнительные льготы включали недельный неоплачиваемый отпуск и три дня по болезни, которые тоже не оплачивались. А уж о медицинской страховке и мечтать было нечего.

Саманта утешала себя мыслью о том, что на предыдущей работе она изрядно настрадалась от жуликов всех мастей, по-настоящему богатых людей, которые наводняли Манхэттен и готовы были раздавить каждого, кто посмел встать у них на пути. Она была свидетелем того, как эти безжалостные типы пожирали и уничтожали ее партнеров, в том числе и Энди Грабмена, человека, по которому она иногда действительно скучала. Она слышала, как они кричали на него, угрожали, осыпали проклятиями, а несколько раз проклинали и запугивали еще и ее. Но ей все же как-то удавалось выжить. А потому неважно, какой подлец этот мистер Симмонс, — в сравнении с нью-йоркскими монстрами он просто жалкий котенок.

Он был на удивление любезен. Поздоровался с ней, усадил в кресло в своем убогом кабинете и закрыл дверь.

— Спасибо, что приняли меня, — сказала Саманта. — Постараюсь

быть краткой.

— Может, хотите кофе? — вежливо спросил он.

Она подумала о пыли и клубах сигаретного дыма, живо представила себе коричневые пятна внутри неотмытого общего кофейника.

— Нет, спасибо.

Усаживаясь в кресло за столом, Симмонс одобрительным взглядом окинул ее ноги и сразу расслабился, точно впереди его ждал свободный день. Тоже мне, любитель пофлиртовать, насмешливо подумала она. И начала рассказывать о последних событиях в семье Букер. Он расчувствовался: оказывается, не знал, что они стали бездомными. Саманта передала ему отредактированные копии всех документов и шаг за шагом описала, какие собирается предпринимать действия. Последней она передала ему копию поданного буквально вчера иска и заверила, что теперь фирме под названием «Топ маркет солюшн» не отвертеться.

— Короче, взяла их прямо за яйца, — добавила она нарочито грубо, чтобы увидеть, как он отреагирует.

Он снова заулыбался.

Суммируя все, Саманта отметила, что судебное решение по старой кредитной карте просрочено и в «Топ маркет» прекрасно об этом знали. Так что никто не имел права снимать деньги с платежного чека Памелы Букер. И она может и имеет полное право вернуться на работу.

— Так вы хотите, чтобы я снова взял ее на работу? — осведомился он, хотя это было и без того очевидно.

— Да, сэр. Если она снова получит работу, то семья выживет. Дети должны ходить в школу. Мы поможем ей найти новое жилье. Я привлеку «Топ маркет» к суду, заставлю их отдать то, что они отняли у этой женщины нечестным путем, и она получит чек на кругленькую сумму. Но все это займет какое-то время. А работа нужна ей прямо сейчас. Сами понимаете, это единственный правильный и честный выход.

Тут он перестал улыбаться и взглянул на часы.

— Тогда мы вот как поступим. Вы добиваетесь отмены этого чертова судебного решения, чтобы не морочить мне больше голову, и тогда я снова включаю ее в список штатных работников. Сколько времени это займет?

Саманта понятия не имела и ответила наугад:

— Ну, может, неделю.

— Тогда договорились?

— Договорились.

— А можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Сколько берете в час? Потому как есть у меня тут один парень в Гранди. Не шибко сообразительный, да и на звонки отвечает не сразу, и вообще тормоз. Так он дерет с меня по две сотни баксов в час. Может, для крутых бизнесменов это и недорого, но сами видите, как тут обстоят у нас дела. И его работа таких денег не стоит. Пробовал найти кого-то другого, но в наших краях не так много стоящих юристов. И я понял, что вы-то как раз специалист стоящий, иначе Памела Букер вас бы не наняла. Так сколько берете?

— Ничего. Ноль.

Он в изумлении уставился на нее, даже рот приоткрыл.

— Я работаю в Центре юридической помощи.

— Что это значит?

— В центре, который предоставляет бесплатную юридическую помощь людям с низкими доходами.

Он впервые слышал об этом. Улыбнулся и спросил:

— А электроламповые фабрики в этот список входят?

— Извините, но нет. Только люди, причем неимущие.

— А мы только напрасно деньги теряем. Могу показать вам гроссбухи.

— Спасибо, мистер Симмонс. Как-нибудь в следующий раз.

Она ехала в Брэйди с хорошими новостями и думала о способах отмены просроченного судебного решения. И чем дольше думала, тем яснее понимала, как мало знает о практических аспектах повседневной юридической работы.

В Нью-Йорке, выйдя из конторы в конце рабочего дня, она редко отправлялась прямо домой. Слишком много было вокруг баров и прочих заведений, слишком много одиноких профессионалов, вышедших прогуляться, пообщаться, познакомиться, подцепить кого-нибудь, ну и заглянуть куда-нибудь выпить. Каждую неделю кто-то из знакомых обнаруживал какой-нибудь новый бар или новый клуб, и надо было непременно зайти и посмотреть, как там и что, прежде чем народ начнет валить туда толпами и все испортит.

В Брэйди же все было по-другому. После работы Саманта шла по улице и посматривала на бары, но снаружи все они выглядели как-то примитивно и неинтересно, да и было их здесь всего два. И шансов познакомиться там с молодым и неженатым профессионалом было мало. А потому выбор у нее невелик: или торчать в конторе, хотя в том не было нужды; или же идти домой, сидеть в комнате и разглядывать стены. Мэтти тоже предпочитала торчать на работе и каждый день, около 5.30, шлепая

босыми ступнями, отправлялась на поиски Саманты. Эти вечерние посиделки стали для них ритуалом. Они сидели в конференц-зале, попивали диетическую колу, сплетничали и поглядывали в окна на улицу. Саманте страшно хотелось обсудить возможные шуры-муры между Аннет и Донованом, но она сдерживалась. Может, позже, может, настанет день, когда она получит хоть какие-то доказательства, а может — и никогда. Она слишком недавно в этом городе, чтобы затрагивать столь чувствительную тему. К тому же она знала: Мэтти всегда бросается на защиту своего любимого племянника.

И вот они усадились в кресла и приготовились поболтать с полчаса или около того, как вдруг звякнул дверной колокольчик. Мэтти нахмурилась и заметила:

— Наверное, забыла запереть входную дверь.

— Пойду взгляну, — сказала Саманта, а Мэтти отправилась на поиски своих туфель.

Это были супруги Райзер, Бадди и Мэйвис, и пожаловали они из дремучего леса, как выяснила Саманта после краткого обмена приветствиями. Две их холщовые грязноватые продуктовые сумки были битком набиты бумагами. Мэйвис с ходу заявила:

— Нам нужен адвокат.

Бадди добавил:

— Никто не берется за мое дело.

— А что за дело? — спросила Саманта.

— Черные легкие, — ответил он.

Саманта провела их в конференц-зал и, не обращая внимания на сумки с бумагами, попросила изложить суть дела. Бадди был сорок один год, он работал на поверхности (не на открытых разработках) в компании «Лоунрок коул» — она занимала третье место в стране по добыче угля. В настоящее время он зарабатывал 22 доллара в час и являлся водителем автопогрузчика на шахте «Мюррей гэп» в округе Минго в Западной Виргинии. Дыхание у него было хриплое, затрудненное, и временами за него говорила Мэйвис. У них было трое ребятишек, подростки — «все еще учатся в школе». Дом заложен. Он страдал от пневмокониоза, болезнь была вызвана тем, что он вдыхал угольную пыль на протяжении всей двенадцатичасовой смены.

Мэтти наконец отыскала свои туфли и вошла в комнату. Представилась Райзерам, подозрительно покосилась на холщовые сумки, затем уселась рядом с Самантой и стала вести записи. В какой-то момент перебила рассказчика и заметила:

— У нас становится все больше шахтеров с черными легкими, работающих на поверхности. Вроде бы есть такая теория, что вы, ребята, из-за долгих смен вдыхаете больше угольной пыли, чем другие.

— Он вдыхал ее слишком долго, — сказала Мэйвис. — И с каждым месяцем ему все хуже.

— Но я продолжаю работать, — сообщил Бадди.

Еще лет двенадцать тому назад, году в 1996-м, он стал замечать, что страдает одышкой и приступами сильного кашля. Он никогда не курил, всегда был здоровым, подвижным парнем. По воскресеньям играл с детьми в бейсбол, но потом перестал — дыхание становилось все более затрудненным, и он опасался, что станет плохо с сердцем. Тогда-то он в первый раз и пожаловался Мэйвис. Кашель не проходил, и во время одного из приступов он заметил, что на платке остаются пятна черной мокроты. Ему не хотелось сообщать о своем состоянии — боялся, что уволят из компании, — и он продолжал работать, никому ничего не говоря. И только в 1999 году подал иск к «Лоунрок коул» в соответствии с федеральным законом о страдающих пневмокониозом. Его осмотрел врач с сертификатом от Министерства труда. Он оценил состояние Бадди и поставил диагноз: самая тяжелая форма профессионального легочного заболевания, известная под названием «осложненный пневмокониоз». Власти обязали «Лоунрок коул» начать ежемесячно выплачивать пострадавшему компенсацию в 939 долларов. Но он продолжал работать, и состояние его все ухудшалось.

И, как всегда, компания «Лоунрок коул» подала апелляцию и отказалась выплачивать деньги.

Мэтти, не понаслышке знакомая с болезнью черных легких вот уже пятьдесят лет, перестала строчить в блокноте и удрученно покачала головой. Она могла хоть во сне написать аналогичную историю.

— Так компания подала апелляцию? — удивленно спросила Саманта. Ведь дело казалось ясным и однозначным.

— Они всегда так делают, — ответила ей Мэтти. — И, сдается мне, пришла пора вам, ребята, встретиться с симпатичными парнями из «Каспер, Слейт».

Супруги, услышав эти два слова, уныло опустили головы. Мэтти взглянула на Саманту и объяснила:

— «Каспер, Слейт» — это банда мошенников, которые носят дорогие костюмы и прячутся за фасадом юридической фирмы со штаб-квартирой в Лексингтоне и офисами, разбросанными по всем Аппалачам. Там, где есть угольная компания, поблизости непременно находятся и ребята из «Каспер, Слейт», занятые своим черным делом. Они защищают компании,

сбрасывающие тонны химикатов в реки, загрязняющие моря и океаны, скрывающие токсичные отходы, отравляющие чистый воздух, дискриминирующие своих же рабочих, нарушающие все установленные властями запреты. Только назовите какую-нибудь нечестную и нечистую на руку компанию — и «Каспер, Слейт» тут как тут, бросается на ее защиту. Но специализируются они в основном в сфере горнодобывающего законодательства. Эту фирму создали в наших угольных краях еще сто лет назад, и она находится на подхвате почти у каждого крупного угледобытчика. Их методы безжалостны и неэтичны. А прозвище у них — «Кастраты», самое что ни на есть подходящее.

Бадди не выдержал и пробормотал:

— Сукины дети.

У него не было адвоката, а потому он вместе с Мэйвис был вынужден сражаться с этой бандой из «Каспер, Слейт», юристами, знающими все лазейки, ходы и выходы и прекрасно умеющими манипулировать федеральными законами о черных легких. Бадди осматривали их врачи — те самые врачи, чьи исследования финансировались угольной индустрией, — и в их заключениях нельзя было найти и упоминания о пневмокониозе. А состояние его здоровья они объясняли тем, что в левом легком у него обнаружена доброкачественная опухоль. Через два года после того, как он подал на компенсацию, решение о ее выдаче было оспорено судом в административном порядке на основании медицинских заключений, составленных врачами из «Лоунрок».

— Эти юристы пользуются слабостью нашей системы, — сказала Мэтти, — а их врачи всегда найдут способ объяснить плохое самочувствие чем угодно, только не черными легкими. Так что не удивительно, что лишь пять процентов шахтеров, страдающих этим заболеванием, получают компенсации. А большинство исков вообще не принимаются к рассмотрению, и многие шахтеры уже давно махнули рукой на свои законные права.

Шел уже седьмой час вечера, их разговор мог затянуться до бесконечности, и тогда Мэтти сказала:

— Послушайте, ребята, оставьте все эти материалы нам, мы их прочтем и проанализируем. Дайте нам пару дней, мы вам позвоним. А сами нам, пожалуйста, не звоните. Не бойтесь, мы о вас не забудем, просто нужно время, чтобы как следует все изучить. Договорились?

Бадди и Мэйвис улыбнулись и вежливо поблагодарили Мэтти. Затем Мэйвис сказала:

— Мы уже пытались найти подходящих для таких случаев адвокатов.

Где только не искали, но никто не хочет помочь.

— Спасибо за то, что вообще нас впустили и выслушали, — добавил Бадди.

Мэтти проводила их до выхода. Уже перед дверью Бадди вдруг стал хватать ртом воздух, еле передвигая ноги, словно девяностолетний старик. Когда они ушли, Мэтти вернулась в комнату и уселась напротив Саманты. Помолчала, а потом спросила:

— Ну, что думаешь?

— Много чего. Ему сорок один, а выглядит на все шестьдесят. Просто не верится, что он до сих пор работает.

— Скоро его уволят. Под предлогом, что он опасен для окружающих, и доля истины в этом, возможно, есть. «Лоунрок коул» разогнала свои профсоюзы лет двадцать назад, так что защиты им ждать неоткуда. Больной человек лишится работы. И умрет мучительной смертью. Я видела, как таял на глазах мой отец, как он худел, слабел с каждым днем и стонал от боли.

— И потому ты этим и занимаешься.

— Да. Донован поступил в юридический колледж по одной причине — хотел бороться с угольными компаниями на открытой большой арене. Я пошла на юридический по несколько другой — хотела помогать шахтерам и их семьям. Мы далеко не всегда выигрываем наши маленькие войны, Саманта, уж слишком силен и опасен наш враг. Лучшее, на что можно надеяться, — это отщипывать по небольшому кусочку, выигрывать хотя бы по одному делу за раз, пытаться хоть немного облегчить жизнь наших клиентов.

— Так ты берешь это дело?

Мэтти опустила в бокал соломинку, отпила глоток и пожала плечами.

— Ну разве можно им отказать?

— Нельзя.

— Все не так просто, Саманта. И мы не можем говорить «да» каждому заболевшему черными легкими. Их слишком много. Частные адвокаты не хотят связываться с ними, потому что заплатить эти люди могут только в самом конце, да и то если выиграют дело. А конца порой не видать. Дела, связанные с заболеванием пневмокониозом, могут тянуться годами — десять, пятнадцать, двадцать лет. И никак нельзя винить частного адвоката в том, что он отказывает этим людям, и многие дела перенаправляют нам. Да половина моей работы связана именно с такими делами, и если б я время от времени не отказывала, то не смогла бы заниматься другими клиентами. — Мэтти отпила еще глоток, заглянула Саманте прямо в

глаза. — Может, ты возьмешься?

— Не знаю. Хотелось бы помочь, просто не знаю, с чего начать.

— Да с того же, что и в других делах, верно?

Обе они заулыбались. Мэтти после паузы заметила:

— В том-то и проблема. На эти дела уходит слишком много времени, они тянутся годами, потому что угольные компании бьются просто насмерть, и все ресурсы у них есть. Так что время на их стороне. Шахтер рано или поздно все равно умрет, ведь эта болезнь неизлечима. Стоит угольной пыли попасть в легкие, и удалить ее оттуда или разрушить нет уже никакой возможности. И с каждым днем человеку становится все хуже и хуже. Угольные компании подкупают секретарей суда, и те сознательно с помощью разных уловок затягивают рассмотрение дел. И все процедуры становятся столь сложны и обременительны, что не только больной шахтер, но и его друзья и родственники теряют всякое терпение. Порой вообще отказываются от иска. Это одна из причин. Второй является запугивание адвокатов. Через несколько месяцев ты уедешь отсюда, вернешься в Нью-Йорк, и после тебя на столах останутся горы бумаг и документов. Подумай об этом, Саманта. У тебя есть сострадание к этим людям, ты наделена недюжинными способностями к этой работе, но надолго ты здесь не удержишься. Ты городская девушка и гордишься этим. И в том нет ничего плохого. Но подумай о том, как много недоделанной работы останется после твоего отъезда.

— Тоже верно.

— Я иду домой. Устала, к тому же Честер говорил, что готовить не придется, много еды осталось еще со вчера. Увидимся утром.

— Доброй ночи, Мэтти.

Еще долго после ее ухода Саманта сидела в плохо освещенной комнате и думала о Райзерах. И время от времени поглядывала на холщовые сумки, наполненные печальными историями борьбы этих людей за то, что должно было принадлежать им по праву. А рядом сидит она, здоровая и сильная, лицензированный юрист с неплохими мозгами и всеми возможностями оказать этим людям реальную помощь, постараться хоть как-то облегчить им жизнь.

Так чего ей бояться? Почему это вдруг она так оробела?

Гриль-бар в Брэйди закрывался в восемь. Она была голодна и решила немного прогуляться. Прошла мимо конторы Донована и увидела в окнах свет. Интересно было бы узнать, как продвигается подготовка к делу Тейтов, но она понимала: он слишком занят, чтоб тратить время на болтовню с ней. В баре она купила сандвич, вернулась в конференц-зал и

принялась аккуратно выкладывать содержимое холщовых сумок на стол.
Вот уже несколько недель ей не доводилось работать ночами.

Глава 19

В среду утром Саманта не пошла на работу, выехала из города на машине как раз в то время, когда начали курсировать школьные автобусы, что было не слишком хорошей идеей. Машины еле ползли по извилистой горной трассе, то и дело останавливались и ждали, пока невыспавшиеся десятилетние ребята, согнувшиеся под тяжестью толстых рюкзаков, не займут свои места в автобусе. После перевала она въехала в Кентукки, автобусы исчезли, но вместо них дороги загромодили грузовики с углем. Примерно через полтора часа она добралась наконец до маленького городка под названием Мэдисон в Западной Виргинии, а затем, согласно договоренности, остановилась у небольшой автозаправочной станции с поблекшей вывеской «Коноко». В задней части помещения сидел за столом Бадди Райзер, попивал кофе и читал газету. Он страшно обрадовался, увидев Саманту, и с гордостью представил ее одному из своих приятелей:

— Мой новый адвокат.

Она приняла это без комментариев и достала папку с документами, где лежала доверенность на ее имя, позволяющая получить все медицинские данные.

В 1997 году, перед тем как выдвинуть иск против «Лоунрок коул», Бадди прошел рутинное медицинское обследование. Рентген выявил у него небольшое уплотнение в правом легком. Врач был уверен, что опухоль доброкачественная, и оказался прав. Произвел двухчасовую операцию, удалил уплотнение и отправил Бадди и Мэйвис домой с хорошими новостями. Поскольку эта операция не имела никакого отношения к подаче иска с целью получения компенсации по пневмокониозу, о ней позже нигде не упоминалось. Но Мэтти считала необходимым собрать медицинские справки, вот и пришлось Саманте ехать в Мэдисон. И конечным пунктом ее назначения была клиника в Беркли, штат Западная Виргиния, городок с населением в двадцать тысяч человек.

Бадди прошел за ней к машине, и, когда они остались вдвоем, Саманта вежливо сообщила ему, что пока проводится только предварительное исследование. И решение о том, что он станет ее клиентом, еще не принято. Они просто рассмотрят все справки и документы. Бадди сказал, что все понимает, но почувствовал: им занялись всерьез. И очень болезненно воспринял бы отказ.

И вот она отправилась в Беркли, в часе езды через самое сердце

угольной страны, место, где велись активные открытые разработки. В воздухе висели целые тучи угольной пыли. И она не могла удержаться от мысли, что любой проезжающий здесь водитель может подхватить пневмокониоз. Она без особого труда отыскала клинику в Беркли, но пришлось немало побегать, прежде чем нашелся нужный человек — девушка, работавшая в регистратуре. Саманта заполнила бланки запросов, протянула ей доверенность, подписанную мистером Райзером, и стала ждать. Прошел час. Чтобы как-то убить время, она отсылала письма по электронной почте всем, кто только приходил в голову. Она сидела в тесном помещении без окон и вентиляции. Прошло еще полчаса. Наконец приоткрылась дверь, и санитар вкатил тележку. В ней лежала небольшая коробка, и Саманта с облегчением вздохнула. Возможно, понадобится не целая вечность, чтоб ознакомиться и с остальными документами.

Санитар сказал;

— Мистер Аарон Ф. Райзер, поступил пятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

— Да, то, что надо. Спасибо вам.

Санитар ушел, не произнеся ни слова. Саманта достала из коробки первую папку и вскоре целиком погрузилась в запутанный и обыденный мир больничной жизни. Выяснилось, что врач, писавший все эти отчеты, не знал, что его пациент был шахтером, и не искал признаков заболевания пневмокониозом. На ранних стадиях это заболевание вообще очень трудно выявить. И на тот момент, в августе девяносто седьмого, у Бадди были симптомы, но иска он еще не подавал. А потому врач ставил перед собой вполне простую задачу — удалить опухоль, убедиться, что она доброкачественная, потом защитить пациента и отправить его домой. И ничего особенного в этой операции, как и в пребывании Бадди в госпитале, отмечено не было.

Два года спустя, уже после того, как Бадди подал иск против компании, где утверждал, что страдает пневмокониозом, на сцене возникли бойкие юристы из «Каспер, Слейт» и принялись со всем тщанием прочесывать историю его болезней. Саманта прочла их первые письма к хирургу из Беркли. Им удалось откопать целую коллекцию предметных стекол 1997 года с образчиками легочной ткани. И они попросили врача отправить эти образчики двум любимым экспертам фирмы — доктору Фою из Балтимора и доктору Эйбердину из Чикаго. По неким непонятным причинам доктор Фой огорошил хирурга из Беркли следующим открытием: оказывается, в ткани отмечались все признаки заболевания пневмокониозом, или осложненным заболеванием черными легкими.

Поскольку хирург уже больше не занимался лечением Бадди, он с этой информацией не сделал ровным счетом ничего. А поскольку у Бадди не было в ту пору адвоката, никто не озаботился проверить эти заключения, которые теперь держала в руках Саманта.

Она глубоко вздохнула. Уселась в кресло и еще раз перечитала отчет. Получалось, что еще в начале 2000-х юристы из «Каспер, Слейт» знали от одного из своих же экспертов, что Бадди страдает пневмокониозом еще с 1997 года, но это не помешало им оспорить его иск в суде и выиграть дело.

Бадди не получил компенсации, вернулся на шахту, а юристы из «Каспер, Слейт» похоронили важнейшую улику.

Она снова обратилась к девушке из регистратуры, и та нехотя согласилась сделать несколько копий по полдоллара за страничку. И вот, проведя три часа в душной приемной госпиталя, Саманта вновь вышла на солнечный свет. И поспешила поскорее уехать отсюда. Минут пятнадцать она колесила по городу, но в конце концов все же нашла здание федерального суда, где семь лет тому назад Бадди Райзер представил свое дело судье. Единственным его адвокатом тогда была Мэйвис. По ту сторону зала этим двоим противостояла сплоченная фаланга дорогих юристов-«кастратов», которые денно и нощно трудились, вылавливая свою рыбку в мутных водах федеральной системы законов о заболевании черными легкими.

Едва Саманта вошла в пустой вестибюль здания, как ее бесцеремонно, с головы до пят, обыскали двое скучающих охранников. Едва ли не догола раздели. Указатель у лифтов привел ее в архив на втором этаже. Клерк, судя по всему штатный сотрудник, защищенный федеральными законами, в конце концов соизволил заметить ее и спросил, что ей надо. Саманта самым вежливым образом объяснила, что ей нужны материалы по черным легким. Мужчина нахмурился с таким видом, точно она совершила преступление. А затем достал пустые бланки и торопливо объяснил, как надо их правильно заполнить, чтобы получить доступ к таким файлам; к тому же от заявителя требовались две подписи. Пришлось ей уйти ни с чем.

Назавтра прямо с утра Саманта вновь встретилась с Бадди на автозаправочной станции в Мэдисоне. Он был в восторге от того, что видится со своим адвокатом вот уже третий день подряд, и познакомил ее с Визелем, парнем, которому принадлежала заправка.

— Из самого Нью-Йорка приехала, — с гордостью добавил Бадди, словно его случай был настолько важен, что требовал приезда талантливого юриста-тяжеловеса из самого сердца страны.

Они заполнили все бланки, как положено, Саманта распрощалась и

снова поехала в Беркли. Вооруженные охранники, столь тщательно охранявшие вестибюль здания суда в среду, по четвергам, очевидно, отправлялись на рыбалку. Не нашлось ни одного любителя обшарить и ощупать ее со всех сторон. Детектор металлоискателя был отключен. Более сообразительным террористам было достаточно лишь дожидаться четверга, чтобы, не встретив бдительных охранников, ворваться в здание суда и взорвать его.

Все тот же служитель архива внимательно просмотрел ее бланки — лишь напрасно потратил время, ища причину, по которой посетительнице можно было бы отказать. И не нашел к чему придраться. Она проследовала за ним в просторное помещение, все стены которого были уставлены металлическими шкафчиками, где хранились тысячи старых дел. Он нажал на какие-то кнопки на дисплее; загудели механизмы, шкафчики начали вращаться. Затем служитель выдвинул один ящик и достал четыре большие папки.

— Можете сесть за один из этих столов, — буркнул он.

Саманта поблагодарила его, выгрузила бумаги из своего портфеля, устроилась поуютнее, даже туфли сбросила.

Мэтти тоже расхаживала без туфель, когда Саманта в конце рабочего дня вернулась в центр. Все остальные уже разошлись по домам, и входная дверь была заперта. Они прошли в конференц-зал, где можно было поболтать, наблюдая за движением по Мейн-стрит. За все свои тридцать лет работы юристом и особенно за последние двадцать лет работы в центре Мэтти неоднократно доводилось сталкиваться лбами с парнями (это всегда были мужчины — никогда женщины) из «Каспер, Слейт». В работе этим юристам был присущ самый агрессивный стиль, иногда выходящий даже за рамки закона, и такое поведение можно было назвать неэтичным, а порой и просто преступным. Лет десять тому назад она предприняла экстремальные меры — осмелилась отправить жалобу на неэтичное поведение работников этой фирмы в ассоциацию адвокатов Виргинии. И два «кастрата» из «Каспер, Слейт» получили там выговор — ничего серьезного, а когда все закончилось, оказалось, что дело того не стоило. В отместку фирма выбрала ее своей мишенью, стремилась напакостить при каждом удобном случае и еще яростнее поливала грязью, защищая своих клиентов по делам, связанным с пневмокониозом. А в результате страдали ее клиенты, и теперь она сожалела, что бросила тогда этой фирме вызов. Она прекрасно знала доктора Фоя и доктора Эйбердина, этих известных и весьма квалифицированных ученых, которых уже много лет тому назад купили

угольные компании. Больницы, в которых они работали, получали от них миллионные гранты на исследования.

Словом, отрицательное отношение Мэтти к этой фирме было известно, и она очень удивилась, узнав об открытии Саманты. Она прочла копию заключения доктора Фоя, отправленную патологоанатому в Беркли. Как ни странно, ни Фой, ни Эйбердин не были упомянуты на слушаниях по делу Райзера. Медицинский отчет Фоя не был представлен; вместо этого юристы из «Каспер, Слейт» использовали целую армию других врачей, и ни один из них ни словом не упомянул об открытии доктора Фоя. Но, может, им все же сообщили об этом открытии?

— Маловероятно, — таким было заключение Мэтти. — Эти адвокаты известны тем, что умело скрывают улики, невыгодные угольной компании. Так что вполне логично было бы предположить, что оба эти врача видели образцы легочной ткани и пришли к однозначному выводу, что Бадди страдал осложненным пневмокониозом. Ну а юристы уничтожили их заключения и нашли других экспертов.

— Но как можно уничтожить заключение? — Этот вопрос мучил Саманту на протяжении многих часов.

— Да этим парням ничего не стоит. К тому же следует учесть, что процесс вел судья по административным вопросам, а не обычный федеральный судья. Это были слушания, а не суд. В настоящем судебном процессе существуют строгие правила касательно обнаружения и сокрытия улик. Но только не на слушаниях по черным легким. Тут правила более свободные, и эти парни недаром десятками лет оттачивали мастерство в сокрытии улик и манипулировании правилами и законами. И потом, примерно в половине случаев у шахтеров, подобных Бадди, нет адвокатов, так что о честной борьбе и речи быть не может.

— Это я понимаю, но скажи мне, каким образом юристам из «Лоунрок коул», которым стал известен тот факт, что эта болезнь у Бадди началась еще в 1997 году, удалось затем скрыть это с помощью других врачей, клявшихся под присягой, что он этой болезнью не страдает?

— Да они прожженные жулики, вот и вся хитрость.

— И мы ничего не можем с этим поделать? Нет, я не понимаю. Неужели нельзя засудить этих мошенников? Если они проделали это с Бадди Райзером, то наверняка и с тысячей других шахтеров.

— А мне казалось, ты не любишь судебные тяжбы.

— Вроде бы начала входить во вкус. Ведь это неправильно, несправедливо, Мэтти!

Мэтти улыбнулась при виде реакции Саманты. *А мы с ней мыслим и*

чувствуем одинаково.

— Нужны невероятные усилия, чтобы предпринять атаку на столь могущественную фирму, как «Каспер, Слейт».

— Да, я это тоже понимаю, но я совершенный профан в судебных тяжбах. Но мошенничество есть мошенничество, и в данном случае доказать это будет несложно. И разве доказательство мошенничества не влечет за собой штрафные убытки?^[18]

— Возможно, но ни одна здешняя юридическая фирма не захочет связываться с «Каспер, Слейт» напрямую. Это будет стоить целое состояние, займет долгие годы, и даже если вердикт будет вынесен в твою пользу, насладиться победой тебе не дадут. Помни, Саманта, здесь, в Западной Виргинии, выбирают свой собственный верховный суд, и сама понимаешь, кто вносит самый весомый вклад в предвыборную кампанию.

— Тогда иск против них надо подавать в федеральный суд.

Мэтти поразмыслила немного, затем сказала:

— Ну, не знаю. Я в таких процессах не эксперт. Тебе лучше посоветоваться с Донованом.

В дверь постучали, но женщины не сдвинулись с места. Шел седьмой час, на улице уже почти стемнело, и им не хотелось впускать неведомо кого. Человек постучал снова, затем ушел.

— Так с чего надо начать, чтоб подать иск на возмещение ущерба здоровью?

— Значит, все-таки берешься за это дело?

— Да. Просто не могу отступить теперь, узнав все это. Если ты поможешь, составлю иск, и в бой.

— Ладно. Первые шаги — тут все ясно и просто. Отправляешь иск и ждешь медицинского освидетельствования. Как только получишь заключение и убедишься, что все так, как мы и предполагали, придется подождать шесть месяцев, прежде чем поступит прямое указание на возмещение ущерба, кстати, теперь эта сумма составляет примерно тысячу двести долларов в месяц. Ну а затем «Лоунрок» подает апелляцию, тут-то и начнется настоящая война. Так обычно оно и бывает. Правда, в данном случае мы попросим суд рассмотреть это дело в свете новых свидетельств и затребуем пересмотра решения по первому иску. Возможно, и это дело тоже выиграем, и тогда «Лоунрок», несомненно, тоже подаст апелляцию.

— А мы можем пригрозить компании и ее адвокатам разоблачением?

Мэтти улыбнулась — этот вопрос показался ей забавным.

— Каким-то людям мы можем пригрозить, Саманта, поскольку являемся юристами и правда на нашей стороне. А других лучше оставить в

покое. Ведь наша цель — это выбить как можно больше денег для Бадди Райзера, а не устраивать крестовый поход против нечистых на руку адвокатов.

— Просто идеальное дело для Донована.

— Тогда спроси его. Кстати, он приглашал нас заглянуть, выпить по капельке. Закончил подготовку к процессу, присяжные получают материалы по делу завтра к полудню. Пока что, судя по его словам, все складывается в его пользу, и он чувствует себя уверено.

— Что ж, неудивительно.

Они пили виски, столпившись вокруг стола на втором этаже, в военной комнате. Пиджаки сняты, галстуки развязаны, лица усталые, но довольные. Донован познакомил Саманту со своим младшим братом Джеффом, а Вик Канцаро достал с полки еще два хрустальных стакана. Саманта не могла припомнить, чтобы когда-нибудь пила эту коричневатую жидкость неразбавленной. Ну, может, и случалось пару раз, на какой-нибудь бурной молодежной вечеринке, где смешивали все подряд, но она этого просто не замечала. Саманта предпочитала вино, пиво и мартини, крепкие напитки, особенно виски, были ей не по вкусу. Однако сегодня, похоже, выбора не было. Эти ребята пили виски «Джордж Дикель», неразбавленный и безо льда.

Напиток обжег ей губы и язык, жидким огнем разлился по пищеводу. Но когда Донован спросил: «Ну, как он вам?» — Саманта умудрилась выдавить улыбку и ответить: «Замечательно». Потом облизала губы с таким видом, точно в жизни не пробовала ничего вкуснее, хотя в этот момент ей больше всего на свете хотелось забежать в ванную и выблевать содержимое желудка в раковину.

Аннет оказалась права. Джефф был умен и вообще похож на старшего брата — такие же темные глаза и длинные непослушные волосы, хоть Донован и подровнял свои, готовясь предстать перед присяжными. Джефф был в пиджаке и галстуке, но при этом в джинсах и сапогах. Он не был юристом, опять же, если верить Аннет, его вышибли из колледжа. Но Мэтти утверждала, что он работает с Донованом и выполняет за него самую грязную работу.

Накануне Вик провел четыре часа на свидетельской трибуне и до сих пор со смехом вспоминал свою пикировку с адвокатами «Стрейхорн коул». Одна история сменяла другую. Мэтти спросила Джеффа:

— Ну, как тебе жюри присяжных?

— Все повязаны с компанией, — без колебаний ответил он. — Ну,

может, за одним исключением. Но мы в хорошей форме.

Тут вмешался Донован:

— После выступления последнего свидетеля они предложили полмиллиона баксов и мировую. Но мы послали их куда подальше.

— Бери деньги, идиот несчастный, — проворчал Вик.

— А ты бы как поступила, Мэтти? — спросил Донован.

— Ну, полмиллиона — это совсем немного за двух погибших мальчиков, но для округа Хоппер сумма огромная. Никто из членов жюри присяжных отроду таких денег не видывал, даже представить себе не могут, что они достанутся кому-то из таких же, как они.

— Так что, взять или бросить кости? — спросил Донован.

— Бери.

— А ты как думаешь, Джефф?

— Взял бы деньги.

— Саманта?

Она дышала ртом, пытаясь избавиться от жжения в пищеводе. Потом облизала губы и сказала:

— Ну, две недели тому назад я бы не смогла правильно написать слова «исковое заявление». А теперь вы спрашиваете моего совета, идти на мировую или нет?

— Да, у вас есть право голоса. Иначе не дадим вам больше виски.

— Да ради бога, и не надо! Я всего лишь мелкий юрист, дающий бесплатные советы, стою в самом низу этой пищевой цепочки. Так что схватила бы эти деньги и сбежала.

Донован отпил маленький глоток, улыбнулся и заметил:

— Итак, четверо против одного. Мне нравится такой расклад.

Раз не было единогласного решения, становилось ясно: этим процесс не закончится.

— А твое заключительное слово? — спросила Мэтти. — Мы можем его услышать?

— Ну, конечно, — ответил он. Вскочил на ноги, поправил галстук, поставил стакан на полку. А потом начал расхаживать вдоль длинного стола, поглядывая на аудиторию, как настоящий актер, ветеран сцены. Мэтти шепнула Саманте:

— Хочет потренироваться на нас, раз уж мы тут собрались.

Но вот он остановился, взглянул на Саманту и начал:

— Леди и джентльмены, члены жюри присяжных, эта куча денег уже не поможет вернуть Эдди и Брэндона Тейт. Их нет с нами вот уже девятнадцать месяцев, и жизнь у них отняли люди, работающие на

«Стрейхорн коул». Но в таких случаях мы обычно измеряем причиненный ущерб лишь деньгами. В твердой валюте, как гласит закон. И теперь вам решать, сколько именно стоят эти две жизни. Так что начнем с Брэндона, младшего брата, хрупкого маленького мальчика, которому было всего восемь лет и который родился семимесячным. Он научился читать в четыре года, очень любил свой компьютер, который, кстати, лежал под кроватью, когда на дом обрушился валун весом в шесть тонн. И компьютер тоже был раздавлен и уничтожен, как и Брэндон.

Донован говорил со всей страстью, но спокойно и убедительно. Искренне, без всяких подспудных намеков и претензий на искренность. Он говорил не по бумажке, да ему и не нужны были никакие подсказки. Саманта впитывала каждое его слово и отдала бы ему любую сумму, какую бы он ни попросил. Он неспешно расхаживал взад и вперед, был убедителен и полностью владел собой. В какой-то момент Мэтти вдруг встала:

— Возражаю, это не имеет отношения к делу.

Все вздрогнули. Донован рассмеялся и заметил:

— Прошу прощения, ваша честь. Я хотел бы попросить жюри не принимать во внимание все, что я только что сказал. Что, разумеется, невозможно, и именно по этой причине я это и говорил.

— Возражаю, — повторила Мэтти.

Он не использовал лишних слов, гипербол, цветистых цитат из Библии или Шекспира, не проявлял эмоций, лишь деликатно подчеркивал каждый аргумент в пользу своего клиента и против этой одиозной компании, и все получалось у него естественно, просто и убедительно. Он предлагал выплатить компенсацию в размере миллиона долларов за каждого ребенка, плюс еще один миллион за моральный ущерб. Итого получалось три миллиона долларов — сумма просто огромная, как для него, так и для любого члена жюри, но всего лишь капля в том море денег, которые зарабатывала «Стрейхорн коул». В прошлом году доход компании составлял 14 миллионов долларов в неделю.

Когда Донован закончил, это жюри присяжных было у него в кармане. С настоящим же все будет обстоять куда сложнее. Вик разлил виски по стаканам, Донован попросил присутствующих высказать замечания по заключительному слову. Он сказал, что просидел всю ночь, перечитывая его. А потом заметил, что виски весьма поспособствовал креативному мышлению и что лучшими финальными аргументами он обязан именно этому напитку. Мэтти сказала, что три миллиона — это многовато. В больших городах сошло бы, но только не в округе Ноланд или Хоппер. Она

напомнила ему, что ни в одном из этих округов никогда не выносился вердикт, где фигурировала бы сумма в миллион долларов, в ответ на что Донован заметил, что все когда-то случается в первый раз. И потом, до сих пор никому еще не удавалось составить столь убедительную подборку фактов, которые он так умело и четко представил на рассмотрение присяжных.

Маятник продолжал раскачиваться взад-вперед. Саманта извинилась и вышла в ванную комнату. Вылила содержимое своего стакана в раковину, от души надеясь, что ей никогда больше не придется пить эту гадость. Потом вернулась в комнату, пожелала всем доброй ночи, а Доновану — удачи и успеха и поехала в мотель «Старлайт», где наслаждалась обретенным комфортом семья Букер. Она приехала не с пустыми руками — привезла ребятишкам печенье, а Памеле — два женских романа. Потом Мэнди и Тревора усадили делать уроки, а женщины вышли на улицу и, прислонившись к капоту «форда» Саманты, стали обсуждать дела. Памела радостно сообщила, что подруга нашла ей маленькую квартиру в Колтоне за 400 долларов в месяц. Детям нельзя отставать от своих сверстников в школе, а потому, проведя в мотеле три дня и три ночи, она была готова переехать. Они решили отправиться туда завтра прямо с утра, по дороге завезти детей в школу, а потом посмотреть квартиру. Машину поведет Саманта.

Глава 20

Проведя две недели в Брэйди и вот уже три недели вне «Скалли энд Першинг», Саманта как следует отоспалась и решила вернуться к своему обычному порядку дня. В пятницу в пять утра она пила кофе в постели и просматривала трехстраничные заметки по делу Бадди Райзера, его черным легким и отвратительной политике «Каспер, Слейт», лишившей его всех положенных выплат. В шесть утра она отправила эти заметки электронной почтой Мэтти, Доновану и отцу. Особенно интересовала ее реакция Маршала Кофера.

Доновану в тот день было не до ее заметок. Начинался серьезный процесс, и ей не хотелось отвлекать его. Однако она все же надеялась, что он хотя бы в уик-энд найдет время прочесть о мистере Райзере и выскажет ей свои соображения. Через десять минут она получила эти соображения по электронной почте. Он писал: «Я сражался с этими подонками не на жизнь, а на смерть на протяжении двенадцати лет. И ненавижу их всеми фибрами души. И в мечтах часто представлял огромный зал заседаний, где рассматривается дело „кастратов“ и где в качестве обличителя всех их грехов буду выступать я. Мне очень нравится это дело! Поговорим позже. Вперед, на войну в Колтон! Будет весело!!!»

Она ответила: «Надеюсь. Удачи вам».

В семь часов Саманта поехала в мотель «Старлайт», чтобы забрать семейство Букер. Мэнди и Тревор были одеты в самые нарядные свои костюмчики и горели желанием поскорее вернуться в школу. Саманта вела машину, они поедали привезенные ею пончики и болтали без умолку. И снова граница между адвокатской практикой и социальной деятельностью была размыта, но Саманту это несколько не смущало. Ведь Мэтти не раз говорила, что их работа не сводится лишь к оказанию бесплатной юридической помощи. Они часто консультировали всех желающих по вопросам семьи и брака, помогали договориться, кто будет по очереди отвозить детей в школу, обменивались кулинарными рецептами, искали людям работу, частных преподавателей, занимались поиском квартир и нянек для малолетних детишек, давали финансовые советы. Любимой присказкой Мэтти было: «Наша работа измеряется не часами, а клиентами».

Доехав до школы в Колтоне, Саманта осталась ждать в машине, а Памела зашла туда вместе с детьми — хотела поздороваться с учителями и

объяснить ситуацию. Но Саманта ежедневно посылала им электронные сообщения, так что они были в курсе и сочувствовали Букерам от всей души.

Благополучно отправив детей в школу, Саманта с Памелой провели следующие два часа, изучая довольно широкий выбор съемных квартир в Колтоне и его окрестностях. Квартира, которую нашла подруга Памелы, находилась всего в нескольких кварталах от школы и располагалась в одном из четырех частично перестроенных зданий, где прежде были офисы. Довольно чистенькая квартирка с несколькими самыми необходимыми предметами мебели, что было важно, поскольку своей у Памелы не было. Арендная плата составляла 400 долларов в месяц — вполне разумная цена с учетом всех обстоятельств. Уже уходя, Памела заметила без особого энтузиазма:

— Думаю, мы могли бы жить и здесь.

Денег из особого фонда Мэтти хватило бы только на пару месяцев, но Саманта не стала говорить об этом. Просто подчеркнула, что с деньгами в центре туго и что Памеле надо как можно скорее найти работу. День слушаний по ее делу еще не был назначен, никаких сообщений от ответчика, «Топ маркет солюшн», Саманта пока не получила. Она уже дважды звонила на электроламповую фабрику — убедиться, что мистер Симмонс по-прежнему готов пойти навстречу и что Памела вернется туда, как только решение суда будет аннулировано. Перспективы найти какую-то другую работу в округе Хоппер были весьма туманны.

Саманте никогда не доводилось бывать внутри трейлера, она и не думала, что когда-нибудь зайдет в этот дом на колесах, но в двух милях к востоку от города, в самом конце гравиевой дороги ей вдруг представилась такая возможность. Трейлер оказался довольно симпатичным, хорошо обставленным и чистым, и его аренда стоила всего 550 долларов в месяц. Памела призналась, что выросла в трейлере, как и многие ее друзья, и очень ценила приватность такого жилища. Поначалу Саманте показалось, что там тесновато, но затем, пройдя по всем помещениям, она убедилась, что видела и более тесные квартирki на Манхэттене.

Осмотрели они и небольшой двухквартирный дом на холме с видом на город, но соседи производили крайне неприятное впечатление. Был отдельный свободный дом в самом неблагополучном районе города. Они осмотрели его с улицы и не стали выходить из машины. На этом поиски приостановились, женщины решили выпить по чашке кофе в центре города, неподалеку от здания суда. Саманта с трудом подавила искушение перейти через улицу, пробраться в зал, устроиться где-нибудь в заднем ряду

и посмотреть, как Донован выступает перед жюри присяжных. Двое мужчин из местных за соседним столиком только и говорили, что о процессе. Один сказал, что пришел в 8.30 и народу в зале было уже битком, ни одного свободного места. По его мнению, это был «самый важный и громкий процесс, который когда-либо проводился в Колтоне».

— А что за дело там рассматривается? — вежливо спросила Саманта.

— Как, вы не знаете о деле Тейтов? — изумился мужчина.

— Извините, нет, не слышала. Я не из местных.

— О господи! — Он покачал головой и отмахнулся от нее. Тут ему принесли блинчики, и он потерял всякий интерес к обсуждению этого дела. Видно, слишком много знал, чтобы пересказать все вкратце незнакомке.

В Колтоне у Памелы жила подруга, и она хотела с ней повидаться. Саманта оставила ее в кафе, а сама поехала в Брэйди. И едва успела войти в центр, как к ней подбежала Мэтти со словами:

— Только что получила сообщение от Джеффа. Донован не согласился на мировую, и присяжные удалились на совещание. Давай возьмем по сэндвичу, махнем туда и поедем прямо в машине.

— Я только что оттуда, — сказала Саманта. — Мест в зале нет.

— Откуда знаешь?

— У меня свои источники.

И им снова пришлось есть сэндвичи в конференц-зале в компании с Клодель, и все они страшно нервничали и ждали новых сообщений. Но информации все не было, и они разошлись по своим кабинетам, где снова томились в ожидании.

Ровно в 13.00 дня явилась миссис Фрэнсин Крамп для подписания нового завещания. Могло показаться странным, что женщина, владеющая землей стоимостью минимум 200 000 долларов, экономит какие-то центы, но истина заключалась в том, что у нее не было ничего, кроме этой земли (и находившегося в ней угля). Саманта успела связаться с «Маунтин траст», хорошо зарекомендовавшей себя группой, которая специализировалась на взятии земель на баланс и их сохранении. Согласно незамысловатому завещанию миссис Крамп, она оставляла свои восемьдесят акров «Маунтин траст» и лишала прав наследства всех своих пятерых взрослых детей. Саманта зачитала ей проект завещания и объяснила все по пунктам. И тут Фрэнсин расплакалась. Одно дело твердить о том, что она хочет «отсечь детей», и совсем другое — видеть эти слова на бумаге. Саманта уже заволновалась, что и сегодня завещание не будет подписано. Чтоб его признали действительным, сама Фрэнсин должна быть признана «юридически компетентной» и осознающей свои действия. А тут она вдруг

заволновалась и смотрела неуверенно. Да, ей за восемьдесят, здоровье ее только ухудшается, долго ей не протянуть. И ее дети наверняка оспорят это завещание. Но поскольку они не смогут доказать, что «Маунтин траст» как-то повлияла на решение их матери, они зайдут с другого конца и попытаются оспорить завещание на том основании, что Фрэнсин, составляя и подписывая его, была, как говорится, «не в себе». И тогда Саманта окажется в самой гуще этих некрасивых семейных разборок.

Для верности она призвала на помощь Аннет и Мэтти. Эти женщины были ветеранами своего дела, им доводилось видеть и не такое. Они остались наедине с Фрэнсин на несколько минут и болтали с ней о том о сем, пока старушка не успокоилась и не перестала лить слезы. Аннет расспрашивала ее о детях и внуках, но от этого настроение у миссис Крамп не улучшилось. Она сказала, что видит их крайне редко. Все они о ней позабыли. А ведь внуки растут, и быстро, а она этого не видит. Тогда Мэтти объяснила ей, что, когда она умрет и дети узнают, что она завещала землю «Маунтин траст», начнутся неприятности. Они наверняка наймут адвоката и попытаются оспорить завещание. Хочет ли она этого?

Но Фрэнсин твердо стояла на своем. Она злилась на своих соседей за то, что они решили продать свою землю угольной компании, и была намерена защитить свои владения от этой печальной участи. Она не доверяла своим детям, была уверена, что те постараются поскорее продать землю и получить наличные. Наконец она успокоилась, подписала завещание, и три юриста это засвидетельствовали. Они также подписали письменные показания о том, что завещание было составлено и подписано клиентом «в здравом уме и твердой памяти». А когда старушка ушла, Мэтти сказала:

— Скоро нам предстоит иметь дело с родственниками.

Два часа дня — и все еще никаких известий из зала суда в Колтоне. Саманта сказала Мэтти, что ей надо забрать семейство Букер. Мэтти тотчас вскочила, и обе женщины бросились к машине.

Донован убивал время, сидя в беседке за уродливым зданием суда. Он расположился на скамье и разговаривал с Лайзой Тейт, матерью погибших мальчиков и своей подзащитной. Джефф слонялся поблизости, нервно курил сигару и болтал по телефону.

Донован познакомил Саманту и Мэтти с Лайзой, не преминул заметить, как стойко она держалась во время предыдущего пятидневного процесса. Присяжные все еще заседают, обдумывают решение, сообщил он и указал на окна второго этажа.

— Там у них комната для совещаний, — добавил он. — Ломают головы вот уже три часа.

— Мне страшно жаль, что это произошло с вашими мальчиками, Лайза, — сказала Мэтти. — Ужасная, бессмысленная трагедия.

— Спасибо, — тихо ответила женщина, но не выказала желания продолжить разговор на эту тему.

— Ну и как заключительная речь? — спросила Саманта Донована, чтобы заполнить неловкую паузу.

Тот улыбнулся улыбкой победителя.

— Наверное, лучшая из трех последних. Довел их до слез, верно, Лайза?

Та кивнула:

— Да, очень трогательная была речь.

Джефф закончил разговор по телефону и подошел к ним.

— Почему так долго? — спросил он Донована.

— Успокойся. Им подали шикарный ленч за счет округа. Ну а теперь они изучают доказательства. Я бы дал им еще один час.

— А потом что? — спросила Мэтти.

— А потом грандиозный вердикт, — с улыбкой ответил он. — Рекордный для округа Хоппер.

— Когда присяжные удалились на совещание, — сказал Джефф, — «Стрейхорн» предложила 900 000 долларов. И наш Перри Мейсон^[19] сказал «нет».

Донован с усмешкой покосился на брата, словно хотел сказать: «А ты как думал? Наберись терпения, еще не то будет».

Саманту поразило безрассудное решение Донована. Его клиенткой была бедная женщина, малообразованная и с туманными перспективами на будущее. Ее муж сидел в тюрьме за торговлю наркотиками. Она с двумя сыновьями жила в маленьком трейлере в горах, когда произошла эта трагедия. И вот теперь осталась одна со своим иском. Она могла бы прямо сейчас уйти с полумиллионом долларов наличными — таких денег она даже во сне не видела. Но ее адвокат сказал «нет» и снова бросил кости. Ослепленный своей мечтой о нескольких миллионах, он со смехом отвергал шанс получить более чем приличную сумму. А что, если жюри присяжных пойдет в неверном направлении и скажет «нет»? Что, если угольной компании удастся через своих адвокатов найти какую-то лазейку и выпутаться?

Саманта с ужасом представила, как Лайза Тейт выходит из зала заседаний с пустыми руками, не получив ровным счетом ничего за гибель

своих маленьких мальчиков. А Доновану, похоже, плевать, продолжает петушиться. И в этой маленькой группе поддержки он самый спокойный человек. Ее отец всегда говорил: адвокаты, выступающие на процессах, — это особая порода. Они умудряются ходить по тонкой проволоке, на грани между огромным успехом и катастрофическим провалом, и самые выдающиеся из них не боятся рискнуть.

Мэтти с Самантой не могли остаться. Их ждали Букеры. Они попрощались, и Донован пригласил их зайти вечером к нему в контору и отпраздновать там успех.

Памела Букер остановила выбор на трейлере. Уже переговорила с владельцем и сбила цену до 500 долларов в месяц, пообещав арендовать это жилье на пол года. Мэтти сказала, что центр может оплатить только три месяца, а потом ей придется как-то выкручиваться самой. Они забрали ребятишек из школы, Памела рассказала им о новом доме, и они все вместе отправились посмотреть на него.

Звонок поступил в 5.30 вечера. Новости были потрясающие. Донован получил свой миллионный вердикт — точнее, три миллиона, ровно столько, сколько просил назначить в виде компенсации. По миллиону за каждого ребенка, плюс миллион за моральный ущерб. Просто неслыханный вердикт в этих краях. Джефф сказал Мэтти, что, когда зачитывался вердикт, народу в зале было по-прежнему полно и все приветствовали решение суда стоя бурными аплодисментами.

Саманта сидела в конференц-зале с Мэтти и Аннет, все трое были в восторге. Они кричали, размахивали руками, возбужденно переговаривались, мечтали, что и их маленькая фирма когда-нибудь добьется столь же грандиозного успеха. Это был не первый миллионный вердикт Донована — до этого ему удалось выиграть еще два, один в Западной Виргинии, другой — в Кентукки, в обоих случаях рассматривались дела об автомобильных авариях с участием грузовиков, перевозящих уголь, но здесь фигурировала самая крупная сумма. Они были счастливы, словно опьянели от радости, и ни одна из них не знала, чему радоваться больше — столь оглушительной победе или тому, что Донован не подвел, не провалился. Впрочем, теперь было неважно.

Так вот что такое судебная тяжба, подумала Саманта. Вроде бы она начала понимать. Это вызов, адреналин, это наркотик, который гонит вперед и заставляет адвокатов балансировать на грани. Это азарт, заставивший Донована отказаться от внушительной суммы денег, выложенной прямо перед ним на стол. Это переизбыток тестостерона, побуждающий людей, подобных ее отцу, мотаться по всему миру в поисках

громких дел.

Мэтти заявила, что они должны устроить грандиозную вечеринку. Позвонила Честеру и попросила его немедленно включиться на полную катушку: бургеры на гриле на заднем дворе, начать с шампанского, закончить пивом. Сколь ни удивительно, через два часа вечеринка действительно началась, хотя на улице было уже довольно прохладно. Донован вел себя скромно, как и положено истинному победителю, сдержанно принимал поздравления, отдавал должное своей клиентке. Лайза тоже была, пришла одна. Помимо хозяев и Саманты, в празднике приняли участие Аннет с Ким и Адамом, Барб с мужем Вилтом, Клодель — тоже с мужем, Вик Канцаро со своей девушкой и Джефф.

Мэтти подняла бокал и произнесла тост:

— В нашем деле победы редки, так что давайте в полной мере насладимся моментом триумфа, победой добра над злом, ну и все такое прочее. И выпьем все эти три бутылки шампанского! Ура!

Саманта сидела в плетеном гамаке на крыльце и болтала с Ким, когда подошел Джефф и спросил, не хочет ли она добавки. Она хотела, и он забрал ее пустой бокал. А потом вернулся, нашел рядом с ней свободное местечко, и Саманта пригласила его присесть. Было очень уютно. Ким надоело болтать, и она ушла. Воздух был прохладен, но шампанское согревало.

Глава 21

Ее второй полет на «сессне» оказался не столь захватывающим, как первый. Вначале пришлось почти час дожидаться летной погоды на маленьком аэродроме округа Ноланд. Возможно, им следовало подождать подольше. В какой-то момент Донован даже заметил, что неплохо было бы вообще отложить полет. И Джефф, тоже пилот, уже было согласился с ним, но потом заметил впереди маленький голубой просвет среди облаков и подумал, что они как-нибудь справятся. Видя, как тщательно они изучают экран с прогнозом погоды в терминале, удрученно качают головами и рассуждают о «турбулентности», Саманта в глубине души надеялась, что полет все-таки отменят. Но этого не случилось. Они поднялись прямо в облака, и первые десять минут Саманте казалось, что ее вот-вот вырвет.

— Держитесь! — крикнул Донован с переднего сиденья, когда маленький самолет начало швырять из стороны в сторону.

Держаться? Но за что именно? Она сидела на заднем сиденье, слишком тесном даже для нее. Ее унизили, пересадили во «второй класс», и она поклялась, что никогда больше не полетит с Донованом. Капли дождя били в стекло, как пули.

На высоте шести тысяч футов облака почти рассеялись, и жуткая тряска прекратилась. Оба сидевших впереди пилота заметно расслабились. У всех были надеты наушники, и Саманта, начавшая дышать нормально, слушала радио. Их «сессну» вели диспетчеры из вашингтонского отделения контроля за воздушным движением, и на той же частоте находились еще как минимум четыре самолета. Все возбужденно обсуждали погоду, пилоты просили сообщить им самые последние изменения в летных условиях. Но вскоре Саманте наскучило это слушать, а «сессна» меж тем продолжала плыть над облаками. И внизу ничего не было видно. Прошел час, и она задремала.

Через два часа пятнадцать минут после вылета из Брэйди они приземлились в маленьком аэропорту в Манассасе, штат Виргиния. Там они взяли напрокат машину, купили пакет тако^[20] и ровно в час дня прибыли в новый офис «Кофер групп» в Александрии. Маршал встретил их очень тепло, извинился за скудость обстановки и отсутствие сотрудников — суббота как-никак.

Маршал был страшно рад видеть дочь, особенно с учетом новых обстоятельств. Ведь она приехала в компании с известным адвокатом и,

похоже, была искренне заинтересована в подаче многообещающего судебного иска против плохих парней. Он счел, что две недели, проведенные в угольной стране, пошли его Саманте на пользу. Она преобразилась. А сам он все эти годы напрасно пытался пробудить в ней столь искренний интерес к настоящей адвокатской работе.

Поболтав немного о разных пустяках, Маршал сказал Доновану:

— Поздравляю с победой. Добиться такого вердикта в этих краях совсем не просто.

Саманта не говорила отцу о вердикте по делу Тейтов. Два раза отправляла ему электронные сообщения, договариваясь об этой встрече, но ни словом не упомянула о судебном процессе.

— Спасибо, — ответил Донован. — Тиснули пару строк о нем в газете Роаноке. Вы, наверное, там о нем и прочитали.

— Нет, пропустил, — сказал Маршал. — Просто мы мониторим множество процессов в Интернете. Ваша история появилась там вчера поздно вечером, и я прочитал короткий отчет. Но факты, надо сказать, впечатляют.

Они уселись за квадратный стол с букетом живых цветов в центре и серебряным подносом с кофейными принадлежностями. Маршал был одет как всегда элегантно — в кашемировый свитер и слаксы. На спутниках Саманты были джинсы и старые ветровки. Саманта тоже была в джинсах и свитере.

Донован еще раз поблагодарил и принялся отвечать на вопросы Маршала. Джефф молчал и внимательно слушал, время от времени обмениваясь с Самантой взглядами. Она снова разлила кофе по чашкам и заметила:

— Наверное, нам уже пора.

— Хорошо, — кивнул Маршал и отпил глоток. — Но сколько мне можно узнать?

— Пока нет ничего нового, — ответила Саманта. — Я только начала копать. Как только мы узнаем больше, а я уверена, что узнаем, тут же отправлю иск о возмещении ущерба моему клиенту, заболевшему пневмокониозом.

— У «Каспер, Слейт» отвратительная репутация, — заметил Маршал.

— Они честно ее заработали, — вставил Донован. — Сам с ними сражался долгое время.

— Ознакомьте меня с этим иском. И с тактикой, если возможно.

Донован вздохнул и покосился на Саманту. А потом сказал:

— Федеральный суд, возможно, в Кентукки. Или же в Западной

Виргинии. Ну уж определенно не в столице штата Виргиния, потому что у них там все схвачено. Пострадавший один, Бадди Райзер, а иск будет направлен против «Каспер, Слейт» и «Лоунрок коул». Мы предъявим им обвинение в мошенничестве и заговоре, возможно, еще и в рэкрете, и будем требовать возмещения штрафных убытков. Дело ясное и простое, как апельсин. На данный момент капитализация «Лоунрок коул» оценивается в шесть миллиардов долларов, к тому же они застрахованы под завязку. «Каспер, Слейт» — частная компания, и сколько она стоит, мы не знаем, но выясним. И пока будем копать, надеемся, что нароем и другие аналогичные случаи. Чем больше, тем лучше. Но если даже и нет, то всегда будем готовы передать дело Бадди Райзера на рассмотрение жюри присяжных и потребуем целое состояние в качестве возмещения ущерба.

Маршал кивнул, соглашаясь, словно сам проделывал это тысячи раз.

Донован умолк и спросил:

— Ну а вы что скажете?

— В целом согласен. Звучит убедительно, особенно если удастся доказать факты мошенничества и они не придумают, как отвертеться. Все выглядит законно и обоснованно. Ну и участие жюри присяжных только на руку. Вообще блестяще задумано. Коррупционная юридическая контора, где полно высокооплачиваемых адвокатов, которые скрывают улики, чтобы лишить бедняка, больного шахтера положенных ему жалких выплат. Вау! Не иск, а просто мечта любого судебного адвоката. Дело ясное и даже благородное, с огромным выигрышным потенциалом. — Он умолк, отпил маленький глоток кофе, затем продолжил: — Но прежде всего вам следует подумать вот о чем, Донован. Вы работаете один, почти без помощников, без штата и, скажем так, обладаете весьма ограниченными ресурсами. Рассмотрение может затянуться лет на пять, и все это дело обойдется вам миллиона в два, это как минимум.

— Один миллион, — заметил Донован.

— Прибавьте два и поделите. Полтора миллиона. Для вас, думаю, дороговато.

— Это так, мистер Кофер, но у меня есть друзья.

— Вперед, в компании с Маршалом. Я правильно понимаю?

— Само собой, Маршал. В Западной Виргинии есть две юридические фирмы, еще две — в Кентукки, я с ними сотрудничаю. Мы часто скидываемся, в плане денежных средств и источников, распределяем работу между собой. Нет, конечно, я понимаю, что риск велик. Вот почему мы здесь.

Маршал пожал плечами, усмехнулся и сказал:

— Как раз по адресу. Воевать в судах — это мое дело. Я консультируюсь с адвокатами и людьми, дающими деньги для старта. Выступаю устроителем встреч между парнями с бабками и парнями, ведущими судебные тяжбы.

— Так вы сможете выбить один-два миллиона в качестве расходов на подготовку и ведение дела?

— Не вопрос. Вот только планка несколько занижена. По большей части для моей работы требуется где-то между десятью и пятьюдесятью миллионами. А два лимона — это запросто.

— И сколько это будет стоить нам, юристам?

— Ну, все зависит от фонда. Самое замечательное в этом иске то, что он обойдется миллиона в два, а не в тридцать. Чем меньше расходов, тем выше заработок. Полагаю, вы сможете получить где-то пятьдесят процентов от суммы возмещения.

— Никогда не просил пятьдесят процентов.

— Тогда добро пожаловать в большую лигу, Донован. В наши дни за ведение крупных процессов адвокаты меньше пятидесяти процентов не получают. Да и почему бы нет? Ты берешь на себя все риски, проделываешь огромную работу, выбиваешь из ответчиков огромные деньги. Да положительный вердикт — это все равно что золотой дождь, пролившийся на голову такого клиента, как Бадди Райзер. Бедняга пытался выбить себе какую-то жалкую тысячу в месяц. Так добудь ему несколько миллионов, и парень будет счастлив до посинения.

— Ладно, подумаю об этом. Просто никогда не брал больше сорока.

— И потом, это может затруднить поиски спонсорского фонда, если мы потребуем меньше пятидесяти. Так уж все устроено. Ладно, с деньгами вроде бы разобрались. Как насчет людей? «Каспер, Слейт» выставит против вас целую армию адвокатов, самых лучших и умных, самых подлых и изворотливых. И если вы считаете, что они лгут сейчас, можете представить, что начнется, когда под угрозой окажутся их собственные головы? На какие ухищрения они пойдут, чтоб спрятать свое грязное белье? Начнется просто грандиозная война, такую не часто увидишь, Донован.

— А вы сами когда-нибудь судились с юридической фирмой?

— Нет. Был слишком занят, привлекая к суду авиакомпанию. И поверьте мне, они тоже крепкие орешки.

— Ну а какое самое крупное дело удалось выиграть?

Саманта едва сдержалась, чтоб не сказать: «Хватит, перестаньте». Только этого сейчас не хватало — чтобы Маршал Кофер принялся

рассказывать историю своих сражений и побед. Но вот он без всяких колебаний, сверкнув улыбкой, сказал:

— В тысяча девятьсот восемьдесят втором году в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико, содрал с «Браниф»^[21] сорок миллионов долларов. Процесс занял семь недель.

Саманту так и подмывало спросить: «Все это, конечно, прекрасно, папочка, но, может, расскажешь, по каким офшорам ты прятал деньги, чтобы мама о них никогда не узнала?»

А Маршал между тем продолжал:

— Я был главным адвокатом, но всего нас было четверо, и мы вкалывали не покладая рук. Просто хочу сказать, Донован, вам понадобится высококласная профессиональная помощь. К тому же фонд, перед тем как выделить деньги, будет очень тщательно проверять вашу команду.

— Команда, подготовка, даже сам процесс — все это мало меня беспокоит, — заметил Донован. — Я всю свою жизнь мечтал о подобном процессе. И все адвокаты, которых я собираюсь задействовать, ветераны своего дела, к тому же прекрасно знакомы с местными условиями. Это наша песочница. И членами жюри присяжных тоже будут наши люди. И остается надеяться, что судья не поддастся давлению со стороны ответчиков, будет выше этого. И что при подаче апелляции дело попадет в руки федеральных судей, а не тех, кто выбран от штата при активной поддержке угольных компаний.

— Это я понимаю, — протянул Маршал.

— Однако вы не ответили на вопрос, — резко, почти грубо заметил Джефф. — Сколько мы должны отдать в обмен на получение средств из фонда?

Маршал окинул его недружелюбным взглядом, затем привычно улыбнулся и сказал:

— Все решаемо. Торг вполне уместен. Это моя работа — организовать сделку, но должен предупредить: по моим прикидкам, фонд, который я имею в виду, запросит четвертую часть от доходов адвокатов. Сами понимаете, невозможно предсказать, как поведет себя жюри присяжных, а потому невозможно предсказать, сколько получают адвокаты. Если присяжные определяют сумму возмещения, скажем, в десять миллионов, а расходы составят два, тогда вы поровну поделите восемь со своим клиентом. Он получает четыре миллиона, вы тоже четыре. Фонд забирает четвертую часть этой суммы, вам достается все остальное. Не слишком выгодная сделка для фонда, но лучше хоть что-то, чем ничего. И вы при

своих пятидесяти процентах. Так что, думаю, нет нужды, ребята, объяснять вам, что, чем выше будет сумма возмещения, тем лучше. Лично я считаю, что десять лимонов — это маловато. Прямо так и вижу, как возмущены деятельностью «Каспер, Слейт» и «Лоунрок коул» присяжные, как они жаждут крови этих мерзавцев.

То, что он говорил, звучало вполне убедительно, и Саманта напомнила себе, что однажды отец получил от присяжных просто огромную сумму.

— И кто же эти люди? — спросил Донован.

— Инвесторы, разные другие фонды, в том числе хеджевые, владельцы частного капитала, да кто угодно. Среди них поразительно много выходцев из Азии — поняли, насколько выгодная это игра. Они просто обалдевают при виде нашей системы гражданских правонарушений и одновременно очарованы ею. И еще им все время кажется, что они что-то упускают из виду. Есть у меня несколько знакомых адвокатов, удалившихся на покой и сколотивших в свое время немалые состояния. Они чувствуют себя в тяжбах, как рыба в воде, не боятся рисков. Так что вполне пригодны для этого дела.

Донован смотрел неуверенно.

— Извините, — сказал он. — Но все это для меня внове. Я, конечно, слышал о таких фондах, но никогда не имел с ними дел.

— Обычный старомодный капитализм, — пояснил Маршал, — но для нас в самый раз. Теперь адвокат, защищающий интересы истца и не имеющий своих денег, вполне может выступить против корпоративных мошенников и выйти из этого боя победителем.

— Но они предварительно знакомятся с делом и прикидывают, каков может быть исход?

— Вообще-то это моя работа. Я консультируюсь с обеими сторонами — и с фондом, и с главным юристом процесса. И, опираясь на то, что говорила мне Саманта, а также просмотрев соответствующие материалы, и особенно учитывая вашу возросшую репутацию, не сомневаюсь, что смогу рекомендовать заняться этим делом одному из своих фондов. Получить одобрение на выдачу одного-двух миллионов можно в короткий срок, и вы, как говорится, в деле.

Донован взглянул на Джеффа, тот, в свою очередь, покосился на Маршала и спросил:

— А вы, будучи в лучшей своей форме, взяли бы за это дело, мистер Кофер?

— Даже и глазом бы не моргнул. У крупных юридических фирм обычно самые паршивые защитники, особенно если поймать их с

поличным.

Донован спросил Саманту:

— Как думаете, сам Бадди Райзер готов к такому процессу?

— Понятия не имею, — ответила она. — Все, что он хочет, это получить положенные ему выплаты за прошлое и настоящее. Мы еще не обсуждали с ним такой иск. Вообще-то он даже не знает о том, что я накопила в его медицинских отчетах. Хотела встретиться и поговорить с ним об этом на следующей неделе.

— Ну а что подсказывает ваш внутренний голос?

— Как он может подсказывать что-то, о чем я не знаю?

— Так да или нет?

— Да. Он боец.

Они прошли по улице до спортивного паба с пятью телевизионными экранами — на всех демонстрировался бейсбольный матч с участием команды местного колледжа. Донован когда-то играл за Виргинский технологический, а потому был самым рьяным фанатом из всех и с интересом следил за счетом. Они заказали пиво и подошли к столику. Официант принес и поставил перед каждым по высокой кружке. Маршал сказал Доновану:

— Вчера поздно вечером в Интернете вдруг всплыло ваше имя. Я просматривал случаи загрязнения окружающей среды в угольных районах — прискорбно признаться, но именно так я провожу свободное время. Нет чтоб почитать хорошую книжку. Ну и наткнулся на сообщение о сбросе шлама в пруд в районе горы Пек, а потом о раковом кластере в долине Хаммер. Если верить статье в местной чарлстонской газете, вроде бы вы какое-то время расследовали это дело. Удалось хоть что-то нарыть?

Донован взглянул на Саманту, та отрицательно помотала головой. Нет, не говори ему ни слова. И Донован ответил:

— Мы все еще занимаемся расследованием, говорим с людьми. Собираем подписи потенциальных клиентов.

— Но клиент — это означает исковое заявление, разве не так? Нет, я вовсе не собираюсь лезть в это дело, просто любопытствую. Много пострадавших, весьма перспективно с финансовой точки зрения. Да и эта фирма, «Крулл майнинг», похоже, настоящий монстр.

— Очень хорошо знакомая мне фирма, — не удержался Донован. Ляпнул, что называется, не подумав. Он не имел никакого намерения делиться с Маршалом Кофером информацией по делу, которое приберегал для себя. Когда стало очевидно, что говорить он больше на эту тему не

будет, Маршал заметил:

— Просто знаю два фонда, которые как раз специализируются на делах, связанных с токсичными отходами. Весьма перспективная область, скажу я вам.

Саманту так и подмывало спросить: «О, папа, неужели во всем надо искать перспективу?» А потом она вдруг подумала: да ведь это просто идеальное сочетание! Донован Грей и его шайка, имеющая доступ к настоящему сокровищу — раздобытым нечестным путем документам, некогда принадлежавшим «Крулл майнинг», и «Кофер групп» — банда лишенных лицензий адвокатов, которые, стоит им вступить в игру, будут трактовать закон в нужном им направлении. Это с одной стороны. А с другой — «Крулл майнинг», угольная компания с худшими показателями норм безопасности в истории США, владелец которой — самый опасный из русских гангстеров, входящих в ближний круг Путина. А посередине уворачиваются от пуль несчастные люди из долины Хаммер, которых выманили из трейлеров, вынудили пуститься в эту авантюру под названием «борьба за возмещение ущерба». Их назовут пострадавшей стороной, начнут выбивать для них миллиарды долларов. А на деле несчастные получают по тысяче баксов, которые потратят на сигареты и лотерейные билеты. Вот это да! Саманта сжимала в руке кружку пива и снова взмолилась об одном: чтобы судьба избавила ее от серьезных судебных тяжб. Она следила за бейсбольным матчем сразу на двух экранах и никак не могла понять, кто же выигрывает.

Кофер меж тем рассказывал историю о двух реактивных самолетах — один из Кореи, другой из Индии, — которые в 1992 году столкнулись над аэропортом Ханоя. Ни одного выжившего, граждан Америки на борту не было; что не помешало Маршалу выдвинуть иск в Хьюстоне, где члены жюри присяжных были привычны к громким делам и гигантским суммам возмещения ущерба. Рассказ этот совершенно заворожил Донована, Джефф тоже слушал, но с меньшим интересом. Маршалу было достаточно этих слушателей. Саманта наблюдала за происходящим со стороны.

Выпив еще по одной кружке пива — на этот раз угощал Донован, — они вернулись в офис ее отца, где и распрощались. Саманта заметила, что облака рассеялись, выглянуло солнце. Оставалось надеяться, что обратный полет пройдет гладко и видимость будет нормальная.

Она чмокнула отца в щеку и обещала вскоре позвонить.

Глава 22

Вердикт по делу Тейтов привнес немало оживления в общественную жизнь округа, стал источником бесконечных слухов и домыслов. Если верить статье в газете Роаноке, «Стрейхорн коул» собиралась подать апелляцию и биться при этом не на жизнь, а на смерть. Юристы угольной компании были немногословны, но остальные разошлись вовсю. Вице-президент компании назвал вердикт «шокирующим». Выразитель интересов какой-то группы экономического развития высказал беспокойство, что подобный вердикт может подорвать репутацию штата как места, благоприятного для успешного ведения бизнеса. Цитировался один из членов жюри (его имя не называлось), рассказавший о том, что в комнате для совещаний было пролито немало слез. Лайза Тейт комментарии не давала, чего нельзя было сказать о ее адвокате.

Саманта наблюдала и слушала, засиживаясь допоздна с Донованом и Джеффом. Она пила диетическую содовую, мужчины — виски «Дикель». Вопреки своим угрозам, компания «Стрейхорн» не слишком торопилась подавать апелляцию, и Донован считал, что на самом деле они хотят мирового соглашения. Когда в деле фигурируют двое убитых детей, рассчитывать на победу трудно, и компания это понимала. Штрафные убытки автоматически сократятся с миллиона до 350 тысяч долларов. Так что будет потеряна примерно четверть общего выигрыша. Во вторник, сразу после вынесения вердикта, компания предложила выплатить пострадавшей 1,5 миллиона, и Лайза Тейт склонялась к тому, чтобы взять деньги. Донован проговорился, что получит 40 процентов, так что ему светило более чем приличное вознаграждение.

В среду он, Джефф и Саманта встретились с Бадди и Мэйвис Райзер, чтобы обсудить будущий иск против «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт». Супругов ошеломила новость о том, что юридическая фирма на протяжении многих лет знала о болезни Бадди и сумела скрыть от суда улики. Бадди сердито заметил:

— Надо засудить этих выроdkов, — и ни разу за всю двухчасовую встречу не выказал никаких колебаний. Райзеры покинули контору Донована в самом боевом настроении, намереваясь биться до победного конца. Тем же вечером за выпивкой Донован признался Саманте и Джеффу, что проговорился об этом иске двум своим ближайшим приятелям, тоже юристам, работавшим в разных фирмах в Западной Виргинии. И ни одного

из них не привлекла перспектива провести ближайшие пять лет в судебных тяжбах с «Каспер, Слейт», несмотря на вопиющее поведение этих мошенников.

Через неделю Донован вылетел в Чарлстон в Западной Виргинии, чтобы подать иск по делу о загрязнении окружающей среды в долине Хаммер. Стоя с четырьмя юристами из своей команды у входа в здание федерального суда, где собралась целая толпа репортеров, он озвучил свое намерение судиться с компанией «Крулл майнинг». И, разумеется, сообщил, что у нее «русский след». Он утверждал, что компания загрязняет подземные воды на протяжении вот уже пятнадцати лет; что она прекрасно осведомлена о том, что происходит, и все скрывает; что «Крулл майнинг» уже лет десять известно, что из-за ее ядовитых отходов в этой местности наблюдается самый высокий уровень заболеваемости раком. Донован со всей уверенностью произнес:

— Мы докажем все это, подтвердим документально.

Он возглавлял группу юристов, которая представляла интересы свыше сорока семей, проживающих в долине Хаммер.

Как и большинство адвокатов, часто выступающих в суде, Донован обожал внимание публики. Саманта подозревала, что он так спешит подать иск по долине Хаммер, пока находится на волне успеха после вердикта по делу Тейтов. Она пыталась уйти в тень, не общалась с братьями Грей несколько дней, но они проявили настойчивость. Джефф приглашал ее пообедать вместе. Доновану срочно понадобился ее совет, поскольку, по его словам, оба они представляют интересы Бадди Райзера. Она чувствовала, как растет его разочарование в друзьях-адвокатах — ни один из них не проявил энтузиазма и не захотел тягаться с «Каспер, Слейт». Донован несколько раз говорил, что, если понадобится, он может выступить и соло.

— Тем больше денег достанется, — добавлял он. С головой уйдя в подготовку к процессу, он каждый день говорил по телефону с Маршалом Кофером. К всеобщему удивлению, Маршалу удалось быстро раздобыть обещанные деньги. Фонд предложил выдать наличными до двух миллионов при условии возврата 30 процентов от этой суммы.

И снова Донован принялся уговаривать Саманту поработать у него в конторе. Подготовка к делу по долине Хаммер и делу Райзера скоро будет отнимать уйму времени, и ему нужна помощь. Саманта понимала: ему нужен целый штат помощников, а не какой-то там интерн с неполной занятостью. Оговорившись закрыть дело Тейтов за 1,7 миллиона долларов, он предложил ей постоянную работу и очень высокую зарплату. И она снова отказалась. Пришлось напомнить Доновану, что, во-первых, она до

сих пор испытывает отвращение к судебным тяжбам и не ищет другую работу, а, во-вторых, все же планирует подождать, пока в Нью-Йорке не осядет все эта пыль, и уж потом спокойно подумать о том, чем заняться дальше, и этот этап ее жизни совсем не обязательно будет связан с Брэйди. И, наконец, в-третьих, она всей душой прикипела к центру и знала, что там есть клиенты, крайне нуждающиеся в ее помощи. Она не стала объяснять, что просто побаивается его самого и его ковбойского стиля ведения дел. Она не сомневалась, что либо сам Донован, либо кто-то работающий на него похитил ценные документы у «Крулл майнинг» и что рано или поздно это выплывет наружу. Он не боялся нарушать правила и законы, мог, глазом не моргнув, начать нечестную игру. Им двигали ненависть и неутолимая жажда мести, и он, по крайней мере по ее мнению, напрашивался на серьезные неприятности. Саманта нехотя призналась самой себе, что в его обществе чувствует себя уязвимой. Они в любой момент могли перейти к более близким отношениям, и это стало бы роковой ошибкой. Чем меньше времени она будет проводить в обществе Донована Грея, тем лучше для нее.

Она пока не знала, как относиться к Джеффу. Он был молод, одинок, сексуален, умен — настоящая редкость в этих краях. Он с большим интересом расспрашивал ее о работе, и она понимала, что обед в его компании может привести к более серьезным отношениям. После трех недель, проведенных в Брэйди, ей все больше нравилась эта идея.

Двенадцатого ноября Донован без всяких помощников и советчиков вошел в здание федерального суда в Лексингтоне, штат Кентукки. Это был, можно сказать, родной дом для фирмы «Каспер, Слейт энд Хьюз», насчитывающей примерно восемьсот сотрудников, и он собирался засудить всех этих ублюдков. Он также подал иск против корпорации «Лоунрок коул», штаб-квартира которой находилась в Неваде. С ним были Бадди и Мэйвис, и он не изменил своей привычки пообщаться с прессой. Они поговорили с несколькими репортерами. Один спросил, почему иск подан именно в Лексингтоне, на что Донован ответил, что хочет раскрыть истинное лицо «Каспер, Слейт энд Хьюз» людям из их родного города. Он намерен во всех красках описать место преступления, ну и так далее и тому подобное. Пресса осталась чрезвычайно довольна, и Донован рассчитывал на уйму самых лестных отзывов.

Двумя неделями раньше он подал иск против «Крулл майнинг» в Чарлстоне, и об этом тоже много писали.

А еще за две недели до этого он блестяще выиграл дело Тейтов, и его имя попало сразу в несколько газет.

А 24 ноября, за три дня до Дня благодарения, его нашли мертвым.

Глава 23

Весь этот кошмар начался в понедельник утром, когда сотрудники центра тихонько сидели за своими рабочими столами и ни один клиент еще не появился. Мэтти вдруг издала болезненный пронзительный крик. Саманта была уверена, что не забудет его никогда. Все бросились к ней в кабинет.

— Он умер! — провыла она. — Он умер! Донован умер! — Мэтти стояла, прижав одну руку ко лбу, а в другой держала телефонную трубку. Рот ее был открыт, в глазах ужас.

— Что? — вскрикнула Аннет.

— Его только что нашли. Самолет разбился. Донован погиб.

Аннет упала в кресло и зарыдала. Саманта смотрела прямо в глаза Мэтти, на секунду-другую обе лишились дара речи. Барб застыла в дверях, прижав ладони ко рту. И вот наконец Саманта подошла к Мэтти и забрала у нее телефонную трубку.

— Кто звонил? — спросила она.

— Джефф, — пробормотала Мэтти, медленно опустилась в кресло и закрыла лицо руками. Саманта заговорила в трубку, но связь уже прервалась. Колени у нее подогнулись, она тоже опустилась в кресло. Барб рухнула в другое. Настала минута молчания, полная ужаса, страха и неуверенности. Может, это какая-то ошибка? Нет, не похоже, раз единственный брат Донована позвонил своей любимой тете и сообщил эту страшную новость. Нет, не ошибка, не чья-то злая шутка, — это была правда, в которую верилось с трудом. Телефон снова ожил, звонили по всем трем линиям — новость быстро распространялась по городу.

Мэтти сглотнула вставший в горле ком и выдавила:

— Джефф сказал, что вчера Донован улетел в Чарлстон, на встречу с какими-то юристами. Сам Джефф уехал на уик-энд из города, а потому Донован полетел один. Наземные диспетчерские службы потеряли с ним связь где-то около одиннадцати вечера. Люди на земле слышали грохот, а утром его самолет нашли в лесу, в нескольких милях от Пайквилля, штат Кентукки, — тут ее дрожащий голос оборвался, и она опустила голову.

— Просто не верится, — пробормотала Аннет. — Не могу поверить!

Саманта потеряла дар речи. Барб рыдала и что-то бормотала сквозь слезы. Они плакали и пытались как-то осознать случившееся. Через некоторое время Саманта вышла из комнаты и заперла входную дверь. Потом обошла все помещения, задергивая занавески и опуская жалюзи. И

центр погрузился во тьму.

Они сидели с Мэтти, а телефоны все трезвонили в отдалении, и время, казалось, остановилось. Через заднюю дверь вошел, пользуясь своим ключом, Честер и присоединился к скорбящим. Присел на краешек стола, обнял одной рукой жену за плечи, стал поглаживать ее по голове и утешать, а она рыдала и бормотала что-то себе под нос.

Потом он тихо спросил:

— Ты говорила с Джуди?

Мэтти отрицательно помотала головой и выдавила:

— Нет. Джефф обещал ей позвонить.

— Бедный Джефф! А кстати, где он?

— Он в Пайквилле, улаживает там какие-то вопросы, не знаю, какие именно. Похоже, не слишком справляется.

Через несколько минут Честер сказал:

— Знаешь, пойдем-ка домой, Мэтти. Тебе надо прилечь. И потом, все равно работать здесь сегодня никто не будет.

Саманта закрыла за собой дверь в офис и опустилась в кресло. Она была слишком потрясена, чтобы чем-то заняться, а потому долго смотрела в окно и пыталась собраться с мыслями. Это ей не очень-то удалось, и ее вдруг охватило неукротимое желание бежать прочь из Брэйди, из округа Ноланд, подальше от этих Аппалачей. Бежать и никогда сюда больше не возвращаться. Впереди праздничная неделя, День благодарения, и она собиралась съездить в Вашингтон и провести время с родителями, а может — и с друзьями. Мэтти приглашала ее на праздничный обед, но теперь об этом не могло быть и речи.

Вместо Дня благодарения им всем предстоит идти на похороны.

Завибрировал мобильник — звонил Джефф.

В тот же день в половине пятого он сидел за столиком для пикника в уединенном месте на лужайке, неподалеку от городка Нокс в округе Карри. Рядом был припаркован его внедорожник, и он был совершенно один, как и обещал. Заслышав ее шаги, даже не обернулся, не сдвинулся с места, и она подошла к нему по гравиевой дорожке. Он смотрел куда-то вдаль, погрузившись в размышления.

Она поцеловала его в щеку и сказала:

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, — сказал Джефф и выдавил слабую улыбку, которая тут же исчезла. Она взяла его за руку и уселась рядом. И они молча смотрели на раскинувшиеся перед ними древние холмы и горы. Поначалу не было

слез, не было слов. Джефф был крепким парнем, настоящим мужчиной, и горе переносил стоически. Она подозревала, что, оставшись наедине с собой, он все-таки плакал. Брошенный отцом, осиротевший после смерти матери, теперь он потерял единственного близкого человека, которого любил по-настоящему. Саманта даже представить не могла всю глубину охватившего его горя. Она и сама чувствовала, что в ее душе и сердце образовалась огромная зияющая пустота, хотя знала Донована меньше двух месяцев.

— Ты ведь понимаешь, это они его убили, — пробормотал Джефф, наконец озвучив мучившую их обоих мысль.

— А кто эти «они»? — спросила Саманта.

— Кто «они»? Плохие парни, их полно кругом. Они безжалостны и расчетливы, убить человека им ничего не стоит. Они убивают шахтеров, нарушая все правила безопасности. Убивают жителей гор зараженной водой. Они убили двух маленьких мальчиков, которые крепко спали у себя в трейлере. Они убивают целые поселки, когда вдруг прорывает дамбу и вода со шламом обрушивается вниз, в долины. Они убили мою мать. А несколько лет назад убивали членов профсоюзов, которые боролись за повышение зарплат. Сомневаюсь, что мой брат стал первым адвокатом, которого они убили.

— И ты можешь это доказать?

— Не знаю, но попробую. Сегодня утром я побывал в Пайквилле — должен был опознать тело — и заглянул к тамошнему шерифу. Сказал ему, что подозреваю грязную игру и требую, чтоб место катастрофы охранялось, как место преступления. Сказал ему, что уже сообщил в ФБР. Ведь самолет не взорвался, не сгорел. Просто разбился. Не думаю, что он мучился. Можешь себе представить, что это такое — опознавать тело родного брата? — Он весь сгорбился, сжался при этих словах.

Саманта покачала головой.

Скрипнув зубами, Джефф продолжил:

— Он лежит в морге — ну все, как показывают по телевизору. Выдвигают ящик из ячейки, потом медленно снимают белую простыню. Меня чуть не вырвало. Череп у него расколот пополам.

— Не надо, довольно.

— Да, ты права. Не надо. Думаю, есть в жизни вещи, к которым ты никогда не готов, и если все же делаешь их, потом даешь себе обещание, что больше никогда. Неужели большинству людей на земле никогда не приходилось проводить опознание?

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Ладно. Неплохая идея. О чем хочешь поговорить?

— Как собираешься доказывать, что произошло убийство?

— Мы найдем экспертов, пусть обследуют весь самолет от пропеллера до кончика хвоста. Национальный совет по безопасности на транспорте должен прослушать все записи сеансов радиосвязи, чтобы узнать, что проходило на борту перед катастрофой. Мы сравним все данные и сделаем выводы. Ночь была ясная, погода летная, Донован опытный пилот, налетающий три тысячи часов на одном из самых безопасных самолетов — все это говорит в пользу моей версии. Видно, сильно достал каких-то плохих парней.

С востока подул ветерок, разметал высохшие листья на земле, стало холодно. Они тесно прижались друг к другу, как давние любовники, которыми на самом деле не были. Ни давними, ни находящимися в самом начале романа. Два раза пообедали вместе — вот и все. Последнее, чего хотелось Саманте, так это заводить с Джеффом роман. К тому же она не совсем понимала, как он к ней относится. Он часто надолго уезжал из Брэйди, и она подозревала, что тут замешана девушка. И потом, у них не могло быть никакого будущего. Конечно, можно приятно провести время вместе, развлечься, составить друг другу компанию холодными ночами, но она не спешила заводить подобные отношения.

— Знаешь, — сказал Джефф, — я всегда думал, что худший день в моей жизни случился тогда, когда тетя Мэтти ворвалась в классную комнату и сказала, что моя мама умерла. Мне было девять. Но сейчас все хуже, гораздо хуже. Я словно окаменел, хоть ножи в меня втыкай — ничего не почувствую. И еще я жалею, что меня не было с ним.

— Не надо так говорить. Одной потери более чем достаточно.

— Я просто не представляю себе жизни без Донована. Мы ведь были сиротами, нас растили и воспитывали родственники в разных городах. Но он всегда старался приглядывать за мной, прикрывать мне спину. Я вечно влипал в какие-то истории, никого не боялся — ни родственников, ни учителей, ни копов, ни даже судей. А вот Донована побаивался, но не в физическом смысле. Я боялся его подвести. Последний раз предстал перед судом, когда мне было девятнадцать. А он только что окончил юридический колледж. Меня поймали на наркоте. Всего-то щепотка травки, которую я пытался продать. Судья отнесся ко мне милостиво — собирался дать несколько месяцев в окружной тюрьме, ничего серьезного. Ну и когда меня вызвали и попросили подойти к судье, я оглянулся. И увидел в зале брата, он стоял рядом с тетей Мэтти, и в глазах у него были слезы. Прежде я никогда не видел его плачущим. Ну и тогда я тоже заплакал. И пообещал

судье, что он меня здесь, на скамье подсудимых, никогда больше не увидит. И он не увидел. Я сдержал обещание. И с тех пор получаю только штрафы за превышение скорости. — Голос его дрогнул, он громко высморкался, но слез не было. — Он был моим братом, моим лучшим другом. Моим героем, боссом, человеком, которому я мог рассказать все. Донован был для меня всем. И я не знаю, как мне теперь дальше жить и что делать.

Саманта едва не расплакалась. Но тут же одернула себя и приказала: «Ты просто слушай. Ему надо выговориться».

— Я найду этих людей, Саманта, ты меня слышишь? Даже если придется потратить все до последнего цента. А если потрачу и не хватит — пойду и украду. Я выслежу их и отомщу. Донован не боялся умереть, я тоже не боюсь. Надеюсь, что и они тоже.

— Кто у тебя подозреваемый номер один?

— Ну, думаю, что «Крулл майнинг».

— И все это из-за документов, да?

Он обернулся, взглянул на нее.

— А ты откуда знаешь о документах?

— Как-то в субботу летала вместе с Донованом в долину Хаммер. А потом мы встретились с Виком и вместе пообедали в Роквилле. Они говорили о «Крулл майнинг», ну и проболтались.

— Просто удивительно. Обычно Донован очень осторожен.

— Так в «Крулл майнинг» знают об этих документах?

— Знают, что они пропали, и подозревают, что они у нас. Эти документы смертельно опасны для них и настоящий козырь для нас.

— Ты их видел?

Он колебался несколько секунд, потом ответил:

— Да, видел и знаю, где они находятся. Ты глазам своим не поверишь, прочитав, что в них. Да никто бы не поверил. — Словно спохватившись, он сделал паузу, но ему, видно, хотелось выговориться. Уж если Донован так ей доверял, то и он тоже, наверное, может. И Джефф продолжил: — Там есть докладная записка от исполнительного директора в Питсбурге, направлена в их штаб-квартиру в Лондоне. И в этой записке стоимость регенерации горы Пек оценивается приблизительно в 80 миллионов долларов. А сумма компенсационных выплат по судебным искам нескольким семьям, пострадавшим от раковых заболеваний, — всего в десять миллионов максимум. И это, разумеется, вопиющая несправедливость. Причем эти иски о возмещении ущерба так и не были поданы в свое время, и нет никакой уверенности, что их когда-либо подадут. Потому что куда дешевле и выгоднее позволять людям пить

зараженную воду, умирать от рака — кинуть им кость в виде нескольких лишних баксов, вместо того чтобы остановить утечку из хранилищ вредных отходов.

— И где же находится эта докладная?

— Вместе с остальными бумагами. Двадцать тысяч документов в четырех коробках, и все спрятаны в надежном месте.

— Где-то поблизости?

— Ну, недалеко отсюда. Не могу тебе сказать, слишком опасно.

— И не говори. Я и без того знаю теперь больше, чем хотела бы.

Он отпустил ее руку, отодвинул столик для пикника. Потом отошел, наклонился, взял пригоршню камушков и принялся бросать их вниз, в пропасть, бормоча что-то нечленораздельное. Наклонился, набрал еще одну пригоршню, потом — третью и продолжал бросать камни в пустоту. Стемнело, в небе сгущались облака.

Джефф вернулся к столу, остановился рядом с ней и сказал:

— Ты должна это знать. Возможно, тебя прослушивают. Твой телефон в офисе, ну и еще пара «жучков» в квартире. На прошлой неделе мы с Донованом пригласили одного парня проверить наш офис, ну и, само собой, повсюду были «жучки». Будь осторожна, не болтай лишнего, потому что тебя могут подслушивать.

— Ты ведь шутишь, верно?

— По какой-то непонятной причине мне сегодня совсем не до шуток, Саманта.

— Да, конечно, я поняла, ты прав. Но зачем им подслушивать меня?

— Они всегда очень пристально следили за нами, особенно за Донованом. Вот уже несколько лет он живет с ощущением, что его прослушивают. Возможно, именно поэтому и полетел вчера в Чарлстон — встретиться со своими юристами с глазу на глаз. Они проводили эти встречи в разных номерах отеля, чтобы сбить с толку слежку. А эти твари, убийцы, видели тебя в нашей компании. Денег у них куры не клюют, могут позволить себе наблюдать за перемещениями людей, особенно юристов, недавно появившихся в нашем городе.

— Прямо не знаю, что и сказать. Сегодня весь день говорила с отцом об этой авиакатастрофе.

— С какого телефона?

— Ну, из офиса и по мобильному.

— С телефоном в конторе поосторожнее. Лучше пользоваться мобильным. Возможно, скоро придется перейти к одноразовым, с предоплаченной картой.

— Просто не верится.

Он сел рядом с ней, взял за руку, приподнял воротник куртки. Солнце садилось за горные хребты, холодный ветер усилился. Ладонью левой руки он смахнул слезу, ползущую по щеке. А когда заговорил, голос его звучал сдавленно и хрипло:

— Помню, когда умерла мама, я плакал и никак не мог остановиться.

— Ты поплачь, поплачь, Джефф.

— Не могу. Раз уж не могу плакать из-за брата, то, наверное, уже никогда не получится.

— А ты попробуй. Сразу станет легче.

Он тихо и неподвижно сидел несколько минут, слез видно не было. Тьма сгущалась, ветер налетал порывами, они еще теснее прижались друг к другу. После паузы Саманта сказала:

— А знаешь, я сегодня говорила с отцом. Он, понятное дело, страшно расстроен. Ведь они с Донованом сдружились за последние несколько месяцев, и папа им просто восхищался. Он знает нужных людей, сумеет найти толковых экспертов, которые смогут установить причину катастрофы. Сказал, что ему за долгие годы доводилось расследовать множество катастроф с участием маленьких самолетов.

— И специально подстроенных тоже?

— Да, бывало и такое. Помню два случая. Один разбился в Айдахо, другой — в Колумбии. Я хорошо знаю отца, он наверняка уже висит на телефоне и сидит за компьютером, ищет экспертов, специализирующихся на авариях с маленькими «сеснами». Он сказал, главное — это убедиться, что самолет был исправен.

— Он был исправен.

— Как бы там ни было, но Маршал Кофер к нашим услугам.

— Спасибо. Мне нравится твой отец.

— Мне тоже, ну, почти всегда.

— Я замерз. А тебе холодно?

— Да.

— И мы, наверное, должны заглянуть к Мэтти?

— Думаю, да.

Поскольку от семьи Грей почти никого не осталось, а дом их был разрушен еще много лет тому назад, выпечка и прочие блюда доставлялись из разных мест, и Мэтти не сомневалась, что люди помогут. Еду начали приносить к концу дня, и каждый, внесший свою лепту и что-то приготовивший, оставался в доме. Сколько слез было пролито, сколько

соболезнований высказано, сколько дано обещаний помочь всеми силами и сделать все возможное. И что самое главное, обсуждались детали и подробности. Мужчины толпились на веранде и у гаража, курили и гадали, чем была вызвана катастрофа. Мотор отказал? А может, пилот сбился с курса? Кто-то заметил, что Донован не посылал сигнал «Мэйдэй» — международно принятый призыв о помощи, знак, что на борту не все в порядке. И что это могло означать? Большинство собравшихся мужчин летали только раз или два в своей жизни, а некоторые — вообще никогда, но это вовсе не мешало им со знанием дела обсуждать случившееся. В доме женщины накрывали на стол, время от времени торопливо пробуя новые блюда, выражали соболезнования Мэтти, обсуждали брак Донована и Джуди, хорошенькой молодой женщины, которая так и не прижилась в их городе, но о которой они теперь вспоминали со всей теплотой и не без осуждения.

Джуди и Мэтти предварительно обсудили организацию похорон и поминок. Поначалу Джуди уговаривала подождать до субботы, когда состоится отпевание в церкви, но Мэтти казалось неправильным заставлять людей страдать на протяжении всего праздника благодарения с перспективой закончить его столь печальной церемонией. Саманта наблюдала за всем со стороны и пришла к выводу, что традиции в Аппалачах весьма сильны и что здесь никто не допускает спешки, хороня умерших. Прожив в Нью-Йорке шесть лет, она привыкла к кратким церемониям прощания — живые должны были жить дальше и работать. Мэтти тоже вроде бы хотелось завершить все побыстрее, и вот наконец ей удалось убедить Джуди провести службу в среду днем. В четверг Донован уже будет покоем на кладбище, и все смогут спокойно праздновать День благодарения.

Итак, служба должна была состояться в Объединенной методистской церкви в среду, 26 ноября, в четыре часа дня. А сразу за ней — и похороны, на кладбище за церковью. Донован и Джуди считались прихожанами этой церкви, хоть и не заглядывали туда годами.

Джефф хотел похоронить брата на Серой горе, но Джуди была категорически против. Джуди вообще недолговлила Джеффа, и это чувство было взаимным. Но поскольку она являлась законной женой Донована, то решающий голос в организации похорон принадлежал ей. Тоже традиция, а не закон, и все это понимали, включая и самого Джеффа.

В понедельник вечером Саманта провела у Мэтти примерно час, но вскоре устала от всех этих ритуальных посиделок с другими скорбящими, от горы еды, громоздящейся на кухонном столе, и вышла подышать свежим

воздухом. Она устала от бессмысленной болтовни людей, которые хорошо знали Мэтти и Честера, но совсем не знали их племянника Донована. Устала от слухов, сплетен и домыслов. Ее рассмешило, с какой непостижимой скоростью весь этот маленький городок принял трагедию и вознамерился выжать из нее все возможное, но вскоре насмешливое настроение сменилось отчаянием.

Джефф тоже устал и пребывал в отчаянии. Его обнимали и утешали какие-то толстые женщины, которых он не знал, и он решил сбежать. Чмокнул Саманту в щеку на прощание, сказал, что ему надо побыть одному. Сама она ушла вскоре после него, отправившись пешком по тихим улочкам города к своему дому. Аннет окликнула ее и пригласила на чай, и они пили его в полутемной гостиной до полуночи, не говоря ни о чем другом, кроме Донована.

Солнце еще не встало, а Саманта уже проснулась, пила кофе и просматривала новости в Интернете. Местная газета Роаноке разместила краткое сообщение о случившемся, но ничего нового из него она не узнала. О Доноване отзывались как о преданном интересам простого народа адвокате, защитнике прав шахтеров и местных землевладельцев. Упоминался и приговор по делу Тейтов, наряду с иском против «Крулл майнинг» в связи с долиной Хаммер и иском Райзера к «Лоунрок коул» и его юристам. Какой-то приятель и коллега отзывался о Доноване как «о бесстрашном защитнике природной красоты Аппалачей» и «убежденном противнике предательской политики угольных компаний». Не было ни одного намека на какую-то нечестную игру. Власти занимаются расследованием. Доновану недавно исполнилось тридцать девять, у него остались жена и ребенок.

Отец позвонил ей довольно рано и спросил о похоронах. Он хотел приехать и проводить Донована в последний путь вместе с ней, но Саманта сказала: «Нет, спасибо, не надо». Большую часть понедельника Маршал сидел на телефоне, стараясь получить как можно больше информации. И обещал, что, когда они с дочерью встретятся через несколько дней, непременно что-то нароет. И еще им надо будет обсудить дело Райзера, которое теперь «зависло» по вполне объективным причинам.

Контора напоминала похоронное бюро — в ней было темно и мрачно, никаких перспектив приятно провести день. Барб повесила на дверь табличку «ЗАКРЫТО» и заперла центр изнутри. Мэтти осталась дома, то же следовало сделать и остальным. Все встречи были отменены, на телефонные звонки не отвечали. В этот день Центр бесплатной

юридической помощи не работал.

То же самое наблюдалось и через три квартала по Мейн-стрит, в конторе Донована М. Грея. На запертой двери красовалась аналогичная табличка. Внутри Джефф совещался с секретарем и помощником юриста, они пытались вместе придумать, что делать дальше. Из сотрудников остались только эти трое, фирма умерла.

Глава 24

Трагическая смерть известного адвоката, свободный доступ на службу, возбуждение, охватившее маленький городок, и скучный нерабочий день — все эти факторы привели к тому, что в церкви к четырем часам дня, когда преподобный Кондри поднялся на кафедру, народу было битком. Он прочел молитву, потом уселся на свое место, и после этого хор пропел первые несколько строк заупокойной мессы. Затем преподобный снова поднялся — произнес несколько слов из Священного Писания, высказал свои печальные мысли по поводу произошедшего. Право первой произнести надгробную речь было предоставлено Мэтти. С трудом сдерживая эмоции, она говорила о своем племяннике, плакала, но продолжала говорить, и время от времени все присутствующие плакали вместе с ней. А потом Мэтти принялась рассказывать историю о том, как Донован нашел мертвое тело своей матери, ее дорогой сестры Розы, и тут голос ее дрогнул, сорвался, и она молчала несколько секунд. Потом взяла себя в руки и продолжила.

Саманта сидела в пяти рядах от нее, между Барб и Аннет, все три женщины сжимали в руках платки и вытирали слезы, бегущие по щекам. Все три думали об одном: продолжай, Мэтти, ты сможешь. Никто здесь никуда не спешит, так что выскажи все, что хотела. Это единственная заупокойная служба по Доновану, другой не будет, и никто тебя не подгоняет.

Закрытый гроб, заваленный цветами, поместили у подножия кафедры. Аннет шепнула Саманте, что в здешних краях принято проводить заупокойную мессу с открытым гробом, чтобы все скорбящие могли видеть покойного, пока о нем говорят только самое хорошее. Это старый обычай, и его целью всегда было подчеркнуть драматизм происходящего. Аннет сказала, что Донована вроде бы поначалу собирались кремировать. Саманта призналась, что ей об этих планах ничего не известно.

К счастью, Джуди хватило здравого смысла не вмешиваться. Они с дочерью сидели в первом ряду, всего в нескольких футах от гроба. Как и говорили, она оказалась настоящей красавицей — стройной брюнеткой с такими же темными, как у Донована, глазами. Их дочери Хейли было всего шесть, и она очень тяжело восприняла расставание родителей. А теперь была потрясена смертью отца — крепко обнимала мать и плакала, не переставая.

Машина Саманты была припаркована у северного входа. Ей не терпелось уехать из Брэйдли домой, в округ Колумбия, где мать обещала приготовить угощение из суши и запастись бутылкой превосходного шабли. Завтра, в День благодарения, они постараются выспаться, а затем пойдут на ленч в афганский ресторанчик, где подавали кебаб и где на праздники всегда было полно народу — наверное, многим американцам надоела индейка или же они просто хотели отдохнуть от семьи.

В конце Мэтти не устояла под наплывом эмоций, извинилась сдавленным голосом и села. Снова запел хор. Последовало еще несколько замечаний преподобного Кондри, почерпнутых им у апостола Павла, затем длинная прощальная речь, произнесенная близким другом Донована, знавшим его еще с начальной школы. Примерно через час слезы у всех иссякли, и люди стали подниматься со скамей. Преподобный Кондри благословил скорбящих, и они начали расходиться. Большинство собрались за зданием церкви, столпились у вырытой могилы и гроба, стоящего рядом под пурпурным похоронным шатром. На этот раз отец Кондри был краток — произнес всего одну молитву. Когда гроб начали опускать в могилу, Саманта принялась потихоньку выбираться из толпы. Она знала, что каждый должен теперь подойти к скорбящей семье и сказать несколько слов утешения, но с Саманты было достаточно.

Хватит всех этих местных обычаев. Она по горло сыта Брэйдли. Она устала от братьев Грей, всех их драм и тянущегося за ними шлейфа тайн. Бак «форда» заправлен под завязку, в желудке пусто, но она тронулась в путь, надеясь, что если будет ехать без остановок, то за пять часов доберется до квартиры матери в центре Вашингтона. И добралась. Вышла из машины и несколько минут стояла рядом на тротуаре, впитывая краски, звуки, шум движения и близость прохожих, живших неподалеку друг от друга. Вот он, ее мир. Она страшно соскучилась по Сохо и заразной энергетике большого города.

Карен уже расхаживала по квартире в пижаме. Саманта быстро распаковала сумку и переоделась. Часа два они просидели на мягком диване с подушками, ели, пили вино, болтали, смеялись — и все это одновременно.

Фонд, собиравшийся субсидировать дело о мошенничестве и подмене улики со стороны «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт», уже отозвал перечисленные средства. Сделка отменялась: ведь Донован подавал иск в одиночку, пообещав, что вскоре к нему присоединится целая команда первоклассных юристов, теперь же, после его смерти, все его сторонники

разбежались, и дело застыло на мертвой точке. Маршал Кофер был весьма этим огорчен. Ведь процесс обещал быть просто «грандиозным», и сам бы он, не задумываясь, нанес бы первый удар, если б только мог.

Но он не собирался сдаваться. Рассказал Саманте, что проконсультировался по этому делу с самым широким кругом известных ему юристов из разных штатов и теперь уверен, что сможет собрать отличную команду, под которую охотно даст деньги какой-нибудь другой инвестиционный фонд. Мало того, он собирался и сам вложить средства и принять самое активное участие в судебном процессе. Он уже представлял себя тренером на боковой линии, отдающим команды защитнику.

Они пообедали вместе на следующий день после Дня благодарения. Саманте не хотелось говорить о процессах, Доноване, деле Райзера, «Лоунрок коул» и всем прочем, имеющем отношение к Брэйдри, Виргинии и Аппалачам. Но, ковыряясь в салате, она вдруг поняла, что рада существованию этого дела. Ведь без него им с отцом и поговорить было бы особенно не о чем. А эту тему они могли обсуждать часами.

Говорил Маршал тихо, то и дело озираясь украдкой, словно в ресторане было полно шпионов.

— У меня есть источник в Национальном совете по безопасности на транспорте, — сказал он с самодовольной улыбкой, которая всегда появлялась, когда ему удавалось что-то раскопать. — Донован не посылал сигнала бедствия. Он летел на высоте семи тысяч футов, в ясную тихую погоду, ничто не предвещало несчастья, а потом вдруг просто пропал с радаров. Если б возникли проблемы с мотором, у него было бы достаточно времени, чтоб сообщить об этом и указать свое точное местоположение. Но ничего этого не случилось.

— Может, он просто запаниковал? — предположила Саманта.

— Уверен, что запаниковал. Ведь самолет начал падать. Черт, да тут каждый запаникует.

— А можно определить, использовал ли он автопилот?

— Нет, в таких маленьких самолетах черные ящики не устанавливают, а потому никаких данных о том, что произошло на борту, не остается. А почему ты спросила об автопилоте?

— Потому что как-то раз, когда мы летели вместе, он обмолвился, что может и вздремнуть за штурвалом. От шума мотора клонит ко сну. И тогда он просто переключается на автопилот и может немного поспать. Не знаю, не уверена, как ты это воспримешь, но, может, он заснул и нажал какую-то не ту кнопку? Такое возможно?

— Возможны миллионы самых разных вещей, Саманта, и лично мне

эта твоя теория нравится больше, нежели всякие там сценарии заговоров и покушений. Как-то с трудом верится, что самолет заранее и намеренно повредили. Потому как это чистой воды убийство и слишком рискованно для плохих парней, с которыми он воевал. «Лоунрок коул», «Крулл майнинг», «Каспер, Слейт» — все они, конечно, мерзавцы и плохие актеры. Но вряд ли пошли бы на такой риск — совершить убийство и быть пойманными. Нет, не думаю. И уж тем более покушаться на жизнь такого известного человека в таких обстоятельствах, зная, что будет проведено самое тщательное расследование. Нет, далеко не уверен.

— А вот Джефф уверен.

— У него на этот счет своя сугубо личная точка зрения, и я ее уважаю. И очень ему сочувствую. Но что они выигрывают, убрав Донована? Что касается дела «Крулл майнинг», то тут на стороне истца выступают три другие юридические фирмы и, заметь, с куда большим опытом борьбы с токсичными отходами, нежели у Донована.

— Но документы ведь были у него.

Маршал призадумался.

— Ну а у тех трех фирм документы имеются?

— Не думаю. И вообще, у меня сложилось впечатление, что они спрятаны где-то далеко, в надежном месте.

— Что ж, как бы там ни было, в «Крулл майнинг» об этом не знают, во всяком случае пока. Вообще-то если б я был консультантом «Крулл», то первым делом предположил бы, что вся команда истца имеет доступ к этим документам. И тогда, опять же, какой смысл убирать одного из четверых?

— Но, опять же, если следовать твоей логике, у «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт» были все основания избавиться от него. Ты ведь сам называл Донована одиноким стрелком. В иске указано только его имя. Он погибает, и ровно через двое суток инвестиционный фонд отзывает средства. Судебного разбирательства не будет. Они выиграли.

Маршал покачал головой. Потом снова стал озираться по сторонам, хотя никто не обращал на них ни малейшего внимания.

— Послушай, Саманта, я презираю компании, подобные «Лоунрок», и юридические фирмы типа «Каспер, Слейт». Я сделал карьеру, сражаясь с подобными им уголовниками. Ненавижу их, ясно? Но у них репутация. Черт, «Лоунрок» — это компания, акции которой свободно обращаются на открытом рынке. И ты никогда не убедишь меня в том, что они станут убивать адвоката, подавшего против них иск. «Крулл» — совсем другое дело, весьма подозрительная контора, управляемая богачом и мошенником, который носится по всему миру и доставляет всем одни только

неприятности. «Крулл», конечно, способна на все, но, опять же, зачем? Тот факт, что они убрали Донована, не поможет им впоследствии выиграть дело.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Прости. Он был твоим другом и очень мне нравился. Был похож на меня в молодости.

— Все это просто ужасно. Я должна вернуться туда, но мне не хочется.

— У тебя теперь есть клиенты. Реальные люди с реальными проблемами.

— Да знаю, пап. Я стала настоящим адвокатом, а не какой-то там конторской крысой в большой фирме. Ты победил.

— Я этого не говорил. И потом, это не соревнования.

— Ты говорил мне это на протяжении трех лет, и мы соревновались в упрямстве.

— А ты никак рассердилась? — спросил Маршал. Потянулся через стол, взял дочь за руку. — Прости. Я понимаю, у тебя выдалась трудная неделя.

На глаза Саманты навернулись слезы, в горле встал ком. И она тихо пробормотала:

— Вот теперь я хочу ехать.

Глава 25

Их было четверо — крупные, сердитые, грубоватые на вид люди. Двое мужчин и две женщины в возрасте, как прикинула Саманта, от сорока пяти до шестидесяти лет, с седыми волосами, толстым слоем жира на животе, в дешевой одежде. Они приехали в город, чтобы нанести мамочке один из редких визитов на День благодарения, но им пришлось задержаться и прогулять работу, занимаясь юридическим недоразумением, в котором они были не виноваты. Саманта подошла поближе и увидела, как они топчутся у входной двери, нетерпеливо дожидаясь, пока откроется центр, и сразу поняла, почувствовала, кто они такие и чего хотят. Первым ее порывом было забежать в лавку «Бетти квилтс», где продавались лоскутные одеяла, и спрятаться там, но о чем она будет говорить с этой Бетти? Она завернула за угол и вошла в контору через заднюю дверь. Включила свет, сварила себе кофе и лишь затем прошла по коридору и отперла входную дверь. Они все еще ждали, все еще злились; было видно, что злости у них накопилось предостаточно.

— Доброе утро, — приветливо и весело поздоровалась Саманта. Даже глупцу было бы ясно, что следующий час будет не из приятных.

Главный, самый старший из них, проворчал:

— Нам нужна Саманта Кофер. — И он сделал шаг вперед, за ним последовали остальные.

Все еще улыбаясь, она сказала:

— Это я. Чем могу помочь?

Сестра главного вытащила из сумочки сложенный вдвое документ и спросила:

— Так это вы составляли завещание для Фрэнсин Крамп?

Второй брат добавил:

— Завещание нашей матери. — Казалось, он вот-вот плюнет ей в лицо.

Они прошли за ней в конференц-зал и встали у стола. Саманта вежливо предложила им кофе и, когда они отказались, пошла на кухню и налила себе чашку. Она застыла на месте, надеясь, что в конторе появится кто-нибудь еще. Было уже 8.30, обычно в это время приходила Мэтти, болтая с Донованом. Но сегодня она вряд ли появится раньше полудня. И вот, прихватив чашку с кофе, Саманта уселась в конце стола. Иона, которому исполнился шестьдесят один год, жил в Бристоле. Шестидесятилетняя Ирма — в Луисвилле. Юна Фэй, пятидесяти семи лет

от роду, обосновалась в Риме, штат Джорджия. Лонни, пятидесяти одного года, проживал в Ноксвилле. А Делос, все еще «ребенок», несмотря на свои сорок пять, жил в Дареме, но в данный момент находился в доме у мамочки, которая была сильно расстроена. Словом, праздник не удался. Саманта строчила что-то в блокнот — с целью потянуть время и дать им хоть немного успокоиться. Однако через десять минут непрерывных нападков с их стороны стало ясно: эта семейка настроена на войну.

— Что это за хрень такая, «Маунтин траст»?

Саманта подробно объяснила.

Юна Фэй заметила:

— А мама говорит, что сроду не слышала ни о каком «Маунтин траст». Говорит, это вы предложили. Это правда?

Саманта терпеливо принялась объяснять, что миссис Крамп просила у нее совета, кому лучше завещать свою собственность. Она хотела оставить ее или частному лицу, или организации, которая бы защитила ее землю от притязаний угольных компаний. Саманта навела справки и отыскала в Аппалачах две некоммерческие организации, соответствующие этим требованиям.

Они слушали внимательно, но не поняли ни слова.

— А почему вы не уведомили нас? — грубо спросил Лонни. Уже через пятнадцать минут стало ясно: согласия и порядка в этой семье не существует. Каждый стремился взять бразды правления в свои руки. Каждый хотел быть главным. Саманта кипела от возмущения, но не показывала этого. Сохраняла спокойствие и пыталась понять. Ясно, что люди они небогатые, из кожи вон лезут, чтобы удержаться в среднем классе. Для них любое наследство было бы благословением господним, деньги нужны просто позарез. А тут такой жирный кусок, целых восемьдесят акров, от продажи которых можно выручить баснословную для них сумму денег.

Саманта объяснила, что ее клиентом была Фрэнсин Крамп, а не семья Фрэнсин Крамп. И что миссис Крамп не хотела, чтобы дети знали о ее намерениях.

— Так вы что же, решили, она нам не доверяет? Своей плоти и крови? — возмущенно взвизгнула Ирма.

Все ее разговоры с Фрэнсин однозначно свидетельствовали: да, эта женщина не доверяет своим детям, пусть даже они ее плоть и кровь. И Саманта спокойно ответила:

— Мне известно лишь то, что говорила моя клиентка. Она очень ясно обозначила, чего хочет, а чего нет.

— А вам не приходило в голову, что вы вносите раскол в нашу семью? — спросил Иона. — Рассорили мать с пятью родными детьми. Не понимаю, как можно было пойти на такую подлость!

— Это наша земля, — бубнила Ирма. — Наша земля.

Лонни поскреб в затылке и сказал:

— Мама не в себе, ну, вы поняли, о чем я. Временами вообще ни черта не соображает. Может, у нее Альцгеймер или еще что в том же роде. Мы всегда боялись, что она выкинет какую-нибудь штуку с этой землей, но чтоб такое... Нет, никак не ожидали.

Саманта объяснила, что миссис Крамп подписала завещание в присутствии еще двух юристов из центра и что все трое были убеждены: эта женщина вполне отдает себе отчет в своих действиях. Они признали ее «юридически правомочной». И поставили свои подписи, как того требует закон. Так что опротестовать завещание в суде не получится.

— Да ни черта подобного, — огрызнулся Иона. — И никакого суда не будет, потому как завещание следует изменить.

— Ну, это решать вашей матери, — заметила Саманта.

Юна Фэй взглянула на мобильник и сказала:

— Они уже здесь, Делос и мамочка. Подъехали.

— Они могут войти? — осведомился Лонни.

— Конечно, — ответила Саманта. А что еще ей оставалось?

Фрэнсин выглядела еще более слабой и хрупкой, чем месяц назад. Все пятеро детей вскочили и стали помогать любимой мамочке войти в дверь, затем пройти по коридору в конференц-зал. Они усадили ее в кресло, сами разместились рядом и уставились на Саманту. Фрэнсин явно нравилось такое внимание, и она улыбнулась Саманте.

Лонни сказал:

— Давай, мама, расскажи ей то, что говорила нам о подписании этого завещания, о том, что ты ничего не помнишь и...

Тут вмешалась Юна Фэй:

— И о том, что ты сроду ничего не слышала ни о каком «Маунтин траст» и не хочешь, чтоб они заполучили нашу землю. Давай, говори!

— Это наша земля, — наверное, в десятый раз повторила Ирма.

Фрэнсин колебалась, словно ей не хватало решимости. А потом пробормотала:

— Мне и самой больше не нравится это завещание.

Так вот как вы поступаете со старой женщиной? — хотелось крикнуть Саманте. Связываете ее по рукам и ногам, а потом лупите палкой от метлы? Так вот, значит, как прошел в этой семейке праздничный обед в День

благодарения, когда члены семьи передавали друг другу новое завещание и бесновались от злости? Но не успела она высказать эти свои мысли, как в комнату вошла Аннет и поздоровалась. Саманта быстро представила ее клану Крампов, Аннет столь же быстро оценила ситуацию, выдвинула стул и уселась. Она никогда не избегала острых ситуаций, и в этот момент Саманта была готова ее расцеловать.

Но вместо этого она сказала:

— Видишь ли, Крампам не нравится завещание, которое мы составили месяц назад.

— И еще нам не нравятся эти юристы, то есть вы, — тут же вставил Лонни. — Просто ума не приложу, как можно было тайком от семьи составить такое завещание и лишить нас буквально всего. Не удивительно, что у нас в стране недолюбливают разных там адвокатов и юристов. Черт, вот деньги грести лопатой — это вы мастера.

Аннет холодно спросила:

— И кто же нашел завещание, позвольте узнать?

Ей ответила Юна Фэй:

— Да никто. Мама сама заговорила о нем на днях. Слово за слово, и пришлось ей показать нам завещание. Да нас едва удар не хватил, стоило прочесть, чего вы там нагородили. Когда мы были еще детьми, мама с папой часто говорили, что земля должна остаться в семье. А теперь такие, как вы, просто без ножа нас режете и отдаете наше имущество этой банде, так называемым защитникам природы из Лексингтона. Стыд вам и позор, вот что!

Вмешалась Аннет:

— А ваша мама объясняла, почему пришла к нам и попросила подготовить, причем совершенно бесплатно, завещание, согласно которому земля достается не вам? Пояснила что-то на этот счет?

— Она была не слишком сообразительна все эти дни, — сказал Делос.

Фрэнсин гневно рявкнула:

— Сообразительней, чем ты думаешь!

— Успокойся, мама, — тотчас вмешалась Юна Фэй, а Ирма даже погладила мать по плечу.

Саманта взглянула на Фрэнсин и спросила:

— Так вы хотите, чтобы я подготовила новое завещание?

Все шестеро одновременно закивали, однако Фрэнсин кивала медленно и явно неуверенно.

— Ладно. И, как я полагаю, согласно новому завещанию земля достанется вашим пятерым детям в равных долях, правильно?

И снова все шестеро кивнули. Аннет сказала:

— Замечательно. Мы будем просто счастливы сделать это для вас. Однако мои коллеги потратили несколько часов на встречи с миссис Крамп. На консультирование и подготовку этого завещания. Как вам известно, денег за услуги мы не берем. Но это вовсе не означает, что тут не существует пределов. У нас очень много клиентов, так что работы полно. Мы подготовим еще одно завещание, но оно будет последним. И если вы снова передумаете, миссис Крамп, придется вам нанять других адвокатов, уже за свой счет. Вы меня поняли?

Фрэнсин молча уставилась на столешницу, остальные пятеро закивали в знак согласия.

— А много времени это отнимет? — спросил Лонни. — Мне давно пора на работу.

— Нам тоже, — строго заметила Аннет. — У нас есть другие клиенты и другие дела. Вообще-то мы с мисс Кофер должны через полчаса быть в суде. А ваше дело может и подождать.

— Да будет вам! — рявкнул Иона. — Подумаешь, просто какое-то завещание, всего на две странички, больше пятнадцати минут не займет. Мы отведем маму в кафе позавтракать, тут, рядышком, а вы занимайтесь своим делом. Ну а потом вернемся, она все подпишет, и мы отправимся по домам.

— Мы отсюда не уйдем, пока она не подпишет новое завещание, — решительно заявила Ирма, словно собираясь разбить в конференц-зале палаточный лагерь.

— О да, конечно, — сказала Аннет. — Если не уйдете, я позвоню шерифу. Как думаешь, Саманта, когда будет готово новое завещание?

— В среду днем.

— Вот и замечательно. Тогда до среды, миссис Крамп.

— Нет, погодите! — воскликнул Делос и вскочил. Лицо его покраснело от волнения. — У вас же есть эта чертова штука в компьютере! Так просто внесите в нее поправки и распечатайте. Это и пяти минут не займет, и мама подпишет. Мы не можем торчать здесь целую неделю. Еще вчера должны были уехать.

— Я прошу уйти вас сейчас же, немедленно, сэр, — сказала Аннет. — А если хотите, чтоб вас обслужили побыстрее, у нас в городе полно других юристов. Их конторы на Мейн-стрит.

— Значит, пойдем к настоящим юристам, — сказала Юна Фэй и поднялась из-за стола. Остальные последовали ее примеру, подхватили Фрэнсин под руки и направились к двери. И уже собрались выйти, когда

Саманта вдруг спросила:

— А вы хотите составить новое завещание, миссис Крамп?

— А как же, прямо спит и видит, — грубо рявкнул в ответ Иона, но сама Фрэнсин промолчала.

Они вышли, не говоря больше ни слова, и захлопнули за собой дверь. Когда все стихло, Аннет сказала:

— Не готовь никакого нового завещания. Дай им время убраться из города, а потом позвони Фрэнсин и скажи, что мы больше не хотим принимать в этом участия. Они приставили ствол к ее голове. От всего этого дела скверно пахнет. Если она хочет составить новое завещание, пусть платит. Может, и наскребут все вместе двести баксов. Мы и без того потратили на нее уйму времени.

— Согласна. Так мы едем в суд?

— Да. Мне вчера вечером позвонили. Фиби и Рэнди Фэннинг угодили в тюрьму, их задержали в субботу с целой уймой мета. Им светит несколько лет за решеткой.

— Вот это да! Ничего себе понедельник выдался. А где их ребятишки?

— Пока не знаю. Выясним.

Всего задержанных оказалось семеро, хотя в полиции утверждали, что последуют и новые аресты. Фиби сидела рядом с Рэнди в первом ряду. По другую руку от него находился Тони — всего четыре месяца назад он вышел из тюрьмы и вот теперь мог угодить обратно лет на десять. Рядом с Тони сидел один из хулиганов, угрожавших Саманте несколько недель тому назад на выходе из зала суда. Остальные трое являли собой омерзительное зрелище — длинные грязные волосы, татуировки на шеях, небритые физиономии, красные, с опухшими веками глаза «торчков», сидящих на наркоте долгое время. Они по очереди вставали, подходили к судье, заявляли, что ни в чем не виноваты, и возвращались на свое место. Аннет убедила Ричарда, обвинителя, разрешить ей переговорить с Фиби хотя бы пару минут. Женщины отошли в угол, поблизости маячил пристав.

Фиби сильно похудела за то время, что они не виделись, на лице ее отчетливо виднелись следы разрушительного действия наркотиков. При виде Аннет глаза ее сразу увлажнились, и она пробормотала:

— Мне так жаль. Вы уж простите. Сама до сих пор не могу поверить.

Аннет не выказала ей ни малейшего сострадания.

— Не надо извинений. Я вам не мать. Я здесь только потому, что беспокоюсь о ваших детях. Где они? — Все это она произнесла сердитым напористым шепотом.

— У подруги. Сможете вытащить меня из тюрьмы?

— Мы уголовными делами не занимаемся, Фиби. Только гражданскими. Через несколько минут суд назначит вам адвоката.

Слезы на глазах Фиби моментально высохли.

— А что будет с моими ребяташками? — спросила она.

— Ну, если обвинения будут подтверждены доказательствами, то вам с Рэнди придется провести в тюрьме несколько лет, в разных корпусах, разумеется. У вас есть родственники, которые могли бы взять к себе детей?

— Да вроде бы нет. Точно, нет. Семья от меня отвернулась. А в его семье все сидят, осталась только мать, но она сумасшедшая. Мне никак нельзя в тюрьму, понимаете? Я должна позаботиться о ребяташках. — На глазах ее снова выступили слезы, поползли по щекам. Она даже согнулась пополам, точно получила удар в живот, ее начала сотрясать дрожь. — Они не могут отобрать у меня детей, не имеют права, — громко сказала она, и судья обернулся к ним.

Саманта не могла удержаться от мысли: а о чем ты думала, когда пошла торговать наркотой? Разве о детях? Она протянула Фиби бумажный платок, похлопала по плечу.

— Ладно, посмотрим, что тут можно сделать, — сказала Аннет. Фиби вернулась на скамью подсудимых, в компанию своих соучастников в оранжевых комбинезонах. Саманта с Аннет уселись по другую сторону от прохода. Аннет шепнула:

— Строго говоря, она уже не является нашим клиентом. Наше участие в ее жизни закончилось, когда она забрала заявление о разводе.

— Тогда зачем мы здесь?

— Власти штата попытаются лишить ее родительских прав. Мы, конечно, проследим за этим, но мало что можем предпринять. — Какое-то время они наблюдали за тем, как обвинитель и судья обсуждают возможность выхода под залог. Аннет поступило эсэмэс-сообщение, она прочла его и воскликнула:

— О господи! Агенты ФБР пришли с обыском в контору Донована, Мэтти нужна наша помощь. Поехали!

— ФБР?

— Тебе известно об их участии в расследовании? — спросила Аннет, вставая и устремляясь к выходу.

Табличка «ЗАКРЫТО» все еще висела при входе в контору Донована. Дверь была распахнута настежь, в приемной сидела Дон, секретарша, и плакала. Потом она привстала и указала пальцем:

— Там.

Из конференц-зала у нее за спиной доносился шум. Мэтти на кого-то кричала. А когда Саманта с Аннет вошли, сердито приветствовала их:

— Где вас черти носят?

В помещении находились четверо молодых мужчин в темных костюмах. Они застыли в напряженных позах — казалось, вот-вот выхватят пистолеты. На полу лежали коробки с файлами, все ящики выдвинуты, стол завален каким-то бумажным мусором. Главным и самым сердитым среди них был агент Фромейер. Не успела Аннет ответить Мэтти, как он рявкнул:

— А вы кто такие, черт побери?

— Они юристы и работают со мной, — ответила Мэтти, на которой были джинсы и свитер. Раздражена она была сверх всякой меры. — Я уже говорила, я его тетка и доверенное лицо, отвечаю за его имущество.

— А я в десятый раз спрашиваю: вы назначены судом, официально? — спросил Фромейер.

— Пока нет. Моего племянника похоронили только в среду. Совесть у вас есть или нет?

— У меня есть ордер на обыск, леди, и этого вполне достаточно.

— Понимаю. Но неужели вы не могли позволить нам хотя бы ознакомиться с этим ордером, прежде чем устраивать здесь весь этот бедлам?

Фромейер схватил со стола ордер на обыск и грубо сунул его Мэтти.

— У вас пять минут, леди, дальше прошу не мешать. — Агенты вышли из комнаты. Мэтти затворила за ними дверь, потом прижала палец к губам. Жест ее был ясен: «Не наговорите лишнего».

— Что здесь происходит? — спросила Аннет.

— Да откуда мне знать? Дон позвонила в панике, сразу после того, как ворвались эти жлобы. Ну и вот вам, полюбуйте. — Она принялась читать ордер на обыск, еле слышно шевеля губами: — «Подлежат изъятию все записи, файлы, заметки, предметы, доклады, конспекты, будь то в бумажном, видео-, аудио-, электронном или цифровом виде, имеющие какое-либо отношение к „Крулл майнинг“, связанные с этой компанией или ее подразделениями. А также все, имеющее отношение к списку из сорока одного истца в деле по долине Хаммер». — Она перевернула страницу, отложила ее, взялась за следующую.

— Но если они заберут компьютеры, — заметила Аннет, — то получат доступ ко всей информации, вне зависимости от того, указана она в этом ордере или нет.

— Да, все там, — кивнула Мэтти. Подмигнув Аннет и Саманте, она

перевернула еще одну страничку. Прочла несколько строк, бормоча что-то себе под нос, потом бросила ее на стол и сказала: — Все это пустые слова. Они заберут из офиса все, вне зависимости от того, имеет это отношение к иску по делу «Крулл майнинг» или нет.

Фромейер постучал в дверь, затем распахнул ее.

— Ваше время истекло, дамы, — сказал он чересчур пафосным, как у плохого актера, тоном, и тут же всей толпой ворвались агенты. Теперь их было пятеро, и все настроены крайне агрессивно. — А теперь прошу на выход, будьте так любезны, — добавил Фромейер.

— Конечно, — кивнула Мэтти. — Но, как доверенное лицо усопшего, я требую список всего того, что вы будете изымать.

— Ну, разумеется, как только вас назначат этим доверенным лицом.

Два агента уже принялись выдвигать ящики картотеки.

— Все до последней бумажки! — Мэтти уже почти кричала.

— Да-да, — отмахнулся от нее Фромейер. — Приятного вам дня, дамы.

Женщины вышли из комнаты, Фромейер бросил им вслед:

— Кстати, к вашему сведению. Еще одна наша группа как раз сейчас обыскивает его дом.

— Замечательно. И что они намерены там искать?

— Придется вам подъехать и ознакомиться с еще одним ордером.

Женщины были потрясены. К тому же подозревали, что за ними следят, а потому решили поскорее уйти. Зашли в кафе, уселись за дальний столик в углу и только тогда почувствовали себя в относительной безопасности. Мэтти, которая не улыбалась целую неделю, вдруг усмехнулась и заметила:

— А вот в компьютерах они ничего не найдут. Джефф забрал все жесткие диски еще в прошлую среду, до похорон.

— Тогда они вернутся и будут искать жесткие диски, — сказала Саманта.

Мэтти пожала плечами:

— А не все ли теперь равно? Ведь мы не можем контролировать действия ФБР.

— Так, давайте-ка разберемся, — сказала Аннет. — В «Крулл майнинг» считают, что Доновану каким-то образом удалось завладеть некими важными документами, что, может, правда, а может, и нет. И он успел подать исковое заявление. В «Крулл» до смерти боятся, что эти документы вдруг всплывут. И вот они обратились, я так думаю, к федеральному прокурору с заявлением о краже. Ну и уже оттуда поступило

распоряжение отправить этих жлобов на поиски документов. Решили, что теперь, когда Донован мертв, документы он больше прятать не может.

— Да, похоже на правду, — заметила Мэтти. — «Крулл майнинг» использует федерального прокурора, чтобы запугать истцов и их адвокатов. Стоит пригрозить уголовным преследованием и тюрьмой, и ваши оппоненты тут же выбрасывают белый флаг. Старый трюк, но до сих пор работает безотказно.

— Еще одна причина не ввязываться в судебные тяжбы такого рода, — заметила Саманта.

— А ты что, и вправду доверенное лицо Донована? — спросила Аннет.

— Нет, — ответила Мэтти. — Это Джефф. А я лишь юридический помощник доверенного лица. Два месяца назад Донован изменил свое завещание. Копия хранилась у него. А оригинал всегда находился в моем банке, в ячейке. Половину своего состояния он оставил Джуди и дочке, частично в виде облигаций трастового фонда, а вторую половину разделил на три части. Одна треть отошла Джеффу, одна треть мне, и еще одна треть — группе благотворительных организаций здесь, в Аппалачах, в том числе и нашему центру. Мы с Джеффом в среду утром идем в суд, утвердить завещание. И, похоже, первая наша совместная работа сведется к тому, чтобы получить инвентаризационный список от ФБР.

— А Джуди знает, что не ее назначили доверенным лицом? — спросила Аннет.

— Да, мы с ней обсуждали это несколько раз уже после похорон. Она нормально отнеслась к этому факту. Вообще у меня с ней хорошие отношения. А вот ее отношения с Джеффом — это совсем другая история.

— А во сколько примерно оценивается его состояние?

— Не знаю. Жесткие диски находятся у Джеффа. А там список открытых Донованом дел, причем есть немало таких, что тянутся уже много лет. Иск по долине Хаммер подан только что, и я считаю, что у истцов найдутся другие адвокаты, которые подхватят этот мяч. А вот дело Райзера, похоже, умерло вместе с Донованом. И еще есть устное соглашение с компанией «Стрейхорн коул», обещавшей выплатить по делу Тейтов миллион семьсот тысяч долларов.

— Думаю, что в банке денежки у него имеются, — сказала Аннет.

— Просто уверена в этом. Плюс к тому он вел множество мелких дел. Правда, не знаю, как теперь они сложатся. Мы, конечно, можем взять несколько, но много не получится. Я часто предлагала Доновану найти партнера или, по крайней мере толкового помощника, но он любил делать все сам. И не часто прислушивался к моим советам.

— Он обожал тебя, Мэтти, ты же знаешь, — сказала Аннет. Какое-то время они молчали, вспоминая ушедшего. Официантка убрала чашки со стола, и, как только отошла, Саманта поняла: это та самая девушка, которая обслуживала ее, когда она в первый раз зашла в кафе в Брэйди — сразу после того, как Донован спас ее от Роуми и от тюрьмы. А Мэтти тогда ждала ее в центре на собеседование. С тех пор прошло всего два месяца, но ощущение было такое, что это были не месяцы, а долгие годы. И вот теперь он умер, и они обсуждают, сколько денег у него на счету.

Мэтти вздохнула и сказала:

— Сегодня вечером нам надо встретиться с Джеффом и обсудить кое-какие вопросы — нас трое, он, и это должно пройти вне стен каких-либо офисов.

— Я тоже приглашена? — удивленно спросила Саманта. — Я ведь всего лишь стажер, временное явление, как ты любишь говорить.

— Верно, — заметила Аннет.

— Джефф хочет, чтоб ты тоже пришла, — сказала Мэтти.

Глава 26

Джефф снял номер в мотеле «Старлайт» за двадцать долларов в час и пытался убедить управляющего, что ничего аморального там происходить не будет. Управляющий вначале не понимал и смотрел тупо, но затем изобразил удивление, даже возмущение — дескать, как посмел этот клиент предположить, что в его заведении вообще может происходить нечто непристойное? Тогда Джефф объяснил, что у него назначена здесь встреча с тремя женщинами, юристами, одной из них шестьдесят и она его родная тетя. И все, что им нужно, — это тихое, спокойное место, где можно обсудить ряд деликатных вопросов. Да ради бога, к вашим услугам, сказал управляющий. Чек выписать? Нет, не надо.

В другое время Мэтти наверняка бы занервничала из-за того, что ее машину могли увидеть у этого мотеля, но через неделю после смерти Донована ей было все равно. Незачем было беспокоиться из-за каких-то мелочей. Да, городок маленький — ну и пусть себе сплетничают на здоровье. Все ее мысли были сосредоточены на более важных вещах. Аннет разместилась на переднем сиденье, Саманта — сзади, и, лишь припарковавшись рядом с внедорожником Джеффа, они увидели, что он стоит у двери в номер, где недавно жила Памела Букер. А рядом — дверь в номер, где жили ее дети, Тревор и Мэнди. Они пробыли там четыре дня и четыре ночи и прежде, чем нашли убежище в этом мотеле, целый месяц провели в своей старой машине. И вот теперь благодаря героическим усилиям Саманты и щедрости центра семья Букер перестала быть бездомной и проживала в арендованном трейлере в нескольких милях от Колтона. Памела работала на электроламповой фабрике. Судебный иск против «Топ маркет солюшн» — первый в жизни Саманты — в суде еще не рассматривался, но Букеры были счастливы и в безопасности.

— Он наверняка останавливался здесь и прежде, — заметила Аннет, глядя на Джеффа.

— Ну, хватит болтовни, — одернула ее Мэтти. И вот все три женщины вышли из машины и прошли в крохотный номер.

— А ты серьезно считаешь, что за нами шпионят? — спросила Аннет. Сама она так, судя по всему, не считала.

Джефф привалился спиной к диванным подушкам и указал на три дешевых стула:

— Добро пожаловать в «Старлайт».

— Я бывала здесь раньше, — заметила Саманта.

— И кто же этот счастливчик?

— Не твое дело.

Наконец все расселись. На постели лежали какие-то папки с документами и блокноты.

— Да, насчет слежки — это я серьезно, — сказал Джефф. — В офисе Донована было полно «жучков». В его доме — тоже. Он подозревал, что за ним следят, что его прослушивают. Кто бы это ни был. А потому нам лучше не рисковать.

— Что агенты ФБР забрали у него из дома? — спросила Мэтти.

— Рылись там два часа и ничего не нашли. Забрали только компьютеры и теперь уже знают, что жестких дисков в них нет. И все, что они увидят там, — это непристойное приветствие в адрес того, кто сует свой нос в чужие дела. Так что, думаю, они вернутся. Впрочем, неважно. Все равно ничего больше не найдут.

— А ты понимаешь, что балансируешь на краю пропасти, нарушая закон? — спросила Аннет.

Джефф улыбнулся и пожал плечами.

— Тоже мне, большое дело. Думаешь, в «Крулл майнинг» сильно замораживаются насчет того, кто играет по правилам, а кто нет? Да ничего подобного. Прямо сейчас они висят на телефоне, пытаются выяснить у федерального прокурора, что удалось обнаружить Фиббис^[22] во время вчерашних рейдов.

— Это расследование уголовного преступления, — нервно заметила Аннет. — И мишенью преступников был не только Донован, но и люди, работавшие с ним. В основном — ты, если у тебя действительно оказались эти несправедным путем раздобытые документы или ты имеешь к ним доступ. И эти ребята так просто от тебя не отстанут, не позволят исчезнуть, хотя бы потому, что ты обвел их вокруг пальца с этими дисками.

— Да нет у меня этих документов, — отмахнулся Джефф, но никто в комнате ему не поверил.

Мэтти тоже махнула рукой и сказала:

— Ладно, ладно, хватит вам спорить. В среду мы идем в суд, где должны утвердить завещание. Вот я и подумала, что надо бы предварительно все обсудить.

— Да, но есть и более важные вопросы. Я убежден, что моего брата убили. Что авария была не случайной. Доступ к самолету закрыт, я нанял двух экспертов, пусть работают вместе с полицией штата Кентукки. Пока что ничего подозрительного не обнаружено, но они проводят тесты. У

Донована всегда было много врагов, но самый ярый и непримиримый из всех — «Крулл майнинг». У них исчезли какие-то документы, и они подозревают, что это дело рук Донована. Документы эти очень опасны для компании, и в «Крулл майнинг» до дрожи в коленках боялись этого иска. И вот он его подал, напугал их до полусмерти, но и словом не обмолвился о каких-либо документах. Теперь он мертв, и они считают, что документы вряд ли всплывут на суде. И следующей их мишенью стал я. Я знаю, что они следят за мной и прослушивают. Они используют ФБР, чтоб те делали за них всю грязную работу. Стараются затянуть петлю, поэтому я время от времени исчезаю. И если кто и пострадает, так скорее топтун, который ходит за мной по пятам. Я просто в бешенстве от того, как они расправились с моим братом, прямо руки чешутся нажать на спусковой крючок.

— Перестань, Джефф, — сказала Мэтти.

— Я серьезно, тетя. Если уж они решили устранить столь важную фигуру, как Донован, то у них не дрогнет рука убрать и такую пешку, как я. Особенно если они считают, что документы у меня.

Саманта приоткрыла окно — всего на небольшую щелочку, — чтобы в комнату проникал свежий воздух. Побелка на потолке была вся в никотиновых пятнах. Зеленый потрепанный ковер на полу тоже весь в застарелых пятнах. Вроде бы этот номер не выглядел столь удручающе, когда она поселила сюда Букеров. Теперь же ей больше всего на свете хотелось бежать отсюда сломя голову. Но она лишь пробормотала:

— Время вышло. Вы уж извините. Я не совсем понимаю, что тут делаю. Я всего лишь стажер, я здесь временно, как вы любите повторять. И не хочу слышать и знать, о чем вы здесь толкуете. Ясно? Может мне кто-то объяснить, зачем я здесь?

Аннет закатила глаза. Мэтти сидела, скрестив руки на груди. Джефф сказал:

— Затем, что я тебя пригласил. Донован восхищался тобой, доверял тебе и обсуждал с тобой весьма конфиденциальную информацию.

— Вот как? Пардон, но я как-то этого не замечала.

— Ты член команды, Саманта, — сказал Джефф.

— Какой команды? Я не запрашивалась. — Она потеряла виски, точно страдала мигренью.

Повисла пауза. И тут заговорила Мэтти:

— Нам надо обсудить состояние его дел на момент смерти.

Джефф потянулся к стопке бумаг, взял несколько и пустил их по кругу.

— Это приблизительный список дел, которые он вел. — Саманта

почувствовала себя человеком, подглядывающим в замочную скважину. Это были дела — неважно, мелкие или крупные, — за которые никогда добровольно не взялась бы ни одна юридическая фирма. На странице под номером один, под заголовком «Главное», были перечислены четыре дела — тяжба по долине Хаммер, Райзер против «Лоунрок коул» и юристов этой компании и вердикт по делу Тейтов. Под номером четыре значился иск по делу ныне покойной Гретчен Бейн, в смерти которой обвинялась компания «Истпойнт майнинг», повторное рассмотрение дела должно было состояться в мае следующего года.

— С Тейт вроде бы согласились на мировую, но никакого письменного подтверждения я не нашел, — сказал Джефф, перелистывая страницы. — На рассмотрение остальных трех дел уйдут годы.

— О Райзере можешь забыть, — сказала Саманта, — если только не подключатся другие адвокаты. К тому же фонд отозвал свои деньги. Мы добивались компенсаций по болезни, но Донован объединил этот иск с делом о мошенничестве и подлоге, ну и в результате ни к чему это не привело.

— А почему бы тебе за него не взяться? — спросил Джефф. — Факты тебе известны.

Саманту потрясло это предложение, она с трудом выдавила наигранный смешок.

— Шутишь, что ли? Это сложнейшее дело, которое должно рассматриваться на федеральном уровне, и оно основано на пока что недоказанных предположениях. Я еще не выигрывала ни одного иска, мне это только предстоит. И я до сих пор побаиваюсь судебных тяжб.

Мэтти перелистала страницы и заметила:

— Некоторые из них мы потянем, Джефф, но далеко не все. Я насчитала четырнадцать исков по пневмокониозу. Три смерти, вызванные этим заболеванием. Примерно с дюжину исков о состоянии окружающей среды. Не представляю, как он справлялся со всем этим.

— Ладно, — сказал Джефф. — Тогда вот вам вопрос на засыпку. Можно ли нанять какого-нибудь человека, который взял бы на себя руководство фирмой, вел мелкие дела и по мере сил помогал вести крупные? Сам я не знаю. Просто спрашиваю.

Аннет покачала головой.

— Клиенты не появятся, поскольку любой новый адвокат для них чужак. И еще будь уверен — все частные адвокаты в городе рыскают в поисках работы. Только кинь клич, и все простые дела разберут за месяц.

— А нам останутся исключительно сложные, — добавила Мэтти.

— Нет, контору Донована нам не сохранить, Джефф, — сказала Аннет. — Потому что не найдется ни одного человека, который бы согласился ею управлять. Мы возьмем сколько сможем. Дело по долине Хаммер задумано и разработано с юридической точки зрения просто блестяще. О Райзере можно забыть. В деле Бейн у Донована был консультант из Западной Виргинии, так что, может, он и согласится, если оплата его устроит, хотя сумма будет невелика. Я незнакома с другими делами по случаям смерти в результате противоправных действий, но все эти тяжбы выглядят не слишком перспективными.

— Согласна, — кивнула Мэтти. — Нам надо несколько дней, чтобы ознакомиться с этими делами получше. Самое значительное — это вердикт по делу Тейтов, но деньги в банк еще не поступили.

— Буду просто счастлива остаться в стороне, — вставила Саманта.

— Ерунда, — строго заметила Мэтти. — Утвердить завещание о правопреемнике в суде — вопрос не конфиденциальный, Саманта. Чистая формальность, суд определится в рекордные сроки, и любой может зайти в офис секретаря и ознакомиться с решением. Плюс к тому у нас в Брэйди вообще нет ни тайн, ни секретов. Пора бы уже это понять.

Джефф протянул ей еще пачку бумаг и сказал:

— В этот уик-энд мы с его секретаршей проверили счета Донована. Оплата за дело Тейтов составит почти семьсот тысяч...

— Минус подоходный налог, — вставила Мэтти.

— Да, разумеется. Но это, как я уже сказал, была устная договоренность. И я догадываюсь, что юристы «Стрейхорн» могут теперь добиться пересмотра дела. Я прав, Мэтти?

— Да, конечно, и я ничуть не удивлюсь, если они так и поступят. Теперь, когда Донована больше нет, они запросто могут изменить стратегию, ну и покажут нам кукиш.

Саманта покачала головой.

— Нет, погодите минутку. Раз они договорились, разве можно все переиграть?

— Но никакого письменного подтверждения мировой нет, — пояснила Мэтти. — Ну, или, по крайней мере, мы его не нашли. В случаях, подобных этому, обе стороны обычно подписывают соглашение, и оно должно быть признано и одобрено судом.

— Если верить секретарю, — вмешался Джефф, — у них в компьютере есть приблизительный набросок этого соглашения, но подписи там отсутствуют.

— Так что нас поймали, — сказала Саманта, и слово «нас» вылетело

из ее уст ненамеренно.

— Не обязательно, — сказала Мэтти. — Если они откажутся от мировой, дело будет рассматриваться еще раз, согласно их апелляции. Донован этого и предположить не мог. Это было ясное и чистое, стопроцентно выигрышное дело, по крайней мере, так он считал. Через полтора года вердикт должен быть утвержден после апелляции. Если Верховный суд его отменит, дело вернется на повторное рассмотрение.

— Но кто посмеет подать апелляцию? — спросила Саманта.

— Давайте решать проблемы по мере их поступления.

— Что там у него еще имеется? — спросила Аннет.

Джефф просматривал какие-то записи, сделанные от руки.

— Ну, прежде всего Донован застраховал свою жизнь на полмиллиона баксов. Тут бенефициаром является Джуди, и эти деньги рассматриваются отдельно, не входят в перечень его имущества. Так что Джуди будет хорошо обеспечена. На личном счету в банке у него сорок тысяч долларов, еще около ста тысяч — на счету юридической фирмы, триста тысяч — в паевом инвестиционном фонде. Ну и в фонде расходов на судопроизводство — около двухсот тысяч долларов. «Сессна» также принадлежала ему, сейчас, конечно, она ничего не стоит, но была застрахована на шестьдесят тысяч. Его дом и прилежащие к нему земли оцениваются округом приблизительно в сто сорок тысяч долларов, и в завещании указано, что он хотел бы продать эту недвижимость. Его офисное здание в городе Брэйдли оценивается в сто девяносто тысяч долларов и, согласно завещанию, переходит ко мне. Дом его был под залогом, впрочем, на небольшую сумму, офисное здание — нет. Ну и еще предметы личного пользования — его джип, фургон, офисная мебель и все такое прочее.

— А как насчет семейной фермы? — спросила Аннет.

— Нет, Серая гора по-прежнему принадлежит отцу, и мы с ним не общались долгие годы. Наверное, не стоит напоминать вам, что он даже на похороны сына не приехал. Кроме того, эта земля стоит немного. Думаю, настанет день, и я унаследую ее, но богаче не стану.

Тут Саманта снова не выдержала:

— Послушайте, если честно, не понимаю, почему я должна присутствовать при этом разговоре. Все это личные, сугубо частные дела, а получается, что теперь я знаю больше, чем его жена.

Джефф пожал плечами.

— Перестань, Саманта, не надо.

Она ухватила за дверную ручку и сказала:

— Вы, ребята, продолжайте обсуждать дела. А с меня хватит. Я домой.

Не успели они и слово сказать, как Саманта выбежала на улицу и направилась к автомобильной стоянке. Мотель находился на окраине города, неподалеку от тюрьмы, куда два месяца назад ее отвез Роуми. Ей хотелось подышать свежим воздухом, пройтись пешком, оказаться как можно дальше от братьев Грей и их проблем. Нет, она очень сочувствовала Джеффу, потерявшему брата, сама после гибели Донована ощущала внутреннюю пустоту, но ей претило безрассудное поведение Джеффа. Эта история с жесткими дисками компьютеров гарантирует ему еще больше неприятностей от ФБР. Джефф невероятно самонадеян, считает, что может обвести вокруг пальца федералов и затем исчезнуть, скрыться, но лично она в этом сомневалась.

Она миновала несколько домов на Мейн-стрит и улыбалась, наблюдая сценки, которые разыгрывались за их окнами. Большинство семей или сидели за обедом, или уже начали убирать посуду. Телевизоры работали, дети расположились за столами. Она прошла мимо конторы Донована, и сердце ее сжалось. Прошла неделя после его гибели, и ей очень его не хватало. Не будь он женат, она бы завела с ним роман вскоре после приезда в Брэйди, они наверняка стали бы любовниками. А что тут удивительного? Два молодых юриста в маленьком городке наслаждаются обществом друг друга, флиртуют, все больше сближаются, словом, этим бы все неизбежно и закончилось. Она вспомнила предупреждения Аннет о том, что Донован настоящий ловелас, не пропускает ни одной юбки, но Саманта почему-то до сих пор в этом сомневалась. Может, Аннет просто защищала свои интересы? Хотела, чтобы Донован принадлежал только ей? Джефф убежден, что брата убили; ее отец так не считает. Но разве теперь, когда он ушел навсегда, это имеет какое-то значение?

Она отправилась в гриль-бар, где, заказав салат и кофе, сидела, пытаясь убить время. Ей не хотелось возвращаться на работу, да и домой тоже не хотелось. После двух месяцев пребывания в Брэйди она вдруг затосковала. Нет, ей нравилась работа, ее трогали маленькие драмы, которые почти ежедневно разыгрывались в центре, но вечерами делать было нечего, и все они проходили монотонно и скучно. Она быстро все съела, оплатила счет, передав деньги Сарджу, ворчливому пожилому владельцу кафе, пожелала ему доброй ночи и приятных сновидений и ушла. Было всего 7.30 вечера, домой идти еще рано, и она продолжала шагать вперед, вдыхая свежий прохладный воздух и разминая ноги. К этому времени она обошла каждую улицу Брэйди и знала, что все они безопасны. Разве что собака зарычит из-за ворот или какой-нибудь юнец

присвистнет вслед, но ведь она была крутой городской девчонкой и попадала в куда более опасные ситуации.

На темной улочке за зданием школы она вдруг услышала за спиной шаги, тяжелую поступь человека, который не пытался скрыть, что идет следом. Саманта свернула за угол, человек тоже. Она шла, стараясь держаться поближе к домам: почти у всех на крыльце горел свет, и она уже даже подумывала вбежать в один из дворов. Но вместе этого снова свернула. Преследователь не отставал. Наконец она подошла к перекрестку — месту, где можно было бы закричать, чтобы люди тебя услышали, остановилась и развернулась. Мужчина продолжал приближаться и теперь находился от нее всего в каких-то пяти футах.

— Что вам надо? — резко спросила Саманта, приготовившись драться, царапаться и кричать.

— Ничего. Просто гуляю, как и вы. — Это был белый мужчина примерно сорока лет, с густой бородой, ростом шесть футов два дюйма, из-под кепи торчали лохматые волосы, одет был в толстую куртку с большими карманами, куда засунул руки.

— Черт, да вы всю дорогу топаете за мной. А ну, говорите зачем, иначе такой крик подниму!

— Не много ли на себя берете, мисс Кофер? — спросил он.

Слова произносит с немного гнусавым акцентом — значит, местный. И еще он знает ее имя!

— Вам известно, как меня зовут. А как вас прикажете величать?

— Да как хотите. Выбирайте любое имя. Можете звать Фредом.

— Нет, мне больше нравится Бозо.^[23] Фред вам как-то не к лицу. Пусть будет Бозо.

— Как угодно. Рад, что вы находите это смешным.

— Что у вас на уме, Бозо?

Он и глазом не моргнув ответил:

— Вы спутались не с теми людьми и играете в игру, правил которой не знаете. Так что советую не высовывать круглую попку из центра, где можно помогать бедным людям и не нарываться при этом на неприятности. А еще лучше — для вас и всех остальных — собрать все свое дерьмовое барахлишко и вернуться в Нью-Йорк.

— Вы что же, угрожаете мне, Бозо?

По большому счету, он был прав. И угрозу свою преподнес эффектно, четко и недвусмысленно.

— Думайте, что хотите, мисс Кофер.

— А мне вдруг стало интересно, на кого вы работаете. «Крулл

майнинг», «Лоунрок коул», «Стрейхорн коул», «Истпойнт майнинг» — здесь полно мест, откуда могла выползти такая тварь. Да, и еще не забыть бы этих выроdkов в красивых костюмах, которые работают в «Каспер, Слейт». Так кто из них вам платит, а, Бозо? Кто подписывает чек?

— Платят наличными, — ответил он и приблизился еще на шаг.

Саманта вскинула обе руки и сказала:

— Еще один шаг, Бозо, и я закричу, да так громко, что сбежится весь Брэйди.

Позади него появилась шумная компания подростков, они приближались, и Бозо сразу потерял к ней интерес.

— Мы за тобой следим, помни, — прошептал он на прощание.

— А я за вами, — бросила она в ответ, хотя это были пустые слова. Саманта громко выдохнула и только сейчас почувствовала, что во рту у нее пересохло. Сердце колотилось как бешеное, ей захотелось присесть хотя бы на минутку. Бозо скрылся, подростки прошли мимо, не обращая на нее внимания. И Саманта быстро направилась к своему дому.

Она находилась всего в квартале от него, когда из темноты вдруг вынырнул еще какой-то мужчина и остановился на тротуаре рядом с ней.

— Нам надо поговорить, — сказал Джефф.

— Похоже, сегодня моя ночь, — сказала Саманта, и они неспешно зашагали к ее дому. Она сообщила Джеффу о встрече с Бозо и продолжала озираться по сторонам — проверить, не идет ли он следом. Но никого видно не было. Джефф выслушал ее и кивнул с таким видом, будто был лично знаком с этим Бозо.

А потом сказал:

— Так вот, значит, как все складывается. Парни из ФБР нанесли визит не только в контору Донована, они обыскали офисы еще трех юридических фирм, которые обещали выступить против «Крулл майнинг» по делу, связанному с долиной Хаммер. Это друзья Донована, и все они были на его похоронах. Две фирмы из Чарлстона, одна из Луисвилля. Юристы, которые специализируются по токсичным отходам и объединяют все свои силы и ресурсы в борьбе против плохих парней. Так вот, к ним заявили фэбээровцы. А это наряду со всем прочим означает, что не только в ФБР, но и в «Крулл майнинг» знают правду. А именно — что Донован не передавал украденные документы своим соратникам юристам. По крайней мере, сейчас их у них нет. Он не собирался этого делать. Донован был очень осторожен с этими документами и не хотел подводить своих друзей юристов. Поэтому просто пересказал им, что было в них, вот и все. Согласно совместно выработанной стратегии, они должны были подать иск

против «Крулл майнинг», привлечь эту компанию к суду, вынудить ее представителей и адвокатов наговорить горы лжи под присягой, а потом предъявить документы судье и присяжным, чтобы вдоволь налюбовались. По общему мнению юристов, эти документы обойдутся ответчику минимум в полмиллиарда долларов в виде штрафных санкций. Мало того, они еще приведут к уголовному расследованию, а затем и к обвинительному приговору.

— Считаешь, что агенты ФБР скоро вернутся? Только на этот раз будут искать тебя?

— Думаю, да. Они считали, что документы у Донована, но ни там, ни у его коллег их не оказалось. Тогда где же они?

— Да, где же они?

— Рядом.

— Ты хочешь сказать, у тебя?

— Да.

Еще квартал они прошли в полном молчании. Джефф поздоровался с каким-то стариком, тот сидел на крыльце, укутавшись в одеяло. Еще несколько шагов, и Саманта спросила:

— Как ты заполучил эти документы?

— Тебе действительно хочется знать?

— Да нет, не уверена. Но ведь знать — это не преступление, верно?

— Рассуждаешь, как подобает юристу.

Они свернули за угол на темную улицу. Джефф откашлялся, потом начал рассказывать:

— Ну, прежде всего Донован нанял хакера, парнишку из Израиля, из тех, которые путешествуют по всему миру и продают свои таланты за нешуточные деньги. В «Крулл» оцифровали кое-какие материалы для внутреннего пользования, и хакер без особого труда взломал их базы. И нашел весьма любопытные данные о разработках на горе Пек и о сбросе шлама и прочих вредоносных отходов в пруд — словом, накопил достаточно, чтобы пробудить у Донована интерес. Ну и еще стало очевидно, что большую часть своих материалов в компании предпочитали хранить в неоцифрованном виде. Хакер сделал все, что мог, затем вышел из игры, замел следы и скрылся. Получил пятнадцать тысяч баксов за неделю работы. Очень даже неплохо, скажу я вам. Хотя, конечно, рискованно. Потому как три месяца спустя он попался на другом подобном деле и теперь отбывает срок в тюрьме Ванкувера. Как бы там ни было, но Донован твердо решил узнать, что происходит в штаб-квартире «Крулл», которая расположена неподалеку от городка Харлан, в Кентукки. Городок

совсем маленький, и ему показалось странным, что база столь крупной и богатой компании находится в такой провинциальной дыре. Впрочем, в угольном бизнесе это явление не такая уж редкость. Донован ездил туда несколько раз, всегда менял внешность, маскировался. Он просто обожал эти игры в духе шпионских романов, считал себя настоящим гением. Ну и, надо сказать, был действительно хорош в этом деле. И вот в прошлом году он выбрал для поездки выходные, День поминовения,^[24] и накануне, в пятницу, днем проник на вражескую территорию, одетый телефонистом-ремонтником. Взял напрокат белый фургон, припарковал его среди других машин на стоянке. Он даже поставил на эту машину поддельные регистрационные номера. Короче, сумел пробраться внутрь и спрятаться на чердаке, где дождался окончания рабочего дня. Снаружи была целая армия охранников и камеры наблюдения, а вот внутри — почти ничего и никого. Мы с Виком наблюдали снаружи, оба были вооружены, подготовили план отступления — на тот случай, если что-то пойдет не так. И вот на протяжении трех дней Донован находился внутри, а мы — снаружи, прятались в лесу, наблюдали, ждали, отбивались от клещей и комаров. Словом, натерпелись. У нас были рации, работающие на высоких частотах, через них и поддерживали связь. И мы будили друг друга, если один из нас засыпал. Донован нашел кухню, съел все, что там было, спал на диване в вестибюле. Мы с Виком спали в машинах. И Доновану все же удалось найти записи, настоящий клад из компрометирующих документов, где в деталях описывалось, как в «Крулл» скрывают нарушения, связанные с разработками на горе Пек, а также сопутствующие проблемы. Он скопировал тысячи документов, а оригиналы оставил на месте, чтобы никто ничего не заподозрил. В понедельник, в День поминовения, прибыла бригада уборщиков, и он едва не попался. Я увидел их первым, тут же связался с Донованом, и тот едва успел спрятаться на чердаке, прежде чем они вошли в здание. Проторчал там три часа, задыхаясь от жары.

— Ну а как он вынес эти документы?

— В пластиковых мешках, вместе с мусором. И побросал целых семь мешков в контейнер за офисным зданием. Мы знали, что мусоровоз приезжает рано утром во вторник. И вместе с Виком ехали за ним до самой свалки. А Донован спокойно вышел из офиса, переоделся агентом ФБР, пришел на свалку и стал размахивать своей бляхой. Парни, работавшие там, не слишком интересовались, откуда прибыл этот мусор и что вообще происходит, ну и после нескольких грозных слов от Донована подняли лапки вверх. Мы загрузили мешки с мусором в нанятый напрокат фургон и рванули в Брэиди. И на протяжении трех суток разбирали, сортировали,

складывали и помечали эти бумаги, ну а потом спрятали их в маленьком складском помещении неподалеку от дома Вика в Бекли. И не раз перевозили их с места на место.

— А парни из «Крулл майнинг» так и не узнали, что на их офис было совершено нападение?

— Все прошло не так гладко, как хотелось бы. Доновану пришлось взломать несколько замков на шкафах с документами, ну и еще он забрал с собой часть оригиналов. Словом, наследил. По всей внешней части здания были установлены камеры, и мы были уверены, что он несколько раз засветился. Но вряд ли они могли его узнать. К тому же, как считали Донован с Виком, было важно дать понять «Крулл», что у них побывал незваный гость. Позже, во вторник днем, мы вернулись туда и наблюдали с безопасного расстояния. Собрался целый рой полицейских машин, они так и сновали кругом. И сотрудники явно переполошились.

— Замечательная история, но пахнет крайним безрассудством.

— Конечно, так и есть. Но что поделать, это мой брат. И он придерживался такой философии: раз плохие парни постоянно занимаются обманом...

— Понимаю. Он и мне не раз говорил примерно то же самое. А что было на жестких дисках?

— Ничего особенного. Он не такой глупец, чтобы держать в компьютерах важную секретную информацию.

— Тогда зачем ты их забрал?

— Он мне велел. Мы заранее договорились, на тот случай, если с ним что-то произойдет. Несколько лет назад был случай в Миссисипи, когда агенты ФБР обыскивали одну юридическую контору и забрали все компьютеры. Донован опасался того же, вот я и исполнил его волю.

— Ну а что ты собираешься делать с документами «Крулл»?

— Должен передать их другим адвокатам до того, как ФБР их найдет.

— Считаешь, ФБР может их найти?

— Ну, это маловероятно. — Они подходили к зданию суда со стороны узенькой боковой улочки. Джефф достал что-то из кармана, протянул ей. — Это мобильник с предоплаченной картой, — сказал он. — Твой.

Саманта удивленно смотрела на телефон.

— Спасибо. Но у меня есть мобильник.

— Твой телефон не безопасен. Бери этот.

Она продолжала смотреть на него, а до нового телефона так и не дотронулась.

— Но зачем он мне нужен?

— Чтобы говорить со мной и Виком. И ни с кем больше.

Саманта отступила на шаг, покачала головой.

— Я не верю во все это, Джефф. Если возьму этот мобильник, значит, присоединюсь к вашему маленькому заговору. Почему именно я?

— Потому, что мы тебе доверяем.

— Ты ведь даже толком меня не знаешь. Я здесь всего два месяца.

— Вот именно. А потому мало с кем как следует знакома. Тебя еще не успели подкупить. Ты не заговоришь, потому что говорить тебе просто нечего. И еще ты чертовски умная, крутая, и с тобой приятно общаться.

— О, замечательно. Мне только комплиментов не хватало. Наверное, буду выглядеть очень эффектно в оранжевой тюремной робе и с цепями на ногах.

— Да, это точно. Будешь выглядеть шикарно в любом наряде или без него.

— Подбиваешь клинья, что ли?

— Возможно.

— Ладно. Тогда ответ один: нет. Знаешь, Джефф, я серьезно. Собираюсь упаковать вещи, сесть в чертов «форд» и газануть так, чтобы гравий разлетелся... вроде бы так принято тут говорить. Направляюсь в Нью-Йорк, откуда я родом, причем поеду без остановок. Мне не нравится, что здесь происходит, и все эти неприятности мне ни к чему.

— Ты не можешь уехать. Слишком много уже знаешь.

— Через двадцать четыре часа на Манхэттене забуду все раз и навсегда, поверь.

Чуть поодаль Сарж вышел из кафе на улицу, с шумом захлопнул за собой дверь и заковылял по тротуару. Никого больше на Мейн-стрит видно не было. Джефф бережно взял ее под руку и стал переводить через дорогу. Они шли к тенистому уголку за деревьями, прямо у памятника павшим в боях солдатам из округа Ноланд. Джефф указал вдаль, за здание суда, находившееся теперь в двух кварталах, и прошептал ей на ухо:

— Видишь вон там черный «форд»-пикап? Стоит за старым «фольксвагеном»?

— Да я «форда» от «доджа» не отличаю. Кто там?

— Их двое. Возможно, твой новый приятель Бозо, ну и еще одна сволочь, которого я называю Джимми.

— Джимми?

— Джимми Картер. Лошадиные зубы, широкая улыбка, светлые волосы.

— Поняла. Смешно. И зачем это Бозо и Джимми сидят в машине,

припаркованной на тихой улице в половине девятого вечера?

— О нас говорят.

— Хочу в Нью-Йорк. Там безопасно.

— Я тебя не виню. Знаешь, я тут должен исчезнуть на пару дней.

Пожалуйста, возьми телефон, чтобы мне было с кем поговорить. — Он снова протянул ей мобильный, она колебалась секунду-другую, но потом все-таки взяла.

Глава 27

Рано утром во вторник Саманта выехала из Брэйди и направилась в Мэдисон в Западной Виргинии. Туда было всего полтора часа езды, но время это удваивалось, если дороги были забиты грузовиками с углем и школьными автобусами. Порывистый ветер срывал последние листья с деревьев. Их нарядные и яркие цвета исчезли, долины и горы окрасились в скучные, даже мрачные оттенки коричневого, такими они и останутся до весны. На завтра вроде бы обещали снег, первый в этом году. Саманта вдруг поймала себя на том, что постоянно поглядывает в зеркало заднего вида, и временами это вызывало у нее улыбку: она превратилась в настоящего параноика. Да кто будет тратить время, преследуя ее по горным дорогам Аппалачей? Она всего лишь временное явление, интерн без зарплаты, и с каждым днем все больше тоскует по дому. Саманта планировала провести рождественские каникулы в Нью-Йорке, встретиться с друзьями, побродить по знакомым местам. И при этом задавалась вопросом: хватит ли у нее смелости вернуться в Аппалачи?

Новый мобильник лежал рядом, на пассажирском сиденье, она, время от времени глядя на него, гадала, чем занимается сейчас Джефф. Целый час она подумывала позвонить ему — просто убедиться, что телефон работает, но ведь и без того было ясно, что работает. Но когда именно она должна использовать этот чертов мобильник? И с какой целью?..

На федеральной трассе к югу от города Саманта нашла место встречи — миссионерскую баптистскую церковь Сидар-Гроув. Она заранее объяснила своим клиентам, что им надо поговорить в тихом укромном месте, а не на автозаправке, где Бадди обычно пил утренний кофе и каждый присутствующий считал себя вправе вмешаться в любой разговор. Райзеры предложили встретиться в своей церкви, и Саманта решила, что они выбрали это место лишь потому, что им не хотелось приглашать ее к себе в дом. Они ждали ее в машине Бадди на стоянке, провожая притворно равнодушными взглядами каждый проезжающий мимо автомобиль. Мэйвис обняла Саманту, точно та была ее родственницей, и они вошли в зал за небольшой часовней. Дверь была не заперта, просторное помещение пустовало. Они расставили раскладные кресла у ломберного стола и стали говорить о погоде и планах на Рождество.

И вот наконец Саманта решила перевести разговор в деловое русло.

— Я полагаю, вы получили письмо из офиса Донована с трагическим

известием.

Супруги грустно закивали. Бадди пробормотал:

— Такой хороший был человек.

Мэйвис спросила:

— И что это означает? Для нас и для судебного дела?

— Поэтому я и приехала. Чтобы все объяснить, ответить на ваши вопросы. Никто не собирается отказываться от иска по случаям заболевания пневмокониозом. Он был подан в прошлом месяце, и, как вам известно, мы ждем результатов медицинского обследования. Но боюсь, что теперь крупный иск по этому делу не пройдет. Когда Донован готовил дело в Лексингтоне, он действовал в одиночку. Обычно такие крупные дела тянутся годами и сжирают уйму денег. И вот Донован решил создать команду с участием нескольких других юристов и фирм. Они договорились, как-то поделили между собой обязанности и расходы. В вашем случае он пытался убедить присоединиться кого-то из друзей-адвокатов. А они, если честно, не слишком стремились. Воевать с такой компанией, как «Лоунрок коул», да еще с их юридической фирмой, пытаться выявить и доказать криминал в их действиях — это огромная работа.

— Вы объясняли нам все это и прежде, — резко заметил Бадди.

— Донован объяснял. Я тоже там была, но, как не раз говорила, не могу выступать адвокатом в столь крупном деле.

— Так получается, у нас нет адвоката? — спросила Мэйвис.

— Да, верно. На данный момент у нас нет человека, способного и готового взяться за это дело, так что рассмотрение придется отложить. Мне очень жаль.

Бадди дышал с трудом даже в спокойном состоянии, но при малейшем стрессе или волнении начинал задыхаться.

— Но это несправедливо, — выдавил он, широко раскрыв рот и жадно втягивая воздух.

Мэйвис продолжала смотреть на нее изумленно, потом смахнула ползущую по щеке слезу.

— Да, несправедливо, — сказала Саманта. — Но и то, что случилось с Донованом, тоже неправильно и несправедливо. Ему было всего тридцать девять, он стал лучшим в своем деле. Его смерть — это трагедия не только для близких, но и для клиентов, которые остались без его защиты. Вы не единственные, кто пострадал.

— Думаете, его убили? — спросил Бадди.

— Катастрофа еще расследуется, но пока никаких свидетельств

покушения на его жизнь не нашли. Много вопросов, которые остаются без ответов, но никаких веских доказательств.

— Уж больно дурно все это пахнет, — пробормотал Бадди. — Этих сукиных детей ловят с поличным на том, что они прячут документы и обманывают людей, потом Донован подает иск на миллиард долларов, и сразу же после этого его чертов самолет разбивается при загадочных обстоятельствах.

— Следи за языком, Бадди, — упрекнула его Мэйвис. — Ты как-никак в церкви.

— Я в зале для встреч. А церковь — вон там.

— И все равно, это церковь. Так что давай без ругани.

Пристыженный Бадди пожал плечами и заметил:

— Готов поспорить, что-нибудь они там найдут.

— Его стали доставать на работе, — сказала Мэйвис. — И началось все это сразу после того, как мы подали этот иск в Лексингтоне. Расскажи ей об этом, Бадди. Ведь это важно, правда, Саманта? Разве вам не хочется знать?

— Ну, нет ничего такого, с чем бы я не справился, — сказал Бадди. — Так, мелкие придирки. Меня вернули на прежнюю работу, посадили за руль самосвала. А управлять им потруднее, чем простым грузовиком, но, в общем-то, ничего страшного. Ну и еще заставили работать в ночную, три смены на прошлой неделе. А ведь расписание для меня было составлено на несколько месяцев вперед, и никаких ночных смен там не значилось. А вот теперь стали дергать. То и дело посылают работать в разные смены. Ничего, я выдерживаю. Работа, слава богу, есть, зарплата хорошая. Да притом, что никакой защиты от профсоюзов теперь не дождешься, могут прямо завтра уволить к чертовой матери. И я ничего не смогу поделать. Наш профсоюз разогнали двадцать лет назад, вот и крутись теперь как хочешь, сам по себе. Еще повезло, что вообще работа есть.

— Да, — заметила Мэйвис, — но на этой работе тебе долго не продержаться. Он должен подниматься по ступенькам, чтобы влезть в этот самосвал, и ему это трудно, — пояснила она Саманте. — А они прямо глаз с него не сводят, только и ждут, чтоб он сорвался или еще что случилось. А потом скажут, что он не может как следует выполнять свои обязанности и потому опасен для окружающих, ну и после этого запросто могут уволить.

— Меня в любом случае могут уволить. Сама знаешь.

Мэйвис прикусила язык, Бадди шумно втянул ртом воздух. Саманта достала из портфеля бумаги, разложила их на столе. И сказала:

— Это заявление о прекращении, вы должны подписать.

— О прекращении чего? — спросил Бадди, хотя уже знал ответ. Он даже не хотел смотреть на эти бумаги.

— О прекращении дела. О прекращении рассмотрения иска против «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт» в федеральном суде.

— И кто его туда отправит?

— Вы видели в центре Мэтти? Она мой босс. Она же родная тетя Донована и является его правопреемником и доверенным лицом. И суд даст ей право закрыть дело.

— А что, если я не подпишу?

Саманта этого никак не ожидала и, не слишком хорошо разбираясь в федеральных судебных процедурах, не знала, что и сказать. Однако она понимала, что с ответом медлить нельзя.

— Если иск подан не вами лично, то есть не истцом, тогда суд все равно рано или поздно его отменит.

— Получается, как ни крути, суда не будет? — спросил Бадди.

— Да.

— Ладно. Но я не сдамся. Не буду подписывать.

— А почему бы вам не взяться за это дело? — пробормотала Мэйвис. — Вы же адвокат.

Райзеры не сводили с нее глаз; стало очевидно, что они обсуждали этот вопрос и раньше.

Такую ситуацию Саманта предвидела и потому быстро нашла с ответом:

— Да, адвокат, но у меня нет опыта ведения тяжб в федеральном суде. И к тому же нет лицензии на это в штате Кентукки.

Они выслушали все это молча, и, похоже, она их не убедила. Ведь адвокат, он и есть адвокат, разве не так?

И тут Мэйвис предприняла новую попытку:

— Но когда шла речь об иске по черным легким, вы сами обещали, что подсчитаете все наши убытки, то, что нам должны были выплатить по закону как пострадавшим. И еще сказали, если мы выиграем дело, то вернемся к тому дню, когда в первый раз подали иск, то есть на девять лет назад. Так или нет?

— Да, верно, — сказала Саманта, шелестя бумагами. — Все подсчитано, получается, вам должны около восьмидесяти пяти тысяч долларов.

— Не так уж и много, — мрачно произнес Бадди, словно в незначительности суммы была виновата Саманта. Потом втянул ртом воздух и продолжил: — Они должны заплатить больше, черт, куда как

больше, после того что натворили. Мне следовало бросить работу в шахтах еще десять лет назад, как только заболел, и бросил бы, если бы получил пособие. Но нет, черт побери, я продолжал работать, продолжал вдыхать эту пыль!

— И тебе становилось все хуже и хуже, — мрачно добавила Мэйвис.

— А теперь я вряд ли смогу продержаться еще год, о двух и речи быть не может. И даже если удастся привлечь их к суду, они уже почти ни за что отвечать не будут. Это несправедливо.

— Согласна, — сказала Саманта. — Но ведь мы уже говорили на эту тему, Бадди, и не раз.

— Потому я и хочу засудить этих выроdkов в федеральном суде.

— Следи за языком, Бадди.

— Черт побери, буду ругаться, сколько захочу, Мэйвис.

— Послушайте, мне пора ехать, — сказала Саманта и потянулась за своим портфелем. — Очень хотелось бы, чтобы вы изменили свое решение и подписали отказ.

— Я не сдамся, — упрямо повторил Бадди. Он начал задыхаться.

— Хорошо. Но я не собираюсь приезжать сюда для этого еще раз. Поняли?

Бадди кивнул. Мэйвис вышла вместе с Самантой, оставив мужа одного на несколько минут. Они подошли к машине, и миссис Райзер сказала:

— Спасибо вам большое, Саманта. Мы очень благодарны. Прожили долгие годы без адвоката, и было так приятно узнать, что он у нас все-таки есть. Бадди умирает и знает это. Так что бывают дни, когда он чувствует себя совсем скверно, и общаться с ним тогда не слишком приятно.

— Понимаю.

Саманта остановилась у старой автозаправки «Коноко» — залить в бак бензина, а еще в надежде выпить чашечку приличного кофе. По одну сторону от здания были припаркованы машины, все с номерными знаками Западной Виргинии, и все ей незнакомые. Джефф предупреждал, что надо вести себя осторожно, присматриваться к каждой машине, обращать внимание на номера, всматриваться в лица, но не пялиться открыто, прислушиваться к голосам, но казаться при этом незаинтересованной. Веди себя так, будто кто-то постоянно за тобой следит, предупреждал он. Но ей было трудно следовать его совету.

— Они считают, у нас есть то, что им крайне необходимо, — сказал он ей как-то. И это «нас» ей не понравилось. Саманта не могла припомнить, чтобы входила в какую-то команду. Она смотрела на шланг,

подсоединенный к баку, и тут в магазин вошел мужчина, хотя за последние несколько минут к автозаправке не подъехала ни одна новая машина.

Бозо вернулся... Саманта расплатилась за бензин кредиткой в автомате и могла бы сразу уехать, но ей захотелось проверить, не ошиблась ли она. Она вошла в помещение, поздоровалась с кассиршей. Вокруг железной печи, топившейся дровами, сидели в креслах несколько стариков, никто из них не обратил на нее внимания. Еще несколько шагов — и она оказалась в маленьком кафе, дешевом заведении с дюжиной столиков, накрытых скатертями в красно-белую клетку. За ними сидели человек пять — что-то ели, пили кофе и болтали.

Бозо сидел за стойкой, наблюдая за тем, как повар жарит на гриле бекон. Лица его она не видела, сцен устраивать не хотела, а потому просто робко стояла посреди кафе, не уверенная, что делать дальше. Потом поймала на себе несколько любопытных взглядов и решила, что ей лучше уйти. Она села в машину, вернулась в Мэдисон, зашла в универмаг, где купила карту автомобильных дорог. Ее «форд» был оснащен навигатором GPS, но Саманта не удосужилась его запрограммировать. А ей нужно было побыстрее убраться отсюда и узнать все объездные пути.

Примерно через полчаса, проезжая по сельской дороге где-то в округе Лоуренс, штат Кентукки, она вдруг ощутила острую необходимость воспользоваться новым мобильным телефоном. Джефф ответил после четвертого гудка. Саманта спокойно рассказала ему о том, что произошло, он заставил ее повторить все с самого начала, только помедленнее.

— Он хотел, чтобы ты его увидела, — сказал Джефф. — Другой причины рисковать быть замеченным не было. И это не столь уж необычная тактика. Он ведь знает, что ты не набросишься на него с кулаками, не станешь вызывать полицию и прочее. Вот и решил дать тебе понять.

— Понять что?

— Что за тобой наблюдают. Что тебя всегда могут найти. Что ты связалась не с теми людьми и можешь пострадать.

— Ладно, я поняла. И что теперь делать?

— Да ничего. Просто держи глаза открытыми и, когда вернешься в Брэйди, постарайся понять, не ждет ли он тебя.

— Я не хочу возвращаться в Брэйди.

— Ну, извини.

— Ты сейчас где?

— Буду в дороге еще несколько дней.

— Не слишком внятное объяснение.

Она въехала в Брэйди незадолго до полудня и не заметила ничего подозрительного. Припарковалась у входа в центр и, прежде чем выйти из машины, оглядела улицу сквозь солнечные очки. И вдруг почувствовала себя полной идиоткой, но, с другой стороны, почему-то была почти уверена, что Бозо следит за ней, спрятавшись за деревом. И что, черт возьми, он затеял? Ведь ходить за ней по пятам повсюду — да это любого сыщика утомит до полусмерти.

Звонили отпрыски миссис Крамп. Очевидно, Фрэнсин сказала одному из них, что снова передумала и хочет встретиться с мисс Кофер, а также что не станет вносить изменения в последнее завещание. Ну и, естественно, Крампы вскипели и буквально обрывали телефон, стремясь связаться с мисс Кофер и переговорить с ней еще раз. От самой Фрэнсин никаких сообщений не поступало. Саманта нехотя приняла от Барб стопку записок с сообщениями о телефонных звонках, сама же Барб предложила ей позвонить кому-то одному из членов семьи, лучше всего самому старшему, Ионе, и объяснить, что его дражайшая матушка в центр не звонила, а потому хватит им терроризировать сидящую на телефоне секретаршу.

Саманта затворила за собой дверь и позвонила Ионе. Тот приветствовал ее довольно любезно, но затем вдруг принялся угрожать, обещая подать на нее в суд и лишить лицензии, если она «продолжит мухлевать с завещанием мамочки». В ответ Саманта сообщила, что за последние двадцать четыре часа Фрэнсин не звонила ей ни разу. И никаких встреч с ней у нее не назначено. Словом, ничего. Тут он немного утихомирился, хотя был готов взорваться в любую секунду.

Саманта спросила:

— Вы лучше вот что мне скажите. Возможно, ваша мать играет с вами в какие-то игры?

— Мамочка на такое не способна! — выпалил он.

Тогда Саманта вежливо попросила не терроризировать сотрудников центра и попросить своих родственников прекратить без конца названивать. Он категорически отказался, но в конце концов им все же удалось прийти к соглашению: если Фрэнсин придет в центр за юридической помощью, Саманта первым делом позвонит Ионе и уведомит его об этом.

Она быстро повесила трубку и буквально через две секунды Барб сообщила ей о новом звонке.

— Это из ФБР, — сказала она.

Звонивший представился агентом Банаханом из подразделения ФБР в Роаноке и сказал, что разыскивает человека по имени Джефф Грей.

Саманта сказала, что знает Джеффа Грея, а вот где он находится — нет, и спросила агента, чем еще может ему помочь. В ответ на что Банахан сообщил, что будет счастлив заскочить к ней в офис через полчаса или около того — он как раз находится неподалеку. Саманта заявила, что не будет ничего обсуждать по телефону, и согласилась на встречу. И вот через двадцать минут агент уже стоял в приемной, Барб оглядела его с головы до ног, решила, что мужчина он очень даже привлекательный, и даже начала строить ему глазки. Но на Банахана это не произвело никакого впечатления, он вошел в конференц-зал, где его уже ждали Саманта с Мэтти, а на столе перед ними стоял диктофон.

Сухо представившись и взглянув на его удостоверение, Мэтти сказала:
— Джефф Грей — мой племянник.

— Нам это известно, — с ухмылкой произнес Банахан, и женщины сразу почувствовали к нему антипатию. — Вы знаете, где он сейчас?

Мэтти покосилась на Саманту и ответила:

— Я нет. Может, ты знаешь?

— Нет. — Саманта не лгала, она действительно не знала, где в данный момент находится Джефф.

— А когда вы говорили с ним в последний раз? — обратился Банахан к Саманте.

Тут вмешалась Мэтти:

— Послушайте, его брат был убит в прошлый понедельник, в среду мы его похоронили, за пять дней до того, как ваши ребята ворвались и обыскали его офис. По условиям завещания, Джефф является его душеприказчиком, а я — его советником и юристом. Так что да, я много раз говорила с племянником. Что именно вас интересует?

— У нас к нему много вопросов.

— У вас есть ордер на его арест?

— Нет.

— Вот и хорошо. Значит, он не избегает ареста.

— Верно. Нам просто надо поговорить.

— Все наши разговоры с Джеффом проходили здесь, вот за этим самым столом. Ясно вам? И я посоветовала ему обсуждать все дела только в нашем с мисс Кофер присутствии. Это понятно?

— Прекрасно, миссис Уатт. Так когда мы можем с ним поболтать?

Мэтти немного расслабилась и ответила:

— Ну, где он сегодня, понятия не имею. Только что пыталась дозвониться ему на мобильный, но он не отвечает, включается голосовая почта.

Саманта покачала головой с таким видом, точно не говорила с Джеффом несколько недель. Мэтти продолжила:

— Завтра мы должны были идти в суд для официального утверждения завещания, но судья перенес заседание на следующую неделю. Так что не знаю, где в данный момент находится мой племянник.

— Это что, как-то связано с вчерашними действиями ФБР по конфискации документов из офиса Донована Грея? — спросила Саманта.

Банахан сложил ладони вместе и ответил:

— Разве это не очевидно?

— Похоже, так. Но что вы расследуете теперь, когда Донован Грей мертв?

— Не имею права отвечать на этот вопрос.

— Так объектом вашего расследования является Джефф? — спросила Мэтти.

— На данный момент нет.

— Он никаких законов не нарушал, — заверила его Мэтти.

Глава 28

Очередное нападение на шахту «Миллард брейк», располагавшуюся неподалеку от Уиттсбурга, штат Кентукки, мало чем отличалось от других ему подобных. Снайперы укрылись в густом лесу на восточном склоне горы Трейс, на высоте примерно пятисот футов над местом разработок, вели огонь с расстояния около семисот ярдов и пробili сорок семь шин, каждая из которых весила девятьсот фунтов и стоила 18 тысяч долларов. Двое ночных сторожей, тоже хорошо вооруженные, рассказали полиции, что нападение длилось около десяти минут, и временами казалось, что началась война: грохот от выстрелов из снайперских винтовок эхом разносился по долине, — а совсем рядом с диким треском взрывались шины. Первый залп прогремел в 3.05 ночи. Все машины и механизмы в этот момент простаивали, работники находились дома. Один из охранников запрыгнул в грузовик — видимо, с намерением преследовать нападавших, хоть и не был уверен, куда следует направиться, — но вскоре выскочил из кабины, потому что по этой машине также открыли огонь и пробili два колеса. Второй охранник спрятался в трейлере, который служил офисом, чтобы позвонить в полицию, но был вынужден лечь на пол, потому что по трейлеру тоже открыли огонь и пули выбили все стекла. Этому случаю придали особое значение, поскольку имела место прямая угроза человеческим жизням. Во время других нападений снайперы вели себя аккуратнее, старались никого не задеть. Они охотились на машины, а не на людей. Теперь же речь шла о серьезном нарушении закона. Охранники считали, что стреляли как минимум из трех винтовок, хотя сказать наверняка в таком хаосе было трудно.

Владельцы шахты из «Крулл майнинг», как обычно, подняли шум и через прессу высказали угрозы в адрес нападавших. За их поимку назначалось весьма щедрое вознаграждение. Окружной шериф обещал провести самое тщательное расследование и в скором времени произвести аресты. Что вызвало весьма язвительные комментарии все в той же прессе, напомнившей читателям, что эти так называемые «экоотеррористы» безнаказанно мародерствуют в южных Аппалачах вот уже года два, не меньше.

Новое происшествие заставило обобщить итоги последних нападений, и многие пришли к выводу, что и в этом случае использовалось то же оружие — 51-миллиметровые патроны, которыми обычно стреляют из

дальнобойных винтовок «М24Е». Точно такие же использовали военные снайперы в Ираке, причем поразить мишень можно было с расстояния свыше тысячи ярдов. Один из экспертов подчеркнул, что для стрельбы из такого оружия и с такого расстояния, да еще ночью, требуется оптический прицел, но приобрести его в наши дни труда не составляет, а потому выследить снайперов практически невозможно.

В «Крулл майнинг» выступили с заявлением, что на рынке шин настоящий кризис, в ряде мест чувствуется их нехватка, а потому шахту придется закрыть на несколько дней.

Саманта читала все эти статьи в ноутбуке утром в пятницу, устроившись в своем кабинете с чашечкой кофе. И ее не покидало тревожное предчувствие, что Джефф как-то связан с этой бандой, а может, даже является ее лидером. Прошло уже почти две недели со дня смерти его брата, вот он и выразил таким образом свое отношение к гибели Донована — решил отомстить, нанести «Крулл майнинг» ответный удар. Если ее догадки верны, это еще одна причина собрать вещи и поскорее смотаться отсюда. Она переслала статьи Мэтти по электронной почте, затем заглянула к ней в кабинет и сказала:

— Если честно, думаю, без Джеффа там не обошлось.

Мэтти лишь отмахнулась и изобразила улыбку — дескать, глупости все это. А потом сказала:

— Вот что, Саманта, сегодня первая пятница декабря. В этот день мы по традиции украшаем свой офис, а все остальные в Брэйди — свои конторы и дома. Это первый день, когда мне немного полегчало после смерти Донована, видишь, я даже улыбаюсь. И не хочу портить этот день досужими размышлениями на тему того, что там задумал Джефф. Да, кстати, ты с ним говорила?

— Нет. А что, должна? Нас это не касается, как ты любишь говорить. Сам он со мной не связывался.

— Ладно. Давай забудем на время о Джеффе и попробуем как-то приукрасить нашу контору к Рождеству.

Барб включила радио, и скоро во всех помещениях звучали веселые рождественские песенки. Она же отвечала за елку — хилое пластиковое сооружение, которое хранилось в кладовой, рядом с метлами и швабрами. Но затем, когда они повесили на нее игрушки, гирлянды и замигали разноцветные огоньки, деревце ожило, преобразилось. Аннет украсила крыльцо ветками плюща и омелы, повесила на дверь венок. Потом они разложили сэндвичи и сели за ленч в конференц-зале, а Честер принес рагу из говядины в глиняных горшочках. О работе было забыто, клиенты

игнорировались полностью. Телефон звонил редко — все жители округа готовились к празднику. После ленча Саманта отправилась в суд и по дороге любовалась тем, как украшают городские учреждения и магазины. Целая команда добровольцев развешивала серебряные колокольчики на фонарных столбах вдоль улиц. Другая устанавливала большую свежесрезанную елку в парке рядом со зданием суда. В воздухе внезапно запахло Рождеством, весь город охватило предпраздничное настроение.

С наступлением темноты в Брэйди начали прибывать целые толпы людей. Они шныряли по Мейн-стрит от одного магазина до другого, угощались по дороге горячим сидром и имбирным печеньем. Автомобильное движение на улицах было перекрыто, дети радостно предвкушали прохождение парада. И он начался около семи, когда в отдалении послышался вой сирен. Толпа прихлынула к проезжей части, люди выстроились вдоль тротуаров. Саманта увидела Ким, Адама и Аннет. Процессию возглавлял шериф, его коричнево-белый патрульный автомобиль сверкал свежей краской. За ним ехала его маленькая армия. «Что, если в этом действе принимает участие и тот псих Роуми? Затесался где-нибудь среди полицейских», — подумала Саманта. Но его нигде не было видно. Мимо промаршировал школьный оркестр, играющий весьма слабую вариацию «О, придите все верующие», — маленький оркестр из маленькой местной школы.

— А они как-то не очень, правда? — шепотом спросил у Саманты Адам.

— О нет, что ты, они замечательные, — ответила она.

Затем прошли девочки-скауты, следом — мальчики.

Потом провезли нескольких ветеранов в инвалидных колясках — все они были счастливы, что дожили, что им доведется встретить еще одно Рождество. Звездой среди них был, разумеется, мистер Арнольд Поттер девяносто одного года от роду, участник высадки американских войск в Нормандии, которая состоялась шестьдесят четыре года тому назад. Он считался в округе главным живым героем. Затем на своих минимотоциклах пронесли храмовники,^[25] чем изрядно оживили действо. Клуб «Ротари» представил пасторальную сценку с настоящими овечками и козами, и все животные вели себя очень прилично. После них проплыла еще одна платформа — на ней был установлен «форд»-пикап последней модели, битком набитый ребяташками из детского хора баптистской церкви. Все дети были в белых сутанах и пели ангельскими голосами «О, малый город Вифлеем», причем почти не фальшивя. После них по Мейн-стрит проехал мэр в «форде-сандерберде» 1968 года с открытым верхом.

Он старательно махал рукой и улыбался, но, похоже, никто этим не впечатлился. Ну а потом проехали еще несколько полицейских автомобилей, пожарная машина с бригадой волонтеров и еще одна платформа — с джаз-бандом, наигрывающим лихую вариацию «Колокольчики звенят». Клуб верховой езды продемонстрировал себя во всей красе, они проследовали на скаковых лошадях, принимавших участие в родео. Рой Роджерс^[26] вполне бы мог ими гордиться. Сотрудники местной газовой службы порадовали новым сверкающим автомобилем с цистерной вместимостью десять тысяч галлонов, и многие сочли их появление приятным дополнением к параду. Чтобы ехать было веселей, водитель, чернокожий парень, опустил боковое стекло и во все горло выкрикивал какой-то совершенно не рождественский рэп.

И вот на санях появился символ зимы. Старый Санта-Клаус весело махал одной рукой мальчикам и девочкам, а другой разбрасывал конфеты. И через микрофон выкрикивал: «Хо, хо, хо!» — и ничего более вразумительного.

Наконец парад закончился, и большинство зрителей переместились к зданию суда, где находился парк. Там выступал мэр, приветствовал всех с трибуны и произнес речь, по мнению собравшихся, слишком длинную. Еще один детский хор спел «О, священная ночь». Мисс округа Ноланд, рыжеволосая красотка, запела «Милый младенец Иисус», и тут Саманта почувствовала, что кто-то дотронулся до ее правого локтя. Это был Джефф в низко надвинутом на лоб кепи и солнечных очках — в таком обличье она его еще никогда не видела. Саманта отошла от Ким и Адама, протиснулась через толпу и вскоре оказалась в темном уголке за памятником героям войны. Именно там они с Джеффом прятались в прошлый понедельник, издали наблюдая за Бозо и Джимми.

— Ты завтра свободна? — шепотом спросил он.

— В субботу? Ну конечно, день ведь нерабочий.

— Тогда поедем прокатимся?

Она колебалась, не зная, что ответить, увидела, как мэр щелкнул выключателем, и новогодняя елка засверкала огоньками.

— Куда?

Он сунул ей в руку сложенный в несколько раз листок бумаги и сказал:

— Там указано. Увидимся утром. — Чмокнул ее в щеку и растворился в темноте.

Саманта въехала в город Нокс округа Карри и припарковалась на стоянке перед библиотекой, примерно в квартале от Мейн-стрит. Если за

ней и следили, она этого не заметила. Затем неспешно прошла к Мейн-стрит, миновала еще три квартала на восток и оказалась в торговом центре, где были магазины, кафе и кофейни. Спросила, где туалет, пройдя по длинному коридору, вышла через заднюю дверь на аллею, ведущую к Пятой улице. Затем, как было указано на плане Джеффа, прошла еще два квартала от центра, увидела реку. Приблизилась к докам Ларри Трота, нырнула под мост, и тут из магазина рыболовных принадлежностей вышел Джефф и указал на моторную лодку. Без лишних слов они сели в нее. Саманта устроилась впереди, поживаясь от холода, Джефф — сзади. Он тотчас завел мотор. Лодка отчалила от доков и заскользила по водной глади. Они находились посередине реки Карри, город быстро скрывался из виду. Проскочили еще под одним мостом, и все признаки цивилизации исчезли. На протяжении нескольких миль — Саманта не представляла, как можно измерить пройденное по этой извилистой реке расстояние, — тянулась лишь темная водная гладь. Карри была узкой и глубокой рекой, без всяких камней и стремнин. Она прихотливо вилась среди гор, скрытая от солнца высокими отвесными скалами, которые, казалось, наползали одна на другую. Джефф и Саманта миновали лодку с одиноким рыбаком, который не сводил глаз с поплавок и не обратил на них ни малейшего внимания, проплыли мимо маленького поселения у песчаной отмели, где у берега примостились плавучие хижины и лодки.

— Водяные крысы, — так окрестил их Джефф.

Они все дальше и дальше углублялись в каньон, и с каждым поворотом река Карри становилась все уже и темней.

Громкий рокот мотора не давал им спокойно поговорить, да и говорить особенно пока было не о чем. Очевидно, Джефф вез ее в место, где ей никогда не доводилось бывать, но Саманта не боялась, не испытывала неуверенности. Несмотря на его вспыльчивость, сложный характер и эмоциональную нестабильность, она ему доверяла. Или, по крайней мере, доверяла достаточно, чтоб пуститься с ним в это путешествие, цель которого была ей пока неясна.

Но вот Джефф сбросил скорость, и моторка свернула вправо. Старый плакат гласил: «Конец пути по Карри». Впереди показалась наклонная бетонная площадка. Джефф ловко развернул лодку, и она причалила к песчаной отмели.

— Давай, выскакивай, — сказал он и вышел из лодки. Затем привязал ее цепью к металлической стойке рядом с настилом и секунду-другую разминал ноги. Не удивительно, что они затекли, ведь плавание длилось более часа.

— Доброго вам утра, сэр, — сказала Саманта.

Он улыбнулся и ответил:

— И вам тоже, мисс. Спасибо, что приехали.

— Можно подумать, у меня был выбор. Где мы находимся?

— Где-то в округе Карри. Следуйте за мной.

— Как скажете, сэр.

Они отошли от реки и, углубившись в густой лес, начали подниматься по узкой, еле видимой тропинке, различить которую мог только Джефф. Или Донован... По мере того как тропа становилась все круче, Джефф ускорял шаг. У Саманты начали ныть бедра и икры, и тут вдруг ее спутник резко остановился на небольшой вырубке и, подойдя к куче срубленных веток кедра, стал отбрасывать их в сторону. Под ними показалась «хонда», мощный квадроцикл, который, казалось, только и ждал, когда на нем отправятся в путь.

— Мальчишки и их игрушки, — заметила Саманта.

— Когда-нибудь каталась на таком? — спросил он.

— Я живу на Манхэттене.

— Запрыгивай.

Саманта повиновалась. За водительским местом находилось узенькое сиденье. Она уселась, обхватила Джеффа за талию, а он повернул рукоятку, и мотор взревел.

— Держись! — крикнул Джефф, и они рванули с места сквозь густые заросли, под которыми скрывалась примерно такая же узкая тропинка, что и прежде. Она вывела их на гравиевую дорожку, которую Джефф атаковал прямо-таки мастерски. — Держись! — снова крикнул он, поддал газу, и они на долю секунды взмыли в воздух. Саманте хотелось попросить Джеффа ехать медленнее, но вместо этого она лишь крепче прижалась к нему и закрыла глаза. Страшно гонять по горным тропинкам с такой бешеной скоростью, прямо дух захватывает, но почему-то Саманта была уверена — он сумеет ее уберечь. С гравиевой дороги они перескочили на другую, грунтовую и грязную, которая круто поднималась в гору. Тут стволы деревьев стали толще, огибать их было сложнее, и Джефф повел квадроцикл осторожнее. И все равно такая езда была мучительной и опасной. Прокатившись с полчаса на квадроцикле, Саманта начала едва не с умилением вспоминать плавание на моторке.

— Нельзя ли узнать, куда мы едем? — прокричала она на ухо Джеффу.

— Катаемся, дорогая.

Тропинка сузилась, они ехали вдоль хребта. Затем Джефф свернул на другую тропинку, и начался спуск — весьма опасный, их так и швыряло из

стороны в сторону, когда машина огибала валуны и деревья. И вот наконец показалась вырубка, откуда открылся вид на окрестности.

— Вон там Серая гора, — сказал Джефф и кивком указал на лишенный растительности холм в отдалении.

Саманта едва успела подобрать ноги — квадроцикл со всплеском врезался в воду, и они перебрались через Желтый ручей, — а потом увидела хижину. Она примостилась у склона горы — квадратный сруб из старых толстых бревен с крылечком и каменной каминной трубой. Джефф припарковался рядом и сказал:

— Добро пожаловать в мое скромное убежище.

— Уверена, есть более простой способ добраться сюда.

— Есть. Тут неподалеку проходит шоссе. Потом тебе покажу. Крутая у меня хижина, согласна?

— Ну, наверное. Мне не часто доводилось бывать в хижинах. Как-то Донован показывал мне ее, но с высоты в тысячу футов. И если я не ошибаюсь, он сказал, что там нет ни водопровода, ни отопления, ни электричества.

— Ты все правильно поняла. Если останемся, придется спать у костра.

Вопрос ночевки пока не обсуждался, но Саманта уже ничему не удивлялась. Она поднялась по ступенькам на крыльцо и следом за Джеффом вошла в довольно просторную комнату. В камине дымилось и догорало полено.

— А ты давно был здесь? — спросила она.

— Вчера, поздно ночью, спал у камина. Знаешь, очень уютно и тепло. Пива хочешь?

Саманта взглянула на часы — 11.45. Рановато еще для пива. Рядом с маленьким столиком стоял переносной холодильник.

— Вода есть?

Он протянул ей бутылку с водой, откупорил банку с пивом. Они уселись в деревянные кресла у камина. Джефф отпил глоток и сказал:

— Они успели побывать здесь на этой неделе. Точно не знаю, кто именно, но сомневаюсь, что ребята из ФБР, потому как им понадобился бы ордер на обыск. Наверное, оперативники, работающие на «Крулл» или какую-то другую структуру.

— А как ты узнал, что здесь кто-то был?

— Засветились на видеопленке. Месяца два назад мы с Донованом установили здесь две камеры наблюдения. Одна вон там, на дереве за ручьем, вторая — на дереве ярдах в пятидесяти от входной двери. И активируются они тут, у двери. Если кто-то ее открывает, камеры

включаются и работают примерно минут тридцать. Никто из посторонних об этом не знает. И вот в прошлую среду в три двадцать одну сюда явились четверо и вошли в хижину. Уверен, эти типы искали документы, жесткие диски, ноутбуки — словом, все, что представляло для них ценность. Что интересно — не оставили ни одного следа. Ну ровным счетом ничего. Даже пыль осталась на месте, из чего можно сделать вывод, что это были настоящие профессионалы. Видно, сочли меня дураком — вот в чем состояла их единственная ошибка. Теперь я знаю, как они выглядят. На пленке есть четыре физиономии, так что, если я их встречу, сразу узнаю.

— А может, они следят за нами и сейчас?

— Сомневаюсь. Машина спрятана в таком месте, где ее не найти. Это наша земля, Саманта, и мы знаем ее лучше других. Хочешь взглянуть?

— Пошли.

Джефф схватил рюкзак, она вышла из хижины следом за ним. Примерно с полмили они шагали вдоль Желтого ручья, затем остановились на площадке, куда падали столь редкие в лесистой горной местности солнечные лучи. Джефф заметил:

— Не знаю, что успел рассказать тебе Донован, но это единственный клочок нашей земли, который не пострадал от открытых разработок. Осталось около двадцати нетронутых акров. А там, за хребтом, Серая гора и остальные наши земли, которые теперь полностью разорены.

Они двинулись дальше, стали подниматься по склону, и вот лес расступился, и их взорам открылось удручающее зрелище. Даже с высоты тысячи футов эта местность казалась разоренной и заброшенной, но смотреть на нее с земли было еще больней. Сама гора сжалась, превратилась в уродливый бугор из камней и сорных растений. С большим трудом они поднялись на нее и смотрели вниз, на заваленные камнями и мусором долины.

На ленч они ели сандвичи, пристроившись в тени полуразвалившегося трейлера, где некогда находилась бытовка. Джефф рассказал, как наблюдал за этими разрушениями еще ребенком. Ему было девять, когда здесь начались открытые разработки.

Саманте было любопытно, почему он выбрал Серую гору объектом их субботней поездки. Как и Донован, Джефф предпочитал не слишком распространяться о том, что здесь случилось. Да и назвать приятной саму эту поездку никак было нельзя. Пейзажи и виды здесь не радовали глаз. Они забрались в этот уголок Аппалачей, в то время как к их услугам были сотни живописных мест и тысячи миль вполне приличных дорог. Да и ситуация с «Крулл майнинг» давала повод для опасений: за ними вполне

могли следить.

Тогда почему именно Серая гора? Но она не стала спрашивать. Можно поговорить об этом позже, не обязательно сейчас.

Спускаясь вниз, они миновали поросшую плющом и сорняками свалку с ржавеющими и гниющими машинами и механизмами, очевидно, их побросали в спешке сотрудники «Вайден коул», когда им пришлось покинуть место разработок. В стороне лежала огромная толстая шина. Саманта приблизилась и спросила:

— А это от чего?

— От самосвала. Эта еще маленькая, примерно десяти футов в диаметре. Сегодня они вдвое больше.

— Читала вчера в новостях. Слышал о ночной вылазке снайперов и нападении на «Миллард трейд»? О том, какая там была стрельба? Эти экотеррористы...

— Ну конечно, кто ж о них не слышал?

Она обернулась и уставилась на него немигающим взглядом. Джефф даже отступил на шаг и спросил:

— Ты что?

Не отводя глаз, Саманта сказала:

— Да ничего. Просто мне кажется, что эти экотеррористы симпатичны тебе и Доновану, возможно, еще и Вику.

— Обожаю этих ребят, кем бы они там ни были. Но не хочу попасть в тюрьму. — С этими словами Джефф отошел в сторону.

Саманта двинулась за ним, и вот, оказавшись у подножия Серой горы, они пошли вдоль русла ручья. Воды в нем не было, причем уже довольно давно. Джефф сказал, что они с Донованом еще мальчишками ловили здесь рыбу вместе с отцом, задолго до того, как обвал погубил ручей и всю обитавшую в нем живность. Он привел ее к тому месту, где некогда находился их старый дом, построенный еще дедом, и принялся описывать, как он когда-то выглядел. Потом они подошли к кресту, который установил Донован на месте гибели их матери Розы, и Джефф опустил перед ним на колени. Он простоял так довольно долго.

Солнце скрывалось за горами, близился вечер. Ветер подул с новой силой, сюда перемещался холодный фронт — вполне возможно, что утром пойдет снег. Но вот они вернулись к Желтому ручью, и Джефф спросил:

— Хочешь остаться на ночь или поедem в Брэйди?

— Давай останемся, — ответила она.

Они поджарили на углях два стейка и съели их, сидя у камина и запивая красным вином из бумажных стаканчиков. Когда первая бутылка

опустела, Джефф откупорил вторую, и они улеглись на одеялах прямо перед камином. И начали целоваться, поначалу робко и очень нежно. Впрочем, спешить им было некуда, впереди была целая ночь. Губы и языки пощипывало от дешевого кисловатого мерло, и это почему-то их страшно смешило. Они рассказывали друг другу о своем прошлом. Джефф старался не упоминать Донована, Саманта тоже избегала о нем говорить. Прошное тесно переплеталось с настоящим. Джефф лишился работы и понятия не имел, чем бы заняться. У него ушло пять лет на то, чтобы закончить два курса колледжа, студентом он был никудышным. Четыре месяца просидел в окружной тюрьме за торговлю наркотиками, судимость так и осталась непогашенной, и это долго его угнетало. Теперь он избегал наркотиков — слишком много его приятелей погубил мет. Ну, разве что изредка баловался марихуаной, но почти не курил и не пил. Затем они затронули тему личной жизни. Саманта рассказала ему о Генри и описывала свои отношения с ним в более романтическом ключе, чем было в действительности. На самом деле тогда в Нью-Йорке она была слишком занята работой, слишком уставала, чтобы заводить и поддерживать серьезные отношения. Джефф же когда-то был помолвлен с подругой детства, но тюрьма нарушила их планы. Пока он сидел, она убежала с другим парнем и разбила ему сердце. На протяжении довольно долгого времени он не доверял женщинам, считал, что они пригодны лишь для одного — секса. Но потом немного оттаял и весь прошлый год встречался с молодой разведенной женщиной из Вайза. Она преподавала в колледже, неплохо зарабатывала и растила двух ребятшек. Проблема состояла в том, что он просто не выносил ее детей. Их отец был шизофреником, и у них просматривались симптомы того же заболевания. И это значительно осложняло их отношения.

— Твоя рука у меня под майкой, — прошептала Саманта.

— И ей там очень уютно.

— И мне тоже тепло и приятно.

И вот наконец они поцеловались по-настоящему! Это был долгий и страстный поцелуй, а руки начали так нетерпеливо срывать одежду, что отлетали пуговицы. Потом они отстранились друг от друга — надо было снять ремни и сбросить обувь. Следующий поцелуй был более нежным, но руки продолжали трудиться, снимая остатки одежды. И вот они, обнаженные, занялись любовью на одеялах перед камином. Поначалу ритм был неспешным. Джефф был немного неловок, она — чуточку заторможена, но вскоре они слились в единое целое, и в их движениях наступила гармония. Первый раунд был краток — обоим надо было хоть немного отдышаться. Второй получился куда более захватывающим и

сладостным — они пробовали и меняли позы. И когда все закончилось, распростерлись на одеялах в полном изнеможении, нежно касаясь друг друга. Было почти девять вечера.

Первый снег растаял к середине утра. Солнце ярко сияло на небе, воздух был чист и прозрачен. На протяжении часа они объезжали Серую гору, пересекали высохшие русла ручьев, где прежде в изобилии водились радужная форель и лосось, ныряли в пещеры у отмели, где в другой жизни Джефф с Донованом еще мальчишками играли в войну и устраивали укрепления; перебирались через огромные валуны, вырванные из земли на поверхность два десятилетия назад, бродили по тропинкам, которые бы не смог найти никто другой.

Саманта немного устала от вчерашнего ночного марафона и в то же время ощущала какую-то воздушную легкость во всем теле. Джефф был поистине неустойчивым, карабкался по склонам или всю ночь занимался любовью у камина — силы его были поистине неисчерпаемы.

Саманта прошла за ним в узкое ущелье у подножия горы, затем двинулась по тропинке, терявшейся в глухом лесу. Они влезали на скалы — иногда естественного происхождения, — потом вошли в пещеру, которую никто бы не заметил с расстояния двадцати футов. Джефф включил фонарик и спросил, обернувшись:

— Ты как там, нормально?

— Я здесь, прямо за тобой, — ответила Саманта, стараясь держаться поближе. — А куда мы идем?

— Хочу показать тебе кое-что.

Они пригнулись, обошли стену из скал и все дальше углублялись в пещеру, где, если б не фонарик, царил бы чернильная тьма. Двигались медленно, словно боялись на что-то наступить. Если бы в тот момент кто-нибудь крикнул: «Змея!» — Саманта или упала бы в обморок, или просто умерла от разрыва сердца.

И вот они вошли в полукруглый подземный грот, куда откуда-то сверху, сквозь камни, проникал тонкий луч солнечного света. Здесь было оборудовано нечто вроде склада или хранилища. Вдоль одной из стен выстроились в два ряда ящики с каким-то армейским имуществом, возле другой — шкафы, рядом громоздились картонные коробки. На столе из толстого листа клееной фанеры, укрепленного на бетонных блоках, лежали одинаковые продолговатые коробки. Они были сделаны из пластика и плотно закрыты. Джефф сказал:

— Мы играли здесь еще детьми. Эта пещера находится на глубине

около двухсот футов под основанием Серой горы. Слишком глубоко, а потому не пострадала от взрывов во время разработок. Прекрасное помещение, потому что здесь сухо, никакой влаги, никаких температурных перепадов на протяжении года, ну и еще есть источник света.

Саманта указала на стол и спросила:

— А здесь, должно быть, документы, похищенные у «Крулл майнинг»? Верно?

Он улыбнулся и кивнул.

— Да, верно.

— Так получается, теперь я ваш сообщник? Зачем ты привел меня сюда, Джефф?

— Ты не сообщник, потому что не имеешь никакого отношения к краже этих документов и никогда не видела этих коробок. И вообще никогда здесь не была, ясно?

— Ну, не знаю. Как-то все это... неправильно. Зачем ты привел меня сюда?

— Все просто, Саманта, и в то же время совсем не просто. Эти документы следует доставить другим юристам, приятелям Донована. И как можно скорей. Вообще-то я придумал, как это сделать, но будет сложно. ФБР висит на хвосте, ребята из «Крулл майнинг» тоже следят. Да любой просто мечтает застукать меня с этими бумагами. Черт, да, я помогал их украсть, и вот теперь они спрятаны на территории, которая принадлежит моей семье, так что, если меня схватят или узнают про них, выстроить защиту будет сложно, верно?

— Да, тогда ты пропал.

— Вот именно. И если со мной что-то случится, кто-то должен знать, где хранятся документы.

— И этот «кто-то» я, так, что ли?

— Умница, все ловишь на лету.

— Ну уж прямо. А кто еще знает?

— Вик Канцаро. Больше ни одна живая душа.

Саманта глубоко вздохнула и подошла к столу.

— Все непросто, Джефф. С одной стороны, здесь находятся документы, которые могут обойтись «Крулл майнинг» в целое состояние да еще заставить эту компанию подчистить за собой всю грязь. С другой стороны, они являются поводом для уголовного преследования — тебя или другого человека, в чьем распоряжении оказались. Ты обсуждал это с теми юристами, ну, с приятелями Донована?

— Нет, ни разу после его смерти. Но хочу, чтобы ты этим занялась,

Саманта. Я не юрист, в отличие от тебя. А вот ты сможешь, причем действовать надо безотлагательно. Встретиться с ними в каком-нибудь укромном месте, где никто не подсматривает и не подслушивает.

Она лишь покачала головой, чувствуя, как ее все глубже затягивает эта паутина. Неужели она уже достигла точки невозврата?

— Я должна подумать. И еще: почему бы вам с Виком не встретиться с этими юристами?

— Вик не согласится. Очень уж напуган. К тому же за ним и без того тянется большой шлейф — здесь, на угольных полях. Но это долгая история.

— А у кого-нибудь в этих краях есть короткие истории? — Она подошла к шкафам у стены и спросила: — А здесь что?

— Наша коллекция оружия.

Саманта подумывала открыть дверь и заглянуть внутрь, но ничего не понимала в огнестрельном оружии, да и не хотела понимать. И, не глядя на Джеффа, спросила:

— А какова вероятность того, что здесь найдется снайперская винтовка с оптическим прицелом и коробка с патронами калибром пятьдесят один миллиметр? — Потом она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза, но Джефф смотрел в сторону.

— Я бы на твоём месте туда не заглядывал, — пробормотал он.

Саманта повернула к выходу, протиснулась мимо него и бросила на ходу:

— Идем отсюда.

Они вышли из пещеры и вновь зашагали по склонам зигзагообразными тропинками. Саманта подумала, что, если с Джеффом что-то случится, сама она ни за что не найдет дороги к этой пещере. И более того — если что-нибудь случится с Джеффом, она вернется на Манхэттен до того, как Мэтти успеет организовать похороны.

Они довольно долго молчали. Сидя на крыльце, съели банку скверного на вкус чили, запили его остатками вина, а потом прилегли подремать перед камином. Но скоро проснулись и обнаружили, что опять целуются и обнимаются. И снова все те же предметы одежды были торопливо сорваны и разбросаны по всей комнате, и они очень приятно провели воскресный день.

Глава 29

Размер суммы для выхода под залог Фиби Фэннинг был сокращен со 100 тысяч всего до тысячи долларов, и в понедельник в девять утра она отправила чек через поручителя. Эта сделка состоялась после того, как Саманта убедила судью отпустить мать детей, отец которых находится в тюрьме. Ведь на кону здоровье и благополучие трех ни в чем не повинных малышей. После двух дней отчаянных споров и обмена оскорблениями судья наконец сдался. Назначенный судом адвокат Фиби заявил, что не справляется с объемом работы, что у него просто нет времени на какие-то малозначащие процедурные мелочи, а потому пришлось подключиться Саманте. Она вышла из здания суда вместе с Фиби и отвезла ее домой. А там еще пришлось прождать целый час, пока какая-то дальняя родственница привезет ребятишек. Они не видели мать больше недели, и еще, очевидно, их предупредили, что ей приходится туго. Последовало целое море слез, крепких объятий и тому подобного, и Саманте довольно быстро все это надоело. Она осторожно объяснила Фиби, что ей грозит как минимум пять лет тюремного срока, а Рэнди — еще больше, если он возьмет основную часть вины на себя, а потому надо по возможности деликатно подготовить к этому детей.

Она уже уходила из дома Фэннингов, как вдруг завибрировал мобильник. Звонила Мэтти из офиса. Она только что узнала, что у Фрэнсин Крамп тяжелый инсульт и бедняжка находится в больнице. Так что сага о завещании и последнем свободном волеизъявлении еще не закончена.

В блоке интенсивной терапии больницы, нищего и устаревшего во всех смыслах заведения, при одном взгляде на которое у жителей округа Ноланд могло пробудиться стремление к здоровому образу жизни, Саманта нашла медсестру и перемолвилась с ней словечком. Пациентку привезли сюда вскоре после полуночи. Она ни на что не реагировала, давление было почти на нуле. Томография головного мозга показала, что миссис Крамп перенесла обширный геморрагический инсульт, иными словами — кровоизлияние в мозг. Она впала в кому и была подключена к аппарату искусственного дыхания.

— Плохи ее дела, — хмуро заметила медсестра. — И вообще похоже на то, что она пролежала так несколько часов, прежде чем родственники спохватились. Ну и возраст — сами понимаете, восемьдесят лет.

Поскольку Саманта не была членом семьи, заглянуть в

реанимационный блок ей не разрешили. И она не видела, кто в данный момент находился у постели Фрэнсин.

Вернувшись в центр, она узнала, что ей звонили Иона и Делос Крамп. Мать их находилась при смерти, но им не терпелось узнать, как обстоят дела с наследством. Если у Фрэнсин и было новое завещание, то сотрудники центра бесплатной юридической помощи не имели к нему никакого отношения. Если же нового завещания нет и Фрэнсин умрет, так и не выйдя из комы, прежнее завещание останется в силе, и Саманте предстоят длительные судебные тяжбы с этим малоприятным семейством. Ведь несостоявшиеся наследники наверняка оспорят завещание в суде.

И она решила пока не отвечать на их звонки. Все пятеро братьев и сестер наверняка уже едут в Брэйди, так что вскоре она сполна насладится их обществом.

Традиционный ленч в этот понедельник прошел за перевариванием не только сандвичей, но и неприятных новостей. Как и предсказывала Мэтти, в «Стрейхорн коул» изменили свои взгляды на мировое соглашение по делу о гибели Тейтов. Они прислали ей письмо, как доверенному лицу Донована, где в самой агрессивной форме сообщалось, что на эту сумму они не согласны, мало того — намерены оспорить вердикт. В ответ она направила им имейл, в котором настойчиво советовала умерить пыл. Она опасалась, что они хотят подать апелляцию, надеются на пересмотр дела, и главным козырем для них являлся тот факт, что Донована больше нет. Судебные тяжбы по пересмотру могут затянуться как минимум года на три, и денежной компенсации их клиентке в обозримом будущем не видать. Аннет возмутилась и стала уговаривать Мэтти обратиться с этим вопросом к судье. Ведь «Стрейхорн» и Донован договорились уладить дело миром за сумму в 1,7 миллиона долларов. И со стороны ответчика нечестно, просто даже аморально отступать от соглашения лишь на основании того, что адвокат истца погиб. Мэтти согласилась с ней, однако никаких письменных подтверждений этому договору в офисе Донована найдено не было. Скорее всего, они договаривались по телефону и просто не успели подготовить документ из-за гибели Донована. А без письменного подтверждения суд вряд ли признает его действительным. Мэтти даже консультировалась с другим адвокатом, выступающим в судах, и с судьей, вышедшим на пенсию; оба сочли, что истце просто не повезло. Она собиралась неофициально переговорить с судьей, который председательствовал на процессе, чтобы хотя бы понять, что он думает по этому поводу. Было похоже на то, что апелляции не избежать, и придется нанимать лицензированного адвоката со стороны.

Затем они переключились на другую тему. Барб сообщила, что сегодня с утра от клана Крампов поступило целых одиннадцать телефонных звонков: они настаивали на встрече с мисс Кофер. Саманта сказала, что планирует встретиться с ними сегодня, но только к концу дня. Не удивительно, что у Мэтти и Аннет тут же нашлись неотложные дела и времени на Крампов у них не было совершенно. Саманта, услышав это, лишь закатила глаза и сказала:

— Ладно, прекрасно, но эти люди так просто не уйдут.

Фрэнсин умерла тем же днем в 4.30, так и не приходя в сознание. Завещание, составленное Самантой, осталось без изменений.

Во вторник днем Джефф вошел в центр через заднюю дверь и неожиданно вырос прямо перед столом Саманты. Оба улыбнулись и поздоровались просто, без каких-либо интимных намеков. Дверь в кабинет Саманты была открыта, и, как всегда, в центре было множество крикливых посетительниц. Джефф сел и спросил:

— Ну, когда тебе хотелось бы прогуляться еще разок?

Она приложила палец к губам и ответила тихо:

— Когда найдется свободное окошко в расписании. — Последние двадцать четыре часа она думала о сексе больше, чем в течение двух лет после расставания с Генри. — Надо будет проверить у секретаря, — добавила она.

Саманте до сих пор с трудом верилось, что кто-то может прослушивать все разговоры у нее в кабинете, она просто не хотела лишний раз рисковать. Джефф, по ее мнению, страдающий манией преследования, не сказал ничего. Лишь выдавил:

— Ладно.

— Кофе хочешь?

— Нет.

— Тогда пошли.

И они зашагали по коридору к конференц-залу, где их уже ждала Мэтти. Ровно в два часа дня прибыли агенты Банахан, Фромейер и Циммер. Они ворвались в помещение, и на их лицах была написана мрачная решимость, точно они вознамерились сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы. Фромейер возглавлял полицейских во время налета на офис Донована. Циммер был одним из его подчиненных, Банахан заходил сюда прежде. Представившись, все разместились за столом. Джефф уселся между Самантой и Мэтти по одну сторону, представители властной структуры — по другую. Аннет устроилась в торце и включила диктофон.

Мэтти снова спросила, является ли Джефф объектом расследования, которое ведет ФБР, федеральный окружной прокурор США либо какое-либо другое федеральное силовое агентство или же лицо, работающее в Министерстве юстиции. Фромейер заверил ее, что ничего подобного.

Затем он начал допрос и на протяжении нескольких минут копался в прошлом Джеффа. Саманта делала пометки в блокноте. После столь удачно проведенного интимного уик-энда, когда Джефф так с ней разоткровенничался, она не узнала ничего нового. Фромейер не преминул затронуть и взаимоотношения Джеффа с покойным братом. Как долго он на него работал? Чем именно занимался? Сколько ему платили? Джеффа уже успели проконсультировать Мэтти и Аннет, и он отвечал лаконично, не вдаваясь в подробности.

Лгать агенту ФБР уже само по себе преступление, независимо от того, где и как проводится допрос. Как бы все ни складывалось, несколько раз повторила про себя Мэтти, лгать нельзя ни в коем случае.

Джефф, как и его брат, похоже, мог бы солгать, если бы это помогло делу. Сам он считал, что плохие парни — угольные компании, а теперь еще и представители власти — играют против правил, лгут беззастенчиво, идут на что угодно, лишь бы выиграть. Если они ведут грязную игру, то почему нельзя ему? Да потому, не раз повторяла ему Мэтти, что за это он может угодить в тюрьму, а вот угольные компании и их защитники — нет.

Сверясь с какими-то записями, Фромейер наконец перешел к самому главному. Он заявил, что компьютеры, конфискованные ФБР 1 декабря, были сознательно испорчены. Жесткие диски исчезли. Что известно об этом Джеффу?

Мэтти рывкнула:

— Не отвечай. — А затем объяснила Фромейеру, что говорила с федеральным окружным прокурором и ей стало совершенно очевидно: Донован погиб, не зная, что является субъектом какого-то нового расследования. Его об этом не проинформировали, в его записях нет и намека на это. А потому, при всем уважении, наличие или отсутствие офисных файлов и записей, а также любые действия, предпринятые его сотрудниками уже после его смерти, не являются препятствием в проведении расследования.

По словам Джеффа, он удалил жесткие диски офисных и домашних компьютеров, а потом сжег их. Но Саманта подозревала, что они целы. Впрочем, сейчас это значения не имело. Джефф заверил ее, что в компьютерах Донована не было никакой важной информации, имеющей отношение к «Крулл майнинг».

«А я знаю, где все эти записи», — подумала Саманта и самой себе не поверила.

Тот факт, что Мэтти ходила к федеральному прокурору, сильно разозлил Фромейера. Но ей было плевать. Какое-то время они пререкались по поводу ведения допроса, и стало ясно, кто здесь контролирует ситуацию. Если Мэтти советовала Джеффу не отвечать, то Фромейер не получал ровным счетом ничего. Он рассказал о пропаже важных документов из штаб-квартиры «Крулл майнинг», находившейся близ Харлана в Кентукки, и спросил, известно ли Джеффу что-либо на этот счет. Мэтти снова сказала:

— Не отвечай.

И Джефф пожал плечами и покачал головой.

— Защищаетесь Пятой поправкой? — раздраженно спросил Фромейер.

— Он не под присягой, — тут же парировала Мэтти, давая понять, что Фромейер говорит глупости.

Саманта вдруг осознала, что получает удовольствие от этого конфликта. На стороне ФБР — огромные властные полномочия. А Джефф, их клиент, который определенно в чем-то виноват, надежно защищен талантливым юристом в лице Мэтти. Правда, только на данный момент.

— Думаю, мы только напрасно тратим время, — подняв руки, заметил Фромейер. — Спасибо за гостеприимство. Мы еще вернемся, будьте уверены.

— Не за что, — ответила Мэтти. — И чтобы никаких контактов с моим клиентом без моего ведома, вам ясно?

— Там видно будет, — злобно пробормотал Фромейер, рывком отодвинул кресло и встал. Банахан и Циммер проследовали за ним к выходу.

Через час Саманта, Мэтти и Джефф сидели в заднем ряду зала заседаний и ждали судью, который должен был утвердить завещание Донована. Судебных слушаний на сегодня назначено не было, и группа юристов бесцельно расхаживала по залу, обмениваясь шутками с секретарями и помощниками.

— Сегодня утром говорил с нашими экспертами, — тихо сказал Джефф. — Пока не найдено никаких доказательств, что «сессну» Донована кто-то повредил перед полетом. Катастрофа была вызвана внезапным отказом двигателя, а он вырубился из-за того, что в него вдруг перестало поступать горючее. Бак был полон, мы всегда заправлялись в Чарлстоне,

потому что там дешевле. Просто чудо, что, упав, самолет не взорвался, что пламя не прожгло в земле огромную яму.

— А почему вдруг перестало поступать горючее? — спросила Мэтти.

— Вот это и есть главный вопрос. Если считать, что имел место саботаж, тогда это одна история. В машине есть топливный шланг. Он тянется от насоса к карбюратору и крепится к нему с помощью так называемой хомута с зажимом. Если этот хомут немного ослабить, то мотор заведется и какое-то время будет работать нормально, но из-за тряски крепление хомута будет постепенно ослабляться. И это приведет к тому, что топливный шланг отойдет, и тогда отказ двигателя неминуем. Начнется разбрызгивание горючего, и мотор быстро заглохнет. Случается это довольно часто, без всякого предупреждения, без включения сигнала тревоги, и снова завести двигатель невозможно. Если пилот смотрит на датчик топлива, мы все периодически на него поглядываем, тогда он может заметить внезапное падение давления, примерно в тот момент, когда начнутся неполадки с мотором. Они напирают на тот факт, что Донован не посылал сигнала тревоги. Но это ерунда. Ну, вдумайтесь сами. Вы летите ночью, и вдруг у вас отказывает мотор. У вас есть всего несколько секунд, чтобы как-то среагировать, но в такие моменты человека обычно охватывает паника. Вы пытаетесь завести мотор, но не получается. Вы думаете о десятке самых разных вещей одновременно, но последнее, что вам приходит в голову, так это послать сигнал о помощи. Кто и как, черт побери, может вам помочь?

— А насколько сложно ослабить крепление хомута? — спросила Саманта.

— Нетрудно, если знать, как это делается. Самое главное — чтобы тебя не застукали в этот момент. Надо дождаться темноты, незаметно проникнуть в ангар или на летное поле, снять кожух, которым укрывают мотор. Ну а потом взять отвертку и фонарик и сделать свое грязное дело. Один из экспертов утверждает, что на это понадобится не больше двадцати минут. А в ту ночь на летном поле находились еще семнадцать легкомоторных самолетов, но никаких вылетов не производилось. Все было тихо и спокойно. Вместе с механиком из Роаноке мы проверили журнал техосмотра, ну и, разумеется, с «сессной» Донована все было в полном порядке при последнем осмотре.

— Двигатель сильно поврежден? — спросила Мэтти.

— В хлам. Очевидно, при падении «сессна» задела несколько деревьев. Похоже, что Донован пытался приземлиться на автотрассу — мог заметить свет фар, хотя кто его знает. Но не дотянул, машина начала

цеплять вершины деревьев и через несколько секунд врезалась носом в землю. Мотор разбит в кашу, невозможно определить, в каком положении находился хомут. Из всего этого можно сделать вывод, что подача топлива была перекрыта, но никаких доказательств тому нет.

В зал вошел судья и занял свое место на кафедре. Окинул взглядом присутствующих и что-то сказал секретарю.

— И что же дальше? — шепотом спросила Саманта.

— Продолжим копать, — без особой уверенности в голосе заметил Джефф.

Судья взглянул на задние ряды и сказал:

— Мисс Уатт?

Мэтти представила Джеффа судье, тот вежливо выразил свои соболезнования, затем сказал несколько теплых слов о Доноване. Джефф поблагодарил его, а Мэтти начала подавать документы на подпись. Судья довольно долго читал завещание, комментируя отдельные его положения. Затем они с Мэтти обсудили стратегию найма нового адвоката, если дело Тейтов поступит на апелляцию. А потом судья стал расспрашивать Джеффа о финансовом положении Донована, его активах и долгах.

Примерно через час все документы были подписаны и завещание Донована признано официально. Мэтти осталась утрясти еще кое-какие вопросы, а Джефф с Самантой ушли. По дороге в центр он сказал:

— Я должен исчезнуть на несколько недель, так что используй наш мобильник.

— Куда именно направляешься?

— Пока не решил.

— Что ж, неудивительно. Я тоже уезжаю на каникулы — в Вашингтон, а потом в Нью-Йорк. Так что какое-то время не увидимся.

— Ну что ж, пожелать тебе веселого Рождества и счастливого Нового года?

— Думаю, да. Веселого Рождества и счастливого Нового года.

Он остановился, чмокнул ее в щеку.

— И тебе тоже желаю хорошо провести время. — Потом свернул на боковую улицу и быстро зашагал прочь, словно кто-то за ним гнался.

Похороны Фрэнсин Крамп должны были состояться в среду в 11 утра, в протестантской церкви Святости, затерянной где-то в долине. Саманта и не думала туда идти. Аннет отсоветовала, шутливо припугнув тем, что на этой церемонии родственники вполне могут вытащить змей и начать ритуальные пляски. Но Саманта приняла все это всерьез. Позже Аннет

призналась, что, конечно, преувеличила. В Виргинии нет общин, практикующих ритуалы со змеями.

— Если когда кто этим и занимался, то все давно умерли, — добавила она.

Но никакое гнездо потревоженных ползучих гадов не могло сравниться по злобе с кланом Крампов. Они явились чуть позже в тот же день с намерением разобраться с «мисс Кофер». Такого нашествия даже Мэтти никогда прежде не доводилось видеть. Они обрушились на центр всей своей мощью: пришли не только пятеро братьев и сестер, но и их супруги, уже совсем взрослые дети и несколько дальних родственников. Их любимая мамочка умерла, пришла пора разделить денежки.

За дело взялась Мэтти. Она велела большинству незваных гостей выйти вон, разрешив остаться и принять участие в совещании лишь пятерым братьям и сестрам. Остальным предложила подождать на улице, в машинах. Мэтти с Аннет проводили их в конференц-зал, и только после того, как все расселись, вошла Саманта. Посетители производили удручающее впечатление и били на жалость. Они только что похоронили мать. Они боялись потерять семейные земли, вернее, те деньги, которые можно за них выручить, и злились на юристов, изрядно тому поспособствовавших. И еще их донимали родственники — до них дошли слухи, что тут можно пожить. Они давно не были дома и прогуливали работу. И, как и подозревала Саманта, перегрызлись между собой.

Она принялась объяснять, что ни один из юристов центра не занимался составлением нового завещания: ведь от их матери здесь не слышали ни слова с момента последнего семейного совещания, которое состоялось девять дней назад вот за этим самым столом. Если Фрэнсин и уверяла их в обратном, то это неправда. Мало того, Саманта не слышала, чтобы кто-то из других юристов города готовил новое завещание. Мэтти объяснила, что на этот счет существует неписаное правило: новый юрист должен позвонить старому и уведомить его, что готовится другое завещание. Во всяком случае, насколько им было известно, завещание, подписанное Фрэнсин два месяца назад, является ее последним волеизъявлением.

Они слушали и все больше закипали от гнева, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на женщин. Закончив, Саманта ожидала потока оскорблений в свой адрес от всех пятерых. Но ничего подобного не произошло, вместо этого воцарилась долгая тишина. А затем Иона, самый старший, сказал:

— Мама уничтожила завещание.

Саманта не нашлась, что сказать. Аннет, хмурясь, перебирала в памяти старые законодательные акты штата Виргиния, где речь шла об утерянных или уничтоженных завещаниях. На Мэтти эти хитрости не произвели должного впечатления, она с трудом сдерживала смех.

А Иона меж тем продолжил:

— Уверен, у вас есть копия этого завещания, но, насколько я понял, она уничтожила оригинал. И в таком случае копия ничего не значит. Я прав?

Мэтти кивнула, признавая вполне очевидный факт: Иона успел проконсультироваться у платного юриста. Но зачем ему понадобилось платить за консультацию, ведь проще было бы составить новое завещание? Да затем, что Фрэнсин ни за что бы не согласилась его подписать.

— А откуда вы знаете, что миссис Крамп его уничтожила? — спросила она.

— Она сама мне сказала, на прошлой неделе, — ответила Юна Фэй.

— И мне тоже говорила, — закивала Ирма. — Сказала, что сожгла его в камине.

А Делосе добавил:

— Мы искали везде и не нашли.

Все было хорошо отрепетировано, и пока эти пятеро стояли друг за друга горой, ничего поделать было нельзя. Лонни спросил:

— Раз завещания нет, мы наследуем землю в равных долях, правильно?

— Допустим, — сказала Мэтти. — Впрочем, не знаю, какую позицию здесь может занять «Маунтин траст».

— Передайте этим своим «Маунтин траст», пусть катятся в задницу, ясно вам? — проворчал Иона. — Да они и слыхом не слыхивали о нашей собственности, пока вы не впутали их в это дело. Это наша земля, всегда принадлежала семье.

Четверо его братьев и сестер дружно закивали.

И тут у Саманты словно включился некий защитный механизм. Если Фрэнсин действительно уничтожила завещание или эти пятеро лгут и нет никакой возможности доказать обратное, то не лучше ли отдать им эти чертовы восемьдесят акров и распрощаться с ними раз и навсегда? Меньше всего на свете ей хотелось вмешиваться в битву между семейкой Крамп и «Маунтин траст», выступать в роли главного свидетеля и выслушивать оскорбления с обеих сторон. Ей совершенно ни к чему снова видеть этих людей.

Но Аннет с Мэтти успели выработать другую тактику. Мэтти сказала:

— Послушайте, друзья мои, мы, как юристы, не будем даже пытаться утвердить это завещание в суде. Это не наша работа. И лично я сильно сомневаюсь, что «Маунтин траст» захочет ввязаться в длительную тяжбу из-за этого завещания. Да на одни судебные расходы по делу уйдет больше, чем стоит сама эта земля. Если завещания нет, стало быть, нет. И вам следует найти юриста, который бы занялся этим делом, назначил временного управляющего владениями. И создал бы предпосылки к разделу этой собственности между вами, поскольку вы будете вступать в права наследования не по завещанию, а по закону.

— Вы не могли бы этим заняться? — спросил Иона.

Все трое в ужасе отпрянули при одной только мысли о том, что будут представлять этих людей. Аннет нашлась первой:

— О, нет, это невозможно, поскольку именно мы составляли завещание.

— Но ведь это самое обычное рутинное дело, — быстро добавила Мэтти. — За него может взяться любой юрист, который держит контору на Мейн-стрит.

Юна Фэй улыбнулась и сказала:

— Что ж, спасибо за совет.

Лонни спросил:

— И нам причитается все в равных частях, да?

— По закону это так, — ответила Мэтти. — Но вам все равно придется проконсультироваться с юристом.

Глазки у Лонни уже забегали по сторонам. Было ясно: еще не успев выехать из Брэйди, члены семьи передерутся насмерть. К тому же на улице их ждут родственники, которые тоже не прочь поживиться и оттяпать часть денег угольной компании.

Ушли они тихо и мирно, и едва за ними затворилась дверь — как все надеялись, в последний раз, — женщины решили, что надо отметить этот праздник. Они заперли входную дверь, сбросили туфли и побежали в конференц-зал, где собрались выпить по глотку вина и вдоволь посмеяться. Аннет даже попыталась изобразить сценку поисков завещания в доме покойной и отчаянно шарить по шкафам и ящикам. Их мать лежала в гробу, а они переворачивали мебель, судорожно рылись везде, где только можно. И если бы нашли завещание, то непременно сожгли бы его.

Никто из них не верил, что Фрэнсин намеренно уничтожила свое последнее завещание.

И они оказались правы. На следующий день по почте прибыл конверт с оригиналом и запиской от Фрэнсин, в которой она просила Саманту о

защите.

Так что Крампы вскоре должны были вернуться вновь.

Глава 30

Вот уже третий год подряд Карен Кофер встречала Рождество в Нью-Йорке вместе с дочерью. У нее была близкая подруга еще со времен учебы в колледже, она вышла замуж в третий раз — за пожилого промышленника, и этот господин теперь страдал слабоумием и доживал свои дни в роскошном приюте в Грейт-Нек. Их просторные апартаменты на Пятой авеню с видом на Центральный парк практически всегда пустовали, и Карен на неделю переехала к подруге, где ей был оказан просто королевский прием. Саманту тоже пригласили остановиться там, но она предпочла пожить с Блит в маленькой квартирке в Сохо, которую они снимали вместе. Срок аренды заканчивался 31 декабря, и ей надо было собрать свои вещи и куда-то пристроить мебель. Блит, которая продолжала работать на четвертую по величине в мире юридическую фирму, переезжала с двумя подругами в Челси.

После трех месяцев, прожитых в Брэйди, Саманта чувствовала себя свободно и раскованно. Ездила с матерью за покупками в центр, где кишели толпы людей, и они не раздражали ее, а лишь заражали бешеной энергией. Вечерами она обходила с друзьями модные бары и рестораны, наслаждаясь их интерьерами, но разговоры утомляли ее, казались скучными. Карьера, недвижимость и Великая рецессия. Карен расщедрилась на два билета на бродвейский мюзикл, однако спектакль оказался дешевой, наспех поставленной для туристов. В перерыве они ушли, и им удалось найти свободный столик в «Орео». Еще Саманта сходила в «Бальтазар» на поздний завтрак со старой подругой по Джорджтауну, и эта подруга, чуть не взвизгнув от восторга, показала ей знаменитого актера, снимавшегося в телесериалах, о котором Саманта ни разу не слышала. И еще она подолгу в одиночестве гуляла по Нижнему Манхэттену. Рождественский обед на Пятой авеню поражал своей пышностью, но на него пригласили много незнакомых людей, и, несмотря на обилие вина, беседа как-то не клеилась, и для Саманты праздник превратился в скучную обязанность, растянувшуюся на несколько часов. Ей выделили одну из спален — огромную, больше, чем вся ее квартира в Сохо, — и, проснувшись, она почувствовала, что голова у нее просто раскалывается. Прислуга в униформе принесла ей апельсиновый сок, кофе и ибупрофен. Позже она сходила на ленч с Генри, который продолжал донимать ее своим вниманием, и окончательно убедилась, что между ними

нет ничего общего. Он почему-то вообразил, что она в самом скором времени вернется в город и не прочь возобновить с ним отношения. Пришлось Саманте объяснить ему, что она совсем в этом не уверена. Работы здесь у нее нет, квартиры — тоже. Так что будущее ее столь же туманно, сколь и его. В ответ на это он сообщил, что расстался с театром и подумывает о новой карьере — хочет стать управляющим хеджевым фондом. Довольно странное решение, подумала Саманта, особенно в наши дни. Разве эти ребята сейчас не теряют деньги, не отбиваются от обвинений в судах? К тому же по диплому, выданному Корнельским университетом, он был арабистом. Короче, он совершенно сбился с пути, и ей не хотелось тратить на него время.

Через два дня после Рождества, когда она сидела в кофейне в Сохо, у нее вдруг зазвонил мобильный. Сначала она его не услышала, поскольку он лежал на дне сумочки, но потом поняла: звонит телефон, который вручил ей Джефф, успела выхватить его и принять вызов.

— С Новым годом, — сказал Джефф. — Ты где?

— И тебя тоже с праздником. Я в городе. А ты?

— Также в городе. Хотелось бы повидаться. Выпить по чашечке кофе. Как ты на это смотришь?

Поначалу Саманта подумала, что он шутит. Она как-то не представляла, что Джефф Грей бродит сейчас по улицам Манхэттена, но, с другой стороны, почему бы нет? Ведь в этот город съезжаются люди и из более отдаленных мест.

— Положительно. И да, кстати, как раз сейчас я пью кофе. В полном одиночестве.

— Адрес?

В ожидании Джеффа Саманта размышляла об особенностях своего мышления и психики. Первой ее реакцией было удивление, но оно почти тотчас же сменилось вожделением. Но как привести его в квартиру и избежать общения с Блит? Нет, Блит, конечно, не возражала бы, но расспросов потом не избежать. Интересно, где он остановился? В каком-нибудь симпатичном отеле? Что ж, подойдет. Но один ли он там? Или делит номер с приятелем? Успокойся, девочка, сказала она себе.

Через двадцать минут Джефф вошел, и они обменялись поцелуем — в губы. В ожидании, пока принесут двойной эспрессо, Саманта спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Я и прежде не раз тут бывал, — ответил он. — Много разъезжаю в последние дни, и вдруг жутко захотелось тебя повидать.

— Мог хотя бы предупредить по телефону.

На нем были линялые джинсы, черная футболка, поверх нее шерстяная спортивная куртка, на ногах — ботинки на толстой подошве, щеки покрывала трехдневная щетина, волосы растрепаны. Явно, что он не один из клоунов с Уолл-стрит, но в Сохо никому бы и в голову не пришло, что этот парень из самого сердца Аппалачей. Да и кому какое дело? Он куда больше походил на безработного актера, чем Генри.

— Хотел сделать тебе сюрприз.

— Что ж, тебе это удалось. Как добирался?

— На частном самолете. Но это долгая история.

— Я так устала от долгих историй. Где остановился?

— В «Хилтоне», в центре. Один. А ты где?

— В своей квартире, но срок аренды истекает через несколько дней.

Бармен сказал, что их кофе готов, и Джефф принес и поставил на стол две чашки. Высыпал в свою пакетик сахара, стал медленно размешивать. Саманта обошлась без сахара. В баре становилось все болеелюдно, им пришлось сесть поближе друг к другу. Саманта сказала:

— Так, значит, мы можем вернуться на частном самолете. Ты как, не против?

— Я здесь по двум причинам. Во-первых, хотел повидаться с тобой, провести вместе хотя бы немного времени, если получится. Может, покатаемся по городу и вдруг найдем уютное местечко с камином. А если нет — то хорошую теплую постель. Мне бы очень этого хотелось, но я пойму, если ты занята. Не собираюсь посягать на твое личное время, понимаешь?

— О камине можешь забыть.

— Понял. Я открыт любым предложениям.

— Уверена, время мы выкроим. А что за причина номер два?

— Ну, этот самолет принадлежит известному адвокату по имени Джаретт Ландон из Луисвилля. Может, слышала о нем?

— С чего ты взял, что я знаю какого-то адвоката из Луисвилля?

— Видишь ли, они с Донованом были очень близки, Джаретт прилетал на похороны. Высокий, представительный такой мужчина с длинными седыми волосами и бородкой с проседью. Донован считал его своим учителем, он был для него почти героем. Его юридическая фирма — одна из трех, выдвинувших иск против «Крулл майнинг» в связи с долиной Хаммер. И к ним в тот же день, что и в офис Донована, нагрянули ребята из ФБР. Нет нужды объяснять, что такой человек, как Ландон, был далеко не в восторге от тактики гестапо, он рвет и мечет. Это просто зашкаливает, что весьма типично для представителей его поколения.

Саманта кивнула.

— В точности как мой отец.

— Да, верно. Кстати, Ландон говорит, что встречался с твоим отцом несколько лет назад на какой-то вечеринке. Вот, а теперь у него новая подружка, та еще штучка, настоящая идиотка, и ей вдруг приспичило посмотреть город. Ну и я напросился им в попутчики.

— Как удачно.

— И еще он хочет встретиться с тобой и поговорить о документах.

— Каких еще документах? Перестань, Джефф. Я и без того увязла в этих ваших делах. К чему клонишь?

— Мне нужна твоя помощь, Саманта. Брата больше нет, и мне надо с кем-то поговорить. С человеком, который знает законы и может что-то посоветовать.

Похолодев, она откинулась на спинку стула и смотрела на него, гневно сверкая глазами. Больше всего на свете ей хотелось выбежать на улицу. Но вместо этого Саманта осмотрелась по сторонам, сглотнула и выпалила:

— Ты специально втянул меня в это дело, и теперь мне грозят серьезные неприятности. Все контролируется ФБР, но ты хочешь, чтобы я принимала в этом участие. Ты безрассуден, как и твой брат, тебе плевать, что случится со мной. Да и кто тебе сказал, что я собираюсь вернуться в Брэйди, штат Виргиния? Здесь и сейчас я чувствую себя в полной безопасности. Здесь мой дом, моя родина.

Он весь сжался, худой, долговязый, он словно стал ниже на несколько дюймов. Он выглядел растерянным и беспомощным.

— Ты мне не безразлична, Саманта, мне не все равно, что будет с тобой. Просто нужна помощь, прямо сейчас.

— Пару недель назад, Джефф, мы прекрасно провели время у Серой горы. Я долго об этом думала, но до сих пор не понимаю, зачем ты затащил меня в ту пещеру, или как она там, черт возьми, называется. И зачем показал документы. В тот момент...

— Никто никогда не узнает.

— В тот момент я стала вроде как бы сообщницей. Понимаю, насколько ценны и опасны эти документы и все прочее, но это не меняет того факта, что они были украдены.

— Кто-то должен знать, Саманта, где они находятся. На тот случай, если со мной что-то произойдет.

— Пусть Вик этим займется.

— Я же тебе говорил, Вик вышел из игры. Его подружка беременна, его это словно перевернуло. Он больше не хочет рисковать. Даже к

телефону не подходит.

— Что ж, он умный человек, этот Вик.

Кофе остывал. Джефф заметил это и отпил глоток. Саманта отвернулась и стала разглядывать посетителей. После долгой паузы Джефф спросил:

— Может, пойдем отсюда?

Они нашли свободную скамью на Вашингтон-сквер. Впрочем, пустовали все скамьи, потому что дул сильный ветер и температура была ниже нуля.

— И много ли знает обо мне этот твой Ландон? — спросила Саманта.

— Знает, что ты занималась делом Райзера, по крайней мере в той его части, где речь шла о черных легких. Знает, что ты обнаружила подмену, узнала, что юристы из «Лоунрок коул» смошенничали. Он впечатлен. Он в курсе, что Донован тебе доверял, что и я тоже доверяю. Знает, что Донован рассказал тебе о документах.

— А о том, что я их видела, тоже знает?

— Нет. Я же говорил, Саманта, никто никогда этого не узнает. И понимаю, что был не прав, когда привел тебя туда.

— И на том спасибо.

— Ну давай я хотя бы познакомлю тебя с ним. Посмотрим, что он скажет. Пожалуйста! Ведь ничего плохого в этом нет, верно?

— Откуда мне знать?

— Да ты прекрасно все знаешь и понимаешь. Нет ничего опасного или выходящего за рамки в том, что ты встретишься с Джареттом Ландоном. Встреча будет носить сугубо конфиденциальный характер. К тому же и человек он очень интересный.

— Когда он хочет встретиться?

— Я ему позвоню. Послушай, я продрог до костей. Ты живешь поблизости?

— Недалеко, но ко мне нельзя. В квартире бардак. Мы собираем вещи перед отъездом.

— Ничего страшного.

Два часа спустя Саманта входила в вестибюль гостиницы «Пенсильвания» на Пятьдесят пятой улице. Поднялась по лестнице на второй этаж, свернула влево и увидела Джеффа, сидящего в баре, — все, как договаривались. Не произнося на слова, он протянул ей клочок бумаги с надписью: «Номер 1926». Саманта развернулась и ушла, Джефф проводил ее взглядом, затем приблизился к лестнице и проверил, не заметил ли их кто. А Саманта вошла в лифт, поднялась на девятнадцатый

этаж, потом нажала на кнопку звонка в номер. Через секунду дверь ей открыл высокий мужчина с густой копной седых волос и сказал:

— Приветствую, мисс Кофер, спасибо за оказанную мне честь. Позвольте представиться: Джаретт Ландон.

Номер 1926 был огромен, с одной стороны располагалась гостиная. И ни единого признака молодой подружки. Через несколько минут после Саманты в дверь позвонил Джефф. Они устроились в гостиной и обменялись дежурными любезностями. Ландон предложил выпить, но его гости отказались. А потом он заговорил о работе Саманты по делу Райзера и не скупился на комплименты. Оказалось, что они с Донованом довольно долго обсуждали эту тему. Ландон с партнерами все еще спорили о том, стоит ли их фирме участвовать в этом деле, когда Донован пошел и подал исковое заявление в суд.

— Ясно, что преждевременно, — заметил Ландон. — Но таков уж он был, Донован.

Сам Ландон до сих пор еще не был уверен, стоит ли ему вмешиваться в эту тяжбу. Далеко не каждый день выпадает такая возможность — застукать с поличным на подмене улик такую крупную юридическую фирму, как «Каспер, Слейт». Дело скандальное и получит самую широкую огласку, ну и так далее. Он продолжал рассуждать о красоте этого случая, словно Саманта сама этого не понимала. Ведь прежде она слышала то же самое от Донована и отца. Затем речь зашла о «Крулл майнинг». Донован выбыл из игры, и сейчас советники Ландона вели переговоры с истцами. Иск был подан 29 октября, а потому у компании «Крулл» выкроилось дополнительное время на подачу официального ответа. И у Ландона и его команды были все основания полагать, что в начале января юристы «Крулл» предпримут серьезную попытку объявить себя невиновными. Вот тогда-то и развернется настоящая война. Поэтому скоро, очень скоро им понадобятся эти документы.

— А что вам о них известно? — спросила Саманта.

Ландон громко вздохнул, словно подчеркивая тем самым, что вопрос сложный и он просто не знает, с чего начать. Затем поднялся и подошел к мини-бару.

— Хотите пива? — предложил он.

Джефф с Самантой снова отказались. Он открыл бутылку «Хайнекен» и подошел к окну. Отпил большой глоток и сказал:

— Примерно год назад мы провели первое совещание в Чарлстоне, в офисе Горди Мейса, одного из нашей команды. Донован созвал нас, чтобы обсудить иск по долине Хаммер. И упомянул тогда, что у него имеются кое-

какие важные документы, но раздобыты они не слишком законным путем. Мы не стали спрашивать, а он не стал вдаваться в подробности. Лишь сказал, что там тысяча двадцать страниц инкриминирующих материалов. В «Крулл майнинг» знали о загрязнении окружающей среды и о том, что ядовитые отходы попадают в подземные источники, а затем уже из них — в долину; знали, что люди пьют эту воду, что они заболевают и умирают. Понимали, что должны были регенерировать место разработок, но куда как дешевле было наплевать на этих людей, позволить им болеть и умирать дальше. Хотели на них сэкономить. С собой у Донована этих документов не было, но были пространные выписки из них, которые он уничтожил сразу же после совещания. Выписки эти он сделал примерно из двадцати документов, самых вопиющих и скандальных, и, честно сказать, мы были просто потрясены. Шокированы. Вне себя от ярости. И тут же подписались на это дело, на подачу иска. Донован был осторожен, он и словом не упомянул о том, что украл эти документы, и не сказал, где они находятся. Если бы он отдал нам эти документы еще тогда, в прошлом году, то, скорее всего, к этому времени нас всех бы арестовали ребята из ФБР.

— Так, значит, теперь вам могут понадобиться эти документы. Но как вы собираетесь избежать ареста? — спросила Саманта.

— В том-то и проблема. Мы ведем тайные переговоры с одним из секретарей суда, есть у нас такой неофициальный канал для передачи секретной информации, потому как ситуация весьма скользкая и необычная. И мы считаем, что нам удастся взять эти документы и быстро переправить их в суд, пусть они хранятся где-нибудь у судьи в сейфе. А потом мы попросим его обратиться к федеральному прокурору штата, чтобы тот отсрочил криминальное расследование до того момента, когда документы эти будут представлены в суде. Давайте уж начистоту. Человек, похитивший их, мертв. Мы консультировались с нашими юристами по уголовным делам, и они пришли к выводу, что в этом случае возможность нашего разоблачения минимальна. Мы готовы взять на себя все риски. Но опасность в том, что материалы эти могут перехватить до того, как они поступят в суд. В «Крулл майнинг» пойдут на все, лишь бы уничтожить их, к тому же сейчас на их стороне ФБР. Мы все в опасности.

Саманта метнула в сторону Джеффа убийственный взгляд.

Ландон уселся рядом с ней, заглянул в глаза.

— Нам очень бы пригодилась помощь Вашингтона.

— Простите, но я не...

— В ближний круг министра юстиции входят три человека. И одним из них является Леона Кент. Уверен, вы с ней знакомы.

Саманта немного отодвинулась и пробормотала:

— Как-то встречались... несколько лет назад.

— Леона и ваша матушка пришли в министерство примерно в одно и то же время, тридцать лет тому назад. Ваша мать — весьма уважаемый там человек и занимает более высокую должность. Имеет определенное влияние.

— Но только не в этой области.

— О да, Саманта. Но всего два слова от Карен Кофер Леоне Кент, потом от Леоны Кент министру юстиции, затем уже от него федеральному прокурору штата Кентукки — и вот увидите, фэбээровцы тотчас отстанут. И тогда опасность будет исходить только от жуликов из «Крулл майнинг».

— Так вот почему вы вызвали меня на эту встречу? Вам нужна моя мать?

— Не лично она сама, но с чисто профессиональной точки зрения, ну, вы меня поняли, Саманта. Вы обсуждали это с матерью?

— Разумеется, нет. Даже и в мыслях не было обсуждать это с ней. Она не из этой лиги, вам ясно?

— А вот я придерживаюсь другого мнения. У нас весьма серьезные связи в округе Колумбия, и там считают, что Карен Кофер вполне может нам помочь.

Саманта растерялась. Покосилась на Джеффа и спросила:

— Поэтому ты прилетел в Нью-Йорк, да? Чтобы втянуть в эти игры еще и мою маму?

Он быстро ответил:

— Нет, впервые здесь об этом услышал. Я даже не знал, где и кем работает твоя мать. — Джефф говорил обиженно, как маленький мальчик, которого несправедливо обвинили в неприглядном проступке, и она ему поверила.

— Мы с ним этого не обсуждали, Саманта, — заверил Ландон. — Вся информация получена от наших инсайдеров из округа Колумбия.

— Ваших лоббистов?

— Ну, да, разумеется. Разве у каждого из нас нет лоббистов? Их можно любить или ненавидеть, но они досконально знают ситуацию. Боюсь, вы принимаете все это слишком близко к сердцу. Мы же не просим вашу матушку напрямую вмешиваться в федеральное расследование, мы просто понимаем, как работает этот механизм. Ведь люди есть люди, друзья — друзья, стоит тихо замолвить словечко нужному человеку, и пошло-поехало, завертелось. Просто подумайте об этом, хорошо?

Саманта глубоко вздохнула:

— Я еще подумаю, стоит ли подумать.

— Спасибо вам. — Он поднялся и снова принялся расхаживать по комнате.

Саманта покосилась на Джеффа — тот изучал носы своих ботинок. Ландон несколько нерешительно заметил:

— А теперь, Джефф, может, обсудим выемку и доставку документов?

Саманта вскочила:

— Ладно, мальчики, я пошла. Увидимся позже.

Джефф схватил ее за руку.

— Пожалуйста, Саманта, прошу, не уходи! Ты так нужна мне здесь.

Она вырвала руку и покачала головой.

— Не желаю участвовать в твоём маленьком заговоре. А вы, мальчики, обсуждайте что угодно, но без меня. Я вам не нужна. Приятно было познакомиться. — И с этими словами она распахнула дверь и вышла из номера.

Джефф догнал ее в вестибюле, и они вместе вышли на улицу. Он извинился, Саманта заверила его, что ничего страшного не произошло. Просто она не была знакома с Джареттом Ландоном, не доверяла ему, как человеку постороннему, и не хотела обсуждать столь деликатные вопросы в его присутствии. Затерявшись в толпе, они шагали по Пятой авеню и как-то умудрились не затрагивать в разговорах угольную тему. Она показала Джеффу здание, где временно обитала в роскошных апартаментах ее мать. Сегодня здесь намечалась очередная вечеринка, но Саманта заранее предупредила, что не придет. Она обещала посвятить этот вечер Джеффу.

Подозревая, что он будет не в восторге от трехчасовых посиделок в четырехзвездочном ресторане, Саманта решила не заходить в модные заведения и заказала столик в «Мас» в Вест-Виллидж. В такую промозглую ночь это был отличный выбор — тепло, уютно, обстановка как на настоящей французской ферме. Меню небольшое, зато менялось каждый день. Джефф попытался его прочесть и признался, что понятия не имеет обо всех этих блюдах. Официант предложил заказать набор из четырех блюд по фиксированной цене — 68 долларов, и Саманта согласилась. Джеффа удивила столь высокая цена, но вскоре он убедится, что еда тут просто отличная. Спагетти с хрустящими креветками, свинина в яблочном соусе, полосатый окунь, к которому подавалось фондю с луком-пореем, и шоколадный торт. К этим блюдам они заказали бутылку «Шираз» из долины Роны. А когда мимо провезли тележку с сырами, Джефф едва не кинулся следом за ней. Тогда Саманта подозвала официанта и попросила

принести десерт из сыров и еще одну бутылку вина.

Пока они ждали, Джефф пододвинулся поближе и спросил:

— Ну как, подумала?

— Я ничего не обещала. Даже тебе теперь не доверяю.

— Спасибо. Послушай, хочешь верь, хочешь нет, но я с самого начала боролся с этой идеей, считал, что тебе даже упоминать о ней не стоит. До сих пор борюсь, но видишь, не удержался.

На какую-то безумную долю секунды Саманте показалось, что он хочет сделать ей предложение. Но разве они пара? И потом, она и не думала о сколько-нибудь серьезных отношениях. Пока что у них был только секс без намека на настоящую любовь. Нет, этого провинциального мальчишку с гор, видно, действительно мало били, раз он решился сделать ей предложение.

Но она ошиблась, хотя озвученная им идея оказалась почти столь же безумной. Джефф сказал:

— Теперь у меня есть офисное здание, вернее, скоро будет — после утверждения завещания. Я также могу распоряжаться имуществом Донована и являюсь его правопреемником. Точнее, я, Мэтти, ну и еще, наверное, судья. Ты видела список его дел, работы осталось невпроворот. Мэтти возьмет несколько дел, но много ей не потянуть. У нее и своей работы полно, и потом, это не ее профиль. Нам нужен человек, который взял бы на себя фирму. Деньги есть, можно нанять адвоката, который бы закончил дела Донована. Но если честно, в округе нет ни одного надежного и подходящего в этом смысле человека.

Саманта затаила дыхание. Она опасалась неловкого предложения руки и сердца, а вместо этого выслушивала другое абсолютно безумное предложение, и когда Джефф закончил, еле слышно выдохнула:

— О господи.

— Мэтти с Аннет всегда тебе помогут, да и я буду под рукой.

Нельзя сказать, чтобы это было для нее полной неожиданностью. По крайней мере, раза два Мэтти недвусмысленно намекала, что неплохо было бы нанять юриста, который довел бы дела Донована до конца. В обоих случаях эти ее слова повисали в воздухе, но Саманта понимала: она имела в виду ее.

— Могу назвать тебе как минимум десять причин, по которым ничего хорошего из этого не выйдет, — сказала она.

— А я могу назвать одиннадцать, по которым все получится, и очень даже хорошо, — с усмешкой парировал он.

Тут официант подкатил к столу тележку с сырами, от которых

исходили волны острых соблазнительных запахов. Саманта выбрала три ломтика. Джефф хотел было взять пахучий чеддер, плавающий в молочного цвета жидкости, но вовремя опомнился и сказал, что возьмет то же, что и Саманта. Тележка отъехала, и он сказал:

— Ты первая. Назови эти свои причины, а я попробую их оспорить.

— Во-первых, мне не хватает квалификации.

— Но ведь ты чертовски умная девочка и учишься быстро. Мэтти поможет, и все у тебя получится. Дальше.

— Через несколько месяцев я могу уехать.

— Ты сможешь уехать, когда захочешь. Нет контракта, обязывающего тебя вернуться в Нью-Йорк ровно через год. Ты сама говорила, что на рынке переизбыток юристов, что экономический спад и работы нет. Дальше.

— Я не специалист по судебным тяжбам. А контора Донована только ими и занималась.

— Тебе всего двадцать девять, можешь научиться чему угодно. И еще Мэтти говорила, что ты шустрая, легка на подъем и уже доказала, что лучше многих местных мужланов, которые выступают в судах.

— Что, правда так и сказала?

— Я что, по-твоему, врун?

— О да!

— Я не лгу. Дальше.

— Никогда не имела дела с апелляциями. И уж тем более — с апелляцией по такому громкому вердикту.

— Самая неловкая увертка. Апелляции — это исследования, бумажная работа. Для тебя — так просто семечки. Дальше.

— Я городская девушка, Джефф. Да ты только оглянись! Это моя жизнь. А в Брэйди мне просто не выжить.

— Ладно, тут, пожалуй, согласен. Но кто сказал, что ты должна остаться там навсегда? Ну, займет это у тебя года два-три. Поможешь нам закрыть все старые дела и собрать деньги. Причем деньги нешуточные, не хотелось бы их терять. Дальше.

— Некоторые из этих дел будут тянуться годами. Я к таким подвигам не готова.

— Тогда ограничься хотя бы апелляцией по делу Тейтов. Месяцев восемнадцать, это максимум. Время пролетит незаметно, а уж там решим, что делать дальше. И да, кстати, ты можешь выбрать и другие дела, которые покажутся многообещающими. Я помогу. Всегда примчусь, как «Скорая помощь». Дальше.

— Не хочу иметь дел с вдовой Донована.

— Тебе и не придется, обещаю. Мы с Мэтти возьмем Джуди на себя. Дальше.

Она положила камамбер на кусочек поджаренного хлеба, откусила. И, медленно жуя, заметила:

— Не хочу, чтобы за мной следили. И эти ваши пушки не люблю.

— Можно заниматься юридической практикой и без пушек. Посмотри на Мэтти. Эти типы ее просто боятся и не трогают. И потом, я уже обещал, что буду рядом и всегда смогу тебя защитить.

Она проглотила сыр с хлебом, запила вином.

— Ладно. Есть еще одна причина, и уж тут тебе не справиться и никак не отвертеться. Вы с Донованом часто играли не по правилам. Украли документы из офиса «Крулл майнинг», и я уверена, частенько нарушали закон и в других случаях. И у меня ощущение, что многие файлы у вас в офисе, ну, грязные, что ли, добыты нечестным путем. Даже прикасаться к ним не желаю. Фэбээровцы уже однажды являлись с обыском. Не хочу находиться там, когда они предпримут еще один заход.

— Этого не случится, клянусь. Теперь нам некого бояться, кроме «Крулл». И я не стану подвергать опасности ни тебя, ни твой офис. Обещаю.

— И все же я не до конца тебе доверяю.

— Спасибо. Постараюсь заслужить твое доверие.

Саманта съела еще кусочек сыра, отпила глоток вина.

Джефф тоже ел и ждал. Потом стал загибать пальцы и заметил:

— Ты назвала только девять причин, и все были блестяще мною опровергнуты.

— Ладно, тогда причина номер десять, — начала Саманта. — Не уверена, что смогу работать много и плодотворно, пока ты рядом.

— А вот это уже серьезно. Хочешь, чтобы я убрал свои грязные лапы?

— Я этого не говорила. Да ты посмотри на меня, Джефф. Я вышла из этого возраста, не гожусь для романтических отношений, ясно? Мы можем, конечно, встречаться, дурачиться, но исключительно ради удовольствия. Как только отношения начнут перерастать во что-то серьезное, проблем с тобой не оберешься.

Он хмыкнул и сказал:

— Тогда позволь уж начистоту. Ты считаешь, что вправе вступать в любые сексуальные отношения, но без намека на какие-либо обязательства. Здорово! Очень круто. Ладно, договорились. Ты победила. Послушай, Саманта, я холостяк, мне тридцать два года, и я просто обожаю

одинокчество. Ты должна понять: у нас с Донованом остались шрамы еще с детства. Родители наши были несчастливы в браке, просто не выносили друг друга. Это была война, а мы с братом — неизбежные ее потери. Для нас «брак» — грязное слово. По этой же причине разошлись и Донован с Джуди.

— Аннет говорила, он не пропускал ни одной юбки.

— Ну, ей, конечно, виднее.

— И еще думаю, между ними что-то было. Долго?

— Да кто их знает. И потом, он мне ничего не говорил. Донован был скрытным, сама знаешь. А на тебя глаз положил?

— Нет.

— А если б положил?

— Признаюсь, отказать ему было бы трудно.

— Да, лишь немногие женщины могли отказать Доновану. И уж конечно, не Аннет.

— А Мэтти знает?

Он отпил глоток вина, окинул взглядом зал.

— Сомневаюсь. Вообще-то в Брэйди она знает все и про всех, но, думаю, Донован и Аннет вели себя очень осторожно. Если б Мэтти узнала, возникли бы осложнения. Она обожает Джуди, а к ее дочурке Хейли относится, как к родной внучке.

Подошел официант. Саманта попросила счет. Джефф порывался заплатить, но она настояла на своем.

— Можешь угостить меня обедом в Брэйди. А в Нью-Йорке плачу я.

— Что ж, неплохая сделка.

Сыр исчез с тарелок, вино было выпито. Довольно долго они сидели молча, прислушиваясь к разговорам за соседними столиками. Многие посетители говорили на иностранных языках. Джефф улыбнулся и заметил:

— Здесь кажется, что Брэйди невероятно далеко, согласна?

— Да, так и есть. Другой мир, не мой. Я назвала тебе десять причин, Джефф, и уверена, что могу придумать еще десять. Так что, пожалуйста, постарайся понять. Я там у вас ненадолго.

— Понимаю, Саманта. И не могу тебя винить.

Глава 31

Новый год для Джеффа начался с неприятностей: он был арестован в аэропорту Чарлстона, в Западной Виргинии. В первую субботу года около десяти вечера охранник, обходивший территорию, заметил мужчину, который пытался спрятаться в тени «бич-бонанза»,^[27] стоявшего неподалеку от нескольких других одномоторных самолетов. Охранник выхватил пушку и приказал мужчине, то есть Джеффу, немедленно отойти от самолета. И вызвал полицию. На Джеффа надели наручники и препроводили в тюрьму. Он позвонил Саманте в шесть утра, просто сообщил, где находится. Джефф не рассчитывал, что она примчится к нему на выручку, поскольку в Чарлстоне у него было много друзей-юристов. Она задала ему вопрос по существу:

— Зачем тебе понадобилось рыскать по территории аэропорта ночью?

— Проводил расследование, — ответил он. В отдалении слышались чьи-то страшные крики.

Она лишь покачала головой, дивясь его легкомыслию и безрассудству.

— Ладно, чем я могу помочь?

— Да ничем. Это просто вторжение на закрытую территорию. Через несколько часов освободят. Сразу позвоню.

Еще не было семи утра, когда Саманта прибежала в центр и сварила себе кофе. Джефф и его последнее приключение не слишком ее беспокоили. Она пересмотрела записи и документы, сложила их в папку, выпила на дорожку чашку кофе и ровно в 7.30 утра выехала в Колтон, до которого было около часа езды. И все это время репетировала свои аргументы в разговоре с судьей и адвокатом из «Топ маркет солюшн».

И вот она вошла в здание суда округа Колтон — на этот раз совершенно одна. Миновали дни, когда она ходила по судам в сопровождении Мэтти или Аннет. Теперь она была вполне самостоятельным юристом, во всяком случае, в деле Букер. Памела увидела ее в коридоре, бросилась навстречу, поблагодарила. Они вошли в зал заседаний и уселись за тот самый стол, где три месяца назад сидели Донован с Лайзой Тейт. На то самое место, где они, держась за руки, выслушивали, как судья зачитывает вердикт присяжных. Саманта понимала, что на этом все сходство, пожалуй, и заканчивалось, поскольку будет рассматриваться апелляция по вердикту. Нет, не сегодня. Сегодня они не будут сражаться за сумму, близкую к трем миллионам. Пять тысяч

долларов — вот это куда как ближе к истине, но Саманта волновалась так, словно речь шла о миллионах.

Судья постучал молоточком и попросил Саманту начать. Она глубоко вздохнула, огляделась, увидела, что зрителей в зале нет, еще раз напомнила себе, что дело несложное и речь идет о небольшой сумме, и начала. Произнесла несколько коротких обобщающих фраз, затем пригласила Памелу на скамью свидетелей. Памела рассказала судье о постановлении по старой кредитной карте, показала копию свидетельства о разводе, рассказала, каково это было — получать урезанную зарплату, а затем вообще вылететь с работы. И весьма красочно описала, как жила с двумя ребятами в машине. Саманта представила заверенные копии судебного постановления по кредитной карте, свидетельства о разводе, приказа суда о наложении запрета на требования должника к третьему лицу. А также распечатку о выплатах с электроламповой фабрики. Памела пробыла на скамье свидетелей около часа, затем вернулась за стол к Саманте.

Линия защиты у «Топ маркет солюшн» была слабая, еще слабее оказался адвокат — какой-то малоизвестный юрист из крохотной конторы в Абингдоне по фамилии Киплинг. Он даже не скрывал, что шансов выиграть это дело у его клиента маловато. Нес какую-то ерунду о том, будто бы «Топ маркет» обманула компания, выдававшая кредитные карты. И что будто бы его клиент действовал исключительно с благими намерениями. Его клиенты знать не знали и не ведали о постановлении суда по старой кредитной карте.

Судье очень скоро надоел Киплинг и его несвязная болтовня. Он сказал:

— Все ваши попытки снять обвинения ни к чему не приведут, мистер Киплинг. А теперь попрошу выключить диктофон.

Судебный репортер расслабился и потянулся к стаканчику с кофе. Судья продолжил:

— Хочу уладить этот вопрос прямо здесь и сейчас. Совершенно очевидно, мистер Киплинг, что ваш клиент допустил ошибку, чем причинил массу неудобств и неприятностей миссис Букер. Через месяц или около того мы могли бы провести полное расследование, в этом же зале, прямо здесь, передо мной и без участия жюри присяжных, но это было бы лишь напрасной тратой времени. Поскольку я уже принял решение. И могу вас заверить, оно обойдется вашему клиенту куда дешевле, если вы придете к мировому соглашению.

— Что ж, э-э, да, конечно, ваша честь, — вскочив, произнес мистер Киплинг. Его удивила такая откровенность судьи.

— Вот, как думаю, будет справедливо, — продолжил судья. — Иными словами, вот каково мое решение. Ваш клиент незаконно снимал деньги с чеков по зарплате миссис Букер, в общей сложности с одиннадцати на сумму тысяча триста долларов. Из-за этого ее вышвырнули из трейлера, где она проживала. В результате действий вашего клиента истица лишилась работы, хотя, насколько я понял, ее собираются восстановить. Тем не менее ей пришлось нелегко, она стала бездомной и была вынуждена жить в машине с двумя детьми. Короче говоря, миссис Букер пострадала именно из-за вашего клиента. И она просит выплатить ей компенсацию в размере пяти тысяч долларов, но лично я считаю, что этого недостаточно. И потому предлагаю выплатить ей тысячу триста долларов, которые вычли из зарплаты, плюс еще десять тысяч в качестве возмещения морального и материального ущерба. Это если мы решим миром и сегодня. А если отложим рассмотрение на месяц, тогда вашему клиенту все обойдется куда дороже. Ну, что скажете, мистер Киплинг?

Киплинг начал перешептываться со своим клиентом, представителем «Топ маркет», краснолицым коротышкой в дешевом и тесноватом для него костюме. Тот так и кипел от злости, потел и брызгал слюной, однако отдавал себе отчет в том, что происходит. И еще было очевидно, что доверия между клиентом и его адвокатом не существует. Наконец Киплинг спросил:

— Нельзя ли нам посоветоваться минут пять, ваша честь?

— Можно. Но только пять минут, не больше.

И эти двое выбежали из зала.

Памела наклонилась к Саманте и прошептала:

— Просто ушам своим не верю.

Саманта кивнула с важным видом, точно это было лишь одно из ее многочисленных слушаний в суде. И притворилась, что изучает какой-то документ: начала, хмурясь, подчеркивать какие-то слова в нем, хотя больше всего на свете ей хотелось воскликнуть: «Я и сама не верю! Это мой первый суд!»

Разумеется, это был никакой не суд, скорее просто слушания. Но это был ее первый в жизни иск, и она никак не рассчитывала выиграть его с таким блеском.

Дверь отворилась, в зал вбежали ответчики и уселись за свой стол. Киплинг посмотрел на судью и сказал:

— Мы это, ваша честь... Ну, короче, действительно, похоже, мой клиент допустил ряд ошибок и искренне сожалеет о последствиях. Так что мы считаем ваше предложение вполне справедливым и согласны на

мировую.

Саманта возвращалась в Брэйдс. И думала о Доноване и Джеффе, о том, как они тоже возвращались в город, летел как на крыльях с вердиктом по делу Тейтов стоимостью в три миллиона. Они наверняка так же радовались и гордились собой, как сейчас Саманта. Она со своими коллегами спасла семью Букер от бездомного жалкого существования, возможно даже от голода, помогла им вернуться к нормальной жизни. Они решительно добивались правосудия и победили. А плохие парни были посрамлены.

Прежде она никогда не чувствовала себя настоящим серьезным адвокатом, полезным и нужным человеком.

Ленч в понедельник превратился в празднование блестящей победы Саманты в ее первом судебном деле. Аннет советовала ей в полной мере насладиться моментом, поскольку такие победы в их жизни случаются не часто. Мэтти предупредила, что праздновать, пожалуй, преждевременно — ведь чек от ответчика еще не поступил. Какое-то время они обсуждали дело Букер, затем сменили тему. Мэтти сообщила, что Джеффа выпустили из тюрьмы в Чарлстоне. Саманта спросила:

— Что, он внес залог или просто сбежал?

Оказалось, что освобождению Джеффа поспособствовал какой-то известный адвокат, один из приятелей Донована. Нет, ни о каком преступлении речи не было.

Утром Аннет позвонил один из секретарей суда и предупредил, что некий юрист семейства Крамп собирается подать жалобу и восстановить завещание Фрэнсин Крамп, которое она подписала пять лет тому назад и которое, судя по всему, показывала Саманте во время своего первого визита. Семья хочет добиться его признания действительным на том основании, что Фрэнсин уничтожила свое последнее завещание, составленное и подписанное в центре. Словом, замаячила какая-то туманная история, и ввязываться в нее никто из присутствующих не хотел. Пусть Крампы получают свою землю и продадут угольной компании, лично им все равно. Тем не менее, как пояснила Мэтти, они юристы и являются лицами ответственными, а потому обязаны, по возможности, предотвратить попытку мошенничества. У них имеется оригинал последнего завещания, присланный им по почте неким неизвестным человеком уже после того, как сама Фрэнсин Крамп впала в кому. Получается, она его не уничтожила, просто прятала от детей и надеялась, что в центре ей помогут, подадут в суд, чтобы утвердить его официально. Так стоит ли им сейчас показать

завещание и начать войну, которая будет длиться несколько лет? Или они должны выждать и посмотреть, что затеяли Крампы? Весьма велика вероятность того, что члены семьи будут продолжать лгать, утверждая, что Фрэнсин уничтожила завещание. А если ложь будет произнесена под присягой, а потом это обнаружится, семейство ждут нешуточные неприятности. Скорее всего, они сами попадут в ловушку, и избежать этого им поможет только центр, предъявив новое завещание прямо сейчас.

Короче, здесь крылся настоящий подвох — классический экзаменационный вопрос в юридической школе, способный свести с ума студентов. И они решили выждать еще неделю, хотя все три юриста центра и даже Барб с Клодель понимали, что завещание следует представить в суде и предупредить тем самым семью.

Ближе к вечеру обещали сильный снегопад, и они обсудили дальнейший распорядок дня на сегодня. Мэтти, Аннет и Саманта жили неподалеку и обычно добирались до центра пешком, поэтому закрывать учреждение не стоило. Клодель была на восьмом месяце беременности, и ей разрешили не приходить завтра на работу. Как и Барб, которая жила в деревне довольно далеко от Брэйди, и дороги там чистили плохо.

И вот к трем часам дня действительно повалил снег. Саманта смотрела в окно, сидя за столом, погруженная в свои мысли, и не испытывала ни малейшего желания прикоснуться к файлам, как вдруг у нее в сумочке зазвонил мобильник. Джефф все еще находился в Чарлстоне.

— Ну, как оно там, в тюрьме? — спросила она.

— Эй, осторожнее, думай, что говоришь, — буркнул он в ответ.

— Да, прости, совсем забыла. — Она встала и вышла на крыльцо.

Джефф рассказал, что пробрался на закрытую территорию местного аэропорта через незапертые ворота в сетчатой изгороди. Небольшое здание аэровокзала было открыто, но там находилась только одна сотрудница, молоденькая девушка, она сидела за столом и листала модный журнал. Укрывшись в тени, он с полчаса наблюдал за обстановкой и не заметил ни одной живой души. В отдалении находился главный терминал, там горели огни, но на его территории, где находились маленькие самолеты, было темно. Всего их оказалось тринадцать, в том числе четыре «сессны», они стояли, выстроившись в ряд. Два самолета были не заперты, и Джефф забрался в кабину одного из них и сидел в темноте минут десять.

Иными словами, стоянка эта никак не охранялась — никаких мер безопасности. Он мог бы пробраться в любой из самолетов. А потом вдруг увидел охранника и решил: пусть он его арестует. Ведь это всего лишь мелкий проступок, проникновение на закрытую территорию. Его обвиняли

и в более серьезных преступлениях, напомнил он Саманте. Охранник оказался славным парнем, и Джефф включил все свое обаяние. Сказал, что работает пилотом и всегда мечтал иметь личный самолет, такой, как, к примеру, «бич-бонанза», вот и захотел поближе его рассмотреть. Ничего плохого на уме у него не было. Охранник поверил, даже проникся к нему симпатией, но служба есть служба. Тюрьма — это ерунда. Он знал, что адвокат его отмажет.

И эта его выходка принесла свои плоды. Болтая с охранником, он расспрашивал о других сторожах, которые здесь работали, других парнях, которые, возможно, здесь появлялись. И узнал имя одного человека, который уволился с работы незадолго до Рождества. И вот теперь Джефф хотел его найти.

Саманта закрыла глаза и попросила его быть осторожнее. Хотя прекрасно понимала, что такой человек, как Джефф, будет до конца своих дней искать людей, причастных к смерти его брата.

Восторг от первой победы на слушаниях несколько поутих, когда Саманта с Мэтти прибыли на слушания по делу о черных легких в здание федерального суда в Чарлстоне и предстали перед судьей по административному праву (САП). Шахтеру по имени Уолли Лэндри было пятьдесят восемь, последние семь лет он не работал. Был прикован к инвалидному креслу, сидел на кислородной подушке. Четырнадцать лет назад он подал прошение о выплате ему пособия по заболеванию пневмокониозом. Еще тогда врач выдал заключение, где черным по белому было написано, что болезнь эта протекает у него в тяжелой форме с осложнениями. Директор местного отделения Министерства труда распорядился назначить ему пособие. Но работодатель, компания «Брэйли рисосиз», подала апелляцию, и тогда судья по административному праву посоветовал мистеру Лэндри найти себе адвоката. Мэтти согласилась представлять его интересы. В федеральном суде они одержали победу, и тогда «Брэйли» подали апелляцию в Комиссию по надзору за выплатами пособий (КНВП), что находилась в Вашингтоне. Так это дело и перебрасывали, словно мячик, от САП к КНВП и обратно на протяжении целых пяти лет — до тех пор, пока вашингтонская комиссия не вынесла решение в пользу Лэндри.

Тогда компания подала апелляцию в Федеральный апелляционный суд США, где дело пролежало два года и лишь затем было снова отправлено к САП. Тот затребовал дополнительные медицинские заключения, и тут на тропу войны вышли эксперты. Выяснилось, что Лэндри начал курить в

возрасте пятнадцати лет и бросил лишь двадцать лет спустя. Согласно новому заключению медиков, причиной проблем с легкими являлось именно курение, смолы и никотин, а вовсе не угольная пыль.

— Что угодно, только не угольная пыль, — не уставала твердить Мэтти. — Всегдашняя их стратегия.

Мэтти занималась этим делом тринадцать лет, потратила на него около 550 часов, и если бы в конце концов одержала победу, то получила бы по 200 долларов в час. Именно такую сумму должны были выплатить «Брэйли» и его страховая компания, юристы которой зарабатывали куда больше. В тех редких случаях, когда центру удавалось заработать деньги по делу о черных легких, деньги поступали на специальный счет и предназначались для оплаты расходов по ведению других дел, связанных с заболеваниями пневмокониозом. На данный момент на счету у них накопилось около 20 000 долларов.

Слушания проходили в малом зале суда. Мэтти сказала, что они все собираются вот уже как минимум в третий раз, чтобы по-новому сформулировать противоречащие друг другу медицинские заключения. Они с Самантой уселись за один стол. За другим, неподалеку, разместилась целая компания шикарно одетых по последней моде адвокатов из «Каспер, Слейт» — они деловито доставали из своих портфелей бумаги, готовясь к работе. Позади Саманты сидел Уолли Лэндри — изнуренный, дышащий через трубочку, вставленную в нос, — рядом находилась его жена. Когда Уолли четырнадцать лет тому назад впервые подал прошение о пособии, ему назначили выплаты по 641 доллару в месяц. Выплаты же компании своим юристам в то время составляли минимум 600 долларов в час — это согласно приблизительным подсчетам Мэтти. Но только не пытайся искать здесь здравый смысл, всегда добавляла она. Выплаты угольных компаний и их страховщиков своим юристам во много раз превышали суммы пособий и штрафов пострадавшим, которых они так отчаянно пытались избежать, но это к делу не относилось. Все эти тяжбы, бесконечные отсрочки, апелляции и пересмотры удерживали других шахтеров от подачи исков и отпугивали их адвокатов, если таковые имелись. И в этой длительной борьбе, как правило, побеждали компании.

К их столу неспешно приблизился какой-то умник в черном костюме и сказал:

— Привет, Мэтти. Рад видеть тебя снова.

Мэтти нехотя привстала из-за стола, вяло протянула руку и ответила:

— Доброе утро, Трент. Тоже очень рада.

Тренту было под пятьдесят: седеющие волосы, самоуверенный взгляд.

А вот улыбка какая-то дурацкая, вымученная.

— Мои соболезнования, — пробормотал он. — Твой племянник Донован был замечательным адвокатом.

Мэтти быстро убрала руку и резко сказала:

— Давай не будем о нем.

— О да, конечно, прости. А это кто тут с тобой? — И он с любопытством воззрился на Саманту.

Она поднялась и представилась:

— Саманта Кофер, работаю в центре интерном.

— Ах, ну да, вы просто блестяще провели расследование по делу Райзера. Позвольте представиться, Трент Фуллер. — Он протянул руку, но Саманта не собиралась обмениваться с ним рукопожатием.

— Я юрист, а не следователь, — заметила она. — И я представляю интересы мистера Райзера в иске о выплате компенсаций по болезни.

— Да, наслышан. — Улыбка исчезла с его лица, глаза сузились и излучали теперь неприкрытую злобу. Он ткнул в ее сторону пальцем и заметил: — Мы крайне недовольны голословными обвинениями в адрес нашей фирмы, выдвинутыми вашим клиентом в его потерпевшем полный провал исковом заявлении. Не повторяйте эту же ошибку снова. Просто хотел вас предупредить. — Голос его повысился чуть ли не до визга. Трое других юристов из «Каспер, Слейт» так и замерли и тоже пожирали ее злобными взглядами.

Саманта была потрясена, но отступать не собиралась.

— Но ведь вам прекрасно известно, что обвинения эти правомерны, — парировала она.

Он приблизился на шаг, грозно приподнял палец, точно собираясь ткнуть им ей в лицо, и сказал:

— Да мы засудим вас и вашего клиента за клевету, неужели не ясно?

Тут вмешалась Мэтти, отвела в сторону его руку.

— Ну, хватит, Трент. Возвращайся на свое место.

Он сразу успокоился и даже изобразил еще одну улыбку. Но смотрел зло и сказал Саманте еле слышным шепотом:

— Ваш клиент доставил нашей фирме много неприятностей, мисс Кофер. Пусть даже его иск отклонен, все равно до сих пор больно. И мы постараемся тщательно рассмотреть его претензии к нашей фирме.

— Разве он один этого заслуживает? — не выдержала Мэтти. — Черт, да он состоял в этом списке четырнадцать лет, а вы до сих пор сражаетесь с ним изо всех сил.

— Да, именно этим мы и занимаемся, Мэтти. Именно этим, —

пробормотал он, отступил и вернулся в свой фан-клуб.

— Дыши спокойно, — посоветовала Мэтти, и обе они сели.

— Я просто ушам своим не верю, — пробормотала все еще ошеломленная Саманта. — Мне угрожали. Причем в зале суда!

— О, ты еще и не такое здесь увидишь. Они угрожают тебе в зале суда, на выходе из него, в коридорах, по телефону, по электронной почте, по факсу, даже в архивах суда. Не обращай внимания. Они негодяи, бандиты, как и их клиенты, и в большинстве случаев это сходит им с рук.

— А кто он такой?

— Один из самых талантливых их ассасинов. Старший партнер, один из шести, работающих в подразделении по черным легким. Там же трудятся сотни секретарей, дюжины помощников юристов и прочих народец на подхвате. Так что представь, каково бы пришлось Уолли Лэндри, если б он сидел здесь без адвоката.

— Нет, не представляю, — ответила Саманта. Это выходило за границы ее воображения.

— А ведь нечто подобное происходит все время.

На какую-то долю секунды Саманту вдруг охватила тоска по нудной, но безопасной работе в «Скалли энд Першинг» — фирме, которая была в четыре раза крупнее, чем «Каспер, Слейт», и неизмеримо богаче. Никто не запугивал и не задирали юристов в ее старой фирме; да они сами частенько прибегали к запугиванию. И в этой подковерной борьбе бульдоги всегда могли призвать на помощь целую стаю волков, чтобы защитить своих клиентов.

Трент Фуллер никогда бы не стал ссориться с адвокатами из другой крупной фирмы. Он так разошелся лишь потому, что увидел за столом двух женщин, двух плохо оплачиваемых адвокатов из Центра юридической помощи, представляющих pro bono^[28] умирающего шахтера, вот и не удержался, решил продемонстрировать свое превосходство. И проявил неслыханную дерзость — ведь его фирма занималась мошенничеством и была уличена в этом Самантой, что позволило Доновану подать иск по делу Райзера. Теперь же, когда иск отменили, Фуллера и его контору ничуть не волновали допущенные ими нарушения, их волновала лишь собственная запятнанная репутация.

Не осмелился бы Фуллер на такую безобразную выходку и в присутствии Донована. Ни один из этих четырех модно одетых типов, сидевших за другим столом, не рискнул бы нарваться и получить удар кулаком за неосторожно оброненное слово или угрозу.

Но сейчас перед ними были всего лишь женщины, казавшиеся наглым

парням такими слабыми и беззащитными, что запугать их или унижить ничего не стоило. Они участвовали в заведомо проигрышном деле, да еще не получали за это ни цента, а потому наглецы из «Каспер, Слейт» в полной мере осознавали свое превосходство.

Саманта скинула, Мэтти шуршала бумагами. Судья занял свое место и призвал всех к порядку. Саманта огляделась и снова поймала на себе взгляд Фуллера. Он улыбался с таким видом, точно хотел сказать:

«Это моя лужайка, и тебе на ней делать нечего».

Глава 32

Электронное сообщение гласило:

Дорогая Саманта, у меня остались самые приятные воспоминания о нашей короткой встрече в Нью-Йорке, очень хотелось бы побеседовать с Вами еще раз. Вчера, 6 янв., «Крулл майнинг» пыталась отклонить наш иск по долине Хаммер в федеральном суде Чарлстона. Чего, наверное, и следовало ожидать, поскольку дело тянется давно и многие о нем успели позабыть. И еще, очевидно, в «Крулл майнинг» страшно боятся этого иска и всеми силами пытаются отвертеться. За 35 лет мне ни разу не доводилось сталкиваться с такими отчаянными попытками отбиться. И противостоять им довольно трудно, поскольку очевидна нехватка доказательств. Не могли бы мы с Вами встретиться в ближайшее время? И еще: нет никаких признаков поддержки со стороны округа Колумбия.

Ваш друг Джаретт Ландон.

С одной стороны, Саманта надеялась, что Джаретт Ландон напрочь о ней позабыл. Но, с другой стороны, она часто вспоминала о нем после столкновения с Трентом Фуллером. Ведь он был настоящим судебным адвокатом с репутацией, часто выступал на громких процессах и вряд ли мог подвергнуться столь унижительным нападкам. Если не считать отца и Донована, Ландон был единственным знакомым ей адвокатом, выступающим в судах первой инстанции, и ни один из этих троих никогда бы не спустил Фуллеру с рук такого безобразия. Правда, тогда, после первой стычки, Фуллер сидел в своем углу и не произнес больше ни слова.

Но ей не слишком хотелось встречаться с Ландоном. Ведь он требовал от нее пособничества, а Саманта не желала увязать во всем этом еще глубже. А это неопределенное «очевидна нехватка доказательств» могло означать только одно: ему очень нужны документы.

И она написала ответ:

Привет, Джаретт. Рада была получить от Вас весточку. Встретиться не против; только заранее дайте знать когда.

Вашингтон проинформирован.

С. К.

Вашингтон, разумеется, проинформирован не был. Во всяком случае, не полностью. В поезде, по дороге из Вашингтона после рождественских каникул, Саманта рассказала Карен часть истории, особо подчеркнув «оскорбительные» действия со стороны ФБР, и еще поведала о том, как эти ребята запугивали истцов по делу «Крулл майнинг». О спрятанных документах она умолчала, не стала рассказывать и о других драмах, что в настоящее время разворачивались в ее маленькой угольной стране.

Карен заинтересовалась, но не сильно. И заметила, что фэбээровцы всегда были склонны превышать полномочия и попадать в неприятности. Она занимала высокое положение в Министерстве юстиции, и агенты, действующие где-то там, внизу, на улице, словно существовали для нее в другом мире. И Карен не проявляла интереса к тому, чем они там занимаются — будь то в Аппалачах, Нью-Йорке или Чикаго. Сегодня ее мир сводился к стратегиям самого высокого уровня, к выработке политики по отношению к безрассудному поведению нескольких крупных банков, к тем, кто выдает ипотечные кредиты под залог, ну и так далее в том же духе...

Второе важное сообщение пришло по электронной почте тем же утром от некоего доктора Дрейпера, пульмонолога из Беркли, который был выбран Министерством труда для обследования Бадди Райзера. Оно оказалось очень кстати.

Адвокату Кофер. Заключение прилагается.

Мистер Райзер страдает от ПОФ — прогрессирующего обширного фиброза, известного также как пневмокониоз, или профессиональная болезнь угольщиков. Его состояние ухудшается. Насколько я понимаю, он все еще работает, хотя, по моему мнению, это ему противопоказано. Впрочем, в моем отчете это не указано. Если есть вопросы, можете связаться со мной по e-mail.

Л.К.Д.

Она читала заключение, и тут поступило третье сообщение. Оно было от Энди Грабмена, хотя адрес электронной почты не совпадал с адресом

«Скалли энд Першинг».

Дорогая Саманта, с Новым годом тебя!

Надеюсь, мое послание застанет тебя в добром здравии, и ты успешно продолжаешь спасать мир. Очень скучаю по твоей улыбочивой мордашке, надеюсь, скоро увидимся. Буду краток и перейду прямо к делу. К концу февраля я решил уйти из «Скалли энд Першинг». Никто меня не вынуждает, не выгоняет, ничего подобного. Мы расстаемся по-хорошему. Дело в том, что мне осточертело налоговое законодательство. Жуткая скучища, не хватает драйва. У меня есть друг, он на протяжении многих лет работает в фирме по коммерческой недвижимости, и сейчас его оттуда выдавливают. Мы с ним решили открыть свою частную контору, «Спейн и Грабмен», с филиалами в промышленных районах. Мы уже заполучили двух крупных клиентов — один корейский банк и один фонд из Кувейта, — оба ухватились за идею покупки с целью дальнейшей перестройки ветхих домов на Восточном побережье. Сама прекрасно понимаешь, нехватки такой недвижимости, к тому же находящейся под залогом, во время рецессии не наблюдается. Кроме того, наши клиенты считают, что сейчас самое время начать составлять план реконструкции, которую можно будет провести года через два, когда рецессия закончится. Денег у них куры не клюют, и им не терпится приступить к делу.

Как бы там ни было, Ник Спейн и я планируем пригласить в новую фирму человек двадцать сотрудников и партнеров, которые будут работать под нашим началом. Деньгами не обидим, зарплаты будут сопоставимы с теми, что получают в крупных юридических фирмах, к тому же мы не собираемся гробить ни самих себя, ни наших сотрудников. Неплохо было бы основать такую славную и красивую фирмочку, где юристы будут не только вкалывать на совесть, но и получать удовольствие от работы. Обещаю, что наши сотрудники будут работать не больше 80 часов в неделю. Думаю, что 50 — самый оптимальный вариант. Слова «качество жизни» часто звучат как насмешка, но мы относимся к ним вполне серьезно. Я страшно устал, а ведь мне всего 41.

Итак, я предлагаю тебе работу. Изабель уже с нами. Бен нашел еще одного человечка, но боюсь, он вышел за пределы

нашей резервации. Как смотришь на это? Нет, я не давлю, но ответ нужен мне к концу месяца. Нет нужды напоминать, что сегодня по улицам бродят толпы безработных юристов.

Твой любимый босс Энди.

Она перечитала письмо еще раз, потом закрыла дверь и просмотрела его в третий раз. Энди был неплохим парнем, родом из Индианы, хотя большую часть жизни прожил в Нью-Йорке. Он прислал пространное послание со щедрым и соблазнительным предложением. Но не смог удержаться — лишний раз напомнил ей, что кругом полно юристов, вымаливающих работу по специальности. Саманта выключила компьютер, свет в кабинете и тихо, на цыпочках, вышла из офиса через заднюю дверь. Затем села в «форд» и, лишь отъехав на милю от города, вдруг спросила себя, куда направляется. Впрочем, ей было все равно. До 31 января оставалось двадцать четыре дня.

Она вела машину и думала о своих клиентах. Первым ей вспомнился Бадди Райзер. Она вовсе не была обязана заниматься его делом, но обещала Мэтти, что подаст повторный иск и возьмет на себя всю тяжелую подготовительную работу. И все это было почти пустяком по сравнению с гигантским повторным иском, который кто-то должен был выдвинуть против «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт». А потом еще эта мутная история с завещанием Фрэнсин Крамп — да одного этого было достаточно, чтобы немедленно позвонить Энди и принять его предложение. А еще были Мерривезерс, очень славная небогатая супружеская пара, вложившие все свои сбережения в маленький домик, который теперь угрожал отобрать какой-то подлый кредитор, выдавший им недостающую сумму. И Саманта искала способ наложить судебный запрет на это решение. Еще были два иска о разводе, поданные одной стороной, а потому не утвержденные и рискующие таковыми и остаться. И разумеется, была тяжба, связанная с долиной Хаммер, мысли о которой не давали ей покоя. Честно говоря, это была еще одна причина уехать отсюда поскорей. Она также помогала Мэтти с тремя банкротствами и двумя случаями дискриминации при увольнении. Она все еще ждала, когда поступит чек на имя Памелы Букер, так что и это дело нельзя было считать закрытым. Она помогала Аннет с двумя другими разводами, должна была разобраться в этой истории с Фиби Фэннинг — мать и отца засадили в тюрьму, и никто не хотел позаботиться об их ребятишках.

Одним словом, адвокат Кофер, слишком уж много зависит от вас

людских судеб, чтоб собраться и уехать прямо сейчас. О возвращении в Нью-Йорк и думать пока нечего, тем более что проработала она всего три месяца из положенных двенадцати. И ей нужно время, чтобы провести подготовительную работу, помочь еще нескольким людям и при этом хотя бы изредка посматривать на календарь и удивляться тому, как быстро пробегают месяц за месяцем. А там, глядишь, рецессия закончится и на Манхэттене снова появятся отличные рабочие места. Ведь именно таков был ее изначальный план, верно? И возможно, не стоит возвращаться к унылой и монотонной работе в крупной конторе, а вместо этого занять теплое местечко в какой-нибудь... славной маленькой фирмочке?

Небольшая контора, несколько веселых и счастливых юристов, 50 рабочих часов в неделю, внушительная зарплата плюс еще бонусы? В 2007-м, в последний полный год в «Скалли энд Першинг», она наработала три тысячи часов. Математика тут была проста: шестьдесят часов в неделю на протяжении пятидесяти недель, причем ей ни разу не удалось взять хотя бы две недели оплачиваемого отпуска. Так что на самом деле не шестьдесят, а все семьдесят пять, а может, и больше. Для тех счастливиц, которые наслаждаются жизнью и не часто поглядывают на часы, семьдесят пять рабочих часов в неделю означает, что Саманта должна была приходить в контору в 8.00 утра и уходить через двенадцать часов. И так — от понедельника до субботы, хотя и в субботу иногда приходилось потрудиться несколько часов. И это считалось нормальным. Плюс еще непрерывное давление начальства, плюс какой-нибудь кризис у клиента Энди, тогда и все девяносто часов в неделю были обеспечены. А теперь он обещает ей только пятьдесят?

Она находилась в Кентукки, подъезжала к маленькому городку Вайтсбургу, расположенному в часе езды от Брэйди. Дороги были свободны, но по обочинам высились сугробы грязного снега. Она увидела кафе и припарковалась рядом. Официантка сообщила, что у них есть горячие бисквиты, только что из печи. Разве можно было устоять? Саманта выбрала столик у окна, уселась, намазала бисквит маслом и ждала, когда он немного остынет. Пила кофе и провожала взглядом редкие автомобили, проезжающие по Мейн-стрит. Отправила текстовое сообщение Мэтти, написала, что ей пришлось отъехать по делам.

Она ела бисквит с клубничным джемом и делала записи в блокноте. Решила, что пока не станет отказываться от предложения Энди, но и отвечать согласием тоже не будет. Ей нужно время, хотя бы несколько дней, чтобы все хорошенько обдумать, проанализировать, собрать всю необходимую информацию, потом выждать, пока что-то подскажет

внутренний голос. Она даже написала Энди ответ, который решила отправить позже из офиса. Первый вариант гласил:

Дорогой Энди! И тебя с Новым годом!

Должна признать, меня очень удивило твое сообщение и столь щедрое предложение работы. Честно сказать, за последние три месяца здесь не произошло ничего такого, что могло бы подготовить меня к столь поспешному возвращению в город. Я думала провести здесь минимум год, набраться опыта, узнать жизнь, поразмыслить о будущем, а тут вдруг ты, и все переворачивается с ног на голову. А потому мне нужно время, чтоб все хорошенько обдумать.

Спасти мир пока что не удалось, но некий прогресс наметился. Мои клиенты — люди бедные и постоять за себя не могут. Чудес они от меня не ждут, но благодарны за каждое усилие. Время от времени хожу в суд — только представь, Энди, наконец-то я узнала, на что похож зал заседаний, и, надо сказать, картинка радикально отличается от телевизионной. Хотя, как тебе известно, у меня не было времени смотреть телевизор. В прошлый понедельник выиграла свое первое дело, 10 000 долларов для клиентки, но так радовалась, словно это был миллион. Ничего, наберусь опыта и, думаю, полюблю работу в суде.

Теперь о твоём предложении. Тут есть ряд вопросов. Кто они такие, эти другие партнеры, и откуда взялись? Нет, правда, Энди, не хотелось бы работать с бандой отвязных головорезов. Каково соотношение мужчины/женщины? Надеюсь, это не чисто мужской клуб. Кто такой Ник Спейн и какая за ним стоит история? Уверена, что юрист он замечательный, а вот что за человек? Счастлив ли в браке или скачет из одной постели в другую? Если только попробует дотронуться до меня, подам на него в суд за сексуальные домогательства, так что пусть знает. И, пожалуйста, пришли мне его биографию. Где будут открыты офисы? Как-то не хочется работать в плохих условиях. Мне всего-то и нужно, что маленький кабинет — но целиком мой! — с большим окном, солнечным светом и хотя бы одной стенкой, на которую я смогу повесить то, что захочу. Эти пятьдесят часов в неделю гарантированы — будут значиться в письменном договоре? В настоящее время у меня как раз такое расписание,

чему я до смерти рада. Кто станет нашими клиентами помимо тех корейцев и выходцев из Кувейта? Уверена, они владеют большими корпорациями и все такое. Но что, если они просто выскочки с непомерными амбициями? Если последнее, не потерплю, чтоб на меня повышал голос мой клиент. (Здесь мои клиенты называют меня мисс Сэм и приносят мне домашнее печенье.) Так что еще поговорим об этом. И наконец — какие перспективы? Здесь особых нет, а потому навсегда не останусь. Ведь я девушка из Нью-Йорка, Энди, во всяком случае, была таковой три месяца назад. И еще хотелось бы знать структуру новой фирмы и какой вы с мистером Спейном представляете ее лет через десять. Думаю, я имею право это знать.

Спасибо, Энди, что вспомнил обо мне. Ты всегда был честен со мной, хоть и далеко не всегда мил, и не уверена, что это заложено у тебя в генах.

Продолжим общаться.

Саманта.

Подморозило до двадцати градусов, снег покрылся глянцевой корочкой льда, отражающей лунный свет. После ужина в тепле и уюте с Аннет и ее детьми Саманта поднялась к себе в квартирку над гаражом, где стояла маленькая печка, и постаралась хотя бы немного согреть воздух в помещении. Если б она снимала квартиру на Манхэттене, то устроила бы грандиозный скандал домовладельцу, но здесь, в Брэйди, это не выйдет. И дело не в том, что она не платила за жилье, а ее домовладелице, судя по всему, хронически не хватало денег. Наконец Саманта легла в постель, закуталась в одеяла и читала часа два, но время тянулось страшно медленно. Она прочла главу, потом отложила книжку и стала думать о Нью-Йорке, об Энди и его фирме. Ее обуревали самые противоречивые мысли.

Нет сомнения, что она скажет «да», и эта мысль ее возбуждала. Предложение просто идеальное: она сможет вернуться домой, в свой любимый город, да и сама работа престижная и многообещающая. Можно избежать всех ужасов каторжного труда в крупной фирме и даже попробовать сделать неплохую карьеру. Загвоздка только в одном — как расстаться с Брэйди. Ведь не может же она просто уйти через месяц или около того и взвалить все недоделанные дела на Мэтти. Нет, нужно найти какой-то более красивый и достойный выход из положения. Она уже подумывала о небольшой отсрочке — можно принять предложение, но

договориться, что она выйдет на новую работу через полгода или около того. По крайней мере, так будет честно. Ну, или почти честно. Ведь она всегда сможет договориться и с Мэтти, и с Энди, разве нет?

Тут под одеялами зазвонил телефон. Она нашарила его и бросила в трубку:

— Да? — Это был шпионский мобильник Джеффа, и она услышала его голос:

— Что, мерзнешь?

Саманта, улыбнувшись, спросила:

— Ты где?

— Примерно в сорока футах от тебя, прячусь в темноте, стою, прислонившись спиной к гаражу, а ноги утопают в покрытом ледяной коркой снегу. Слышишь, как стучу зубами?

— Вроде бы да. А что ты здесь делаешь?

— Неужели не понятно? Послушай, Аннет только что выключила свет во всем доме, так что путь свободен. Думаю, ты должна сварить кофе, если есть, то лучше без кофеина, и отпереть эту чертову дверь. Верь мне, никто ничего не увидит. Соседи дрыхнут вот уже часа два. И весь Брэйди словно вымер.

Она спустилась, отворила дверь, и Джефф бесшумно возник у подножия темной лестницы и поцеловал ее в губы. Потом снял ботинки и поставил рядом с ее сапожками.

— Так, значит, останешься? — спросила она, наливая воду в кофеварку.

Он потер руки и заметил:

— А знаешь, здесь у тебя холоднее, чем на улице. Домовладелице жаловалась?

— Как-то не подумала об этом. Денег за жилье она не берет, какие могут быть жалобы. Рада, что тебя выпустили из тюрьмы.

— Ты не поверишь! Знаешь, что мне удалось раскопать?

— Так поэтому ты здесь? Пришел рассказать мне об этом?

— Ну, это лишь одна из причин.

В ту ночь, когда погиб Донован, его «сессна» простояла в аэропорту Чарлстона около семи часов — с 3.20 дня до 10.31 вечера. Об этом свидетельствовали записи диспетчерского контроля за воздушным движением и данные из самого терминала. Приземлившись, Донован взял машину напрокат и поехал на встречу со своей командой юристов. За время его отсутствия в аэропорту приземлились четыре небольших самолета; два доставили горячее, высадили одного пассажира и улетели, два других

остались на ночь. Одним из них был «бич-барон», вторым — «Кинг-эр-210», весьма популярный двухмоторный турбовинтовой самолет, рассчитанный на шестерых пассажиров. «Кинг-эр» прибыл в 7.35 вечера с двумя пилотами и одним пассажиром на борту. Все трое вышли из самолета, зашли в здание аэровокзала, заполнили бланки, а потом уехали в фургоне, за рулем которого сидел какой-то парень.

Саманта разлила кофе по чашкам и слушала, не перебивая.

Если верить Брэду, сотруднику аэропорта, который дежурил в ту ночь, на самом деле в «кинг-эр» прилетели два пассажира, один из них остался в самолете. Да, именно так: он провел ночь внутри самолета. Пока два пилота проходили рутинную послеполетную регистрацию, Брэд заметил, как находившийся с ними пассажир говорил с тем, что остался на борту. Он наблюдал за ним с расстояния, выжидал и увидел, как пилоты заперли единственную дверь «кинг-эр». Ну и оставили свой борт на стоянке на ночь, а затем как ни в чем не бывало вошли в здание терминала с одним пассажиром.

Это показалось Брэду странным, хотя однажды он уже видел нечто подобное — пару лет назад. Тогда пилот приземлился поздно ночью, не стал регистрироваться в местном отеле, машину напрокат брать тоже не стал. И решил просто поспать несколько часов в кабине, а на рассвете вылететь. Разница была только в том, что тот пилот заявил о своих намерениях и местные службы знали, что он делает. Что же касается «кинг-эр», только Брэду было известно, что там произошло. Он не сводил глаз с этого самолета до 10 вечера, когда сменился и ушел домой. Два дня спустя его уволили за прогул. Ему никогда не нравилась эта работа, а босса своего он просто ненавидел. Брат нашел ему работу во Флориде, туда он и отправился. И никто не расспрашивал его о событиях той ночи в аэропорту. До настоящего времени, разумеется.

— А как ты его нашел? — спросила Саманта.

— Охранник, арестовавший меня в воскресенье, назвал его имя. Вообще этот Мак, охранник, оказался просто потрясающим парнем. В понедельник вечером мы с ним встретились и пили пиво, я, разумеется, угощал. Вот Мак и выболтал за выпивкой историю про этого Брэда. И так совпало, что Брэд к тому времени вернулся в Чарлстон. Я встретился с ним вчера вечером в другом баре. Ну, выпили, конечно. У меня до сих пор похмелье, так что ничего крепкого мне не предлагай.

— Да в доме ни капли спиртного.

— Вот и хорошо.

— Так в чем состоит твоя версия?

— Версия состоит в том, что этот таинственный пассажир дождался нужного момента, отпер дверь, вышел из самолета «кинг-эр», прошел примерно тридцать ярдов в темноте, добрался до «сессны» Донована и трудился примерно минут двадцать, чтоб ослабить крепление хомута. А потом тихонько пробрался обратно в «кинг-эр» и, возможно, видел, как в 10.15 подъехал Донован, чтобы сесть в свой самолет и вылететь из Чарлстона. Ну а после этого сбросил ботинки и преспокойно проспал до рассвета.

— Но вряд ли это возможно доказать.

— Не знаю. Во всяком случае, работаю над этим.

— А кто владелец этого «кинг-эр»?

— Чартерная сервисная служба из Йорка, штат Пенсильвания, часто оказывающая услуги угольным компаниям. «Кинг-эр» — это такая рабочая лошадка на угольных разработках, потому что машина надежная, грузоподъемность приличная, длинная взлетная полоса ей не нужна. У этой фирмы было четыре такие машины для чартерных перевозок. И все перелеты регистрируются, так что скоро все узнаем о том рейсе. Брэд обещал дать показания под присягой, хотя он меня немного беспокоит. Мало ли что, может и отказаться.

— Но это просто невероятно, Джефф.

— Это здорово. Следователи будут допрашивать владельцев того самолета, его пилотов, пассажира или пассажиров, ну, словом, любого, кто имел отношение к тому рейсу. Так что мы продвигаемся, Саманта. Настоящий прорыв в нашем расследовании.

— Прекрасная работа, Шерлок.

— Вот видишь, как иногда полезно позволить себя арестовать. Послушай, а у тебя не завалилось тут лишнего одеяла?

— Все на постели. Я и сама только что лежала, читала.

— Иными словами, хочешь заманить меня в постель?

— Мы и так слишком далеко с тобой зашли, Джефф. Если речь о сексе, мне крайне неприятно говорить, но ничего такого сегодня не будет. Не самое подходящее время месяца.

— О, прости.

— И еще ты мог бы позвонить.

— Наверное. Тогда почему бы нам просто не завалиться в кровать, прижаться друг к другу, согреться и проспать так до самого утра? Просто поспать. Ты как, не против?

— Думаю, попробовать можно.

Глава 33

Она так и не поняла, когда он ушел. Проснулась и увидела, что в окно сквозь жалюзи пробиваются первые серые проблески рассвета. Было почти шесть утра. Его сторона постели уже остыла, словно его не было здесь уже несколько часов. Очень похоже на Джеффа. Всегда старался держаться в тени и не оставлять следов, и, надо сказать, ее это вполне устраивало. Он брал на себя самую тяжкую ношу, она этого не понимала и не поймет никогда, так к чему беспокоиться? Она размышляла о Джеффе еще несколько минут, выглядывая в щелку из-под одеял и наблюдая за тем, как изо рта при каждом выдохе вырывается облачко пара. В комнате было страшно холодно, и следовало признать, что сейчас ей не хватало тепла его тела.

И еще она мечтала принять горячий душ, но и это тоже было ей недоступно. Саманта сосчитала до десяти, выбралась из-под одеял и бросилась к кофеварке. Казалось, что вода закипает целую вечность, но вот наконец она налила себе чашку кофе и снова нырнула под одеяла. И стала думать о Нью-Йорке. Первым делом надо отредактировать письмо Энди и отправить его по электронной почте. Может, оно слишком нахальное, слишком требовательное? Ведь она, в конце концов, безработная, а он предложил ей такое шикарное место. Имеет ли она право сомневаться в его сотрудниках и клиентах, в Нике Спейне, требовать отдельный кабинет определенного размера? И еще это предложение об отсрочке, устроит ли оно Энди или вызовет у него раздражение? Она этого не знала. Впрочем, Энди всегда был толстокожим. Но, с другой стороны, если сразу не настоять на своем, то потом тобой будут вертеть, как захотят.

Она решила не принимать холодный душ, ограничилась «птичьей» ванночкой с еле теплой водой в раковине. Никаких судов на сегодня назначено не было, и она быстро натянула джинсы и сапожки, надела фланелевую рубашку и свитер. И, вот так утеплившись, перекинула сумку через плечо и отправилась в центр пешком. Погода была морозная, но безветренная, солнце ярко сияло. Словом, был чудесный зимний день, и снежные сугробы у домов сверкали ослепительной белизной. Не самый плохой день, чтобы с раннего утра отправиться на работу, думала она, шагая по улицам Брэйди.

В Нью-Йорке были и свои отрицательные стороны. Там она утром втиснулась бы в битком набитый вагон метро, потом стала бы пробираться

на выход, и ей отдавили бы все ноги. Или же сидела бы в грязном такси и изнемогала в пробке.

По дороге Саманта остановилась, чтобы поболтать с мистером Гантри — он вышел к почтовому ящику за газетой. Ему было под девяносто, он жил один, потому что в прошлом году умерла его жена, а еще в летнее время его лужайка перед домом была самой красивой в городе. И сейчас снег на ней был аккуратнейшим образом расчищен.

Как обычно, она появилась в офисе первой и, как и положено интерну, сразу направилась к кофеварке. Пока вода закипала, Саманта прибралась на кухне, обошла все помещения и опустошила мусорные корзины, сложила аккуратной стопкой журналы на столике в приемной, хотя никто не просил ее заниматься здесь этим.

А вот и преимуществ Нью-Йорка — в «Спейн энд Грабмен» наверняка наймут уборщицу.

Существовал и объективный взгляд: Саманта была вовсе не против заниматься всем этим, но только здесь. В какой-нибудь настоящей фирме ни за что не стала бы, но здесь, в горах, в Центре бесплатной юридической помощи, все это казалось вполне уместным.

Она уселась в конференц-зале и смотрела в окно на Мейн-стрит, где проезжали машины. Только теперь, собираясь уехать, она вдруг удивилась тому, как полюбила эти места всего за какие-то три месяца. И решила отложить обсуждение с Мэтти и дожидаться, когда получит от Энди более подробную информацию. Ей претила сама мысль о том, как она огорошит Мэтти своим заявлением о скором отъезде.

Сама же Мэтти несколько утратила былую расторопность по утрам, но постепенно возвращалась к привычному образу жизни. Гибель Донована так и осталась для нее незаживающей раной, но это не означало, что жизнь остановилась. Слишком уж много у нее было клиентов, которые нуждались в помощи, слишком много дел и записей в календаре. Она примчалась в начале десятого и попросила Саманту зайти к ней в кабинет. Потом закрыла дверь и заявила, что перестала спать по ночам — не дают покоя мысли об этих сволочах Крампах и бедной покойной Фрэнсин. Единственное, что пришло ей в голову, так это обойти все местные юридические конторы и выяснить, не наняли ли кого Крампы. Если наняли, они должны предъявить им копию завещания и начать войну. Мэтти протянула ей листок бумаги и сказала:

— Если не считать нас, то в Брэйди всего четырнадцать адвокатов, вот список в алфавитном порядке с телефонными номерами. С тремя я уже переговорила, в том числе с Джеки Спорз, которая составляла самое первое

завещание пять лет тому назад. Никто не слышал об этой семейке. Ты обойдешь пятерых, и сделать это надо прямо сегодня утром. Иначе я совсем изведусь.

Саманта была знакома со всеми, кроме двух. Она пошла в свой кабинет, села за телефон и набрала номер Хампа. Тот ответил, что сроду не слышал ни о каких Крампах. Что ж, ему крупно повезло. Затем она позвонила Хайесу Синклеру, юристу, который никогда не выходил из своего офиса, потому что, по слухам, страдал агорафобией.^[29] Нет, он тоже ничего не слышал о Крампах. Третий звонок был Ли Чэтему, юристу, который никогда не сидел в своем офисе, но постоянно ошивался или в здании суда, или возле него, делая вид, что у него тут какое-то страшно важное дело, но на самом деле обменивался сплетнями, автором большинства которых и являлся. Есть! Мистер Чэтем ответил: да, он встречался с несколькими Крампами и даже подписал договор, согласился представлять интересы этой семьи.

Очевидно, что они придерживались своей версии — будто бы их мать уничтожила завещание, составленное этими жуликами из Центра юридической помощи, и потому следует вернуться к предшествовавшему завещанию, где все делилось поровну. И мистер Чэтем планировал в самом скором времени выдвинуть гражданский иск по этому делу и опираться на прежнее завещание. Однако они никак не могли решить, кто должен стать душеприказчиком или исполнителем завещания. Пять лет тому назад Фрэнсин назначила Иону, своего старшего сына. Но у него начались проблемы с сердцем (вызванные, очевидно, этой стрессовой ситуацией), и потому он не годился. И когда мистер Чэтем только заикнулся, что надо бы назначить нового душеприказчика, между остальной четверкой началась страшная грызня. И он в настоящее время пытается как-то уладить этот вопрос.

И тут Саманта бросила бомбу — заявила о таинственном пакете, который они получили на следующий день после похорон. И постаралась заверить мистера Чэтема, что ни она, ни кто-либо другой из центра не имеют ни малейшего желания влезать в эту свару из-за завещания, просто хотели бы предупредить коллегу, что его клиенты лгут. Ко времени, когда она повесила трубку, Чэтем бормотал себе под нос проклятия. Она отправила факсом на адрес его фирмы копию последнего завещания, а затем побежала докладывать Мэтти.

— О, тогда эти волчата сразу хвосты подожмут, верно? — сказала Мэтти, выслушав новости. — Одна угроза с их стороны — и я иду к шерифу.

— Может, нам следует обзавестись пистолетами? — спросила Саманта.

— Пока рано. — Мэтти пододвинула к ней какие-то бумаги. — Вот, полюбуйся.

Пачка была довольно толстая, и Саманта уселась за стол.

— Что это? — спросила она.

— От «Стрейхорн». Уведомление об апелляции по делу Тейтов. На прошлой неделе я говорила с судьей о неподписанном мировом соглашении. Ну и, ясное дело, он был далеко не в восторге, так что они нас поимели. И теперь нам придется проходить через весь этот процесс апелляции и надеяться на то, что Верховный суд не даст обратного хода.

— А почему ты передаешь все это мне?

— Просто подумала, тебя это заинтересует. И да, Саманта, мы бы хотели, чтоб ты занялась этой апелляцией.

— Так и знала, прямо предчувствовала! Но ведь я ни разу не занималась апелляциями, Мэтти.

— Ты вообще мало чем здесь пока занималась. Все когда-то бывает в первый раз. Послушай, я буду помогать, и ты очень быстро все поймешь и научишься, правда, придется проделать много бумажной работы и все проанализировать. В «Стрейхорн» делают первый шаг и должны направить дело на повторное рассмотрение в течение девяноста дней. Ну и всячески будут напирать на ошибки, допущенные во время первого рассмотрения. А мы будем огрызаться и доказывать обратное. За шесть месяцев сделаем почти всю работу, и тебе останется лишь устное выступление.

«Но через шесть месяцев меня здесь уже не будет», — чуть не вырвалось у Саманты.

— И потом, это очень ценный опыт, — продолжала убеждать ее Мэтти. — И всю остальную жизнь ты будешь гордиться тем, что справились с апелляционной тяжбой в Верховном суде штата Виргиния. Разве может хоть что-то с этим сравниться? — Она говорила весело, даже как-то легкомысленно, но было ясно: Мэтти очень заинтересована в ее согласии.

— Сколько часов? — спросила Саманта. В уме она считала быстро и уже прикинула, что, пожалуй, справится за шесть месяцев, то есть до отъезда.

— Донован уверял, что тяжба прошла чисто, не было почти никаких отклонений от сути вопроса, никаких предпосылок, что дело отправят на пересмотр. Ну, думаю, часов пятьсот, начиная от сегодняшнего дня и заканчивая устной аргументацией. В общей сложности — пятнадцать

месяцев. Знаю, к тому времени ты уже уедешь, так что придется выступить одной из нас. Самое тяжелое — это подготовка. У нас с Аннет просто нет на нее времени.

Саманта улыбнулась.

— Ты босс, тебе и решать.

— А ты у меня просто золото. Спасибо, Саманта.

Энди ответил так:

Дорогая мисс Сэм! Огромное спасибо за прелестное послание. Ты заметно оттаяла за эти три месяца. Должно быть, все дело в домашних печеньях. Если я правильно понял, тебе требуются гарантии, что: 1) боссы будут тебя обожать; 2) коллеги просто боготворить; 3) клиенты всячески одобрять; 4) тебе будет гарантировано партнерство, которое обеспечит долгую, насыщенную счастливую жизнь; а также — и 5) тебе будет предоставлено обширное рабочее пространство, несмотря на непристойно высокие цены аренды за квадратный фут, которые ввели и до сих пор сохраняют лендлорды Манхэттена (то есть наши клиенты), невзирая на рецессию.

Посмотрим, что тут можно сделать. Теперь что касается биологической особи под названием Ник Спейн. Как ни странно, но у него был всего один развод, и теперь вот уже лет пятнадцать он женат на одной и той же очень замечательной девушке. Так что, как видишь, никаких наклонностей к насилию, разного рода извращениям, соращению малолетних, ну и так далее он не демонстрирует. Мало того — никак не замешан в съемках порно с участием детишек. И еще его ни разу не привлекали к ответственности за сексуальные домогательства (и развод произошел не по его вине). И вообще, он замечательный парень, клянусь. Типичный южанин: Тулейнский университет в Луизиане, затем юридическая школа Вандербильта, безупречные манеры, что не характерно для наших краев.

Увидимся и споемся позже.

Энди.

Шпионский телефон зазвонил в 14.30, Саманта как раз перечитывала уведомление об апелляции от «Стрейхорн» и пыталась оживить в памяти

правила этой процедуры.

— Ты что, под окном моего офиса, опять по колено в снегу? — спросила она и направилась на кухню в надежде, что уж там жучков не понаставили.

— Да нет, я в Пайквилле, встречаюсь со следками. Прекрасную провел ночь, было так тепло и уютно. А ты?

— Спала хорошо. А во сколько ты ушел?

— Вскоре после четырех. Вообще последние дни постоянно недосыпаю. Кто-то вечно маячит за спиной, отслеживает. Трудно уснуть.

— Ясно. Какие планы на ближайшее будущее?

— В субботу покатаюсь вокруг Серой горы по снегу. Потом зажарю мясо на гриле на крыльце хижины. Выпью красного вина. Почитаю у камина. Вот примерно так. Ты готова разделить со мной эту участь?

— Дай подумать.

— А что тут думать? Готов поспорить, в твоём расписании на субботу никаких дел не значит. Так что давай, решайся.

— Знаешь, я сейчас занята. Позже перезвоню.

Хотя в центре никто не упоминал об этом ни словом, Саманта уже поняла, что холод и короткий световой день в январе значительно снижают поток посетителей и бизнес замирает. Телефон звонит реже, Барб все чаще покидает приемную, ссылаясь на какие-то «неотложные дела и поручения». Клодель была на девятом месяце беременности и большую часть дня проводила дома, в постели. В судах все процессы тоже проходили неспешно, активность заметно снизилась. Мэтти с Аннет как всегда были заняты текущими делами, новых пока что не поступало. Складывалось впечатление, что все конфликты и несчастья решили переждать суровое зимнее время. По крайней мере, большая их часть.

В пятницу Саманта бродила по офису уже после наступления темноты и вдруг услышала, как открылась входная дверь. Мэтти все еще сидела у себя, все остальные сотрудники ушли на уик-энд. Саманта вошла в приемную и увидела Бадди и Мэйвис Райзер. Никто их не вызывал, никто не назначал им встречу. Но они около полутора часов добирались из Западной Виргинии до Брэйди и уже к вечеру прибыли сюда в поисках утешения и совета своего адвоката. Саманта обняла их обоих и тут же поняла: весь мир для них рухнул. Она провела их в конференц-зал и предложила чего-нибудь выпить. Оба отказались. Тогда она закрыла дверь и спросила, что произошло, и тут супруги заплакали.

Этим утром Бадди уволили из «Лоунрок коул». Бригадир сказал, что

он физически не справляется с работой и делать ему тут больше нечего. И никакого выходного пособия, никакого прощального подарка, пусть даже в виде дешевых часов за проделанную на совесть работу, и уж тем более никаких тебе золотых парашютов. Просто жесткий пинок под зад с обещанием прислать последний чек с зарплатой по почте. Бедняга едва дошел до дома, где рухнул на диван и долго не мог прийти в себя.

— Ничего не получил, — пробормотал он, всхлипывая; Мэйвис при этом вытирала слезы и громко сморкалась. — У меня ничего нет.

— Да, вот так, и потому он должен где-то работать, — сказала Мэйвис. — Ни зарплаты, ни пособия по болезни и никаких перспектив найти новую работу. Да он всю жизнь трудился на угольных разработках, ничего другого и не умеет. Что теперь делать? Вы должны нам помочь, Саманта. Должны что-то сделать. Потому что это неправильно, несправедливо.

— Да она понимает, что несправедливо, — заметил Бадди. Каждое слово он выговаривал с трудом, грудь его тяжело и со всхлипами вздымалась и опускалась. — Просто ничего не может поделать. Они разогнали наш профсоюз еще лет двадцать назад, так что никакой защиты от компании нет. Ничего нет.

Саманта слушала и от всей души жалела этих людей. Странно было видеть такого стойкого парня, как Бадди, размазывающим слезы по щекам тыльной стороной ладони. Глаза красные, веки опухшие. В обычных обстоятельствах он и сам бы устыдился такой реакции, но сейчас не скрывал своего отчаяния. Наконец она сказала:

— Мы подали иск, и он подкреплён надёжным медицинским заключением от одного врача. Это все, что мы можем пока сделать. К сожалению, в этих штатах наемного работника можно уволить по любой причине или вовсе без причины.

Саманта не стала говорить об очевидном — Бадди действительно был не в состоянии выполнять свою работу. И, несмотря на всю свою ненависть и презрение к «Лоунрок коул», она понимала, почему компания отказалась от услуг рабочего, которому в таком удручающем физическом состоянии приходилось иметь дело с тяжелой техникой.

Последовала долгая пауза, ее прервала Мэтти. Приоткрыв дверь, она заглянула, затем вошла. Поздоровалась с Райзерами, сразу оценила ситуацию и двинулась к выходу со словами:

— Увидимся за обедом, да, Сэм?

— Буду обязательно. К семи, да?

Дверь за Мэтти затворилась, снова повисло молчание. И вот наконец

Мэйвис сказала:

— Мой кузен целых одиннадцать лет добивался пособия по болезни. Теперь сидит на кислороде. Мой дядя добивался того же девять лет. Я слышала, что в среднем это занимает где-то лет пять. Верно?

— Ну да, для оспоренных исков примерно от пяти до семи лет. Это в среднем.

— Да через пять лет я умру, — пробормотал Бадди, и все понимали, что это так, и не стали с ним спорить.

— Но вы вроде бы говорили, что все подобные иски оспаривают, правильно? — спросила Мэйвис.

— К сожалению, да.

Бадди сидел и безостановочно качал головой. Мэйвис уставилась в стол и молчала. Потом вдруг Бадди закашлялся, и Саманта испугалась, что его сейчас вырвет, но он сглотнул несколько раз и подавил приступ. Дышал он с трудом, в груди точно кузнечные мехи сипели. Затем он снова откашлялся и сказал:

— Знаете, я мог бы получить это пособие еще десять лет назад, и если б получил, ушел бы из компании и подыскал себе другую работу. Ведь тогда мне было всего тридцать, ребятишки были еще совсем маленькие, и я мог бы заняться чем-то еще, лишь бы подальше от этой чертовой пыли. Но я остался и видел, что мне становится только хуже. Да вы сами все понимаете. Болезнь, она подкрадывается незаметно, а потом вдруг понимаешь, что подняться на крыльцо, всего на четыре ступеньки, теперь куда труднее, чем в прошлом году. И чтобы дойти от дома до ворот, нужно больше времени. Ненамного, но все постепенно замедляется. — Он умолк, чтобы отдышаться. Мэйвис протянула руку, похлопала его по плечу. — Помню тех парней в зале, которые предстали перед судьей по гражданским делам. Их было трое или четверо, все в темных костюмах и блестящих красивых ботинках, все расхаживали с таким важным видом. И смотрели на нас, словно мы мусор какой-то, просто грязь под ногами. Подумаешь, какой-то там шахтер, недоучка и невежда, с такой же никчемной женой. Еще один бездельник, который хочет выманить у системы ежемесячную выплату. Прямо так и вижу их сейчас, тупых и напыщенных подонков, но при этом хитрых и изворотливых, как черти, потому что они знали, как выиграть это дело, а мы — нет. Знаю, это не очень-то по-христиански — ненавидеть кого-то, но я правда, честное слово, презирал тогда этих парней. А теперь даже еще больше, потому что мы знаем правду. А правда, она в том, что это жулье прекрасно знало, что у меня черные легкие. Знало, но скрывало улики, подделывало документы. Они лгали суду. Привели с

собой других таких же лживых врачешек. И те под присягой тоже лгали и божились, что ничем таким я не болен. Все лгали. И выиграла. Вышибли меня из зала суда, отправили обратно работать на шахты, и с тех пор прошло уже десять лет. — Он умолк и устало потер веки кончиками пальцев. — Они лгали, и потому победили, и сделают это снова, потому что сами устанавливают правила. И, боюсь, нам их не победить. В кармане у них деньги, власть, врачи. Думаю, даже судьи. Такая вот система.

— Но неужели их нельзя остановить, Саманта? — взмолилась Мэйвис.

— Только с помощью судебного процесса. Донован подавал иск, думаю, есть шанс, что какая-то другая контора сможет подать на пересмотр. Мы не сдаемся.

— Но сами вы отказываетесь братья за это дело?

— Я ведь уже объясняла, Мэйвис. Я из Нью-Йорка, правильно? Я интерн, проработаю здесь еще несколько месяцев, а потом уеду. Я не могу инициировать процесс, который может затянуться лет на пять в федеральном суде и потребует невероятных усилий. Мы ведь уже обсуждали это, верно?

Они не ответили.

Шли минуты, в комнате стояла тишина, слышалось лишь натужное дыхание Бадди. Затем он снова откашлялся и сказал:

— Послушайте, Саманта, вы единственный адвокат, который у нас когда-либо был, единственный человек, который захотел нам помочь. Если бы десять лет назад у меня был адвокат, все могло обернуться по-другому. И мы приехали сюда сегодня не просто так. Мы приехали сказать одну вещь. Хотели поблагодарить вас за то, что вы взяли тогда мое дело.

— И еще за то, что были так добры к нам, — вскочив, добавила Мэйвис. — Да мы каждый день благодарим Господа за вас и ваше желание помочь нам.

— Это так много для нас значит, вы просто не представляете.

— Просто иметь настоящего адвоката, который хочет бороться за нас. Это очень много значит.

И оба они опять заплакали.

Глава 34

Первый раз она увидела Серую гору с самолета. Второй раз, за две с половиной недели до Рождества, — добравшись сюда сначала на моторке, а потом на квадроцикле, и посещение это носило куда более интимный характер. В третий раз она добиралась сюда более традиционным в этих краях способом — на внедорожнике. Джефф встретил ее в Ноксе, на той же автостоянке у библиотеки, где она оставила свою машину. Саманта взглянула на внедорожник и спросила:

— Что, новое приобретение?

Это был огромный мощный автомобиль марки «додж», и она определенно не видела его прежде.

— Нет, не мой, друга, — как всегда туманно ответил Джефф.

В багажнике лежали два красных каяка, кулер и несколько рюкзаков.

— Поехали. — И они быстро покинули город.

Было заметно, что Джефф нервничает, так и стреляет глазами из стороны в сторону, поглядывая в зеркала.

— А что это там, каноэ? — спросила она.

— Нет, это каяки.

— Ясно. А для чего они нужны, эти каяки?

— Никогда не сидела в каяке?

— Ну, сколько можно повторять. Я же городская девушка.

— Ладно. На каяке люди каячат. Плавают по реке.

— Нет, уж лучше сидеть у камина с книжкой и бокалом вина. Не хочу промокнуть, ясно тебе?

— Расслабься, Сэм.

— Я бы предпочла, чтобы меня называли Самантой, в особенности парень, с которым я время от времени сплю. Только отец мог обращаться ко мне как к Сэм, мама — никогда. И вот теперь еще Мэтти так называет. А Сэмми — это все равно что пощечина. В общем, запутанное это дело, но почему бы тебе не остановиться на Саманте?

— Это просто твое имя. Но я предпочитаю секс без всяких ограничений, а потому могу называть тебя как хочу.

— Намек ясен.

Он рассмеялся и включил стерео, пела Фэйт Хилл.^[30] Они съехали с автомагистрали, и машина запрыгала по узкой сельской дороге, поднимавшейся в гору. Неожиданно Джефф резко свернул на гравиевую

дорогу, тянувшуюся вдоль хребта, с нее открывался вид на устрашающе глубокие, с отвесными стенами каньоны. Саманта старалась не смотреть вниз и вдруг почему-то вспомнила свое первое путешествие с Донованом, когда они поднялись на вершину горы Дублин и смотрели вниз на место угольных разработок «Энид майн». Тогда еще их напугал Вик и заметили охранники. Казалось, все это было очень давно, и вот теперь Донована нет в живых.

Джефф свернул еще раз, потом — еще.

— Уверена, ты хорошо знаешь дорогу, — заметила она лишь для того, чтобы скрыть нарастающую тревогу.

— Я здесь вырос, — бросил он, не глядя на нее.

Узкая дорога, наполовину покрытая снегом, заканчивалась тупиком. Сквозь строй деревьев она увидела хижину.

Они стали разгружать машину, и Саманта спросила:

— Ну а что с каяками делать? Я эти штуки не потащу.

— Сперва надо проверить ручей. Боюсь, он совсем обмелел.

Они достали из багажника кулер и рюкзаки и понесли их в хижину, находившуюся ярдах в пятидесяти. Снега выпало дюйма на четыре, белый покров испещряли следы животных. А вот следов ботинок или иного признака пребывания здесь человека видно не было. Саманта обрадовалась, что научилась замечать такие вещи. Стала настоящей девушкой с гор.

Джефф отпер дверь, медленно вошел в хижину, точно боясь что-то повредить, и осмотрелся. Они отнесли кулер на маленькую кухню, сложили рюкзаки на диван.

— А эти твои камеры все еще существуют? — спросила она.

— Да, и мы только что их включили.

— Кто-нибудь заходил в последнее время?

— Судя по всему, нет.

— А сам ты когда был здесь в последний раз?

— Давно. Если слишком часто ездить, это вызывает подозрения. Давай посмотрим ручей.

Они перебрались через валуны и вышли к берегу ручья. Джефф сказал, что ручей обмелел, воды совсем мало, и на каяках здесь не пройти. Вместо этого они решили углубиться в лес. И, как показалось Саманте, довольно далеко отошли от хижины и земель, принадлежавших семье Джеффа. Хотя уверена она не была, вроде бы они все время двигались на запад, в противоположном направлении от Серой горы. Когда все кругом завалено снегом, практически невозможно отыскать тропинки, но Джефф

ориентировался и без них. Он, как и брат, чувствовал себя на этой земле уверенно, точно бывал здесь ежедневно. Подъем становился все круче, в какой-то момент они сделали привал, решили попить воды и съесть по батончику с орехами и изюмом. Джефф сказал, что они находятся на Чок-Ридж, высокой крутой горе с богатейшими залежами угля, но владельцы категорически отказываются продавать эту землю. Семья по фамилии Косгроув была родом из Нокса. Донован с Джеффом выросли рядом с их детьми. Это были очень славные ребята, ну и так далее в том же духе. Они поднялись еще футов на пятьсот и достигли гребня хребта. В отдалении виднелась Серая гора. Даже покрытая свежес выпавшим снегом, она выглядела заброшенной и изуродованной.

Они отошли от хижины достаточно далеко, и примерно еще через час стали мерзнуть ноги, тонувшие в снегу. Саманта решила выждать еще несколько минут, а уж потом начала жаловаться. А когда они начали спускаться, вдруг грянули выстрелы, и звук их громовым эхом отдавался от скал. Саманте захотелось рухнуть в снег и обхватить голову руками, но на Джеффа эта стрельба не произвела впечатления.

— Просто охотники на оленей, — заметил он, остановившись всего на секунду. При нем был только рюкзак, а вот ружья он не взял. Однако Саманта была уверена: он наверняка прячет оружие где-то в кармане, рядом с батончиками.

И вот, почти убедившись, что они безнадежно заблудились в лесу, Саманта спросила:

— Мы сейчас к хижине возвращаемся?

Джефф взглянул на часы и ответил:

— Конечно, ведь скоро стемнеет. Что, замерзла?

— Ноги окоченели.

— А тебе кто-нибудь говорил, что у тебя очень красивые пальчики на ногах?

— Да каждый день говорят.

— Что, серьезно?

— Разве я покраснела? Нет, Джефф, честно сказать, не припомню, чтобы кто-нибудь хоть раз мне это говорил.

— А ведь это правда.

— Спасибо за комплимент.

— Тогда идем скорее, надо их согреть.

Обратный путь занял вдвое больше времени, и долина уже погрузилась в темноту, когда впереди показалась хижина. Джефф быстро

развел огонь, и холод постепенно начал вытесняться дымным теплом, которое, как почувствовала Саманта, вскоре разлилось по всему телу. Джефф зажег три газовых фонаря, потом вышел набрать дров на ночь, а Саманта открыла кулер и посмотрела, что у них есть на ужин. Два стейка, две большие картофелины, два кукурузных початка. Еще там лежали три бутылки мерло, видимо, тщательно отобранные Джеффом, потому как крышечки у них оказались отвинчены. По первой чашке они выпили, греясь у огня и говоря о политике. Через несколько дней Обама должен был вступить в должность и произнести клятву, и Джефф прикидывал, стоит ли поехать в округ Колумбия на машине и посмотреть на празднования. Отец Саманты, еще задолго до своего падения, считался в коллегии адвокатов одним из самых активных членов демократической партии и наверняка с воодушевлением воспринял ее победу на выборах. Он уже пригласил дочь разделить с ним эту радость. Саманту грела идея стать свидетелем такого исторического события, но она подумала, что визит не состоится из-за напряженного рабочего расписания.

Пока что она еще никому не говорила о предложении Энди и уж тем более не собиралась упоминать об этом сейчас. Это бы только все осложнило. И вот, допивая уже вторую чашку вина, Джефф спросил:

— Как там твои пальчики?

— Пощипывает немного, — ответила Саманта. Она так и не сняла толстых шерстяных носков и не собиралась этого делать ни при каких обстоятельствах. Джефф установил гриль на крыльце и поджег угли, и они принялись за приготовление еды. А потом уселись за примитивно сколоченный столик на двоих и ели при свечах. После ужина решили было почтить у камина, но быстро отвергли эту идею и занялись более важным и приятным делом.

Саманта проснулась среди ночи, увидела, что лежит, заваленная одеялами и пледами и совсем голая, если не считать шерстяных носков, и лишь через несколько секунд сообразила, что Джеффа рядом нет. В камине дымили угли, последние поленья догорели. Она нашла фонарик и окликнула Джеффа, но в хижине его не было. Взглянула на часы — 4.40 утра. За окном чернильная непроницаемая тьма. Она вышла на крыльцо, включила висевшую над ним лампу, снова негромко окликнула его по имени, потом торопливо вернулась в тепло хижины. Нет, паниковать рано. Он бы не оставил ее одну, если бы ей грозила какая-то опасность. Или оставил бы? Саманта натянула рубашку и джинсы, легла, попыталась уснуть, но так разнервничалась, что у нее ничего не получалось. И еще она

была напугана и по мере того, как бежали минуты, ощущала все нарастающий гнев. Одна, в темной хижине, в глухом лесу — он не должен был этого допустить. Каждый звук за стенами хижины таил в себе угрозу. Вот уже начало шестого. Саманта почти задремала, потом заставила себя открыть глаза. Она захватила с собой маленький рюкзачок с зубной щеткой и сменой белья. Джефф запихнул его в один из трех больших, внушительного вида рюкзаков. Она заметила: они лежали в багажнике его машины еще в Ноксе, и по дороге время от времени она оборачивалась и поглядывала на них. Один был знаком ей, Джефф брал его с собой еще во время прошлой поездки, два других она видела впервые. И еще они вроде бы были набиты битком, а вот чем — непонятно. Поначалу они побросали рюкзаки на диван, потом поставили их у двери. Теперь там ничего не было.

Она сняла рубашку и джинсы, бросила их на диван, словно ничего не произошло. Потом заползла под одеяла, и, немного согревшись и сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, попыталась оценить ситуацию. Очевидное стало еще более очевидным. Для тех, кто следил за каждым шагом Джеффа, этот его сегодняшний визит к Серой горе был не чем иным, как романтическим путешествием с девушкой. И милым дополнением к нему стали каяки — новенькие, ярко-красные, они лежали поверх рюкзаков у всех на виду. Так и бросались в глаза, вот только никто не собирался спускать их на воду. Плавание на каяках, лазанье по горам, приготовление стейков на гриле прямо на крыльце, эти объятия у камина — всего лишь приятное времяпрепровождение с девушкой, недавно появившейся в городе. А рано утром, в предрассветный час, когда в долине все замерло и затихло, он проснулся и бесшумно и незаметно, точно вороватый кот, выбрался из хижины. И в данный момент находится в своем тайнике под Серой горой и набивает рюкзаки бесценными документами, похищенными у «Крулл майнинг».

Он использовал ее для прикрытия.

Дверь отворилась, и сердце у нее сжалось. В темноте ничего не было видно, к тому же диван загораживал дверь. Она лежала на толстом матрасе под пледами и одеялами, стараясь дышать как можно тише и моля бога о том, чтобы это был Джефф. Пришелец простоял недвижимо с минуту, которая показалась ей часом. Затем послышался шорох. Он положил свои джинсы на диван — звякнула пряжка ремня. Раздевшись, он тихонько пробрался под одеяла, стараясь не дотрагиваться до нее, чтобы не разбудить.

Саманта от души надеялась, что прикорнувший в нескольких дюймах от нее мужчина был Джеффом Греем. Притворяясь спящей, она

перевернулась на другой бок, положила руку ему на грудь. Он притворно вздрогнул и что-то сонно пробормотал. Она тоже пробормотала в ответ нечто неразборчивое, испытывая огромное облегчение, что этот парень оказался ей знаком. Холодной рукой он погладил ее по бедру, она пробормотала «нет» и отвернулась. Он придвинулся ближе, потом притворился, что засыпает. Перед тем как уснуть, Саманта решила еще немного поиграть в эту игру. Ей было нужно время, чтобы все обдумать, и главное — глаз не спускать с этих рюкзаков.

Вороватый кот снова зашевелился, затем медленно поднялся на ноги и потянулся к дровам. Подбросил в камин два полена и шепотом спросил:

— Ты не спишь?

— Вроде бы нет, — ответила она.

— Просто жуть до чего здесь холодно. — Он опустился на колени, приподнял одеяла и нырнул ей под бок. — Давай поспим еще немного, — пробормотал он и крепко обнял ее. Она пробормотала что-то в ответ. Поленья весело потрескивали в камине, стало заметно теплее, и Саманта наконец провалилась в сон.

Глава 35

На понедельник прогнозировали резкое потепление и ясную солнечную погоду. Саманта шла на работу и видела, как быстро тают остатки снега. На дворе было 12 января, а впечатление такое, словно пришла весна. Она отперла дверь в кабинет, вошла и принялась за дела. Проверила почту. Первое сообщение пришло от Изабель.

Привет, Сэм.

Энди говорит, что связался с тобой и ты уже почти в нашей команде. Он взял с меня обещание не обсуждать работу и ее условия; видно, боится, что мы начнем сравнивать и постараемся выбить для себя более выгодные условия. Не могу сказать, что я так уж страшно скучала по нему все это время. А ты? И уж определенно я не скучала ни по фирме, ни по этому городу и далеко не уверена, что вернусь туда. Я сказала Энди, что, скорее всего, приму предложение, но потом у меня появились сомнения. Я не могу вот так, сразу, бросить здесь все и приехать через месяц. А ты? И уж ничуть я не соскучилась по читке и корректировке контрактов, которыми занималась по десять часов в день. Да, мне нужны деньги и все такое прочее, но сейчас я живу вполне нормально, справляюсь, и работа мне нравится. Вроде бы я тебе уже говорила: мы защищаем детей, подростков, которых судили, как взрослых, и поместили затем в тюрьмы для взрослых. Не пойми меня неправильно. Это одновременно и потрясающая, и угнетающая работа, но всякий раз у меня возникает ощущение, что день прожит не зря. На прошлой неделе мы забирали одного парнишку из тюрьмы. Родители ждали его у ворот, и все были в слезах, в том числе и я. К твоему сведению: один из новых сотрудников «Спейн энд Грабмен» — это та самая задница Сильвио из налоговой. Помнишь его? Ни у кого другого в фирме так не воняло изо рта. Даже если сидишь на другом конце стола в конференц-зале, можно было потерять сознание от этой вонищи. А еще он очень любит разговоры с глазу на глаз. И брызжет слюной. Словом, супер! Да, и вот тебе еще на заметку: если верить неназванному источнику, одним из главных клиентов «Спейн и Грабмен» станет Чак Рэндовер, этот скользкий тип,

возомнивший, что раз он платит тебе 900 долларов в час, то имеет полное право гладить тебя по заднице. Да ты его сама прекрасно знаешь.

Но только ничего этого я тебе не говорила. Согласись, у меня есть серьезные основания для сомнений. А у тебя?

Саманта усмехалась, читая это послание, и незамедлительно отправила ответ.

Из, не знаю, что там курит или говорит Энди, но я пока не сказала ему «да». И поскольку он очень торопит и умалчивает о многих фактах, это наводит на мысль, что не все так чисто и хорошо, как он уверяет. И я не собираюсь собирать вещи и уезжать отсюда через месяц, просто совесть не позволяет. Думаю попросить его об отсрочке, напишу, что смогу приступить к работе не ранее 1 сентября.

Рэндовер был единственным клиентом, которому удалось довести меня до слез. Выставил меня на посмешище на одном из совещаний. Сдерживалась из последних сил, потом бросилась в дамскую комнату. А этот кретин Энди тоже был там, видел, что происходит, но даже не подумал заступиться за свою сотрудницу. Да никогда в жизни. Зачем ему портить отношения с клиентом. Я тогда действительно допустила одну ошибку, но совсем пустяковую.

Случайно не знаешь, какой там обещают социальный пакет?

Изабель ответила:

Я обещала не разглашать. Но впечатляет. Об этом позже.

Первый сюрприз в тот день пришел по почте. Компания «Топ маркет солюшн» прислала на имя Памелы Букер чек на 11 300 долларов, со всеми необходимыми сопроводительными документами. Саманта сделала копию чека, чтобы затем вставить его в рамочку. Ведь это была первая ее судебная тяжба и первая победа. Она с гордостью показала копию Мэтти, та вызвалась съездить вместе с ней на ламповую фабрику и порадовать клиентку. Час спустя они уже въезжали в городок Браши и вскоре нашли почти пустую стоянку в промышленном районе. Затем поздоровались с мистером Симмонсом и еще раз поблагодарили его за то,

что он вернул Памелу на работу.

Во время перерыва Памела подписала все бумаги, а увидев чек, расплакалась. Она ни разу в жизни не видала таких денег и была просто потрясена. Они сидели в машине Саманты на стоянке, рядом пылились древние фургоны и грязные дешевые импортные машинки.

— Прямо придумать не могу, на что их лучше теперь потратить, — пробормотала она.

Саманта, поднабравшаяся юридического опыта в центре, обладала многогранными талантами и неплохо разбиралась в финансовых вопросах.

— Ну, прежде всего никому ни слова об этих деньгах. И точка. Стоит только открыть рот, и сразу появится множество ненужных друзей. Сколько составляет долг по кредитной карте?

— Пару тысяч.

— Так вот, надо расплатиться, а потом закрыть эту карту. Не влезать в долги по крайней мере год. Расплачиваться только наличными или выписывать чеки. Чем угодно, только не кредитными картами.

— Вы это что, серьезно?

— И еще. Вам нужна новая машина, так что на вашем месте я бы отложила на нее пару тысяч. Взяла бы кредит на два года и постепенно выплачивала. Ну и потом надо погасить все задолженности по счетам, положить на банковский счет под проценты пять тысяч и забыть о них.

— Но ведь я и вам должна. Сколько?

— Нисколько. Ноль. Мы не берем денег за услуги, разве что в редких случаях. Все эти деньги ваши, Памела, вы заслужили каждый цент. А теперь поспешите отнести их в банк, пока какой-нибудь воришка не отнимет.

Губы у Памелы кривились, по щекам катились слезы, она с чувством обняла и расцеловала своего адвоката.

— Спасибо вам, Саманта. Спасибо, огромное спасибо!

Они отъехали, и Саманта то и дело поглядывала в зеркало заднего вида. Памела махала им вслед рукой. Саманта не плакала, но в горле у нее стоял ком.

Второй сюрприз пришел в тот же день, в понедельник, во время ленча. Барб принялась рассказывать о каком-то мужчине, который вчера грохнулся в обморок во время церковной службы. И тут у Мэтти на столе, рядом с миской салата, зазвонил мобильник. Номер высветился незнакомый. Она ответила, и странно знакомый и в то же время неузнаваемый голос произнес:

— ФБР будет здесь через тридцать минут с ордером на обыск. Так что быстренько копируйте все свои файлы.

Мэтти побледнела, челюсть у нее отвалилась.

— Кто говорит? — спросила она, но звонивший уже отключился.

Она пересказала услышанное, и все дружно и испуганно вздохнули. Судя по тактике, которую использовали фэбээровцы во время обыска офиса Донована, можно было предположить, что они вынесут отсюда все, что только смогут унести. А потому первым делом надо было найти флешки и начать загружать на них самые важные материалы и данные из настольных компьютеров.

— Полагаю, все это как-то связано с «Крулл майнинг», — заметила Аннет и как-то подозрительно покосилась на Саманту.

Мэтти потирала виски и старалась сохранять спокойствие.

— Пожалуй, что так. В ФБР подозревают, что, раз я являюсь правопреемником Донована, тут у нас есть чем поживиться. Нет, это просто возмутительно, гадко, мерзко, полный абсурд, даже слов не хватает! Да у меня, у нас нет ничего такого, чего бы они уже не видели. Ничего нового.

Однако Саманте цель этого визита казалась более зловещей. Они с Джеффом покинули Серую гору в воскресенье утром, и она подозревала, что рюкзаки были набиты документами. И вот буквально через сутки с небольшим к ним вламываются ребята из ФБР, чтобы высматривать и вынюхивать, и действуют они по наводке «Крулл майнинг». Они не просто выходили на охоту — это был акт устрашения. Впрочем, она не стала ни с кем делиться этими своими соображениями, а поспешила к себе в кабинет и начала перегружать данные.

Женщины заговорщицки перешептывались. Аннет пришла в голову блестящая идея: Барб должна вынести отсюда все их ноутбуки. Если спросят, то она объяснит, что везет их на сервис в Вайз, к компьютерному мастеру. И вот Барб собрала все ноутбуки и была просто счастлива поскорее убраться из города. Мэтти позвонила Хампу, который считался лучшим в Брэйди юристом по уголовным делам, и попросила его поприсутствовать у них в центре во время обыска фэбээровцами. В ответ Хамп заметил, что ни за что в жизни не пропустил бы такое зрелище. Наконец вся информация была загружена на флешки, Саманта сложила их в один большой конверт, сунула туда же свой шпионский телефон и пошла в суд. На третьем этаже находилась заброшенная и почти никем не посещаемая судебная библиотека, где не убирались вот уже целую вечность. Она спрятала конверт в пропыленной подборке журналов «Американской ассоциации юристов» за 1970 год и поспешила обратно в

офис.

Агенты Фромейер и Банахан снова явились в черных костюмах и во главе своей бесстрашной команды ворвались в помещение Центра по оказанию бесплатной юридической помощи с таким видом, точно это была хорошо укрепленная крепость. За вожаками вошли трое агентов — все в темно-синих парках, на спинах красовались желтые буквы «ФБР», крупные и яркие до невозможности. Мэтти встретила их в приемной со словами:

— О нет, только не это. Опять вы!

— Боюсь, что так, — ответил Фромейер. — Вот ордер на обыск.

Мэтти взяла его в руки и сказала:

— У меня нет времени читать всякую ерунду. Перескажите на словах, что именно будете искать.

— Любые записи и заметки, имеющие отношение к файлам из офисов Донована Грея и связанные с перепиской, судебными тяжбами, ну и так далее по так называемому делу долины Хаммер.

— Но ведь в прошлый раз вы все это забрали, Фромейер. Донована нет в живых вот уже семь недель. Вы что же, считаете, он разрабатывает и пересылает все эти материалы с того света?

— Я ничего не считаю. Просто исполняю приказ.

— Ясно, хорошо. Но послушайте, мистер Фромейер, все его файлы до сих пор там, в офисе, что через дорогу. И единственный связанный с ним документ, который здесь находится, — это его утвержденное судом завещание. Мы не имеем никакого отношения к его судебным тяжбам. Ясно вам? Думаю, понять несложно.

— Я исполняю приказ.

Тут в приемную с шумом ввалился Хамп и пролаял:

— Я представляю интересы этого центра. Что, черт возьми, здесь происходит?

Аннет и Саманта наблюдали за происходящим, стоя в дверях своих кабинетов.

— Позволь тебе представить, Хамп, — начала Мэтти, — агент Фромейер, начальник этой маленькой команды. Считает, что имеет право забрать все наши компьютеры и файлы.

Тут вдруг взвилась Аннет:

— Да хрен вам! Ничего не отдам. У меня в офисе нет ни единого клочка бумажки, имеющего хотя бы отдаленное отношение к Доновану Грею или его судебным делам. Есть всего лишь офис, битком набитый разными материалами сугубо личного и конфиденциального характера, как то: дела о разводе, грубом обращении с детьми, драках между супругами,

установлении отцовства, реабилитации наркоманов, умственной неполноценности и еще целый длинный скорбный список разных человеческих несчастий. И вам, сэр, не надлежит этого видеть. Только попробуйте прикоснуться хоть к одной бумажке, и я дам отпор, буду сопротивляться всеми силами. Можете арестовать меня, если хотите, но обещаю: первое, что я сделаю завтра прямо с утра, это направлю иск в федеральный суд. И в нем будет указано ваше имя, мистер Фромейер, а также имена ваших подручных, всех до единого, в качестве сообщников. И после этого всем вам придется ох как несладко!

Даже такого крутого парня, как Фромейер, просто ошеломил этот напор, и на секунду-другую он весь как-то сник, даже съежился. Остальные четверо слушали изумленно, словно ушам своим не веря. Саманта едва не расхохоталась. Мэтти ухмылялась во весь рот.

— Лучше просто не скажешь, мисс Бривард, — заметил Хамп. — Вы очень четко определили нашу позицию в этом вопросе, и лично я буду просто счастлив вызвать сюда прямо сейчас окружного прокурора, чтобы он все прояснил.

Мэтти сказала:

— У нас в работе свыше двухсот файлов, еще около тысячи хранятся в архиве. И ни один из них не имеет никакого отношения к Доновану Грею и его бизнесу. Вы что, действительно хотите перевезти их в свою контору, сидеть и разбирать там?

Аннет насмешливо фыркнула:

— Словно ФБР больше нечем заняться.

Хамп вскинул обе руки, призвав всех к тишине. Фромейер выпрямился и с нескрываемой злобой взирал на Саманту.

— Мы начнем с вашего офиса, мисс. Если найдем то, что ищем, заберем и уйдем.

— А что именно вы ищете?

— Прочтите ордер на обыск.

— Сколько папок у вас имеется, мисс Кофер? — спросил Хамп.

— Где-то около пятнадцати.

— Хорошо, тогда давайте поступим так. Отнесем все ее файлы в конференц-зал, выложим на стол, и пусть ваши ребята их просматривают. А один из вас может пройти к ней в кабинет и осмотреть его, раз есть желание. Но перед тем, как что-то выносить отсюда, еще немного потолкуем, идет?

— Мы забираем ее компьютеры, стационарный и ноутбук, — заявил Фромейер.

Этот внезапный интерес к папкам Саманты удивил Мэтти и Аннет. Сама Саманта лишь пожала плечами, словно не понимая, в чем тут дело.

— Но моего ноутбука сейчас тут нет, — сказала она.

— Где он? — рявкнул Фромейер.

— У мастера. Думаю, какой-то вирус.

— И когда вы вынесли его отсюда?

Тут Хами вскинул руку.

— Она не обязана отвечать на этот вопрос. Ордер на обыск не дает вам права допрашивать потенциальных свидетелей.

Фромейер глубоко вздохнул, попыттел немного, потом одарил всех кривой улыбкой. Прошел за Самантой в ее офис и пристально следил за тем, как она вынимает файлы из ящиков.

— А у вас здесь мило, — заметил он тоном заправского шутника. — И много времени на обыск не потребуется.

Саманта никак не реагировала. Отнесла свои папки в конференц-зал, где Банахан и еще один агент принялись их просматривать, потом вернулась в свой кабинет и наблюдала за тем, как Фромейер неспешно осматривает два шкафа для картотеки, а затем по очереди выдвигает ящики ее шаткого стола. Он рассмотрел каждый листок бумаги, но ничего не взял. И Саманта всей душой возненавидела его за вторжение в ее личное пространство.

Другой агент прошел вслед за Мэтти в ее кабинет; третий двинулся за Аннет. Выдвигая ящик за ящиком, они проглядывали файлы, но и здесь тоже ничего не изъяли. Хамп расхаживал от одной двери к другой, следил за тем, как все происходит, и явно искал повод придрататься.

— Так у них тут что, ни одного ноутбука? — спросил Фромейер Хампа, закончив обыскивать офис Саманты.

Аннет услышала это и сказала:

— Да, все ноутбуки отправили к мастеру.

— Какое странное совпадение. Думаю, мы должны вернуться еще с одним ордером на обыск.

— Мы играли, веселились, подсчитали — прослезились.

Затем они полезли за архивами. Трое агентов поднялись на чердак и стали вытаскивать оттуда папки, которых Мэтти не видела несколько десятков лет. Азарт сменился монотонностью и унынием. Хамп сидел в холле рядом с Фромейером и нес всякую околесицу, женщины пытались отвечать на телефонные звонки. Часа через два агенты окончательно выдохлись и ушли, забрав с собой лишь стационарный компьютер Саманты.

Провожая их взглядом, она вдруг ощутила себя беспомощной жертвой в отсталой стране, где свирепствует полиция и прав у простых людей не существует. Это была вопиющая несправедливость: власти преследовали ее лишь из-за связи с Джеффом. И вот теперь ее собственность конфискована, а ее клиенты, делившие с ней конфиденциальной информацией, скомпрометированы. Никогда прежде она не чувствовала себя настолько беспомощной.

Сейчас ей меньше всего хотелось, чтобы Мэтти с Аннет принялись донимать ее расспросами. Они явно в чем-то ее заподозрили. Что именно ей известно о деле «Крулл майнинг»? Что рассказал ей Джефф? Видела ли она хотя бы часть тех документов? Поэтому она незаметно выскользнула через заднюю дверь на улицу, пошла в суд и забрала конверт с флешками и шпионским мобильником из библиотеки. А затем села в машину и поехала куда глаза глядят. Джефф не отвечал на звонки, и это ее злило. Как раз сейчас он был ей страшно нужен.

Она вернулась в центр уже затемно и увидела, что Мэтти ее ждет. Ноутбуки тоже были на месте, в полной целости и сохранности.

— Пойдем, посидим у нас на террасе, выпьем по бокалу вина, — предложила Мэтти. — Нам надо поговорить.

— А Честер что-то готовит, да?

— Чтобы мы остались без ужина? Да никогда!

Они дошли пешком до дома Мэтти и еще по дороге решили, что сегодня слишком холодно, чтобы сидеть на террасе. Честер хлопотал на кухне, они остались вдвоем. Устроились в гостиной, выпили по глотку, а потом Мэтти сказала:

— А ну, давай, Расскажи-ка мне все.

— Ладно.

Глава 36

Примерно в то же время Бадди Райзер остановил свой пикап в живописном месте, у самого обрыва, и прошел ярдов двести по тропинке до площадки, где в летнее время устраивали пикники. Он сел на стол, сунул ствол в рот и спустил курок. Двое туристов нашли его тело в понедельник, поздно вечером, и позвонили в службу «911». Мэйвис висела на телефоне несколько часов, пытаясь разыскать мужа, и вдруг в дверь к ней постучали. Прибежали взволнованные соседи, в доме начался суший кошмар.

Саманта крепко спала, когда у нее завибрировал мобильный. Она его не услышала. Да и кто станет названивать адвокату в понедельник в двенадцать ночи? Такое возможно разве что в случае ареста.

Она проверила входящие звонки лишь в полшестого утра, после того как очнулась от дурного сна — в нем агенты ФБР снова обыскивали ее офис. Она насчитала три пропущенных звонка от Мэйвис Райзер, последний — в 12.40. А потом открылось голосовое сообщение, и Саманта узнала ужасную новость, которая немедленно заставила ее позабыть о ФБР.

Она уже начала уставать от всех этих смертей. Донован не выходил из головы. Фрэнсин Крамп не была ей настолько близка, но и ее смерть вызвала нешуточные проблемы. Всего два дня тому назад на Серой горе Саманта снова видела белый крест, отмечавший то место, где покончила с собой мать Донована и Джеффа. Она ни разу не видела маленьких братьев Тейт, но очень остро переживала эту трагедию. Часто думала об отце Мэтти и о том, что болезнь черных легких убила его. Жизнь в этих горах была трудна и сурова к людям, и на мгновение она снова затосковала по оживленным улицам большого города.

И вот теперь ее любимый клиент мертв, и ей предстоит посетить еще одни похороны. Саманта надела джинсы и парку и вышла прогуляться. Небо начало светлеть, она продрогла на холоде и в очередной раз задалась вопросом: что именно она делает здесь, в Брэйди, штат Виргиния? Почему оплакивает шахтера, с которым познакомилась всего три месяца назад? Почему бы ей не уехать отсюда прямо сейчас? И, как всегда, простых ответов на эти вопросы не было.

Она увидела свет в окне на кухне у Мэтти и тихо постучала в стекло. Честер стоял в халате и варил кофе. Он впустил ее и пошел за Мэтти, которая к этому времени тоже, наверное, проснулась. Та тоже крайне тяжело восприняла эти новости, и довольно долго две женщины сидели на

кухне и пытались найти хоть какой-то смысл в этой на первый взгляд бессмысленной трагедии.

А потом Саманта вдруг вспомнила, что где-то в кипе документов Райзера видела платежку с указанием того, что он застраховал свою жизнь на 50 000 долларов.

— Может, из-за этого он и покончил с собой? — спросила она, сжимая кружку в ладонях.

— Вообще-то похоже, но обычно люди поступают так в первый же год после того, как застраховались. Если нет, тогда человек может постепенно продлять полис, довести страховую сумму до максимума и прыгнуть с моста. Если полис у Бадди был просрочен, тогда, возможно, его могут признать недействительным.

— И все равно, похоже, он сделал это из-за денег.

— Как знать? Ведь человек, собравшийся покончить с собой, не способен мыслить рационально. Но думаю, одним из факторов был все-таки этот полис. Работы у Бадди не было, пособий — тоже, все небольшие накопления давно растаяли. Плюс к тому трое детишек дома, и жена не работает. Здоровье только ухудшалось, никаких перспектив на улучшение. И смерть его ждала мучительная. Да каждый шахтер знает, каково это — быть жертвой пневмокониоза.

— И страдания только усугублялись.

— Да. Может, позавтракаешь? Приготовить тебе тосты?

— Нет, спасибо. Такое ощущение, словно я сама только что оттуда. — Пока Мэтти хлопотала над кофе, Саманта задумалась, а потом вдруг спросила: — А хочешь чисто гипотетическое предположение? Но предупреждаю, неприятное. Если бы десять лет тому назад у Бадди был адвокат, как бы обернулось его дело?

Мэтти, хмурясь, размешивала сахар в чашке.

— Как знать. Хотя, если б этот адвокат был крутой и нашел бы те же медицинские заключения, что и ты, разоблачил бы махинации «Каспер, Слейт» и то, как они скрывали улики от суда, то, по всей очевидности, Бадди получил бы пособие. Это всего лишь предположения, но есть у меня подозрение, что «Каспер, Слейт» пришлось действовать быстро, чтобы скрыть свои преступные деяния от суда. Они должны были признать иск обоснованным и, фигурально выражаясь, свернуть шатры или пойти на попятную. И тогда Бадди получил бы пособие.

— И не вдыхал бы угольную пыль на протяжении последних десяти лет.

— Вполне возможно. Тем более что требовал он не так уж и много,

они вполне пережили бы.

Какое-то время они сидели в полном молчании, двигаться и говорить не хотелось. В дверях возник Честер с пустой чашкой в руках, увидел, что женщины погружены в глубокие размышления, и так же бесшумно скрылся из вида. И вот наконец Мэтти тряхнула головой и встала. Потянулась за хлебом, вставила два ломтика в тостер. Потом достала из холодильника масло и джем.

Откусив пару раз, Саманта сказала:

— Знаешь, мне что-то не хочется идти на работу сегодня. Я чувствую себя обворованной, понимаешь? Компьютер вчера забрали, и еще они рылись во всех моих файлах. И Джефф, и Донован считали, что у нас там понаставили «жучков». Мне нужен перерыв.

— Ну, возьми день или два. Ты же знаешь, мы не против.

— Спасибо. Тогда я уезжаю из города. Увидимся завтра.

Она выехала из Брэйди и ехала еще примерно час, прежде чем позволила себе взглянуть в зеркало заднего вида. Ничего подозрительного. Джефф звонил дважды, но она решила не отвечать. После Роанoke она свернула на восток, подальше от долины Шенандоа и плотного движения на автомагистрали. Чтобы убить время, взялась за телефон, дозванивалась людям, уточняла кое-какие детали и ехала все дальше через центральную часть Виргинии. В Шарлотсвилле сделала остановку, сходила на ленч с одним другом, знакомым еще по Джорджтауну. И без десяти шесть вечера вошла в бар в гостинице «Хэй-Адамс», всего в одном квартале от Белого дома, и заняла там угловой столик. Ей требовалась нейтральная территория.

Маршал Кофер прибыл первым, ровно в 6:00, и, как всегда, был одет щеголевато. Он охотно согласился на эту встречу; Кэтрин пришлось уговаривать куда как дольше. Но в конце концов Саманте это все же удалось. Она напирала на тот факт, что ее дочери нужна помощь. На самом деле дочери нужно было одно: чтобы родители внимательно выслушали ее и дали дельные советы.

Кэтрин опоздала всего на пять минут. Она обняла Саманту, подчеркнуто нежно чмокнула ее в щеку и уселась. Подошел официант и принял заказ. Столик находился достаточно далеко от бара, а потому пока им никто не мешал. Вела разговор Саманта — это было целиком ее шоу, и она не могла позволить себе неловких пауз и недомолвок, ведь ее родители сидели рядом впервые за одиннадцать лет. По телефону она предупредила их, что это не будет каким-то светским мероприятием и уж определенно не

усилием с ее стороны загладить прошлые недоразумения. Есть на свете куда более важные вещи, которые следует обсудить.

Принесли напитки, и каждый потянулся за своим бокалом. Саманта поблагодарила родителей за то, что нашли время встретиться с ней, извинилась, что не предупредила заранее, а затем начала свое повествование. Она рассказала о судебных тяжбах по долине Хаммер и с «Крулл майнинг», о Доноване Грее и его исковых заявлениях. Маршалу уже были известны эти факты, Карен узнала о некоторых из них сразу после Рождества. Но ни один из них не знал об украденных документах, и тут Саманта особенно в детали не вдавалась. Просто сказала, что видела их и предполагает, что они хранятся где-то глубоко под Серой горой. Ну, или, по крайней мере, большая их часть. И за этими документами охотится «Крулл майнинг», а теперь они подключили еще и агентов ФБР — делать за них черную работу. Она призналась, что встречается с Джеффом, но заверила, что между ними ничего серьезного. Да и вообще, она не обязана им что-то объяснять на эту тему. К тому же и Маршал, и Карен сделали вид, что их совершенно не интересуют эти новые взаимоотношения дочери с молодым человеком.

Снова подошел официант. Они заказали напитки по второму кругу и попросили принести какую-нибудь легкую закуску. Саманта описала свою встречу с Джареттом Ландоном в Нью-Йорке, рассказала о том, как он настойчиво уговаривал ее и Джеффа доставить документы как можно скорее. В тот момент у нее было такое ощущение, словно ее вовлекают если не в криминальную, то в какую-то весьма сомнительную историю. И вот теперь она стала жертвой фэбээровцев — ведь они явились с обыском именно к ней и пусть ничего не нашли, но все это было крайне неприятно. Насколько ей было известно, данное расследование возглавляет прокурор штата Западная Виргиния, очевидно, он убежден, что компания «Крулл майнинг» стала жертвой ограбления и заговора. Хотя на самом деле все обстоит с точностью до наоборот, добавила она. Потому как виновной стороной является «Крулл майнинг», и ее следует отдать под суд.

Маршал был целиком и полностью с ней согласен и задал несколько вопросов. Все они касались прокурора штата и генерального прокурора. Карен была осторожна в своих комментариях и расспросах. А Маршал меж тем думал, но не высказывал этого вслух, что именно Карен использовала все свое немалое влияние, чтобы десять лет тому назад припереть его к стенке и засадить в тюрьму. Так неужели женщине с такими возможностями трудно помочь сейчас собственной дочери?

Им принесли тарелку с сыром, но до закусок они не дотронулись.

Родители сошлись во мнении, что Саманте не следует даже прикасаться к этим документам. Пусть Джефф возьмет на себя все риски, раз уж ему так хочется, но не впутывает ее в это дело. У Джаретта Ландона и его банды юристов хватит денег и ума, чтобы провернуть самую грязную работенку, и если документы эти действительно настолько важные и ценные, то они сами найдут способ прижать «Крулл майнинг».

А нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы фэбээровцы от нее отстали, спросила у матери Саманта. Карен ответила, что немедленно займется этим вопросом, но предупредила, что вряд ли сможет сильно повлиять на этих людей.

«Черта с два ты не сможешь», — подумал Маршал. Он просидел в тюрьме три года, и все это время придумывал разнообразные способы отплатить своей бывшей и ее коллегам. Но со временем все же пришел к выводу, что сам накликал на себя беду своей алчностью.

— А ты не думала просто уехать отсюда? — спросила Саманту мать. — Просто собрать вещи и свалить? Назвать все это занятным приключением и вернуться в город? Ты старалась, из шкуры лезла вон, пахала как проклятая, и вместо благодарности теперь тебе в затылок дышат фэбээровцы. Так что тебе там делать?

В этом вопросе Маршал был солидарен со своей бывшей. Какое-то время ему довелось провести в компании белых воротничков, которые с чисто технической точки зрения не нарушали никаких законов. Но если уж ФБР вознамерилось тебя достать, способ они всегда найдут. Интриги и подставы — это их стихия.

А Саманта все говорила и никак не могла выговориться. Она не помнила, когда в последний раз оба родителя уделяли ей такое внимание. Даже была уверена, что такого никогда не случалось. Ну, разве что когда она была еще малышкой, но что толку вспоминать об этом теперь? Слушая о ее тревогах и проблемах, родители, похоже, позабыли все свои распри и были готовы поддержать ее. Все плохое осталось в прошлом, хотя бы на время.

Но тогда почему она считала, что должна, даже обязана остаться «там»? Саманта ответила на этот вопрос, поведав им историю Бадди Райзера и его попыток получить законную субсидию по болезни. Сердце у нее сжалось, когда она рассказала им, что примерно сутки назад этот несчастный покончил с собой. Скоро придется ехать на похороны, которые состоятся в сельской местности, в красивой церквушке, и с расстояния наблюдать за тем, как убиваются бедняжка Мэйвис и трое ребятшек Бадди. Если бы у них был адвокат, все могло сложиться иначе. А когда он,

то есть она появилась, на нее стали оказывать давление, и поэтому она никак не может теперь отступить и уехать. И еще у нее были другие клиенты, другие люди, голосов которых никто не хочет слышать, и она нужна им, а потому должна продержаться еще несколько месяцев, чтобы хоть чем-то помочь, добиться хоть какого-то правосудия.

Она рассказала и о предложении Энди Грабмена. Маршалу, что было предсказуемо, эта идея не понравилась, он назвал ее «приукрашенным вариантом все той же старой корпоративной конторы». Что хорошего в том, чтобы сидеть и перекладывать бумаги на столе, то и дело поглядывая на часы? И еще он предупредил, что такая фирма будет непременно разрастаться, и не успеешь оглянуться, как она превратится в «Скалли энд Першинг». Карен же сочла, что это куда лучше, чем остаться в Брэйди, штат Виргиния. Саманта созналась, что испытывает смешанные чувства по поводу этого предложения, но в последнее время ей все больше хочется ответить согласием.

Они пообедали в ресторане того же отеля — салаты, рыба и вино, затем десерт и кофе. Саманта так долго говорила, что совершенно выдохлась. Но ей очень хотелось поделиться своими страхами с родителями. Никаких сколько-нибудь определенных решений принято не было. Ни к каким толковым выводам они не пришли. Их советы были вполне предсказуемы, но сам разговор оказал на нее благоприятное, почти лечебное воздействие.

Она сняла номер наверху. Маршал приехал на машине с водителем и предложил подвезти Карен до дома. Когда они прощались в фойе, в глазах Саманты стояли слезы радости при виде того, как ее родители выходят на улицу вместе.

Глава 37

Следуя инструкциям, она припарковала машину на Чёрч-стрит в центре Линчберга, штат Виргиния, и пешком прошла два квартала до Мейн-стрит. Движение в старой части города в разгар дня было плотное. В отдалении виднелась река Джеймс. У Саманты возникло отчетливое ощущение, что за ней кто-то следит; оставалось лишь надеяться, что это Джефф. Столик в «Эр-Эй бистро» был зарезервирован на ее имя, опять же, в соответствии с инструкциями. Саманта попросила у официантки столик в дальнем конце зала и уселась за него ровно в полдень среды, 14 января. Заказала безалкогольный напиток и принялась копаться в мобильном, и при этом то и дело поглядывала на дверь, в которую неспешно втекала толпа посетителей, желающих перекусить. Минут через десять, словно из ниоткуда, возник Джефф, подошел и уселся напротив. Они обменялись приветствиями. Саманта спросила:

— За мной следили?

— Такая вероятность всегда есть. Ну, как все прошло в Вашингтоне?

— О, чудесно пообедала с родителями, впервые за все время в новейшей истории. Вообще-то даже не могу припомнить, когда мы в последний раз обедали втроем. Что довольно грустно, ты не находишь?

— Ну, по крайней мере, родители у тебя живы. Рассказала матери о происках ФБР?

— Да, и попросила ее сделать пару звонков. Она согласилась, но не слишком уверена, что от этого будет толк.

— Как поживает Маршал?

— Цветет и пахнет, передавал тебе привет. У меня к тебе пара вопросов. Это ты позвонил к нам в офис в понедельник и предупредил о приходе ФБР?

Джефф улыбнулся и отвернулся, и в какой-то момент ей захотелось на него прикрикнуть. Она знала: он на этот вопрос отвечать не будет.

— Ладно, — протянула Саманта. — Слышал, что случилось с Бадди Райзером?

Джефф нахмурился и кивнул.

— Да, просто ужасно. Еще один погибший в угольных войнах. Жаль, что никак не удастся найти адвоката, который бы согласился взяться за «Лоунрок коул» и «Каспер, Слейт».

— Камешек в мой огород?

— Да нет, ничего подобного.

Подошел улыбчивый официант, перечислил все дежурные блюда в меню и исчез.

— И, наконец, третий вопрос, — продолжила Саманта.

— Ну, что ты меня достаешь? Я рассчитывал приятно провести время за ленчем вдали от опостылевшего Брэйдя. А ты вся на нервах и цепляешься.

— Сколько документов ты вывез из хранилища под Серой горой? Мы же были там на прошлой неделе. Я проснулась в четыре сорок утра, тебя рядом не было. Исчез. Поначалу я запаниковала. А потом легла и слышала, как ты вернулся около пяти, тихонько шмыгнул под одеяло, как ни в чем не бывало. И еще я видела рюкзаки. Все три. Ты передвигал их, и я заметила, что, когда мы уезжали, два из них значительно потяжелели. Поделись со мной, Джефф. Я и без того много знаю.

Он глубоко вздохнул, огляделся по сторонам, хрустнул пальцами и сказал:

— Примерно треть, а затем надо будет вывезти остальные.

— И куда же ты их вывозишь?

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

— Ну, скажем так, в надежное место. Джаретту Ландону нужны все документы, причем срочно. Он предоставит их суду, и с того момента они будут в безопасности. И ты должна помочь мне перевезти их с Серой горы.

— Понимаю, Джефф, понимаю. Я же не дуручка. И нужна тебе для прикрытия. Как цыпочка, которую вывозят на романтический уик-энд посидеть у костра. Да тут любая девушка подойдет, и плохие парни решат, что мы выехали поплавать на каяках и жарить мясо на крыльце. Эдакая парочка влюбленных голубков, которые обожают трахаться долгими зимними ночами. А потом голубок ускользает в лес за документами.

Он улыбнулся и сказал:

— Ну, в целом верно, но только тут не любая девушка подойдет. И ты прошла тщательный отбор.

— Польщена.

— Если ты согласна помочь, мы можем вывезти их в этот уик-энд. И делу конец.

— Я не прикоснусь к этим документам, Джефф.

— А тебе и не надо прикасаться. Просто быть моей девушкой. Ведь они знают, кто ты такая. Они и за тобой тоже следят. Сели тебе на хвост еще три месяца назад, когда ты только появилась в городе и начала

встречаться с Донованом.

Принесли салаты. Джефф попросил пива, принялся за еду, а потом сказал:

— Ну, пожалуйста, Саманта! Мне очень нужна твоя помощь.

— Не знаю... Пожалуй, на этот раз не поеду. Почему бы тебе самому не проникнуть потихоньку на эту территорию сегодня или завтра ночью, не загрузить все эти документы в машину и не отвезти их в контору Джаретта Ландона в Луисвилле? Неужели это так сложно?

Он снова принялся озираться по сторонам, стараясь понять, не подслушивает ли кто, потом съел еще одну ложку салата.

— Вот тебе и ответ. Почему? Да потому, что это слишком рискованно. Они ведь все время следят, неужели не ясно?

— И сейчас тоже?

Он ответил не сразу, задумчиво потер подбородок.

— Возможно, уже знают, что я сейчас где-то в Линчберге, штат Виргиния. Ну, может, не именно здесь, в этом заведении, но продолжают следить. Запомни, Саманта, за ними стоят огромные деньги, и потому они устанавливают свои собственные правила. И считают, что я имею отношение к пропаже документов. Ищут их повсюду и не могут найти, и пусть слежка за мной обходится им в целое состояние, они не отступятся. — Принесли пиво, он отпил глоток. — Если в этот уик-энд я поеду к Серой горе вместе с тобой, они ничего не заподозрят. Да и с какой стати? Мужчина и женщина тридцати лет сидят себе в хижине в глухом лесу, занимаются любовью, крутят роман, как ты говоришь. Уверен, что они будут где-то поблизости, но цель нашей поездки для них очевидна. С другой стороны, если я отправлюсь туда один, они сразу насторожатся. Могут спровоцировать любое столкновение, предпринять любую попытку, самую опасную и гадкую, чтобы увидеть, чем я там занимаюсь. Так что сама понимаешь. Это как шахматная партия, Саманта. Они пытаются предугадать мой следующий ход, а я все время стараюсь быть на шаг впереди. У меня тут одно преимущество: я знаю, каким будет мой следующий ход. У них преимущество другое — в грубой физической силе. И если одна из сторон сделает ошибку, кто-то непременно пострадает. — Он отпил еще глоток, покосился на пару, изучающую меню за столиком в десяти футах от них. — И вот что еще. Я устал. Страшно устал, изнурен, выдохся, понимаешь? И мне нужно избавиться от этих документов до того, как я из-за этой усталости совершу какую-то непоправимую ошибку.

— А какая у тебя сейчас машина?

— «Фольксваген»-«жук», взял напрокат в Роаноке в «Кейсис рент». За

сорок баксов в день, плюс расходы на горючее и пробег сверх нормы. Круто!

Саманта недоверчиво покачала головой.

— А они знают, что я здесь?

— Да кто их знает, что они там знают. Но лично я считаю, что и за тобой тоже следят. И будут следить за нами обоими до тех пор, пока документы не будут переданы в суд. Нет, конечно, точно я этого не знаю, но готов побиться об заклад, поставить все свои бабки, что дело обстоит именно так.

— Верится с трудом.

— Не будь наивной, Саманта. Слишком уж высоки ставки.

Она вошла к себе в кабинет в 17.20 и увидела, что ее компьютер стоит на столе, на том самом месте, откуда его в понедельник забрали фэбээровцы. И принтер, и клавиатура тоже были на месте, и все проводки подсоединены должным образом. Саманта удивленно взирала на все это, и тут в дверях показалась Мэтти и сказала:

— Вот так сюрприз, верно?

— Но когда это все вернули?

— Примерно час тому назад. Привез один из агентов. Думаю, они убедились, что ничего интересного для них там нет.

Получалось, что у Карен Кофер было куда больше друзей, чем она уверяла. Саманту так и подмывало позвонить матери, но с учетом своего нынешнего нервного состояния она решила, что с этим можно и подождать.

— Похороны Райзера в пятницу днем, — сказала Мэтти. — Хочешь, поедem вместе?

— Да, конечно. Спасибо, Мэтти.

Глава 38

16.01.2009

Привет, Сэм!

Я в замешательстве, не понимаю, с чего это ты взяла, что имеешь право накладывать вето на наем твоих будущих коллег в «Спейн энд Грабмен». И еще удивлен тем, что тебя так волнует, каких именно клиентов будет привлекать эта фирма. Складывается такое впечатление, будто самым правильным шагом для нас будет назначить тебя главным партнером, а все остальные пусть не путаются под ногами. Хочешь угловой офис? И еще тебе нужна машина с водителем?

Нет, мы не можем ждать тебя до 1 сентября. Мы открываемся через шесть недель, времени катастрофически не хватает. Весть о новой фирме распространилась, напор желающих поступить к нам просто сметает все на своем пути. Восемь сотрудников уже приняты, рассматриваются еще десять кандидатур, в их числоходишь и ты. Телефон звонит не переставая, молодые юристы отчаянно нуждаются в работе — хотя, конечно, не все так талантливы, как ты.

Предлагаю: 150 тысяч баксов в год плюс стандартный пакет и три недели оплачиваемого отпуска — будут настаивать, чтобы ты их брала. Структура фирмы пока еще разрабатывается, но могу заверить, что мы сдержим все свои обещания, в отличие от крупных юридических фирм.

Можем подождать твоего торжественного прибытия до 1 мая, но мне все равно нужен ответ до конца этого месяца. С любовью,

Энди.

Мэтти предсказывала, что народу будет полно, и не ошиблась. По дороге в Мэдисон она пыталась объяснить Саманте, почему провинциальные похороны, особенно самых активных прихожан, привлекают целые толпы людей. По ее мнению, причины были следующие: 1) похороны — это важное религиозное действие, живые прощаются с усопшими, которые к тому времени уже вознеслись на небеса, где

пожинают вознаграждения за свои страдания при жизни; 2) это старая и несокрушимая традиция, порядочные и воспитанные люди приходят выразить свое уважение семье покойного; 3) жизнь в провинции скучна, а похороны — какое-никакое развлечение; 4) каждый хочет, чтобы на его или ее похороны пришло много народу, так что подает пример, пока хватает сил, и, наконец, 5) на похоронах всегда полно еды. Ну и так далее. К тому же, добавила Мэтти, шокирующая смерть Бадди просто гарантировала обилие скорбящих. Люди хотят сыграть свою роль в этой трагедии. Они также хотят насытиться слухами и сплетнями. Мэтти попыталась разъяснить ей конфликт теологических взглядов на самоубийство. Многие христиане считают его непростительным грехом. Другие считают, что нет такого греха, который нельзя было бы простить. Так что будет любопытно узнать, каких взглядов придерживается на этот счет священник. Когда хоронили ее сестру Розу, мать Джеффа, о самоубийстве в заупокойной службе не было сказано ни слова. Да и к чему об этом упоминать? На свете и без того хватает страданий. К тому же все понимали, почему она покончила с собой.

Они подъехали к Миссионерской баптистской церкви в Сидар-Гроув на полчаса раньше, но едва протиснулись в дверь. Распорядитель нашел им места в третьем ряду с конца. Еще через несколько минут все места были заняты, и люди начали выстраиваться вдоль стен. Через окно Саманта видела, как опоздавших направляют в зал для встреч — то самое место, где после гибели Донована она общалась с Бадди и Мэйвис. Заиграл орган, толпа притихла. В десять минут пятого свои места за амвоном занял хор, а на кафедру поднялся священник. У дверей началась какая-то возня. Он вскинул руки и сказал:

— Всем встать.

Появились мужчины в черном, покатали гроб по проходу — медленно, чтобы всем было видно. К счастью, он был закрыт. Мэтти сказала, что правильно сделали, потому что рана ужасная и ни к чему людям видеть обезображенное тело. За гробом шла Мэйвис со старшим сыном, их сопровождал сочувственный шепот. За ними — две девочки: Хоуп четырнадцати лет и тринадцатилетняя Кили. Хоуп была всего на десять месяцев старше, но, по меньшей мере, на целый фут выше сестры — вот вам живой пример загадки подросткового возраста. Обе девочки рыдали захлеб, проходя через этот болезненный ритуал.

Мэтти пыталась объяснить, что все увиденное здесь должно максимально подчеркнуть драматичность и скорбь. Это последнее появление Бадди на людях, и каждый должен испытать максимум эмоций.

Остальные члены семьи шли уже беспорядочным строем — братья, сестры, кузены, дяди и тети. Первые два ряда по обе стороны от прохода были зарезервированы для семьи, и пока они занимали свои места, хор громко пел, и многие присутствующие просто изнемогали от скорби.

Служба длилась час, а когда закончилась, все слезы были выплаканы. Все эмоции растрачены. Скорбящие отдали все свои силы. Саманта не плакала, но чувствовала себя опустошенной. Она не помнила, когда в последний раз испытывала столь неумное желание бежать прочь. Тем не менее ей вместе с остальными пришлось дойти до кладбища за церковью, где Бадди наконец должен был обрести вечный покой под аккомпанемент долгих молитв и вышибающее слезу исполнение гимна «Как Ты велик». [\[31\]](#) Его исполнял баритон а капелла, и звучало все это невероятно трогательно. Даже Саманту проняло, и ей пришлось вытирать слезы.

В соответствии с традицией семья разместилась на стульях возле могилы, и каждый подходил, чтобы выразить свои соболезнования. К похоронному шатру выстроилась целая очередь, и шла она страшно медленно. Мэтти сказала, что сейчас не самое удобное время, чтобы улизнуть. И они дюйм за дюймом продвигались вперед среди сотен незнакомцев, дожидаясь своей очереди пожать руки Мэйвис и детям, которые рыдали вот уже на протяжении нескольких часов.

— А что я должна сказать? — спросила Саманта у Мэтти, когда они приблизились к могиле.

— Просто скажи: «Да благослови вас Господь», ну или что-то в этом роде, и двигайся дальше.

Саманта сказала это детям Бадди, Мэйвис подняла на нее глаза и, увидев, кто подошел, встала и сгребла ее в свои медвежьи объятия.

— А это наш адвокат, дети, мисс Саманта, ну помните, я вам говорила. — Эти слова Мэйвис произнесла довольно громко. Но дети окончательно измучились и плохо воспринимали происходящее. Им хотелось уйти отсюда еще больше, чем Саманте. Мэйвис сказала: — Пожалуйста, прошу вас, останьтесь на ужин. Подождите, мы подойдем чуть позже.

— Да, конечно, — ответила Саманта. А что еще тут скажешь?

Высвободившись из объятий, она быстро отошла от шатра, а Мэйвис продолжила принимать соболезнования.

Ужин представлял собой «баптистскую трапезу», как выразилась Мэтти, и подавался в зале для встреч. Длинные столы были уставлены тарелками с запеканками и десертом, и к ним сразу же выстроились длинные очереди. Есть Саманте совсем не хотелось, она сама себе не

верила, что до сих пор находится здесь. Стояла и наблюдала за тем, как целая орда накинулась на еду. Все поедалось в таких количествах, что потом можно было пропустить пару обедов и ужинов. Мэтти принесла чай со льдом в пластиковых стаканчиках, и они принялись разрабатывать план, как бы незаметнее ускользнуть отсюда. Но Мэйвис их видела, и потом, они обещали ей остаться.

Семья оставалась у могилы до тех пор, пока гроб не опустили в землю. Уже стемнело, и ужин был в самом разгаре, когда Мэйвис с детьми вошли в трапезную. Их разместили на почетном месте — за отдельным столиком в углу, принесли тарелки с едой. Увидев Саманту и Мэтти, Мэйвис подозвала их жестом, пригласила присоединиться к семье.

В отдалении кто-то играл на пианино, поминки продолжались. Но постепенно люди начали расходиться, и каждый останавливался у их столика, чтобы сказать последние слова соболезнования Мэйвис, которая даже не притронулась к еде. Она продолжала плакать, но время от времени на лице ее мелькала улыбка, а один раз она даже засмеялась, когда кто-то припомнил забавную историю, приключившуюся с Бадди.

Саманта ковыряла вилкой кусок шоколадного торта с кремовой прослойкой, даже отщипнула и съела кусочек — просто из вежливости, — и тут вдруг на стул рядом с ней присела тринадцатилетняя Кили. Короткие рыжие волосы, россыпь веснушек на щеках, глаза покраснели и опухли от слез. Она выдавила улыбку с щербинкой — один зуб у нее еще не сменился, что было характерно скорее для десятилетнего ребенка.

— Вы очень нравились моему папе, — сказала девочка.

Саманта секунду колебалась, потом заметила:

— Твой папа был очень славным человеком.

— Можете взять меня за руку? — спросила Кили и потянулась к ней.

Саманта взяла ее руку и улыбнулась. Все за столом были заняты едой или разговорами. Кили сказала:

— Папа говорил, что изо всех на свете адвокатов только у вас хватило храбрости сразиться с угольными компаниями.

На миг Саманта лишилась дара речи, но потом все же выдавила:

— Это очень мило с его стороны, что он так говорил, но есть и другие хорошие адвокаты.

— Да, мэм, но вы нравились папе больше всех. Он очень надеялся, что вы не вернетесь в Нью-Йорк. Говорил, что если бы встретил вас десять лет назад, то мы не попали бы в такую передрыгу.

— Очень любезно с его стороны.

— Вы должны остаться и помочь нам, обещаете, мисс Сэм? —

Девочка все крепче сжимала ее руку, точно стремилась удержать Саманту, не дать ей уехать и бросить их.

— Постараюсь остаться как можно дольше.

— Вы должны помочь нам, мисс Сэм. Вы единственный адвокат, который нам поможет, папа так всегда говорил.

Глава 39

Всю неделю лило как из ведра, и воды в реках и водоемах округа Карри, в том числе и в Желтом ручье, набралось достаточно, чтобы плавать на каяках. Для середины января было очень тепло, и в субботу Саманта с Джеффом провели большую часть дня, гоняя на каяках, соревнуясь друг с другом, огибая валуны, скользя по гладкой воде. Потом вышли на берег, развели костер на песке и поджарили хот-доги на ленч. Около четырех дня Джефф решил, что пора бы вернуться в хижину, находившуюся примерно в полумиле вверх по реке. Добираться туда было тяжело, и оба вымотались вконец. Там Джефф не стал тратить времени даром, схватил три рюкзака и ружье. А потом сказал:

— Дай мне тридцать минут. — Скрывшись в лесу, он двинулся к Серой горе.

Саманта подбросила в камин полено и решила подождать на крыльце. Захватила плед, расстелила его, уселась и попробовала почитать. А потом увидела двух оленей — они зашли на мелководье и долго пили воду из ручья, затем резко развернулись и скрылись в чаще.

Если все пройдет по плану, они с Джеффом смогут уехать отсюда сразу после захода солнца. В джипе — это был джип «чироки», принадлежавший Доновану, — можно будет вывезти все оставшиеся документы «Крулл майнинг». Джефф прикинул и сказал, что весить они будут около ста фунтов. Их отвезут в место, которое Джефф пока не называл. Ведь чем меньше она будет знать, тем лучше для нее, разве не так? Но Саманта не была в этом уверена. Он обещал, что она не прикоснется к этим документам, что даже одним глазком не взглянет на них. И если их застукают, теперь или позже, он возьмет на себя всю вину. Саманте не хотелось ввязываться в эту историю, но, с другой стороны, она мечтала, чтобы эта глава ее жизни поскорее закончилась и можно было двигаться дальше.

И тут вдруг грянули два выстрела подряд, и у нее чуть сердце не выпрыгнуло из груди, а потом еще два. Вроде бы стреляли где-то за хребтом, неподалеку от Серой горы. Она стояла на крыльце и всматривалась в том направлении. Последовал еще один выстрел, так что всего получилось пять, а после этого настала мертвая тишина. Только и слышно было, как стучит ее сердце, и больше ничего. Прошло пять минут, затем десять, пятнадцать. Саманта взялась за мобильник, но связи тут не

было.

Еще через несколько минут из леса показался Джефф, он шел не по тропинке, шагал быстро и нес три рюкзака. Она бросилась к нему навстречу, взяла один рюкзак.

— Ты как, в порядке?

— В полном, лучше не бывает, — ответил он, потом умолк и побросал рюкзаки на крыльцо. Уселся на ступеньку, стараясь отдышаться.

Саманта протянула ему бутылку воды.

— Что случилось?

Он жадно отпил несколько глотков, плеснул остатки себе в лицо.

— Выходил из пещеры и увидел двух хмырей, оба с ружьями. Ну, они потопали за мной, а потом вроде бы отстали или свернули куда. Ну и я нарочно стал шуметь. А они вернулись и стали в меня палить, но промахнулись. И тогда я тоже пальнул, ранил одного в ногу, а другого напугал до смерти.

— Так ты кого-то убил!

— Я просто отстреливался, черт побери! Когда у парней пушки, лучше пальнуть в них первым, иначе они тебя подстрелят. Думаю, с ним ничего страшного не случилось, впрочем, мне плевать. Он заорал, и приятель потащил его куда-то, это последнее, что я видел. — Он отпил еще воды, и дыхание у него выровнялось. — Они вернутся. Готов побиться об заклад, они позовут на помощь кого-то из своих, и те уже в пути.

— Так что же нам делать?

— Сматываться отсюда. Они находились близко от пещеры и наверняка видели, как я туда входил. Но все забрать не удалось. Надо сделать еще одну ходку.

— Но уже темнеет, Джефф. И возвращаться туда тебе нельзя.

Он лишь отмахнулся и пробормотал:

— Надо действовать быстро. — Вскочил на ноги, схватил два рюкзака, указал на третий. — Ты бери вот этот.

Они вошли в хижину, расстегнули рюкзаки, вывалили их содержимое — стопки бумаг — на кухонный стол. Еще в прошлый раз Саманта заметила в углу два пустых кулера. Джефф схватил их, открыл, потом достал из внутреннего кармана жилета черный пистолет и выложил его на стол. Схватил ее за плечи и сказал:

— Вот что, Саманта, слушай внимательно. Как только я уйду, переложи документы в эти кулеры. Там внутри лежит рулон клейкой ленты, замотай их и убедись, что запечатаны они надежно. Я вернусь где-то через час.

— Но на столе пушка, — испуганно пробормотала она.

Он взял пистолет и спросил:

— Когда-нибудь стреляла?

— Ну, ясное дело, нет. И теперь не собираюсь.

— Будешь, если придется. Послушай, это девятимиллиметровый «глок»-автомат. С предохранителя снят, так что готов к работе. Запрешь за мной дверь и сиди здесь, на диване. Если вдруг кто появится и попробует ворваться, выбора у тебя нет, сразу жми вот на этот маленький спусковой крючок. Ты справишься.

— Я хочу домой.

— Прекрати это нытье, Саманта, ясно? Ты сможешь. Мы уже почти все закончили и скоро уберемся отсюда.

Он так и излучал уверенность. Может, это было продиктовано глупостью, бравадой, страстью к приключениям, но он был убедителен, уверен в себе и сумел внушить ей уверенность в том, что она сможет держать оборону. Ведь ему хватало храбрости пойти к Серой горе в темноте, а от нее всего-то и требовалось, что сидеть на диване и держать в руках пистолет. Самое меньшее, что она могла сделать.

Самое меньшее? Да как и зачем она вообще здесь оказалась?

Он поцеловал ее в щеку и сказал:

— Ну, я пошел. Твой мобильник работает? Связь есть?

— Нет. Связи нет.

Он схватил пустые рюкзаки, ружье и вышел из хижины. Она стояла на крыльце, провожая его взглядом, видела, как он скрылся в темном лесу, и покачала головой, дивясь его храбрости. Донован знал, что умрет молодым. Ну а Джефф? Неужели если ты готов к смерти, то тебе легче войти в темноту? Она не знала ответа на этот вопрос.

Войдя в хижину, Саманта осторожно взяла «глок» и переложила его на полку. Потом уставилась на документы и на долю секунды испытала сильное искушение просмотреть хотя бы пару из них. Почему бы и нет после всех этих волнений и споров? Но любопытство быстро прошло, и она принялась складывать их в кулеры. Они едва там поместились, и она уже начала обматывать кулеры липкой лентой, как вдруг в отдалении прогремели два выстрела.

Напрочь забыв о «глоке», Саманта выбежала на крыльцо. Через несколько секунд грянул третий выстрел и раздался неразборчивый крик. Она подумала, что это вскрикнул раненный пулей человек, но поскольку прежде ей не доводилось сталкиваться с подобными ситуациями, полностью уверена в этом не была. С каждой секундой она все больше

склонялась к тому, что ранили Джеффа, что на него напали бандиты, разбойники или кто-то еще.

Саманта двинулась вдоль ручья к тропинке, по которой Джефф шел, прежде чем скрыться в лесу. Остановилась на секунду, вспомнив о пистолете, затем продолжила путь. Документы не стоили того, чтобы за них умирать, не стоило ради них рисковать своей жизнью. Но почему-то она была уверена, что если плохие парни ее схватят, то убивать не станут. Ну, во всяком случае, невооруженную. А вот если она ворвется в лес, паля из пистолета, то и трех секунд не продержится. Да и потом, какой из нее стрелок? Нет, Саманта, пистолеты — это не для тебя. Пусть себе «глок» остается в хижине. Остается вместе со всеми этими погаными документами, и пусть бандиты забирают все. Просто надо как-то продержаться еще один день, а потом — в Нью-Йорк, там ее место.

Она стояла на опушке леса и всматривалась в темноту. Замерла и прислушалась: ни единого звука. Потом тихо окликнула:

— Джефф! Джефф!.. Ты как?

Джефф не отвечал. И вот она осторожно, мелкими шажками, двинулась вперед. И, пройдя футов пятьдесят, окликнула его снова. Сто футов в глубь леса — и ни единого просвета, полянки или вырубки впереди.

Пытаться найти Джеффа или кого-либо еще ночью, в глухом лесу — это было просто безумие. Она не подчинилась его приказу. Она должна была остаться в хижине, запереться там и охранять документы. И Саманта резко развернулась и бросилась обратно к хижине. За спиной что-то хрустнуло, она ахнула от страха. Обернулась, ничего не увидела и еще быстрее зашагала из леса. Подошла к опушке, небо немного посветлело, и примерно в сотне ярдов она увидела очертания хижины. Саманта промчалась по песчаной кромке у ручья, подлетела к крыльцу, уселась на ступеньку и, пытаясь перевести дух, стала всматриваться в темноту леса и молиться о чуде.

Потом поднялась, вошла и заперла за собой дверь. Зажгла фонарь и едва не упала в обморок. Кулеры с документами и «глок» исчезли.

На крыльце послышался шум, чьи-то тяжелые шаги, потом что-то бросили на ступеньку. Пришедший мужчина закашлялся, подергал дверь и крикнул:

— Саманта, открывай! Это я.

Саманта забилась в угол и сидела там, закутавшись в старое одеяло, вооружившись каминной кочергой и готовая при необходимости сражаться

не на жизнь, а на смерть.

Джефф нашел ключ и ворвался внутрь.

— Какого черта?! — завопил он.

Саманта отложила свое оружие и заплакала. Он подбежал к ней и спросил:

— Что случилось?

Она рассказала. Джеффу удалось сохранить хладнокровие, и он произнес:

— Пошли отсюда. Живо! — Плеснул в камин воды, погасил фонарь и запер дверь. — Вот, возьми, — сказал он и указал на рюкзак. Потом забросил себе второй рюкзак за спину, третий повесил через плечо, взял ружье на изготовку. Он вспотел, был раздражен сверх всякой меры и глухо рявкнул:

— За мной!

Словно у нее был выбор.

Они направились к джипу, который тоже скрывался где-то в темноте. В последний раз, сверившись с мобильником, Саманта видела, что было 7.05. Тропинка оказалась прямой, и через несколько минут они вышли на вырубку. Джефф нажал на кнопку пульта, включил фары джипа, затем открыл багажник, и они побросали туда рюкзаки. Заметив в багажнике два кулера, Саманта изумленно выдавила:

— Что? Как это?

— Залезай. Позже объясню. — Они развернулись, Джефф выключил фары, медленно двинулся по гравийной дороге и сказал: — Это базовый тактический маневр. Хорошие парни должны стоять на стреме, контролировать ситуацию. Они знают, что плохие парни наблюдают, идут за ними по следу. А плохие парни не знают, что у хороших парней есть команда поддержки, которая наблюдает и следит за плохими парнями. Вот такой получается замкнутый круг, кольцо безопасности.

— Этому тоже не учат в юридических колледжах, — пробормотала Саманта.

Впереди дважды мигнул желтый фонарик, и Джефф затормозил.

— А вот и наша команда поддержки.

Вик Канцаро распахнул заднюю дверцу, запрыгнул на сиденье. Никаких тебе «привет» или «здравствуйте», только и сказал:

— Отменный ход, Сэм. Почему вышла из хижины?

— Отстань от нее, — бросил Джефф через плечо. — Кого-нибудь видел?

— Нет. Поехали!

Джефф включил фары, и они поехали дальше, на этот раз гораздо быстрее, и вскоре оказались на асфальтовой сельской дороге. Страх постепенно отпускал, на смену ему приходило чувство облегчения. С каждой милей они уносились все дальше от опасности — во всяком случае, так им казалось. Минут пять никто не произносил ни слова. Только Вик невнятно бормотал что-то себе под нос, держа ружье на коленях.

Наконец Джефф спокойно спросил ее:

— Почему ты ушла из хижины?

— Потому, что услышала выстрелы, и еще мне показалось, что кто-то вскрикнул. Я подумала, что ты ранен, ну и запаниковала, бросилась на помощь.

— Что за выстрелы, черт побери? — пробурчал Вик с заднего сиденья.

Тут Джефф вдруг расхохотался. А потом сказал:

— Я бежал по лесу в жуткой темноте и налетел на черного медведя. Просто огромного! В это время года они обычно пребывают в спячке и почти ничего не соображают. А этот шатун вылез из берлоги, тоже мало что соображал, двигался медленно, но был в ярости. Видно, решил, что его хотят выгнать из родного леса, вот и разобиделся и набросился на нарушителя его границ. Я хотел договориться с ним по-хорошему, но он не стронулся с места. Ну и мне ничего не оставалось, кроме как пристрелить его.

— Так ты застрелил медведя?

— Да, Саманта. И еще подстрелил одного человека, хотя, полагаю, он в порядке.

— Ну а если полиция вмешается?

Вик громко расхохотался. Потом опустил стекло на маленькую щелочку и закурил сигарету.

— Здесь не курят, — буркнул Джефф.

— Ладно, ладно.

Джефф покосился на Саманту и сказал:

— Нет, дорогая, ни полиция, ни шериф меня не волнуют, потому что я имел полное право выстрелить в вооруженного до зубов бандита, оказавшегося на моей территории. Это Аппалачи. Ни один коп не станет расследовать, ни один прокурор не будет открывать дело и передавать его в суд, потому что ни один присяжный не признает меня виновным.

— Ну а что все-таки с тем парнем?

— Думаю, его ранило в ногу. Просто повезло. Пуля могла угодить прямо между глаз.

— Говоришь прямо как снайпер-профессионал.

Вик сказал:

— Скорее всего, он явится в травмпункт с какой-нибудь лживой и душещипательной историей. Все забрали?

— Все до последнего листочка. До каждого клочка бумажки, которые столь умело конфисковал мой покойный брат.

— Донован бы нами гордился, — заметил Вик.

Добравшись до городка под названием Биг-Стоуг-Гэп, они подъехали к «Тако Белл»^[32] и встали в длинную очередь из машин. Джефф заказал целый пакет еды и напитков, и, пока он расплачивался, Вик открыл дверь и вышел. А потом сказал:

— Мы направляемся в Бристоль.

Джефф кивнул, словно это и предполагалось. И наблюдал за тем, как Вик открывает дверцу своего пикапа, той самой машины, на которой Саманта в первый раз ездила в долину Хаммер вместе с Донованом.

— Ладно, — сказала она. — Что будем делать дальше?

— Он поедет следом за нами до Бристоля, будет следить, нет ли «хвоста». Ну и потом заберет первую партию документов, которую мы вывезли в прошлую субботу.

— Но ты вроде бы говорил, что девушка Вика беременна и что он не хотел ввязываться в это дело.

— Все так. Она беременна, и они поженились всего неделю назад. Хочешь тако?

— Я бы выпила martini.

— Сомневаюсь, что здесь можно найти заведение, где подают приличный martini.

— А нельзя ли спросить, что в Бристолье и зачем нам именно туда?

— Там аэропорт. Ну и кроме того... Не хотел говорить, но там я тебя и убью.

— Понимаю, до сих пор злишься. Что ж, валяй.

Тут в нос им ударил аромат горячих пирожков, и они поняли, что просто зверски проголодались.

На территории регионального аэропорта близ Бристоля, штат Теннесси, находилось всего пять самолетов. Четыре маленьких, две «сессны» и два «пайпера», казались жалкими карликами в сравнении с пятым, частным реактивным самолетом, сверкающим сигарообразным корпусом. Все огни были включены, трап спущен, машина ждала, готовая к отправке. Еще издали, на подъезде к аэропорту, Саманта, Джефф и Вик

залюбовались этим самолетом. Потом вышли из машин и стали ждать. Через несколько минут трое здоровенных молодых парней в черном подошли к входу в терминал. Им немедленно были переданы документы — в двух кулерах, трех рюкзаках и двух картонных коробках, которые они погрузили на тележку и покатали к трапу самолета.

Один из этой троицы сказал Джеффу:

— Вас хотел видеть мистер Ландон.

Вик пожал плечами и ответил:

— Почему бы нет? Давайте посмотрим на его маленькую игрушку.

— Вообще-то я уже на нем летал, — сказал Джефф. — Всего на какой-то шаг впереди «сессны».

— Ну конечно, ты ведь у нас важная персона, — насмешливо проворчал Вик.

Их провели через пустующий терминал на поле, а потом — к самолету. Джаретт Ландон уже ждал на верхней ступеньке трапа. На лице широкая улыбка, в руке бокал с каким-то напитком. Он махнул им и жестом пригласил в свой «второй дом».

У Саманты в Джорджтауне была подружка, семье которой принадлежал такой же самолет, так что для нее все это было не в новинку. Массивные кресла обтянуты темно-красной кожей, все кругом отделано позолотой. Они уселись за стол, и стюард принял заказы на выпивку. «Просто отправьте меня в Париж на этом самолете, — хотелось сказать Саманте, — а через месяц заберите обратно».

Сразу стало ясно, что Вик и Ландон хорошо знакомы. Пока им готовили напитки, Джефф подробно рассказывал о побеге с Серой горы.

— Может, желаете пообедать? — спросил Саманту Ландон.

— О нет. Джефф уже накормил меня в «Тако Белл». Так что я сыта.

Мартини был превосходный. Джефф с Виком пили «Дикель» со льдом. Ландон сказал, что документы отправят прямиком в Цинциннати, где в воскресенье с них сделают копии. А в понедельник оригиналы доставят самолетом в Чарлстон и передадут в руки федеральному маршалу. Судья согласился поддержать их под замком, чтобы затем, чуть позже, ознакомиться. «Крулл майнинг» информировать об этом не собирались, в компании понятия не имели о том, что происходит. Фэбээровцы отвязались, ну, по крайней мере, на какое-то время.

— У нас есть друзья в Вашингтоне, которых следует поблагодарить за это, да, Саманта? — спросил Ландон.

Она улыбнулась и ответила:

— Возможно. Точно не скажу.

Он отпил глоток, поболтал кубики льда в бокале, а потом спросил:

— Ну и какие у вас планы на ближайшее будущее?

— А почему вы спрашиваете?

— Ну, было бы неплохо иметь еще одного своего адвоката по делу «Крулл». Тем более что вы хорошо с ним знакомы. Донован вам доверял, и его фирма по-прежнему нуждается в больших денежных вливаниях. Есть шанс, пятьдесят на пятьдесят, что в «Крулл» пойдут на попятную, узнав, что документы у нас. Возможно и мировое соглашение, пусть и конфиденциальное. Но если они будут стоять на своем и играть жестко, то и мы покажем зубы и протолкнем это дело в суд. Честно говоря, именно этого мне и хотелось бы — спектакля, грандиозного зрелища, громкого процесса месяца на два, во время которого вся эта грязь вылезла бы наружу. И слушания должны быть открытыми. Ну а затем, конечно, столь же грандиозный вердикт в нашу пользу.

Это напоминало ей Донована. А также Маршала Кофера.

Ландон меж тем продолжал:

— Так что работы у всех нас будет полно, в том числе и у вас, Саманта. Можете присоединиться к нашей фирме в Луисвилле. Можете остаться жить и в Брэйди. Тем более что там у Донована офис. Словом, масса вариантов. И вся штука в том, что вы нам очень нужны.

— Спасибо, мистер Ландон, — вежливо сказала Саманта и отпила еще глоток. Она чувствовала себя не в своей тарелке, и ей это не нравилось.

Вик уловил ее настроение и сменил тему, начал расспрашивать о самолете. «Гольфстрим-V» был последним чудом техники. Практически неограниченная дальность полета, может подниматься на высоту до сорока тысяч футов, иными словами, лететь над коридорами других самолетов. А там царит полная тишина. Когда эта тема наконец иссякла, Ландон взглянул на часы и спросил:

— Может, ребята, хотите, чтобы я подкинул вас, высадил в какой-то определенной точке?

Ну да, конечно, вот они, преимущества владения частным самолетом. Высадить здесь, забрать там. Все что угодно, ребята, все к вашим услугам.

Они отказались, сказав, что у них еще есть дела в городе. Ландон снова рассыпался в благодарностях за то, что они доставили документы, и проводил их к выходу.

Глава 40

В понедельник Мэтти пришла на работу пораньше, и они заперлись у нее в кабинете. Саманта доложила, что документы доставлены, все в целом обошлось благополучно, и если так пойдет и дальше, то через день они будут переданы секретарю суда на хранение. Она умолчала о наиболее красочных эпизодах этого приключения — стрельбе, после которой кое-кто стал хромым, убитом медведе, чудесном и неожиданном появлении Вика Канцаро и распитии коктейлей на борту роскошного частного самолета Джаретта Ландона. О некоторых вещах лучше не упоминать.

Как бы там ни было, документы теперь в надежных руках, и ими могут заняться другие адвокаты. Уж кто-нибудь додумается, как их лучше использовать. Саманта высказала предположение, что ФБР теперь будет держаться в стороне. Даже намекнула, что их расследование может повернуться на 180 градусов и они начнут изучать действия «Крулл майнинг». Нет, пока что на этот счет нет ничего определенного, просто пара слов на эту тему просочилась из Вашингтона.

После смерти Бадди Райзера и драматичной истории с документами жизнь в Центре бесплатной юридической помощи могла вернуться в нормальное русло. Обе они очень на это надеялись. Саманта должна была явиться в суд к десяти утра по делу, никак не связанному с угледобывающей компанией, документами и федеральными властями, и она радовалась тому, что этот день пройдет без особых происшествий. А вот Джефф почему-то болтался возле здания суда, словно знал ее расписание.

— Нам надо поговорить, — заявил он, пока они поднимались по лестнице к главному залу заседаний.

— А я уж надеялась, что хоть какое-то время тебя не увижу, — заметила Саманта.

— Прости, но тут без вариантов. Сколько пробудешь на слушаниях?

— Час.

— Тогда жду тебя в офисе Донована. Это очень важно.

Дон, секретарши, сидевшей в приемной, на месте не оказалась, она временно не работала. Фирма Донована простаивала без дела, кабинеты пустовали и накапливали пыль. Джефф отпер входную дверь, пропустил вперед Саманту. Вошел сам, затворил за собой дверь и запер на ключ. Они

поднялись по лестнице на второй этаж, в так называемую военную комнату, стены которой до сих пор были увешаны увеличенными снимками и вещественными доказательствами, представленными в суде по делу Тейтов. Кругом беспорядочно разбросаны папки, книги и бумаги — свидетельства вторжения и обыска, проведенного здесь ФБР. Саманте показалось странным, что до сих пор никто не позаботился прибрать здесь, навести порядок в комнате. Половина ламп не горели, длинный стол был покрыт толстым слоем пыли. Донована не было в живых вот уже почти два месяца, и Саманта, оглядывая его рабочее место, все эти свидетельства незаконченных крупных дел, вдруг испытала острый приступ тоски. Она недолго знала Донована, но только сейчас поняла, как ей не хватает его дерзкой самоуверенной улыбки.

Они уселись на раскладные стулья и стали пить кофе из бумажных стаканчиков. Джефф взмахом руки указал на помещение и спросил:

— И что теперь прикажешь делать с этим зданием? Брат завещал его мне, и никому оно теперь не нужно. Никак не удастся найти адвоката, который бы взял его в аренду под офис, никто не хочет его покупать.

— Ну, беспокоиться рано, — сказала она. — Красивое здание, рано или поздно кто-нибудь его непременно купит.

— Да уж конечно. Половина красивых зданий на Мейн-стрит пустует. Этот город постепенно умирает.

— Так это и есть то важное дело, которое ты хотел со мной обсудить?

— Нет. Я уезжаю на несколько месяцев, Саманта. У меня есть друг в Монтане, у него там охотхозяйство, вот и собираюсь отсидеться на природе какое-то время. Мне нужно уехать отсюда. Устал от всей этой слежки, от постоянного ощущения, что кто-то дышит в затылок и топает по следу, устал от мыслей о брате. Мне нужен перерыв.

— Что ж, отличная мысль. Ну а как насчет твоей снайперской работы? Видела объявление о вознаграждении, сумму повысили до миллиона баксов наличными. Становится горячо, верно?

Он отпил большой глоток кофе, проигнорировав ее последние слова.

— Буду заскакивать время от времени, приглядывать за имуществом Донована, ну или если вдруг Мэтти что понадобится. Но со временем думаю перебраться отсюда куда-нибудь на Запад. Слишком уж много связано с этим местом разных историй, слишком много плохих воспоминаний.

Она кивнула в знак того, что понимает его, но промолчала. Может, он разыгрывает эту маленькую драму лишь для того, чтоб найти благовидный предлог порвать с ней? Если так, то ей нечего ему сказать. Да, ей нравился

этот парень, но в данный момент она испытала чувство облегчения, услышав, что он уезжает в Монтану. Они молчали, никто не произнес ни слова на протяжении минуты или двух.

И вот наконец он сказал:

— Думаю, я знаю, кто убил Донована.

Последовала пауза, очевидно, он ожидал, что Саманта спросит: «Кто?» Но она прикусила язык, решила пропустить эту фразу мимо ушей. Джефф продолжил:

— Сбор доказательств займет какое-то время. Лет пять, а то и все десять, но я спрячусь в буше и, фигурально выражаясь, буду расставлять ловушки. Им нравятся авиакатастрофы, вот и устрою им еще одну.

— Не желаю этого слышать, Джефф! Неужели тебе так хочется провести остаток жизни в тюрьме?

— Даже не собираюсь.

— Ну да. И потом громкое последнее слово на суде. Послушай, мне пора обратно в контору.

— Понимаю. Прости.

В центре никаких особенных дел у нее не было, разве что ждал обычный для понедельника ленч с сэндвичами и смачными сплетнями, но ей страшно не хотелось его пропускать. Похоже, что у пяти женщин, участвующих в трапезе, установилось неписаное правило: стоит только пропустить ее, и станешь объектом долгого и пристрастного обсуждения.

— Ладно, — сказал Джефф, — понимаю, ты занята. Вернись через пару месяцев. Ты еще будешь здесь?

— Не знаю, Джефф. Но советую выбросить меня из головы.

— Но я все равно буду думать о тебе. Не смогу удержаться.

— Давай договоримся так, Джефф. Я не стану волноваться о том, вернешься ты сюда или нет. А ты не будешь беспокоиться, здесь я или в Нью-Йорке. Согласен?

— Ладно, ладно. Можно хотя бы поцеловать тебя на прощание?

— Да, только руки не распускай.

Саманта вернулась к себе в кабинет, там ее ждали последние новости из Нью-Йорка — электронное письмо от Энди.

Дорогая Саманта!

Старая добрая фирма «Спейн энд Грабмен» развивается невиданными темпами. На данный момент мы приняли на работу уже 17 самых лучших и умных сотрудников, которые сочли мою затею весьма многообещающей и занимательной. Нужны еще

два-три человека. Ты нужна нам! Я уже поработал с группой этих блестящих умов, Ник Спейн поработал с другой группой и, честно признаться, еще не успел до конца во всех разобраться. Но тебя я знаю, знаю, что тебе можно доверять. И ты очень нужна в моей команде, будешь прикрывать мне спину. Потому что кругом, сама понимаешь, полно акул.

Вот тебе полный пакет условий: 1) начальная зарплата 160 000 долларов (немного выше, чем у всех остальных, так что желательно не распространяться на эту тему, нам ни к чему неприятности и недоразумения с самого начала); 2) ежегодный бонус определяется вкладом каждого сотрудника и общей результативностью фирмы (двое партнеров вовсе не собираются делить все доходы только между собой); 3) полностью оплаченная страховка — врачи общего профиля, дантист, офтальмолог (словом, все, кроме ботокса и удаления жира в определенных местах); 4) разработана система накопительной пенсии, включающая, помимо стандартных отчислений, весьма щедрые взносы компании на счета сотрудников; 5) предусмотрена выплата сверхурочных, если сотрудник проработал больше 50 часов в неделю (да, дорогая, это не опечатка: «Спейн энд Грабмен», наверное, первая юридическая фирма в истории, предлагающая оплату сверхурочных, и мы по-прежнему гарантируем 50-часовую рабочую неделю); 6) три недели оплачиваемого отпуска; 7) тебе будет предоставлен личный кабинет с секретарем, которого выберешь по своему усмотрению (плюс к тому, возможно, еще и помощник, но пока что твердо обещать этого не можем); 8) продвижение по службе — нам ни к чему, чтобы сотрудники рвали друг другу глотки в стремлении стать партнерами, поэтому в настоящее время разрабатывается план, одним из пунктов которого станут равные условия для всех, кто проработал в фирме от семи до десяти лет.

Ну как, оценила? И еще: можешь приступить к работе не 1 мая, а 1 июля.

Я жду, дорогая. Мне нужен ответ в течение недели. Пожалуйста!

Энди.

Саманта дважды перечитала послание, затем распечатала его. А потом

вдруг поняла, что устала от Энди и всех этих его сообщений по электронной почте. Нашла свой коричневый пакет с едой и пошла на ленч.

Было уже шесть вечера, когда от Мэтти ушел последний клиент. Саманта топталась у своего рабочего стола, томилась, медлила, выжидала подходящий момент. Потом заглянула к Мэтти и спросила:

— Ты не занята? Может, выпьем чего-нибудь?

Мэтти улыбнулась и сказала:

— Конечно.

Набор напитков в понедельник сводился к диетическим газировкам. Женщины налили себе по бокалу и встретились в конференц-зале. Саманта протянула через стол последнее послание Энди. Мэтти не спеша прочла его, улыбнулась, отложила в сторону и сказала:

— Вау! Вот это, я понимаю, предложение! Просто мечта. Так что, думаю, ты уедешь от нас раньше, чем собиралась. — Улыбка исчезла с ее лица.

— Я не собираюсь возвращаться в Нью-Йорк, Мэтти. Предложение, конечно, выгодное, но сама работа нудная — часами читать, сортировать, анализировать и готовить документы. И сколько бы они ни пытались разнообразить ее и сделать более интересной, им это вряд ли удастся. Я к такому не готова и не думаю, что когда-нибудь буду готова. Я бы хотела остаться еще на какое-то время.

Тут на лице Мэтти вновь появилась улыбка, вернее, намек на нее, и он отражал чувство глубокого удовлетворения.

— А ну, выкладывай, что у тебя на уме.

— Ну, не так давно я была неоплачиваемым интерном. Теперь меня просто засыпают разного рода выгодными предложениями, но ни одно из них не кажется мне привлекательным. Я не собираюсь возвращаться в Нью-Йорк, по крайней мере, в ближайшее время. Не хочу работать на Джаретта Ландона. Очень уж он похож на моего отца. И вообще мне не слишком нравятся адвокаты, которые носятся по стране на шикарных частных самолетах. И работать в конторе Донована тоже не хочу, слишком много с ней связано грустных воспоминаний. Пусть этим зданием владеет Джефф, пусть он числится в платежной ведомости. Но я достаточно хорошо его знаю, а потому предвижу море неприятностей. Стоит ему примерить на себя роль босса, и напряжение будет нарастать с первого же дня. Он опасен, безрассуден, и мне не хочется подпускать его к себе близко, это я ему уже сказала. Да, время от времени мы с ним встречались, но так, валяли дурака, поверь, ничего серьезного. Да и потом, он сказал, что

надолго уезжает из города.

— Так ты хочешь остаться здесь, у нас?

— Ну, если возможно.

— И надолго?

— Должна закончить три дела. Самые главные мои клиенты — это семья Райзер. Я чувствую, что нужна здесь, и не могу вот так просто сорваться с места и уехать. Эти бедные люди слишком уязвимы, и у меня есть основания полагать, что я смогу им помочь. Во всяком случае, буду стараться изо всех сил. Я с радостью занялась бы апелляцией по делу Тейтов, прошла бы весь этот путь от начала до конца. Лайзе Тейт нужна наша помощь. Бедная женщина живет на продуктовые талоны, скорбит о погибших детях. Я хочу выиграть эту апелляцию и отдать ей деньги, она их заслужила. И, кстати, думаю, что отчисления в сорок процентов — многовато даже для Донована. Может, он и заработал эти деньги, но ведь теперь его нет. Ведь это Лайза потеряла своих мальчиков, а не он. Имея такую подборку фактов и вещественных доказательств, почти любой адвокат выиграл бы дело. Думаю, можно будет обсудить это позже.

— Да, я тоже так думаю.

— На втором курсе юридического колледжа нас учили вести дела по апелляциям. Мы излагали свои претензии письменно, а потом выступали и спорили перед тремя судьями — их роль обычно играли преподаватели. Из тех, кто славился своим умением помучить студентов. Вести устную полемику — дело непростое. Тут все имеет значение — пиджаки и галстуки, платья и туфли, понимаешь?

Мэтти улыбнулась и закивала:

— Как же, знаю. Мы тоже так учились.

— Думаю, все студенты, будущие юристы, прошли через это. Я так волновалась, что уснуть не могла накануне. А за два часа до начала заседания мой преподаватель давал мне ксанакс, но и это не помогло. Я была настолько напряжена, что с трудом могла вымолвить первое слово, а затем вдруг случилось нечто необъяснимое. Один из судей ударил по больному месту, сделал язвительное замечание в мой адрес, и я словно взбесилась. И начала яростно с ним спорить. Переходила от одного дела к другому, щелкала их как орешки — все в поддержку нашей позиции — и просто уничтожила этого парня. Я забыла о страхе, была целиком сосредоточена на том, чтобы доказать свою правоту. Ну и мои десять минут пролетели как один миг, и когда я села, то увидела: все на меня смотрят. А мой преподаватель наклонился и прошептал мне на ухо всего одно слово — «блестяще».

Словом, это был один из лучших моментов в моей студенческой жизни, никогда его не забуду. Впрочем, речь теперь не об этом. Я очень хотела бы заняться делом Тейтов, от начала и до конца, довести его до Верховного суда штата Виргиния, представить все устные аргументы, выставить полными дураками и подлецами юристов из «Стрейхорн коул». И выиграть это дело ради Лайзы Тейт.

— Тогда вперед, девочка. Оно твое.

— И все это займет полтора года?

— Ну, примерно так. Но ты вроде бы говорила еще о чем-то?

— А еще я просто хочу закончить дела, которые сейчас у меня на руках. Ну и взять несколько новых, по мере их поступления, и постараться помочь нашим клиентам. Ну и еще очень хотелось бы при этом проводить больше времени в зале суда.

— У тебя хорошая интуиция, Саманта. И талант. Это очевидно.

— Спасибо, Мэтти. Ты очень добра. Ни за что больше не позволю типам, подобным Тренту Фуллеру, унижать и оскорблять меня. Я требую уважения, а его можно добиться только одним способом — заработать. И еще хотелось бы, чтобы, когда я входила в зал заседаний, все парни замирали бы, напрягались и обращали внимание не на мою задницу, а на то, что я говорю.

— Боже мой! Да мы, я вижу, прошли долгий путь.

— Да, прошли. Теперь что касается интернатуры. Если я пробуду здесь еще года два, мне нужна хоть какая-то зарплата. Пусть небольшая, но чтобы было на что жить.

— Я уже думала об этом. Нет, конечно, с тем парнем из Нью-Йорка нам не тягаться, но думаю, что сможем назначить вполне приличную для провинциальной Виргинии зарплату. Мы с Аннет получаем по сорок тысяч в год, и это потолок. Центр может платить тебе двадцать. Поскольку ты берешься за апелляцию по делу Тейтов, могу ходатайствовать перед судом о выделении тебе еще двадцати тысяч из средств Донована. Ну, что скажешь?

— Получается сорок, и это может вызвать кое у кого недовольство.

— У Аннет?

— Да. Пусть будет тридцать девять.

— Что ж, тридцать девять мы можем себе позволить. Договорились.

Мэтти протянула руку через стол, Саманта пожала ее. Потом взяла сообщение от Энди и бросила:

— А теперь пора избавиться от этого назойливого придурка.

notes

Примечания

Инвестиционный банк, некогда один из самых надежных. Обанкротился в сентябре 2010 г., после чего паника перекинулась с Уолл-стрит на все торговые площадки мира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира, обанкротился во время кризиса 2008 г.

Престижный и романтичный район Нью-Йорка.

Сара Пейлин — американский политик, была губернатором Аляски с 2006 по 2009 г.

Этот залив находится в Атлантическом океане, у восточных берегов США, является самым крупным лиманом на континенте.

Персонаж детских комиксов и мультфильмов, одетый в форму лесного рейнджера. Талисман Службы леса в США, предупреждающий жителей об опасности лесных пожаров.

Антракоз легких — профессиональное заболевание, вызванное отложением значительных количеств угля в ткани легких, благодаря чему они приобретают серо-черный цвет.

Фанни Мэй — разговорное название Федеральной национальной ипотечной ассоциации США.

«Голдман Сакс» — один из крупнейших в мире коммерческих банков (до сентября 2008-го — инвестиционный банк).

«Барнис» — магазин высококлассной мужской обуви от производителей США.

Фоллс-Черч — официально независимый город в штате Виргиния.

Cockroach — таракан (*англ.*).

Бурсит — воспаление околосуставной сумки.

Суд Четвертого округа — федеральный суд по рассмотрению апелляций. Находится в Ричмонде, штат Виргиния, его юрисдикция распространяется на Мэриленд, Западную Виргинию, Северную и Южную Каролину.

Равная защита законами — конституционное положение, предусматривающее одинаковое отношение государства ко всем гражданам.

Имеется в виду сайт, содержащий материалы сексуального характера исключительно для взрослых.

Российский аналог этой игры «Поле чудес».

Штрафные убытки (компенсации) — дополнительная сумма компенсаций за ущерб, которая присуждается судом не с целью возмещения потерь пострадавшей стороны.

Имеется в виду герой романов Э. С. Гарднера, адвокат.

Тако — традиционное блюдо мексиканской кухни, кукурузная или пшеничная лепешка с начинкой — мясом, фасолью, овощами.

«Браниф» — американская авиакомпания, основанная в 1928 г.

Фиббис (от Federal Bureau of Ineptitude) — Федеральное бюро глупых выходок (сленг), так называют в США ФБР.

Бозо — популярный в США образ клоуна.

День поминовения — официальный праздник США, учрежденный в память о погибших во всех войнах.

Храмовники — члены американского тайного братства, основанного в 1994 г. Их деятельность включает развитие дружеских связей между членами организации, заботу об их здоровье и благосостоянии и благотворительность.

Рой Роджерс (1911–1998) — американский актер и певец, снимавшийся в популярных вестернах.

«Бич-бонанза» — американский легкий самолет общего назначения, выпускается с 1945 г.

Pro bono — на общественных началах (*лат.*).

Агорафобия — боязнь открытого пространства и скопления людей.

Фэйт Хилл — американская кантри-певица, обладательница премии «Грэмми».

«Как Ты велик» — христианский гимн XIX в.

«Тако Белл» — международная сеть ресторанов быстрого питания мексиканской кухни.